

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(98)**

МОСКВА 2015

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2015. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров;
д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
С.С. Нина, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2015 г.

Содержание

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

О концепте России

(актуализация концептуального управления в Российской Федерации) 9

Н.Б. Шулевский

Образование и философия в педагогике Ломоносова 20

И.Р. Бугаян

Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение
и необходимая для вырыва к развитию мера 29

В.И. Корняков

Природа и экономика: независимо ли социальное от естественного 36

Я.В. Григорова

Проблема труда в философии постопераизма 46

Э.Л. Доржиева

Экономика и секулярная этика: аспекты взаимодействия 50

О.В. Бервено, В.В. Броницкая

Ноосферизация духовного производства как условие становления нового
качества жизни 53

Т.И. Коптелова

Унификация — основа глобальной экономики или самоуничтожение
человечества? Ответ с точки зрения евразийской философии истории 64

А.А. Козлачков

«Третье общение» в софиологии С.Н. Булгакова 72

М.Р. Эляян

История философии хозяйства: синтоистская метафизика хозяйства
и ГМ-культура 82

А.Ю. Горбачев

Социальный прогресс 96

В.Н. Прончатов

Отношения распределения и научная картина мира 100

Раздел II

Актуальная философия

Ф.И. Гиренок

От техники к нооинженерии 111

С.В. Синяков

Философия в истории 116

А.Р. Геворкян

Философия истории К. Маркса как перевернутая форма теологического
сознания 130

В.П. Океанский

Философия имени в наследии кремлевского хозяина 143

Н.Н. Ростова

Сознательное и бессознательное в религии 153

Д.Л. Родзинский

Любовь как механизм перехода бытийственного состояния человека
в небытийственную красоту 159

Раздел III

Экономическая теория

И.Е. Рудакова

Проблемы экономического роста: роль ресурсных и нересурсных факторов 169

К.В. Молчанов

Политэкономия идеи новых экономических технологий 185

Т.В. Гудкова

Социальный капитал как фактор социокультурного и экономического развития общества 197

Л.Ю. Андреева, А.В. Андреева, В.Г. Буряков

Новые финансовые и маркетинговые инструменты поддержки кредитной активности российских коммерческих банков 204

Г.А. Маслов

Естественный отбор vs закон сохранения энергии как естественнонаучные основания экономической теории 210

З. Заре

Исследование механизма внутренней торговли Ирана 219

Раздел IV

Российский антикризис

А.И. Колганов

От альтернативных средств выхода из кризиса — к поиску альтернативных целей 229

П.В. Павлов

Контурь антикризисной экономики России 234

И.Г. Шевченко

Как нам организовать Госплан 245

Л.Ю. Андреева, О.Т. Джемаев, М.Л. Сомко

Новые задачи в системе подготовки и переподготовки специалистов российских компаний 248

Раздел V

Рецензии и отклики

Ю.М. Осипов

Огненный прорыв (беглые заметки о русской философии и Н.Б. Шулевском) 257

Ф.И. Гиренок

Философия живописи Пауля Клее 262

Юр. Михайлов

Городок (недоуменная реплика) 266

Научная жизнь

С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына

Экономический неолиберализм в мировой и российской практике 273

Е.С. Зотова

Постмодернизм: от культуры к антикультуре 276

Наши авторы 299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

On a Concept of Russia (Updating of Conceptual Management in the Russian Federation)..... 9

N.B. Shulevsky

Education and Philosophy in Pedagogics of Lomonosov..... 20

I.R. Bugayan

The State and Private Business in Russia: Ratio and Measure, Necessary for a Outbreak to Development..... 29

V.I. Korniyakov

Nature and Economy: Regardless Whether the social from the Natural 36

Ya.V. Grigorova

Work Problem in Postoperaizm Philosophy 46

E.L. Dorzhiyeva

Economy and Ethics: Interaction Aspects 50

O.V. Berveno, V.V. Bronitskaya

Noosferization of Spiritual Production as Condition of Formation of Life New Quality..... 53

T.I. Koptelova

Unification — Based Global Economy or the Self-Destruction of Humanity?

The Answer from the Point of View of the Eurasian Philosophy of History 64

A.A. Kozlachkov

Third Society with S.N. Bulgakov's Sophiology..... 72

M.R. Eloyan

Philosophy of Economy History: Sintoistic Metaphysics of Economy and GM-Culture..... 82

A.Yu. Gorbachev

Social Progress..... 96

V.N. Pronchatov

Relations of Distribution and Scientific Picture of the World..... 100

Part II

Actual Philosophy

F.I. Girenok

From Equipment to a Neoengineering 111

S.V. Sinyakov

Philosophy in History 116

A.R. Gevorkyan

K. Marx Philosophy of History as the Reverse Form of Theological Consciousness..... 130

V.P. Okeansky

Name Philosophy in Heritage of the Kremlin Owner 143

N.N. Rostova

Conscious and Unconscious in Religion..... 153

D.L. Rodzinsky

Love as Mechanism of Transition of the Bytiystvenny Condition of the Person to Nebytiystvenny Beauty 159

Part III	
Economic Theory	
<i>I.E. Rudakova</i>	
Problems of Economic Growth: the Role of Resource Factors and the Other Factors	169
<i>K.V. Molchanov</i>	
Political Economy of Idea of New Economic Technologies	185
<i>T.V. Gudkova</i>	
Social Capital as a Factor of Socio-Cultural and Economic Development of Society	197
<i>L.Yu. Andreeva, A.V. Andreeva, V.G. Buryakov</i>	
New Financial and Marketing Instruments of Credit Activity Support of Russian Commercial Banks	204
<i>G.A. Maslov</i>	
Natural Selection vs Law of Energy Conservation as Natural-Science Bases of the Economic Theory	210
<i>H. Zareh</i>	
Investigation of the Mechanism of the Internal Commerce of the Islamic Republic of Iran	219
Part IV	
Russian Anticrisis	
<i>A.I. Kolganov</i>	
From the Alternative Facilities for Overcoming the Crisis – to the Search of the Alternative Goals	229
<i>P.V. Pavlov</i>	
Contours of Anti-Recessionary Economy of Russia	234
<i>I.G. Shevchenko</i>	
How We must Organize National Planning Center	245
<i>L.Yu. Andreyeva, O.T. Dzhemayev, M.L. Somko</i>	
New Tasks in a System of Training and Retraining of Specialists of Russian Companies	248
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Fiery Outbreak (Cursory Notes about the Russian Philosophy and N.B. Shulevsky)	257
<i>F.I. Girenok</i>	
Philosophy of Painting of Paul Klee	262
<i>Yu. Mikhaylov</i>	
The Town (Puzzled Remark)	266
Scientific Life	
<i>S.S. Nipa, T.S. Sukhina, T.G. Trubitsyna</i>	
Economic Neodirigism in a World and Russian Practice	273
<i>E.S. Zotova</i>	
Postmodernism: from Culture to Anti-Culture	276
Our Authors	299

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**О концепте России
(актуализация концептуального управления
в Российской Федерации)**

Аннотация. Можно ли сегодня говорить о концепте России, а если можно, то каков он? Важнейший для самоопределения России вопрос, как и для реализуемого в стране концептуального управления.

Ключевые слова: концепт, концепция, концептуальное управление, Россия, философия хозяйства, управление, дирижизм, геостратегия.

Abstract. The article is devoted to the concept of Russia and its specifications today. The author investigates the major for self-determination of Russia a question, as well as for the conceptual management realized in the country.

Keywords: concept, conceptual management, Russia, philosophy of economy, management, dirigism, geostrategy.

Концепт — целостное и целеположенное средоточие взаимообусловленных мыслей, идей, смыслов. Концепт может быть познавательным, отразительным, разъяснительным, но может иметь руководящее, ориентирующее, конструирующее значение. Концепт вбирает в себя в отжатом виде разный интеллект-продукт, служа ему хранилищем, очагом и мастерской, и испускает из себя необходимые для контекста интеллект-блага. Концепт — метафизическая основа бытия чего-либо из явленного, существующего, феноменального, его развития, возникающих в нем перемен, всей его экзистенции, всей его судьбы. Концепт — вещь (от вести) необходимая, хотя и не всегда тщательно проработанная, а тем более — добротной сформулированная, но всегда и действенная.

Любой исторический субъект — «оконцептуален», он снабжен так или иначе своим концептом, пусть и не слишком явным и не всегда ясным в немалой своей части и намеренно конспиративным, мало того — вынужденно трансцендентным. Концепт — не математическая формула, не выверенная раз и навсегда инженерная конструкция, это всего лишь сгусток метафизической информации, выраженный в словах, понятиях, образах, но также и... *ничем*, как раз тем, что стоит за словом, за понятием, за образом и соотносится лишь с воображением, интуицией, чутьем.

Вот, к примеру, старорусские концепты, точнее, их символические «имиджи»: Святая Русь, Третий Рим, Российская империя («Православие, Самодержавие, Народность»). Кратко, но емко, по каждому возможны всяческие трактования, расшифровки, пояснения. Однако — *концепты!*

Или у большевиков — тот же СССР! Это ведь тоже концепт, хотя в нем ни собственно союза, ни буквальных советов, ни действительного социализма, ни фактических республик, а попросту... Сталинская империя!

Каждый такой концепт не просто условен, лозунгов и символичен, он несет в себе и какую-то рекламность, привлекательность с притягательностью, доверительность. И обязательно загадку! За внешней стороной концепта, его брендовостью, непременно стоит кое-какая суть, не выражаемая напрямую представительным высказыванием, но так или иначе всегда лишь подразумеваемая. Любое такое высказывание может быть развернуто в содержательный текст, немало сопряженный и с за-текстьем, что сделать бывает совсем не просто.

Тот же «СССР» уже несет большую смысловую, идейную и размыслительную нагрузку: что значит «союз», что — «советских», что — «социалистических», что «республик», ежели нагрузка эта смысловая очень мало имеет отношения к самим используемым словам. Да и «Сталинская империя» не слишком красноречива, ибо это все-таки более шифр, чем какое-то содержание, которое лишь подлежит раскрытию вплоть до его... нераскрытия!

Любой концепт — вещь вовсе не простая, а сложная, насыщенная содержанием, весомая, это, к примеру, не та же конституция, ибо текста показного концепты, как правило, не имеют, но зато может иметь под собой много темного, скрытого, конспиративного, попросту говоря — невыраженного, подразумеваемого, потаенного.

Каков, допустим, концепт тех же США? Да, «либеральный гуманизм — управляемая демократия — экономическое предпринимательство». Это для США всех времен, — разумеется, без упоминания об эксплуатации человека человеком, о разделении на успешных господ и неуспешных работников, о том же черном рабстве. А вот для новейших США надо бы непременно добавить: «либеральное по духу, но насильственное по форме планетарное миссионерство — ведущая роль в мире — всемирный безоговорочный дирижизм», — разумеется, без упоминания об империализме, общемировом жандармстве, всестороннем, вплоть до военного, насилии на пространствах планеты. Хочешь-не хочешь, а *новый Рим*, замешанный на *обновленном Карфагене!*

Или тот же Китай! О-о, тут уже не концепт, а концептище, обеспечивший тысячелетие китайского бытия, да так, что никто ничего и понять-то не может — ни в феномене Китая, ни в житии его, ни в концепте! Тут тайна великая есть — за семью, знаете ли, печатями! Одна-

ко кое-что сказать все же можно: «движущаяся неподвижность — стойкое ожидание — неожиданность шанса». Это, конечно, не все: «Все само идет: покой, буря, перемена, все само же и приходит: цель, средства, результат». Фатализм? Возможно, но непременно китайский: выжидательный, продуманный, расчетный! Если США ныне это как бы «Рыкающий Лев», то Китай всего лишь... «Тигр в засаде»!

Концепт США — концепт чистой Европы, освобожденной от тенет европейской традиции. США — европейская Новь. А вот Европа ныне... э-э... это не что иное как «прощание с собою»: на место многообразной исторической Европы идет внеисторическая Единая Европа, освобождающаяся уже даже и от нововременской Традиции, но... в отличие от США... вполне жертвующая собой. Европа-мать, породившая сына — США, идущая теперь за более сильным и амбициозным сыном, отрицая себя саму!

Вот она, непредвиденная никем мистерия агрессивного бытия!

А каким же был концепт старушки-Европы? Христианско-антихристианский, гуманистический, имперо-колониальный (синтез Рима и Карфагена в многосубъектном исполнении и разнообразном обличе). А сейчас — уже молодящейся Единой Европы: «секулярность — антигуманизм — единая фантомная имперскость». Европа явно уже последних времен! Это даже не закат Европы, как было замечено на рубеже XIX—XX вв., а ее явное закатывание, ежели вдруг похищение Европы, то уже... ее остывающего трупа! Кто ее, бедную, закатывает? Сама же Европа под водительством и присмотром своего сыночка — США. А кто ее неспешно похищает? Да все они же, сама Европа и ее же США! А все почему? Из-за уже включенной в организме Европы и тех же США постмодерновой программы самоуничтожения!

А что Россия? Почувяв запах евроамериканского тления, Россия отшатнулась от Запада, — и пошла, шатаясь и озираясь, искать свою дорогу под гром растерянных, вьедливых, украинских пушек.

А дорогу свою России не найти без своего же концепта. Вот и стоит перед Россией задача обретения своего концепта, да не через заимствование его извне, как это было при Рюрике, Владимире Святом, в Смутное Время, при Петре Великом, при тех же большевиках, не говоря о нынешних глобо-либералах, а посредством выработки и в самом деле *своего* концепта, примерно так, как это случилось для СССР при Сталине, но с той разницей, что Россия тогда была все-таки отодвинута на периферию выбора, а сегодня она уже прямо в его центре.

Россия, конечно, не свободна от своей генотипики, как и не свободна от давящих на нее обстоятельств и своего нынешнего кризисного состояния. Но зато она более или менее свободна в *импровизации*, что важно не только для работы над собой, своим концептом, но и для решения важнейшей концептуальной задачи в эпоху неконцептуально-

го (!) Постмодерна, вовсе не обошедшего России. Ясно, что в западный Постмодерн Россия с головой попадать никак не хочет, но вообще пренебречь Постмодерном она тоже уже не может. Сегодня весь мир весьма импровизационен, все мировое бытие, вся история, мало того — кругом полно симулякров, фикций, фантомов, призраков, трясин, пустот. И ежели уж концепт, то всему этому перечисленному как-то соответствующий, все это постмодерновое учитывающий, хотя бы для противовеса ему, противоборства с ним, известного его отрицания и даже преодоления.

США сегодня явно на пике мира, Европа — на его вершине, Китай — в сердцевине. А где Россия? Первое, что приходит в голову — на периферии мира. Но это приходит только в неумную антироссийскую голову, а вот в умную пророссийскую голову приходит кое-что иное: Россия ныне... *в центре мира*, хотя она и *не* центр мира, по крайней мере — пока!

А как Россия туда — в центр мира — вдруг попала? По произволению Господнему, конечно, но мы бы сказали, не гневя Всевышнего — по произволению Великого Неизвестного, которому зачем-то понадобилось сдвинуть Россию именно туда — в центр мира. Смотрите сами: планетарный мир в идейно-духовном плане вдруг весь завертелся в 2014 г. вокруг России — *весь!* включая и США с Европой, и Китай с Индией, и Бразилию с Ираном, и... о-о... Украину с той же Польшей, Прибалтику с Грузией, даже и Казахстан с Белоруссией, не говоря о тех же Армении, Киргизии или Турции. Ничего себе! Как это вообще могло случиться? А никак! Всегда ведь случается самое невероятное, и всегда почему-то внезапно! А все почему? Всего лишь потому, что решается-то не здесь, в сем мире, а там — в мире ином, где ведь никакой логики, а лишь одна *метамысль* — вот, собственно, и все!

Что ж, США у нас вроде бы Рыкающий Лев, Китай — Тигр в засаде, на Европу же можно навесить что-то вроде встревоженного Рейнке-Лиса, а на ту же нынешнюю (про- и постмайданную) Украину не более и не менее, как Обезьяний переполох, — а вот что при всем при этом более всего подходит нынешней России... правильно... не что иное, как... Медведь-шатун!

А разбудил шатуна заокеанский львиный рык, аранжированный неохотным лисьим лаем и охотным обезьяньим ором, — и выудил медведя из берлоги, и очутился наш шатун вдруг... прямо в центре мира, сам того не желая, и задумался недоуменный и недовольный: за что же на него такая напасть, если не жестокая кара?

Не хотел медведь ни о чем таком думать, а теперь вот приходится: и концепт приходится ему строить, когда строить-то ничего по сути нельзя — ни фундамента прочного, ни возможности жесткой на нем конструкции, ни даже уверенности в правоте своей — всё зыбко, всё колеблется, всё то сбегается, то разбегается, всё ноет, воет и трещит!

Не мир ведь теперь, а мир-симулякр, да еще мир-война, с которым одни лишь беспокойства и разочарования, а тут... концепт!

Уже, наверное, вовсе не матричный, во всяком случае — не одно- и не едино- матричный. И если уж без матрицы никак не обойтись, то тогда уж с сонмом матриц, то бишь не с матрицей какого-то там концепта, а с матрицей сразу ряда концептов, их, так сказать, кластером, или с матрицей концептуальных матриц, а ежели по-простому, то с неким все время изменяющимся набором неустойчивых, но сохраняющих свою направленность концептов-матриц.

Время тоже — непостоянное. Переменчивое, импровизационное!

И ежели уж установки, то такие, чтобы не впадать в концептуальную догматику и в функциональный ступор, как это случилось, к примеру, с СССР в застойные брежневские времена.

Быть всегда на стреме перемен, или, лучше сказать, на переменчивом стреме.

На что же сегодня может сподобиться наш Медведь-концептуалист? Рано или поздно, но из Медведя-шатуна выйдет Медведь-хозяин с потребным ему здоровым концептуализмом. Каким же?

Перво-наперво трехчленка: «Русь — Москва — Россия». Русь (она же русский мир, русскость) — ядро, корень, столп; Москва — центр, точка схождения и расхождения, скрепа; Россия — мир, стан, держава (она же и империя).

Поскольку Россия в планетарном мире, и у нее есть свое в нем место, то выходит и второй смысло-знаково-символический ряд: «Самостояние — евразийность — центр мира (мироцентровость)». Незамедлительного разъяснения здесь требует, само собой разумеется, это наглое «центр мира». Что это за центр? Нет, не властный вовсе и вообще не управленческий, как у тех же США; не рационально-умственный, как у Европы; не трудо-производительный, как у Китая. Нет, нет и нет! Но и не духовный, как у Индии или того же Тибета. Здесь что-то совсем другое: Россия — центр чего-то *Иного!* Чего же? Нет, не отличного от чего-то другого, а именно иного — того, чего нет, никогда не будет, но... случиться-таки может! Шамбалы? Нет, не Шамбалы, а просто того, чего нет и не будет, но к чему надо-таки идти! Россия — чрево, «черная дыра», колодезь, но при этом и лоно, и очаг, и кладезь. Кладбище разных идей и концептов, но и их кладовая. Сокровенная сокровищница; прикровенное сокровение; укроемое откровение. Россия — *тайна!* Но тайна реализующаяся, действующая, работающая. Россия не хочет — а исполняет, не живет — а тащится, не наслаждается — а страдает. *Миссия!* Но миссия не формулируемая, ибо она не от Логоса и нелогосная, а от Софии и софийная, однако не менторская и не образцовая, а... *ужасная!*

Ну и что из этого? А то, что в России идет скрытая работа по вбиранию, осмыслению, перевариванию и выbleвыванию всего земного,

придуманного, восхитительного, возбудительного, убийственного. Ничего *такого* России не нужно и ничто *такое* в России не задерживается. Россия на прямой связи как с небесами, так и с преисподней. Россия — *бездна*! Как раз аналогичная той, из которой все на свете и вышло. А для планеты-то что, эта Россия? Какой-такой центр? А вот тот самый — *правдианский* (веритабельный)! Только в России и из России... *правда*! Посреди большой и неумной лжи Россия всего ближе к Христу и Иоаннову «Откровению», что не значит, что более всего она христианская. Россия, может, не так уж и христианская, но вот зато она явно... Христова, причем не так софианская она, как *софийная*. Ведь только в России родилась *софиасофия*, что вовсе не софиология и не «софиасизация», а всего лишь контакт с Софией — для России не очень то и лицеприятный!

Россия — *софийный центр мира*! Хочешь знать правду — прямоком в Россию! Какую же правду, кроме софийной и апокалиптической? О-о, много «хочете», господа, ибо от правды этой худо сразу любому станет, а потому лучше помолчим, следуя заветам угрюмых *софийных мудрецов*. София может переходить в Логос, да вот Логос не может передать собою всей России! Вот почему и нам лучше, убедительно умолкнув, промыслительно помолчать!

И что же тогда принять нам за действенный концепт России, точнее, ее концептуальный кластер? Что-что... конечно же... матрешку, эту замечательную фрактальную вещь-вещицу-вестницу! В нижеследующей, примерно, экспозиции.

Внутри матрешки никому не известная *идея России* («Умом Россию не понять!»), сопряженная с Софией, Иным и Трансценденцией, что позволяет Идее быть, твориться самой и творить собою Россию — неопределенную, незаконченную, несовершенную (в аде, через ад, вопреки аду).

Далее в чудо-матрешке следует первая, главная и непрерывная жертва Идеи — русскость, а вместе с нею и русский мир, Русь, — уже не как идея, а как ее реальное воплощение в действительном метафизисе, включая сознание, ноосферу, язык, культуру, самого человека, его страну. Не нравится, ах, как не нравится, и даже очень многим не нравится — вплоть до откровенной антиРоссии, не говоря уже о сокровенной, но что поделывать — куда России от Руси, русского мира, русскости?!

Есть она — русскость, и все тут! — почти не формулируемая, но зато неплохо при случае понимаемая, а иной раз и горячо, поносимая. Не знаем что, а есть; явно что-то есть, а что, увы, не знаем! Какой-то синтез из арии, гипербореи, скифии, славянии, угрофиннии, тартарии, монголии, не без примеси со стороны хазар, варягов, византийцев, степняков, тевтонов. Сложнейший этно-культурный продукт, однако местный, корневой, дрéвовый. Исконный, из доистории, глубоко исто-

рический. Древний! Не так уж и важно, откуда и чье исходно здесь имя, — важно другое: такого больше на свете нет, и это ни у кого не перенимешь, хотя каждый явившийся в русский мир извне непременно обрусевает и это в себе с напряжением или без оно, но несет.

За Русью в матрешке следует, естественно, Россия — многоэтностная, много-конфессиональная, многоми́ровая. Имперская, конечно! Империя для себя, внутри себя, ради себя. Без имперальности никак ей нельзя — тогда не будет и самой России. Либо Россия, и она — *Империя*, либо ни империи, ни России. А Россия — большой, специфический. Евразийского становления и пребывания, росо-разнообразного воплощения *мир*. Сторона, часть, доля Земли! По-своему и часть космоса, его, так сказать, вовсе не последняя партия.

Проект России, который сидит в России, в ней реализуется, ее ведет, ею жертвует, ее и выручает — проект не страны, не государства, ни цивилизации, хоть все это и есть, — это *проект мира, земно-космического мира* — особенный, беспримерный, альтернативный! Дыра-то дыра, эта Россия, но в то же время и... чрево... со всеми своими потрохами и выбросами — смыслов, мыслей, идей, ну и концептов тож! И заметим: вовсе не евроамериканских, хотя в чем-то с ними и схожих! Очень важный момент, на который мало обращают в России внимания, а ежели и обращают, то лишь ради негодования на нее — непутевую, а то и презрения к ней — бестолковой!

Величайшее достояние России, ее благо, ей дар и ее достоинство, как раз в ее тесной связи с Великой Неизвестностью, настолько безупречной связи, что, во-первых, Россия не такая как все — она *несушветная!*; во-вторых, она неуловимая — ни мыслью, ни расчетом, ни, тем более, руками; в-третьих, она не слишком ценит прошлое (кроме своего выживания в нем), не лелеет настоящее (которое для нее всегда не особенно привлекательно) и открыта для будущего, вполне и необыкновенного (не в плане обретения возможного благополучия, конечно, а всего лишь... чаемого Россией Иного); в-четвертых, никак не *программируемая*; в-пятых, способная к непредсказуемой импровизации.

Проект России — вовсе никакой не проект, — она его и не знает, а ежели и проект, то некий самопроизвольный проект, который вроде бы есть, но которого при этом и нет!

Чрезвычайно важное обстоятельство!

Россия открыта для *самопроектирования*, которое больше «куда вывезет», чем сколько-нибудь осознанное намерение. Все исторические попытки навязать России какой-либо проект (рюриковский, византийский, ордынский, европольский, греческий европетровский, большевистский, сталинский, глобалический) кончались ранним или поздним крахом.

С одной стороны, Россия и впрямь не проектируема, а с другой — ее проект, ежели есть, не подлежит ни огласке, ни формулированию, ни намеренному исполнению. Россия привержена не планам, а «ходу» — людей, «вещей», неизвестности, как раз тому, что идет «само собой».

Концепт России загадочен и не склонен к улавливанию и расшифровке. Его надо не знать, а чувствовать, и, следуя ему, — импровизировать. Да-а, такая вот страна-мир — Россия, которая не Европа и не Азия, как и не Евразия, она даже и не... Россия, но не потому что и впрямь не Россия, а потому что Россия — *тайна!*

И что же сегодня? Какой концепт... без концепта или все-таки концепт, но... э-э... законспирированный, что ли... *антиконцепт?*

Тут нужно уяснить одну своеобразную смысло-практическую вещь (от вести): все концептуальное и действенное сходится в России так или иначе к одному сакральному слову — *Россия!* Чем больше России в России — тем лучше! Не отрицать Россию надо, а всячески привечать; не любить горячо, а стoisически признавать; не глядеть безучастно на Россию, а в ней разнообразно и творчески участвовать.

«Россия» и есть весь сконцентрированный в точку концепт России!

Будучи обширной и структурно диссипативной (распределенной, сетевой) *империей*, Россия не может обойтись как без высшего центрального руководства во главе с верховным правителем («царем»), так и подотчетного высшей власти местного империяльного управления, сочетающегося с представительским (но уже не вечевым) народо-властием. От всех субъектов — действующих лиц исходит *служение* империи, даже от частных свободных предпринимателей и независимых-де корпораций. Все это в рамках имперского, но вовсе не тотального, *дирижизма* — многоуровневого, многостороннего и многочисленного. Согласование, солидарность, соборность! Общее всегда выше и значимее частного! Общее дело — для всех, а дело каждого — состоять осознанно или ненароком в общем деле!

Опять скажут нам, все это не то сказки, не то анахронизмы, не то благоглупости. И правильно скажут, если не учтут, что Россия таки выходит уже на нечто подобное, отвергнув совсем недавно сталинский жесткий тоталитаризм, а сейчас преодолевая тоталитаризм лукаво-либеральный. Худо-бедно, но Россия идет по пути концептуального баланса (динамичного, вариативного, импровизационного) между центральным властвованием и частно-локальной инициативой. И слава богу, что нынешняя Россия ничего в себе не кристаллизует, оставаясь если и не свободной, что невозможно, то все-таки привольной, что более или менее ныне уже явлено. Да, тут же рядом бытуют *произвол* и *деспотия* тоже, а при их излишестве вступает в дело имперская *мобилизация* с уместной для нее *опричниной*. А потому лучше всего *стой-*

кое импровизационное служение, причем без кнута и без пряника, а всего лишь с осознанием правильности и неизбежности сего образа действия и жизни — подданных империи!

И вот тут встает проблема господ-угнетателей и подневольников-трудящихся. Теперь на переднем крае не помещики-дворяне и даже не капиталисты-миroeды, а... банки (точнее, точнее, вся финсистема). Факт! Против всякого пореформенного уродства лишь одно оружие — постреформенное исправление. Коли сделает это империя, реализовав масштабное и всестороннее *перестроение*, то сохранится и продлится Россия, а если не сделает — новые в стране потрясения, возможно, и летальные. Финансовый вопрос ныне — то же, примерно, что в прошлом земельный, а в недавнем прошлом (советском) — лично-доходный, так что оставайся начеку, Империя, и действуй, и все будет... нет, конечно, вовсе не так уж и хорошо, но зато... *приемлемо!*

Несколько слов о нынешнем имперском управлении. Нет, конечно, не любо (по-казачьи), хотя и не худо (уже по-русски). Хорошо уже, что без крайностей, а ежели и с колебаниями, то по курсу — российскому, господа, — *российскому!* Много чего хотелось бы, да еще и немедленно, да вот бытие с историей идут по-своему, да и Верховный действует, исходя из разных соображений, из которых наши с вами чаяния не на первом, хоть, возможно, и не на последнем, месте. Опять же тут необходимая конспирация, игровое мастерство, Макиавеллиева маета! Мало того, что Россия со своим концептом — тайна, так ведь и концепт текущего управления тоже ведь тайна, да и сам главный управляющий — тайна, да еще какая! И правильно: никто не то что из врагов, но даже из доброхотов российских не должен ничего не то что знать, но и понимать. Остается доброхотам и врагам лишь догадываться: кому со страхом, кому с воодушевлением, а если кто ко всему этому с высокомерным безразличием, так кому же он такой нужен, — история ведь, без таких как раз и обходится!

Ах, Россия, Россия — объект приязни и отвращения, любви и ненависти, служения и измены, — но ведь это жизнь, господа, в которой не то что не скучно, а чертовски даже занимательно! Не Обломов со Штольцем, не Раскольников с Павкой Корчагиным, а реальные Сергей Радонежский, Скобелев и Королев — вот герои двигающейся вперед России, разумеется, с новыми именами, но ведь и с делами тоже!

Говоря о текущей России, мы, заметив ее весьма странное и неожиданное положение в центре мира, изрядно прошли по ни в чем не виноватой и ничего плохого не подразумевающей стране, обнаружив «правдианский» смысл такого вот ее «мироцентрирования». Не хотела, а оказалась! И все потому, что решила вдруг улизнуть из-под западной (заокеанской) опеки и выйти на реально суверенный путь своего бытия, да еще и русский мир взять под защиту, пойти на его воссоединение (возврат Крыма, поддержка Донбасса). А это по законам звериных

империальных стай недопустимо (медведь-то хоть и семействен, но ведь автаркичен). Вот стая и набросилась на Россию-медведя изгнав ее-его из своих пределов (правда, шатун сам покинул «восьмерку», да и «двадцатку» фактически тоже) и двинувшись на нее-него войной (не холодной и не горячей, а... удушающей!).

Война эта и сделала из России центр мира, однако уже центр *сопротивленческий*. Чему? Великой мировой неправде! Ой, ой-ой! Это уже не борьба за независимость и самостоятельность, а нечто совсем другое (мюнхенские речи, Сирия, украинский вопрос, санкции, угрозы, проклятья). К правде мира добавилась борьба за правду, на что медведь особенно и не рассчитывал. Однако случилось, ибо случается обычно самое невероятное, и всегда почему-то внезапно!

Присмотримся к России как к центру мира, на самом уже деле в центре этом вдруг оказавшейся и действующей. Нет, не властный тут вовсе центр, не управляющий, но и не нейтральный!

Всмотримся попристальнее!

Так, Россия явно сейчас в центре, пусть и оспариваемом, того же евразийского интеграционного процесса. Никем она не командует, никого не строит, никем не управляет, а лишь в центре... *процесса*. А как иначе? Казахстан вроде бы инициатор, Белоруссия — анфан террибль, а Россия... э-э... матка, очаг, ось, вокруг чего всё и движется. У кого мощь, история, опыт, оружейный щит, тот и в центре — *событий* и *ситуаций*. Что не исключает и... подножек — война ведь! А Россия как раз в центре этой войны. Не понимают «братья», что без России они просто никто — пустота! Как та же Украина, которая уже не совсем Украина, а остаться ей Украиной совсем не так уж теперь просто. Война ведь!

Да, Россия в центре... и мировой войны! И не надо ни громко охать, ни закатывать выразительно глаза, ни вылуплять причудливо очи, ни сдавленно ахать: на просторах мира идет война, в частности война с Россией. Россия в войне! Факт! И в центре мира! Быть миру или не быть, и какому — ежели быть? Удастся ли России, попав в планетарный переплет вывернуться? Кто ж из смертных это знает? Всё ведь в руцех Божиих!

Однако Россия, хоть и одна, но не одинока. Есть БРИКС, есть сочувственники на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в Латинской Америке, в Африке. Весь мир теперь в войне, хоть и не все пока об этом знают, но не весь мир в войне с Россией, с которой воюет задетый ею за живое Запад; однако идет война и с... Западом, ибо мир западный не хочет своей западнизации, как и того же имперо-колониального господства над планетарным миром со стороны тех же США.

Все внимание сегодня к войне, из которой мир выйдет непременно уже многополюсным, полицентричным, партикуляризованным. Без

войны тут не обойтись! А в центре — *Россия!* И вовсе не из-за своих пространств и ресурсов, которыми она владеет (они и так доступны сильным мира сего, пусть и не в полной мере), а по причине занятой Россией дискутабельной позы, альтернативности своего подхода к бытию, нежелания кому-либо подчиняться и большого желания быть самой собою. Мало того, из-за своей и мира *геостратегической будущности!*

Россия, этот Медведь-шатун, превращающийся день ото дня в Медведя-хозяина — *стратег*, пусть и произвольный, стихийный, мало себе и другим понятный, импровизационный. Вот две российские геостратегические оси: с Севера на Юг и с Запада на Восток. Первая: аж от Северного полюса... э-э... до Южного через разные миры: арабский, мусульманский, иранский, индийский, иудейский, африканский; вторая: от Западной Европы (ЕС) до Тихого океана и Дальнего Юго-Востока (Транссибирия). Есть еще стрелы-лучики во все стороны, обходящая империалистические центры, весьма встревоженные и заметно беснующиеся: с ними как раз-то и *война!*

Вряд ли стоит сомневаться в том, что Россия ныне еще и «крутой» *геостратегический центр — центр мира!* Разве не так? Где, в связи с чем всё сейчас решается, по крайней мере, главное, а ежели не главное, то судьбоносное, где? Вот именно — в России, в связи с Россией, по поводу России! И после этого наш Медведь не центр мира?

Россия в кризисе, но и на подъеме — духовно-стратегическом. Кризис — подъем, подъем — кризис! Все к экономике вовсе не сводится, хотя от нее многое и зависит. Старая тут песенка! Войны порождаются не одной экономикой, а и по преимуществу, пожалуй, не экономикой. У войны всегда своя — войновская причина — как и свои правда с неправдой. Война часто — сама себе причина! Это уже потом к ней что-то прицепляется: политика, экономика, та же религия, хотя все это тоже способно порождать войны. Наполеон, Вильгельм, Гитлер, а сейчас вот США с Обамой во главе перли тогда и сейчас прут на Россию вовсе не по рациональным и расчетным причинам, хотя это тоже есть, а по мотивам вовсе трансцендентным, метафизическим, ибо Россия — *вне* этого мира, она *иное*, которое терпеть Западу никак нельзя, ежели он хочет над миром господствовать. Однако не от США пойдет новый мир, не от Европы, даже не от Китая с Индией, а... от России — вот почему центр мира, и вот почему мировая война с ним!

Каков же тогда он — *концепт России?* Кроме того, что он странный, непонятный, немыслимый, а также совершенно, знаете ли, трансцендентный, иномирный, парадоксальный, он как раз такой, каким не должен и не может быть, да и не будет, ибо будет совсем другим, вовсе никому сегодня не ведомым. Да и не концепт это, а... антиконцепт, что очень полезно иметь виду, ибо следовать ему очень опасно. Концепт уникальный: «куда вывезет», оттого и антиконцепт, но при этом

все-таки концепт, кое-что важное разъясняющий и на что-то неизбежное ориентирующий.

Что делать? А ничего!

Мониторить события, ситуации и процессы и действовать в интересах России — по обстоятельствам, разобраться в чем только и может помочь наш медвежий антиконцепт — совершенно, знаете ли, *российский!*

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Образование и философия в педагогике Ломоносова

Аннотация. Исследуется созданный М.В. Ломоносовым мир русского Образования. Выделяются его суть, функции, формы, его социокультурная творческая роль в создании российского общества. Особо исследуются основные структурные звенья образования, его социально-смысловые императивы.

Ключевые слова: Творение, Образование, Россия.

Abstract. The article is devoted to the Russian education created by M.V. Lomonosov. The author shows the essence of the education, functions, forms, its sociocultural role in creation of the Russian society. The article especially reveals the main structural links of education, its social and semantic imperatives.

Keywords: Creation, Education, Russia.

М.В. Ломоносов свершил величайший педагогический подвиг, создав единое образовательное пространство России, ее институты, показав, как нужно опыт Запада превращать в самобытную субстанцию России. Ломоносов рассматривал образование, создание национальной государственности, ее модернизацию в нераздельном единстве; в общедоступном образовании, сливающим в единую целостность науку, религию, искусство и философию, он видел миротворный проект России, серьезно угрожающий менеджерам апокалиптики. Образование в России выполняет не только социально-культурные и профессиональные функции, но в нем живет дух спасения человека от энтропии его псевдобытия.

В сакральном плане Образование¹ есть само Творение. В Премудрости, с Премудростью, через Премудрость и для Премудрости Софии

¹ Термин «образование» почти совпадает с терминами «формирование», «творение», «созидание», «знание»; но его идея означает и требует, чтобы каждая

созидается мир «под ключ». Но Премудрость становится, многосмысловым и многоликим творящим органом мира только посредством Образования, которое несет в себе его жизнедарящие истины.

Образование концентрирует в себе все узлы Провидения, мира, ума, человека, идей и языка. Тем самым Образование (с большой буквы) становится основной формирующей и формообразующей силой бытия — силой спонтанно-естественной и субъективно-разумной, силой Провидения и Свободы. Образование пресекает отрицательные инициативы, экспансию хаоса и энтропии; но оно ограничивает и насилие, искусственный порядок, превращая их деструкцию в энергию для Образа и Подобия Творения.

М.В. Ломоносов организовал созданное им образовательное пространство в русский Космос, определил смысловую статью русского общества и человека, которые определяются именно характером образования, служащего двигателем развития людей и Отечества. Он даже рок запряг в космоколесницу русского Образования. «Я вижу умными очами: / Колумб Российский между льдами / Спешит и презирает рок». Ломоносов был убежден и делал все для того, чтобы Образование одолело все завалы на пути Спасения русского человека. Именно Образование творит онтологию партитуры Спасения и дирижирует его инструментами.

В феномене Образования действует особая миротворная тайна, превосходящая религиозные, научные и философские смыслы, преодолевающая терминологические каноны, хранящая творческие силы бытия, пронизывая своими нормативными, символическими, смысловыми и экзистенциальными инициативами все миры.

В энциклопедическом уме М.В. Ломоносова определяющее место занимают педагогические идеи, составляющие в своем единстве уникальный образовательный ансамбль. Ученый рассматривал обучение, учительство, умение работать с умом и в уме, с сознанием и в сознании, с душой и в душе, с языком и в языке, со смыслами и в смыслах как важную часть мудрости; и высший плод мудрости — понимание — созревает в Образовании, которое превращает мудрость в справедливое технологическое и экологически безопасное устройство жизни. При создании российского Образования Ломоносов выделил в Европе оптимальные формы просвещения, органично соединив их с задачами модернизации страны. Его образовательный проект представляет ансамбль, состоящий из семи культурных императивов, которые задают смысловые социальные партитуры и структуры общества.

1. *Образование* — это усвоение первоязыка. Образование начинается с вхождения человека в мир языка, его значений, законов, грамма-

единичность стремилась к обретению своего предвечного «Образа» — формирующей, смысловой и целевой причины.

тики. Рассмотрение образования и науки как особого языка («наука есть язык») предваряет последующие идеи европейской философии. С появлением образования возникает и новый язык, имевший у древних римлян даже свое божество — Термин. Важно, что первые языки народов были священными, а их слова служили сакральными терминами. Поэтому и древние люди имели два имени — сакрально тайное и общеизвестное мирское.

Европейское образование формировалось на основе древнегреческого и латинского языков, служащих и поныне истоком новой терминологии. Ломоносов оформлял юный мир русского образования на базе античной традиции, существенно преобразуя и обогащая ее старославянским, древнерусским, церковнославянским языком, художественной литературой. Ломоносов знал, что плодотворное образование возможно лишь на основе древнейшего национального языка, откуда зарождающееся Просвещение берет смыслы для своей терминологии². Первозык народа — это особый язык, на котором общаются судьба, боги, люди, ангелы, демоны и неизвестное. Этот аспект образования абсолютизировал постмодернизм, признав текст субстанцией реальности.

Учитывая всеобщее забвение древних и сакральных языков, сегодня это введение в мир Образования частично осуществляется в церковных учебных структурах, приобщающих учащихся к первоначальным мыслям. Ведь знать предмет любой дисциплины — это значит овладеть ее терминами, использовать их как органы познания мира. Образование ословеснивает невидимые реалии. Освоение терминологии — важнейшее начало образования. Слова не только раскрывают, но и укрывают выражаемое, требуя от человека сознательного отношения к терминам, за которыми стоит океан потаенных смыслов, обращающихся к людям через науки, искусство, религию, мораль, мистику. Образование начинается с грамматики, приучающей детей к изучению вчувственных значений, смыслов, формирующих ум. Вначале ребенок — объект, слуга, друг, субстанция языка, а посредством образования он становится субъектом языка, его творящим знанием. Нужно изучать древние, «знатные языки», чтобы обрести инструменты для учебной работы. Бог тоже начинал свой мирострой со Слова-Термина, превращающего посредством Образования дикость хаоса в бытие. В сакральном и смысловом плане Образование, Творение, Мудрость суть одна и та же священная субстанция.

² В своей теории «трех штилей» в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов показал государственную важность изучения церковных книг, хранящих массу ценных смыслов, необходимых народу [1, т. 7, 585—592].

2. *Образование — это учеба, научение.* Образование — это творческая сила, способность, созидаящая новые способности, умения учиться, новые каноны умственной, социальной, профессиональной, культурной, изобретательской деятельности. Животные исполняют свою программу жизни, но только человек изменяет эту программу, творя невозможные программы из непрограммного и непрограммируемого материала.

В этом плане Образование открывает перед человеком новую реальность — мир абстракций, чисел, символов, знаков, укрепляет его ум и снабжает его новым и крайне опасным оружием — идеями. В овладении этим видом оружия решающая роль остается за *Учителями*. Большинство философов, ученых были и выдающимися учителями. Науки и философия суть непрерывное обучение, в котором рождаются новые умения пользоваться своим умом. Главное умение — это способность находить общие константы в хаосе изменяющихся чувственных впечатлений. Образование делает человека понимающим, умеющим учиться у самого образования, используя его термины как универсальных Самоучителей и всезнающих Учителей. Образование есть креативное знание, пробуждающее в человеке любовь к познанию истины. Образование формирует научные способности, умение работать с невидимыми сущностями, превращать их в проекты, в формулы, в дела, в изделия блага народного.

3. *Образование — это возвращение ученого, специалиста-энциклопедиста, носителя высшей пользы самой пользы.* Уже само пребывание в реторте Образования радикально изменяет человека, делает его, если и не полноценным специалистом (что весьма прискорбно!), то, как минимум, полезным работником. В любом деле нужны квалифицированные чернорабочие. «Неудобоучающиеся физики» незаменимы в обслуживании реакторного зала; а пути улучшения ими своей профессии не закрыты.

Но в нормальных случаях Образование растит специалистов, которые не только умеют выполнять нужные функции социума, которые могут стать учеными, умелыми предпринимателями. В этом аспекте Образование есть общая эвристика, посредством которой формируется полноценная специализация, задействуется потенциал всего человека, который становится способным искать причины, выражать их содержание в технологических и управленческих формулах. Быть образованным — это значит знать и понимать *пользу самой пользы*, состоящей в целостном развитии человека как источника и носителя всяких полезностей мира сего. *Образование* — это не только производительная, гедонистическая сила, но и неиссякаемый источник пользы для самой пользы. Высшая польза от образования в том, что оно отучает от узкого восприятия пользы. Бэкон изрек: «Знание — сила!». И только! Нет, Образование — источник тех умений, которые генерируют поль-

зу, которая может быть только плодом истины. А эта польза работает в целостном хозяйствующем человеке.

4. *Образование — это форма и способ самовозрастания и самосовершенствования разума.* Посредством Образования в ходе изучения философии, наук, искусств, технологий разум возвращает производственные, социальные, личностные и сакральные силы человека. Но не только. Решая задачи людей, разум посредством добываемых им знаний усиливает, укрепляет свои собственные силы, преобразуется в знающую и священную силу, созидающую высшую ценность человека — понимание. И в решении этих задач образование выступает как *высшее благо жизни.* Именно это образование составляет суть фундаментальных исследований.

Наличный ум людей не соответствует задачам мира и человека, который пытается изменить реальность своим незрелым разумом. Человек создает логику, правила, формы, методы, принципы, законы, для разума, творит аналитику, диалектику, триалектику, интеллектуалистику (программирование), чтобы усилить продуктивность ума. Но разум больше порождает проблем, чем решает. В чем дело? А дело в том, что разум человека аморален, отстреливая «своих» и «чужих». Значит, разум должен преобразиться, чтобы решать задачи своего носителя, а не стрелять в него.

Но и мир не соответствует силам разума человека; и эти силы могут сработать в любой миг — как позитивно, так и негативно. Сам мир должен измениться, чтобы соответствовать закону своего же разума, выступающего целевой причиной бытия³. А пока нет человека и мира, имеющих положенный им разум; но нет и разума, имеющего нужный ему мир и нужных ему людей. Задача эволюции как раз в том и состоит, чтобы взрастить мироподобный разум и разумоподобный мир. И выработка взаимосответствия разума и мира возможна лишь в Образовании, в котором изменение разума, мира и человека совпадает в перспективе. Человек должен создать разумный мир, а мир — воспитать разумного человека.

Идеалом разума служат мудрость и мудрец — человек, знающий целевые причины событий, суть знания, как оно творит мир и человека. И высшего знания о самом себе, о своих возможностях разум достигает в философии, которая есть самосознание разума и его цели — понимания. А Домом мудрости и самосознания разума служит Образование.

³ Аристотель полагал, что сама природа стремится посредством своих изменений, превращений и метаморфоз найти именно свой разум, свою целевую причину, «то, ради чего» все существует, меняется. «Для нас разум и ум — цель, к которой стремится природа» [2, 620].

И общество людей может возникнуть только на основе Образования, которое утвердит царство справедливости, правды и человечности. Идеал этого общества, названного «Царством Божьим», был открыт христианством, а вот его полноценная реализация возможна лишь в Царстве Образования, которое естественно утвердит высший Образ человека. Образование-самоцель порождает высший разум, который и создаст гуманно-технологическое общество. Эта идея была скрытым демиургом фантастической интеллектуальной силы Ломоносова, его верой и убеждением, на которых и поныне держатся русская культура, наука, победа.

5. *Образ-ование* — это обретение человеком своего образа, его сакральной и нравственной субстанции. Образование в школе-общине Пифагора готовило не просто знающих специалистов, но прежде всего — учителей по очеловечиванию людей; многие, ох, сколь многие ошибаются, считая себя уже людьми! Даже изучение азов арифметики и геометрии изменяет человека, превращая его в нравственное существо. Сократ полагал, что образование совпадает с добродетелью, ибо зло творят необразованные.

Образование выступает мощным средством нравственного, социального и патриотического воспитания людей. Образование позволяет человеку достичь величайших высот самообладания, подчиняя страсти совести. Образование обучает людей пользоваться свободой, ибо только образованные люди могут быть свободными, могут избавиться от произвола воли. Образование воспитывает ум, превращая мысль в *способность не делать зло, в неумение делать зло даже под давлением зла*. Образование не только учит, но и отучает от умения делать зло, выступая как благо.

Образование предстает как особый мир, формирующий человека, осознающего свою социальную и сакральную значимость. Постоянной константой Образования служит высокое достоинство человека, охрана его таинственного «Я». Образование содержит в себе закон *постоянного роста уважения* человека, иначе гуманизм станет самовозрастающей ненавистью агрессии. Дельфийский оракул сказал: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную!». Но это самопознание человека, переходящее в познание богов и вселенной, возможно лишь в мире Образования.

Сам Ломоносов был учителем и педагогом «милостью Божьей». Он не только преподавал различные дисциплины, но и писал учебники почти по всем дисциплинам, создавал учебные планы, составлял даже расписания занятий. Он понимал, что Образование — штука опасная, которая легко может сломать личность, поэтому ее нужно оберегать хотя бы лингвистическими кольчужками. В этом плане система оценок калечит учащихся, противореча сути Образования. Поэтому Ломоносов исключил оценку «неуд», заменив ее туманным словечком «не-

удобоучающийся». Оценка «В. И.» у него означала — «Всё исполнено»; «В. И. С.» — «Все исполнил с избытком»; «Н. У.» — «Не знал уроку»; «Н. Ч. У.» — «Не знал части уроку»; «З. У. Н. Т.» — «Знал урок нетвердо»; «Н. З.» — «Не подал задачи»; «Х. З.» — «Худо, но сделана задача», «Х.» — «Не был в школе — хворал»); «Ш.» — «Шабаш, т. е. прогул»⁴. Ученики должны выполнять нормативные работы по темам в прозе и в стихах. Оценки таких работ фиксируют лишь формальное исполнение; но выставьте оценки стихам Блока или прозе Горького! А ведь все ученики — лидеры в каком-то знании; в лесу нужны деревья, кустарники, растения. А количество демократических «красных дипломов» говорит лишь о потере стыда у педагогов. Образование само дает человеку систему нравственных критериев самооценки своих знаний, умений, их совершенствования и возвышения до уровня профессионализма, достоинства и уважения.

б. *Образование — спасение обреченных.* Ломоносов впервые в России разработал программу государственной помощи сиротам. Он открыл первый дом, в котором обучали этих обездоленных детей. Ломоносов доказывал властям очевидное: обездоленные дети через успехи в науках, военных делах смогут быстро стать полезными членами общества. И в этом плане образование служит спасением детей, выбитых из колеи жизни, открывает им перспективу спасения. Образование преобразует страдания в понимание. Слезы и муки детей терзали Ломоносова, как затем они изводили Достоевского. Образование выводит в мир смыслового света массу придавленных нуждой и мраком невежества, обреченных на исчезновение в хаосе материи. М.В. Ломоносов впервые в России создал социальные каналы для продвижения низших сословий к вершинам науки и культуры.

7. *Образование есть богопознание. Образование завершается богословием, богославлением, ияславием.* Ломоносов требовал завершать изучение любой дисциплины сочинением од, прославляющих величие Бога, оставив нам великолепные «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». Именно в богопознании Образование раскрывается как смысловая гавань, куда приходят корабли всех наук. Маяком этой гавани служит метафизика, изучающая невидимый мир, в котором зарождаются причины и законы, следствия которых мы изучаем в зримом мире. Бог мыслит вещами, а потому, существовать — это и значит быть мыслимым, быть памятуемым или познаваемым Богом. А людей, достойных этого слова, Бог находит в Образовании. В своем высшем смысле Образование есть познание сакральной сути всех вещей. Ломоносов требовал, чтобы ученики на русском и латыни сочиняли оды божеству, как бы завершая этим свое образование, пре-

⁴ Была у него еще оценка: «Б.» — «олень». Но автор не смог найти ее смысл.

вращая его в самодействующую силу, посредством которой они постигают науку Спасения. Человек должен стремиться к познанию Бога не только ради спасения, но и ради сверхъестественной красоты и величия превосходства этого знания. В жизни нет бескорыстной доброты, вечности, истины, но мы стремимся к ним, и ради них отвергаем земные блага. Это говорит о том, что вне нас есть вечная правда. И Образование через свои ценности указывают путь к этой правде. Да, были люди! Было время!

Итак, образование как особый смысловой мир охватывает терминологические скрижали, созидание новых способностей, формирование целостного специалиста, знающего пользу самой пользы, метафизику разума и наук, ценностную и нравственную инфраструктуру личности, спасение отверженных, богопознание. Единство всех этих аспектов и функций Образования превращает его в главную науку Спасения. Образование — «начало всех начал», «конец всех концов», продолжение творчества и творения Образа и Подобия Неизвестного, у коего нет образов и подобий. Именно эта скрытая сакральность Образования сделала его основанием и перводвигателем проекта «Просвещение», который осуществлялся эллинизмом, христианством, прогрессизмом, сциентизмом и социализмом. Болонская реформа образования в XX в. отвергла этот проект, запустив процесс массового расчеловечивания людей посредством антиобразования.

Куда идет современный мир, влекомый благами золотого тельца? А куда стремится сегодня само Образование? Какова его целевая причина, эсхатология? Что заменит Образование, проект Просвещения?

Новое Образование открыла, исследовала русская философия, откликнувшись на зов самой Софии-мудрости. Ломоносов несет в себе загадку этого Образования, естественно сочетающего в себе богопознание, философию, науку, искусство, эксперименты, незаметное воспитание власти. В нем искал выходы подземный океан северных смыслов — идей, планов и проектов, надежд и любви к земле своей, веры в победу правды и правых дел; бурление подземных вод сочеталось в нем с реализмом и практической умелостью, отвергающей фантазерство и бесплодные грезы.

М.В. Ломоносов — великоросс Севера, а потому в нем нет ничего лишнего, никакой южной экзотики, пустой украшательности, а лишь суровая и мужественная красота ледяной вечности. Под его солнечно-гиперборейским взором все становится ясным, достоверным и практически осуществимым. Его солнечно-софийная натура чужда не только всяким гаданиям и мечтам, но в ней вообще нет места фантазии, воображению, интуиции. М.В. Ломоносов всегда знал только дельное, верша только знаемое и знаниевое дело. Север сохраняет только необходимые элементы жизни и человека, безжалостно устраняя все излишнее, паразитическое: «Я вижу умными очами: / Колумб россий-

ский между льдами / Спешит и презирает рок». (Не в мечтах видит, не в фантазии, а «умными очами!».) Для Ломоносова на Севере рок уступает власть вечности («вечным льдам», «вечной мерзлоте», «чистоте»); рок царит лишь над временными реалиями, да и царит-то он силой неведомой ему вечности.

Жизнь на Севере чисто человеческий ум не сохранит; здесь нужен благодный ум. И Ломоносов возводит саму науку в чин священного знания; и святость знания не только возмещала ему фантазию, воображение, но и превосходила эти мнимые силы гедонистов. На Севере интуиция не усиливает, а ослабляет ум; она здесь антиразумная верига безумия. Святость же, усиливая ум и сохраняя его цельность, оградила ученого от слепоты рационализма и позитивизма, которые разрушают ум его специализацией. А святость превыше даже разума, который является ее частью. Разум и наука тогда достигают совершенства, когда осознают превосходящую и их Святость. Ум растет в человеке не только из книг, из общения с умными людьми, а из признания святости, которая и превращается у своих почитателей в умные силы науки и жизни. И только через признание *святого* чтения умных книг, общение с умными людьми становятся полезными силами ума! А о бессознательном у М. В. Ломоносова даже неприлично как-то говорить, ибо бессознательность и Север несовместимы.

Ломоносов спас Россию от агрессивного Просвещения; подчиняя его добро России, он оградил ее от гильотины и революций Европы. Он следовал глубинной традиции России, сделавшей и христианство частью своей жизни. Христианство для России, а не Россия для христианства!

М.В. Ломоносов выработал уникальную целостную программу многоуровневого и многофункционального образования, которое он использовал и как основное средство модернизации, самоутверждения России, и как высшую самоцель личности в ее служении Богу и Отечеству. Особенность этой программы, и поныне не имеющей аналогов в мире, состояла в том, что в ней теория, как по волшебству, сразу же порождала проект, институт своей реализации, его устав, учебные планы и экспериментальную базу, определяла педагогов и учащихся института, его финансовые источники, рабочие места, формы воспитания гражданского и национального самосознания народа. Его идея непрерывности дошкольного, начального, среднего, высшего образования и самообразования стала основанием отечественной культуры, науки, педагогики. А созданные им институты, обеспечивающие эту непрерывность, служат нам и сегодня.

М.В. Ломоносов мыслит целостными «алгоритмами». Любой предмет он одновременно выражал и как теорию, и как поэтический образ, и как проект, и как эксперимент, и как новый инструмент-прибор, и как институт, и как учебную программу, и как финансово-

кадровое решение, и как божественное присутствие в мире. Теория, создание проекта, института по его осуществлению, реализация личности шли одновременно; теория подхлестывала практику, практика озадачивала, а личность Ученого, превосходя практику и теорию, устремлялась в сердце тайн божественного творения! Великий муж вовсе ни в чем не ведал сомнений и скепсиса, зная, что дело правое победит даже вопреки нашим поражениям; победа была для него конструктивным началом русских, которые сами творят свои победы и в своих поражениях. Победа сама стремится к ним даже в самых отчаянных положениях. Он не сомневался в знаниях, в России, в ее народе, в отличие от многих последующих вождей России. Поэтому Ломоносов предостерегал от умственного и научного холопства⁵.

Россией сегодня должны править Образование, дети и ракеты, остальное — обслуживающий персонал. И тогда все общество очистится от нечистот золотого тельца, сделает шаг к выполнению своей метафизической задачи Спасения. А в России серьезно только армия работает с Образованием, затачивая его для решения именно русских проблем. Нужно всем нам осознать, понять, что Третья мировая война уже идет в сфере Образования, и главными трофеями в ней являются дети, дети России. Какой смысл растить детей, если базовые ценности жизни, знания, интеллектуальной работы, свое воспитание они получит от недругов, пытающихся уничтожить Россию своим образованием?

Литература

1. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952.
2. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

И.Р. БУГАЯН

Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера

Аннотация. Переход к современному неопредпринимательскому развитию России связан со структурным перестроением не только видов предпринимательства, но всех факторов производства и не только

⁵ «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Если же вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы; а моя слава падет и с вашею» [1, т. 3, 249].

хозяйства, но и общества посредством постреформенного государственно-корпоративного неодирижизма.

Ключевые слова: предпринимализм, неопредпринимательское развитие, государственное и частное предпринимательство, цикл, совокупный цикл «исследование — производство», НТР, НТП, технический прогресс (ТП).

Abstract. The article is devoted to the transition to modern neoenterprise development of Russia that is connected with structural evolution of not only types of business, but all production factors and not only economy, but also societies by means of a post-reform state and corporate neodirigism.

Keywords: neoenterprise development, state and private business, cycle, cumulative cycle «research - production», scientific and technological revolution, scientific and technical progress.

Говоря о соотношении государственного и частного в разнообразии видов предпринимательства, следует учитывать, что оно в себя включает как содержательно-формальную, так и причинно-следственную составляющие экономического успеха общества.

До начала научно-технической революции (середина 1950-х гг.) на протяжении тысячелетий содержательно-причинной стороной предпринимательства выступала частная инициатива отдельных граждан. В течение 6000 лет (временное пространство между двумя «парадами планет») доминантные свойства, возникнув в связи с фактором производства — частное предпринимательство, претерпели несколько трансформаций. Они последовательно перешли: от посреднического предпринимательства (B) к труду (L); от труда к земле (T); от земли к капиталу (K), вызывая, соответственно, рабовладельческие, феодальные, капиталистические отношения (общества).

Но с последним «парадом планет» совпало (случайно — неслучайно) нечто новое. Произошло вызванное научно-технической революцией *второе пришествие предпринимательства* [1, 9—13] в качестве доминирующего фактора производства (B'). Спустя тысячелетия к этому фактору возвратилась способность к повышенной отзывчивости на инвестиции.

Инвестиции в B' вновь стали сопровождаться наивысшим качественно-эффективным приростом ВВП по сравнению с альтернативными вложениями в прочие факторы производства (L , T , K). Однако этот прогресс оказался возможным уже не частной, не гражданской, а по большей части вынужденно-государственной инициативой, следовательно, стал доступным лишь для стран, располагающих емким государственным бюджетом и высоким уровнем государственного строительства.

Причина такой трансформации в том, что НТР — а именно, взаимосвязанные, прогрессивные изменения в науке, технике и производстве — всегда предполагает постоянное взаимодействие между этими факторами, которое неизбежно начинается со стадии фундаментальных исследований (ФИ) цикла «исследование — производство». А они (ФИ) первоначально, как правило, имеют только один источник финансирования — бюджет государства, поскольку частные предприниматели-инвесторы редко располагают финансовыми возможностями для подобных рисков. Вот и получается, что роль ледокола для проводки каравана современных частных предпринимателей, желающих принимать участие в последующих стадиях цикла «исследование — производство» по созданию современного доминантного товара⁶, вынуждено брать на себя государство, т. е. заниматься государственным предпринимательством.

Однако, как показал опыт СССР, в котором государственное предпринимательство и государственный менеджмент находились на высочайшем уровне⁷, одного этого вида (государственного), оказывается недостаточно для непрерывного развертывания НТР. В условиях запрета и вынужденного отсутствия частного предпринимательства разрешить проблемы внедрения производства и применения новой техники в СССР так и не удалось.

Своевременно неразрешенные проблемы, накапливаясь, вызвали застой, в преодолении которого в конце 1980-х и в 1990-е гг. в России целиком уповали на возрождение в результате реформ рыночных отношений. Рынок действительно возродился, но проблемы, связанные с развертыванием НТР, не только остались, но и приобрели тенденцию к углублению. В чем же здесь дело?

Взаимодействие науки, техники, производства (НТР) происходит через осуществление стадий циклов «исследование — производство», а в масштабе общества — через стадии «совокупного цикла исследование — производство», ответственность за которые способно нести только государство в лице правительства (см.: [2, 56—63]). Упование на «невидимую руку» рынка тщетно. Рынок в предпроизводственной сфере цикла «исследование — производство», состоящей из стадий фундаментальных, прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок, никогда не работал так, как в сфере об-

⁶ Товара, сама собственность на который, дает возможность извлекать и присваивать прибавочный продукт, — ныне это новые информационные технологии.

⁷ Неслучайно лучшим менеджером XX в. мировое сообщество предпринимателей и менеджеров назвало А.И. Микояна, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

ращения. Здесь решающее слово за талантом государственного предпринимательства, которым обладают далеко не все.

Когда в 1946 г. академик М.К. Тихонравов в своем письме обратил внимание Сталина на необходимость освоения космического пространства, приложив эскизные наброски космического корабля, он нашел, вопреки всем опасениям, полное понимание и поддержку СССР, несмотря на то, что наиболее индустриально развитая его часть лежала в послевоенных руинах, сумел опередить конкурентов в освоении космического пространства, благодаря выдающимся личностям, осуществившим в данном конкретном случае государственно-частное предпринимательство. Однако сила, заключенная в этом факторе производства, носит лишь потенциальный характер, поскольку связана с выбором стратегии и может реализоваться лишь в кинетике — в тактике в сочетании с частногосударственным предпринимательством, при реализации прочих стадий цикла «исследование — производство», заключенных в сферах производства (C_1) и применения (C_2) новой техники [2, 58—63], через привлечение частных лиц, способных воспринять поставленные цели. Именно для этого подбирались частные лица, способные возглавлять команды, с которыми государство в лице правительства налаживало совместную деятельность, необходимую для достижения общей цели.

Нечто подобное происходило неоднократно. Частные лица были разные: С.П. Королев, И.В. Курчатов, А.Н. Туполев... но одно было неизменным — государство от совместной деятельности с ними всегда оставалось с ощутимой не только экономической, но и хозяйственной выгодой.

Государственно-частная предпринимательская деятельность в полной мере проявила свою высокую эффективность даже в условиях запрета частнопредпринимательской деятельности.

Основная причина нынешних затруднений в том, что государство несколько ослабило свои усилия на предпринимательской стезе, связанной с развитием НТР, полагая, что это создаст большой простор для привлечения и участия частного предпринимательства в развитии НТР. Но на деле одну крайность заменила другая — противоположная. В первом случае отсутствовало в необходимых масштабах запрещенное в 1918 г. частное предпринимательство, во втором, постреформенном — государственное. И в том и в другом случае нарушалась мера в сочетании государственного и частного предпринимательства. А итог один — эффективность в развертывании НТР оказывалась невысокой.

Взаимосвязь и основные принципы оптимизации соотношений: научно-техническая революция — научно-технический прогресс — технический прогресс, частно-государственное и государственно-частное предпринимательство. В последнее время заметно возросло число диссертационных исследований, которые посвящены государ-

ственно-частному предпринимательству. Здесь уместно напомнить, что этому типу предпринимательского партнерства предшествовал иной, возникший вместе с техническим прогрессом (ТП) и широко распространенный задолго до НТР и НТП. Речь идет о частногосударственном партнерстве, в котором источниками предпринимательских инициатив выступали частные лица.

Технический прогресс продолжается и сегодня. Однако он изменился, стал неотъемлемой составляющей НТР и НТП и, тем самым, значительной своей частью утратил самостоятельность.

Хорошо известны примеры и положительные результаты государственно-частного партнерства не только в зарубежных странах, где частное предпринимательство никогда не подвергалось ни запретам, ни существенным ограничениям, но и в СССР. Такие проекты, как создание адекватного ядерного оружия и освоение космического пространства, под руководством соответственно Курчатова и Королева, не могли быть успешно осуществлены без этих выдающихся частных лиц, привлеченных государством, которое ожидало от них достижения поставленных предпринимательских целей.

Инициатором подобных проектов с началом НТР уже выступали не частные лица, а государство. Инициатива повсеместно перешла от частных предпринимателей к государству, особенно в проектах, связанных с развитием аэрокосмического и оборонного комплексов.

Причина такого изменения, скорее всего, связана с тем, что под воздействием НТР стала меняться субординация факторов производства; в их системе роль доминирующего фактора стала перемещаться от капитала к современному предпринимательству: предпринимательству на основе интеллектуальной собственности, в том числе и особенно новых и информационных технологий (Н и ИТ). Именно они (Н и ИТ) стали трансформироваться в фундамент современного богатства не только государств, но и частных предпринимателей. Однако их распространение в форме интеллектуальной собственности граждан стран, будь то «золотого миллиарда» или иных, невозможно или весьма затруднительно на мировом рынке без государственной поддержки. Основная и наиболее распространенная форма этой поддержки — государственно-частное предпринимательство (ГЧП). Необходимость ГЧП растет по мере возрастания в странах мирового хозяйства числа граждан — собственников новых и информационных технологий, востребованных рынком. Они нуждаются в государственной поддержке и в условиях обеспечения неприкосновенности их интеллектуальной собственности.

Таким образом, в каждой конкретной стране соотношение между частногосударственным (ЧГП) и государственно-частным предпринимательствами (ГЧП) не является величиной случайной. Оно косвенно отражает соотношение не только между ТП и НТР, но и между преж-

ним предпринимательством (ЧТП), возникшим в относительно недалеком прошлом, и современным — предпринимательством на основе новых и информационных технологий (ГЧП). Под «прежним» понимается преимущественно посредническое предпринимательство, мало нуждающееся в каком-либо широком партнерстве, предпочитающее отводить государству роль «ночного сторожа».

Сохранение частногосударственного партнерства в предпринимательстве и взаимная ответственность чрезвычайно выгодны как для государства и бюджета, так и для частных лиц. Участие в предпринимательских проектах и владение бизнесинформацией позволяют государству вводить такую дифференцированную шкалу налогообложения, которая способна стать основой формирования бюджетов, создающих возможность перехода к социально-ориентированному рыночному хозяйству.

Невозможно не видеть прямой связи между темпами НТР и возникновением в развитых странах мирового хозяйства социально ориентированных рыночных отношений, не заметить, что в развитии НТР активно участвуют не более десятка стран мирового хозяйства. Следовательно, современное предпринимательское богатство в виде новых и информационных технологий тоже сосредоточено не более чем в десятке стран, где преимущественно и получило развитие ГЧП; в остальных же — частногосударственное, способное преимущественно на осуществление ТП и в какой-то мере — научно-технического прогресса.

В этой связи важно понимать различия НТР, НТП, ТП и поддерживать между ними определенное соотношение, которое имеет столь существенное влияние на социально-хозяйственную среду современных стран мира.

НТР — взаимосвязанные прогрессивные изменения в науке, технике и производстве, имеющие причиной постоянное их взаимодействие друг с другом. Причем это взаимодействие является причиной, а взаимосвязанные изменения в них — следствием. Если нет причины, не следует ожидать и следствия. Эта устойчивая, постоянно повторяющаяся, причинно-следственная связь может вызывать не только НТР, но и НТП. Разобраться, что в итоге получилось, тоже возможно, если не забывать, что НТР создает технологии глобальные, одновременно значимые для всех подразделений и отраслей мирового хозяйства, а НТП — лишь для отдельных отраслей, самое большее — подразделений общественного производства, но не шире этого.

Воздействие ТП еще уже, часто оно ограничено каким-то отдельным промышленным или иным предприятием.

Несмотря на отмеченные различия, между НТР, НТП и ТП немало и общего: процесс взаимодействия науки, техники и производства, обеспечивающий возникновение и существование НТР, НТП и ТП,

обязательно проходит ряд стадий, некоторые из которых без государственного предпринимательства просто невозможны.

Частный предприниматель, как уже отмечалось, не будет, или не сможет инвестировать ни фундаментальные (ФИ), ни (за редким исключением) прикладные исследования (ПИ). Эти направления, как правило, дело государственного предпринимательства, которое затем как бы передает эстафетную палочку по осуществлению последующих стадий циклов «исследование — производство» предпринимательским структурам частных лиц, которые, как показывает опыт, часто способны лучше их реализовать. Таковы требования рыночных отношений и конкуренции, принуждающие к разделению не только наемного труда, но и предпринимательской деятельности — в данном случае между государством и его гражданами.

Всем известные успехи экономического развития КНР преимущественно базируются на том, что ее правительство сосредоточило внимание именно на межпредпринимательском разделении, образно говоря, функций с приглашением на недостающие или плохо работающие звенья граждан мира «без границ», способных наладить работу. Не является секретом и то, что вместе с ныне доминирующим фактором производства — современным предпринимательством — неизбежно возникает и доминирующий класс людей мира, в качестве которых уже побывали капиталисты, аристократы-феодалы, рабовладельцы и др. на более ранних стадиях исторического развития цивилизации.

Россия имеет богатый опыт организации стремительного рывка хозяйственного развития на основе сотрудничества и с мировым аристократизмом (Петром I), и с мировым капитализмом (Российская империя Николая II; СССР Ленина—Сталина) в проведении политики индустриализации. Пришло время распространить российский опыт на современный предпринимализм⁸.

Литература

1. Бугаян И.Р. Второе пришествие предпринимательства в качестве доминирующего фактора производства: особенности и социально-экономические последствия // Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России. Сборник докладов VI международной научно-практической конференции, 25 ноября 2014 г. / Отв. ред. Т.В. Игнатова. Ростов н/Д, 2014.

2. Бугаян И.Р. Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера. Ростов н/Д, 2013.

⁸ Продолжение следует.

В.И. КОРНЯКОВ

Природа и экономика: независимо ли социальное от естественного

То, что сегодня называется наукой, — это еще ой-ой-ой как далеко от настоящей науки. Существует гигантский завал непонятых вещей, которые считаются известными.

П.Г. Кузнецов

Аннотация. Человечество как природная сила, экранированная от социальной жизни людей, но взаимодействующая с ней. «Цели» Природы раскрываются открытием Подолинского—Кузнецова. Показываются процессы этого взаимодействия, способ подсказки Природой правильной для современных условий модели функционирования экономики.

Ключевые слова: Природа, природная сила, человечество, «кольцо Маркса», подход Подолинского—Кузнецова, общественное воспроизводство, обратные связи.

Abstract. The article is devoted to mankind as the natural force that is separated from people's life but interacting with it. «Purposes» of the Nature are exposed by the Podolinsky—Kuznetsov's discovery. The processes of their interactions and the mode of the prompting of the correct modern model of the economy's function are showed.

Keywords: Nature, natural force, mankind, «Marx's ring», Podolinsky—Kuznetsov's point of view, social reproduction, reverse connections.

Четырехмиллиардолетняя эпопея возникновения, развития, утверждения на нашей планете мыслящей материи была бы невозможна без патроната-оберега со стороны Природы [1, 16—22], и хозяйствующее на планете и в околопланетном космосе человечество есть (согласно идеям К. Маркса, В.И. Вернадского и других мыслителей) природная сила. Природа является и всеильной объективной средой материального обитания людей, и (вместе с трудом) материальным источником всех благ, которыми люди пользуются и которые производят («вторая природа»), и, наконец, Природой-матерью, дарующей человечеству его биологические тела и принимающей их обратно по завершению людьми своих индивидуальных жизней. Природными силами называет Маркс органы человеческого тела, приводимые людьми в движение в процессе труда. Но Природа с несомненностью отъединена от социальной жизни людей, человечества. Возникает вопрос: абсолютно ли? И, поскольку имеются основания предполагать определенный патронат Природы над человечеством, существуют ли воздействия Природы

на содержание социального бытия «человека»? Значимы ли для траектории восходящего развития социума предначертания Природы?

Это развитие непосредственно руководится функционированием экономических законов, действующих, как надежно установили еще классики политической экономии, наподобие природных. И для хотя бы неполного, частичного ответа на поставленные вопросы необходимо определяться с, как минимум, еще двумя родственными проблемами. Являются ли несомненные нерукотворность и действие экономических законов, управляющих людьми, творчеством и «замыслом» Природы? И, наконец, существует ли направленность реального исторического процесса, и в чем она состоит?

Все эти вопросы переплетаются, тянут друг друга. Критериальный, по-видимому, последний из них. Ответ на него решающим образом определяет ответы и на поставленные, и на целый ряд смежных вопросов, некоторые из которых будут затронуты далее. Известно множество вариантов ответов на данный вопрос с теми или иными аргументами умозрительного характера. Но в конце XIX в. в «зоне» этого вопроса выявился естественнонаучный факт фундаментального значения, определяющий новый, материально аргументированный ответ на него.

В 1880 г. молодой (и рано ушедший из жизни) русско-украинский ученый-энциклопедист С.А. Подолинский установил наличие такого нэгэнтропийного класса процессов Природы, который характеризуется кпд свыше 100%. Уже само по себе такое открытие — принципиальный поворот в развитии знания. Но особого внимания заслуживает то обстоятельство, что указанный класс процессов — это производительность труда (соответственно название исследования Сергея Андреевича — «Труд человека и его отношение к распределению энергии»).

Открытие С.А. Подолинского, получившее одобрение К. Маркса, почти сто лет не привлекало внимания науки, и лишь ныне начинает фокусировать его. Последнее не удивительно. Уникальность производительности труда в том, что до сих пор это — единственный достоверно установленный наукой процесс выражено нэгэнтропийного содержания, являющийся притом звеном космической-вселенской «цепочки» событий. В определении С.А. Подолинского: «труд есть такое потребление механической и психической работы, накопленной в организме, которое имеет результатом увеличение количества превратимой энергии на земной поверхности» [2].

В этом его понимании труд — завершающее звено громадного цепного космического процесса, состоящего в нэгэнтропийном сосредоточении, накоплении Землей масс энергии. Процесс открывается генерацией энергии Солнцем, далее следуют ее усвоение фотосинтезом растительного мира и ее последующее сохранение в облике минерального топлива. Затем происходит производство (в политэкономиче-

ском смысле) рабочей силы, продолжаемое и завершаемое самим трудом, причем энергия, представленная продуктом труда, кратно превышает энергетические затраты собственно труда. Отсюда негэнтропия — сосредоточение энергии нашей планетой, а труд объективно выступает усилителем ее мощности. Трудясь, люди воспринимают-увеличивают космическую энергию.

Это позволило П.Г. Кузнецову и его соавторам выдвинуть новое объяснение цели Природы при создании ею мыслящей материи и одновременно направленности исторического процесса: концентрация энергии в космическом центре расположения человеческой цивилизации посредством повышения ею производительности своего труда через возвышение-совершенствование ее субъекта, человеческого разума [3]. Ибо рост производительности труда с его инновациями не может стать действительностью иначе, чем пройдя напряженные мыслительные поиски, мобилизацию усилий мыслящей материи. И чем выше эти напряженные усилия и их материальное воплощение — производительность труда, тем больше соответствие исторического процесса требованиям Природы.

С точки зрения этой единственной (в огромной мировой многовековой дискуссии) естественнонаучно проаргументированной позиции, в сопоставлении позиций многих умов и авторитетов выявляется правда В.И. Ленина, определившего (в итоге длительных наблюдений и размышлений) в качестве такого критерия уровень развития производительных сил, производительности труда. Многочисленные попытки противопоставить ленинскому критерию развития человека человеческую личность представляются неубедительными. Ленинский критерий не отвергает «человеческий», а включает его в себе: субъекты производительности труда — работники. Только «производящий» общественный человек максимально обеспечивает совокупность материальных и духовных условий для расцвета индивидуальности собственного «я». Наконец, своей позицией Ленин освобождает теоретическое решение проблемы от «чистой» умозрительности, подводит под него объективную основу. Теперь же его точка зрения получает еще и естественнонаучное космическое обоснование. Конечно, усиленная подходом Подолинского—Кузнецова эта точка зрения, строго говоря, все же еще не становится объективным естественно-научным фактом, но она, по моему мнению, весьма близка к этому статусу. Настоящая статья построена на предположении истинности рассматриваемой гипотезы и посвящена тем ответам на поставленные выше вопросы, которые вытекают из нее.

Итак, это Природе «угодно», это она патронирует развитие на Земле производительности труда, «направляет» его, что тождественно все более высокой концентрации энергии на нашей планете. Это Природа задает цивилизации (через «разжигание» ее потребностей) такую тра-

екторию саморазвития исторического процесса, при которой ее духовные потенции концентрируются на инновационном качественном и количественном совершенствовании орудий труда, росте их эффективности, а поэтому — повышении производительности труда. В этом процессе параллельного возвышения мыслящей материи и производительности труда они оплодотворяют друг друга, реализуя «цели» Природы. Еще Маркс заметил, что люди де-факто видят решающую роль изготовления орудий труда в развитии общества, соответственно называя целые эпохи «каменный век», «бронзовый век», «железный век», и обобщил: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [4, 191]. Совершенствование орудий и средств труда тождественно совершенствованию экономических отношений, научное познание первых означает знание вторых.

Здесь очевидна диалектика естественного и общественного, соответствующая подходу Подолинского—Кузнецова: 1) Природа демонстрирует перед ищущими глазами движимых своими потребностями людей действия природных сил, в которые они погружены, т. е. естественные материальные подсказки-возможности совершенствования орудий труда; 2) люди, Разум открывают и реализуют эти возможности, переходят к более производительным средствам труда, повышают производительность труда и этим своим трудом негэнтропийно «закачивают» на Землю космическую энергию (дополнительно приращая ее) [5];⁹ 3) при этом субъекты экономики получают объективные основания, «толчки» совершенствовать свой социум, общественные отношения вплоть до изменений в системе производственных отношений, экономических законов, и далее — снова и снова 1), 2), 3)... Эта диалектика сама собой рождает мысль, что перед нами — специально примененный «метод» Природы по заполучению ею своей «цели»: развитию Разума как субъекта-творца негэнтропийного роста производительности труда. Она заранее «знает» («ведает») всю «цепочку» орудий и средств труда как «лестницу» повышения производительности труда, где каждой ступеньке соответствуют свои экономические отношения, — от палки-лука до компьютера, а от него — далее, на миллиарды предстоящих лет функционирования Солнечной системы. Если бы не «знала», не предпринимала бы, не бралась бы за столь гро-

⁹Первым и главным учителем человека в теории познания была и остается сама природа, так как при наблюдении за нею пылливый ум обнаруживает закономерности, которые затем формализует в законы, математические зависимости и реализует в искусственные произведения (художественные, математические, технические и т. д.).

моздкое, невероятной фантастической сложности предприятие. Только необъятные неисчислимыи силы Природы в состоянии знать-провидеть всю перспективу исторического процесса как безразмерной лавины воследующих друг другу совершенствований-инноваций орудий-средств труда, этих материальных инструментов производительности труда. Если отрицать у Природы такое «знание», становится совершенно непонятным, почему она с такой феноменальной настойчивостью и целеустремленностью век за веком, тысячелетие за тысячелетием тратила четыре миллиарда лет на создание земного Разума. Легенда о Потопе показывает, сколь легко Природа могла бы (причем множеством способов) избавиться от этой заботы. Но она не сделала этого и, думается, никак не могла этого сделать.

Это «заранее» несомненное «знание» Природой социального развития «человека» сопровождается отделенностью социума от прямого «административного» управления с ее стороны. Между Природой и социумом — прозрачный для видения, информации, но абсолютно непроходимый для ситуационных волевых входов-выходов-действий природных сил экран (бесстрастно впитывающий-погашающий множество «гаданий Марфы», молитв и т. п.). Природа не сообщает прямых (вербальных) подсказок субъектам исторического процесса. Но в то же время она, как свидетельствуют многочисленные повторяющиеся факты, невидимо помогает творцам крупных открытий-инноваций, активизируя (возможно, особыми нацеленными излучениями) их творческое воображение, как было с Д.И. Менделеевым, Ф.А. Кекуле и многими другими корифеями, продвигая их к их достижениям. Исследователи не раз отмечали также явное благоприствование Природы старшим возрастам населения развитых стран (случаи подобного же «вмешательства» в те или иные жизненные ситуации — за пределами темы статьи).

Эта отделенность Природы от «живой жизни» неизвестным-непонятным нам экраном заслуживает специальных исследований, осмысливания. Факт таков, что при всем своем могуществе Природа просто не могла, не сумела даже посягнуть, значимо ускорить мучительное сотворение мыслящей материи. Все произошло как произошло — через многомиллионлетние эры, направленное растянутое видообразование, через общее изменение биологии и геохимии Земли. Почему так мучительно и долго, с такими рисками и потерями, с такой постепенностью? Но и с такой настойчивостью? Не потому ли, что все это освященное многими религиями Великое Сотворение (ВС) (как его еще назвать?) Жизни и Разума было чрезвычайно важной и в то же время болевой акцией Природы относительно самой себя? Акцией, которую можно сравнить с операцией хирурга на своем собственном теле в зоне самого сердца? Не сродни ли ВС беременности, родам? В мироздании назревает-происходит (с «размахом» в миллиарды лет)

нечто непонятно-грандиозное. Что-то должно родиться, уже рождается. Но пойдем ли мы происходящее?.. Для достаточно полной идентификации грандиозных подвижек-перемен индивидуальное зрение не только отдельного человека, но и поколений людей слишком коротко.

Опять же невольно напрашивается то продолжение-развитие этих мыслей, что, настойчиво действуя указанным образом (этими направленными, загодя провиденными совершенствованиями всего необъятного сообщества видов и их естественной среды), Природа изменяла-совершенствовала саму себя, свою единственность, гармоничность, и саморождалась на более высоком уровне и в более совершенной заветной-сокровенной сакраментальной ипостаси, в силах более высокого уровня. Одно только сохранение-сбережение гармоничности триллионов разных начал, образующих «нутро» Природы, требует миллиардолетних постепенностей. Эта «диалектика самосовершенствования-самовозвышения (самой) Природы» пока что теоретически не отображена, не стала особой проблемой научных размышлений. Она для научных работников сейчас, пожалуй, в статусе, на уровне таинства, материализованного чуда. Наверное, прервать свою беременность Разумом для Природы значило что-то исключительное, подобное самоубийству, т. е. абсолютно невозможное. Ее негэнтропийность и мыслящий Разум все более предстают двумя сторонами некоторого далеко еще не познанного, не понятого нами Высшего Единства, облик которого пока даже туманно не прорисовывается.

Единство негэнтропийности и Разума, реализуясь в провиденной-направленной (Природой) «лестнице» исторического развития орудий-средств труда, тем самым задает и общее историческое развитие экономики, ее способов производства, экономических отношений, законов этих отношений. Разумеется, это — не прямое, а опосредованное определение-формирование процесса, его образование не велениями, а объективными характеристиками производительных сил. Однако данное обстоятельство не перечеркивает, не снимает верховных направляющих и контролирующих функций Природы. Несмотря на отсутствие каких бы то ни было административных прерогатив и возможностей, на головоломную сложность всемирного экономического процесса, Природа тем не менее в конечном итоге особыми, нерукотворными, естественными путями, способами, методами добывается от людей нужных ей экономических направленности, динамики. Мимоходом: по-видимому, в провидение Природы входили и ее тяжкие (неизбежные) потери, жертвы в виде безжалостных разрушений рождающимся Разумом среды своего обитания (как бы родовые страдания, муки). Но она пошла и на них.

Уже говорилось, что, несмотря на свою незыблемую экранированность от социума, Природа вступает в совершенно специфическую «связь» с гениально одаренными людьми, «помогает» появиться от-

крытиям, воздвигающим новые ступени исторической «лестницы» орудий-средств труда. Но ее воздействие на реальный исторический процесс не только в этом. Ее главным средством управления людьми, по-видимому, являются также нерукотворные материальные «подсказки» (людям) особого рода, образованные по «инициативе» производительных сил их специфическим взаимодействием с производственными отношениями. Косвенно определяя-формируя и даже обозначая-выделяя объективные системы взаимосвязей орудий труда, Природа тем самым способствует идентификации (авторами исторического процесса) среди множества процедур экономической деятельности как бы «истинных», приводящих людей к успеху и становящихся для них их нерукотворными объективными экономическими законами.

Конечно, во многих случаях Природа, очевидно, «рассчитывает» на разумность людей. Сплошь и рядом адекватность-неадекватность экономических решений-действий, можно сказать, плакатно обозначены, «нарисованы» на них. Однако чьи бы то ни было упования на здравый смысл в наше время размываются-подрываются тем широко развившимся разрушающим свойством современных социальной и индивидуальной психологии-мышления, которую можно обозначить из-за квазиухищренности, труднопереводимым термином «sophisticated». Отбрасывая все разумные доводы, миллионы вкладчиков («инвесторов») и, казалось бы, грамотные специалисты-банкиры одержимо гонятся то за рискованной необеспеченной ипотекой, неизбежно заканчивающейся страновым и международным крахом, то за деривативами с их почти очевидными провальными последствиями, и т. д. («У нас пути кривого никто не отберет»). Традиционные солидность-рациональность, даже просто осторожность экономического поведения массово попираются и забываются.

Так, в простом товарном хозяйстве его субъектам просто не могло прийти в голову, что при росте производительности труда им следует повышать цены. Это топорно-азбучно противоречило уже элементарному здравому смыслу. В современной российской «рыночной» экономике все иначе. Предприниматель, снижающий отпускную цену при уменьшении издержек, — что-то вроде музейного экспоната («весь день бы в музее торчали ротозеи»). Природа здесь бессильна. Она не может заставить субъектов экономики разумно строить единственно адекватную своим установлениям «экономику снижающихся цен», невзирая на то, что не совсем еще выветрилась память о поздней сталинской экономике, беспрецедентные ресурсные возможности которой создавались, как обнаруживают исследования [6], именно систематическими понижениями цен. И сейчас Природа иной раз вынуждена «аргументировать» «от противного»: предоставлять людям самим «съесть» то, что они творят, — например, инфляцию со всеми ее прямыми и косвенными бедственными (особенно в сфере обществен-

ного воспроизводства) последствиями. Пока, так сказать, не «наедятся».

Но Природа, «озабоченная» осуществлением своей «цели», идет и дальше. Она, оказывается, способна как бы расставлять «подсказки», знаки «истинности»-«неистинности» тех или иных экономических действий. Она делает это замечательным способом: сопоставимыми альтернативными выстроенностями «цепочек» экономических действий субъектов экономики. Ошибочным, явно разрушительным траекториям Природой тут же противопоставлены траектории выражено сверхвыгодные-победные. И как раз сейчас РФ находится на тупиковой самоубийственной хозяйственной траектории, тогда как непосредственно в зоне, можно сказать, прямой досягаемости располагается абсолютно возможная нерукотворная естественная (единственно согласующаяся с установлениями-законами Природы) восходящая прорывная траектория вхождения РФ в число лидеров мировой экономики.

«Подсказка» располагается в экономической системе в облике общей конфигурации общественного воспроизводства, соотношения его I и II подразделений. Нет необходимости доказывать объективность и нерукотворность (для любой страны) этой экономической структуры. Она ни на гран не «придумана» людьми, повсюду сложилась совершенно независимо от их воли и сознания, от Разума и вообще даже теперь подвержена задуманным воздействиям только в экономике мобилизационного типа, но и в ней — весьма ограничено. Здесь, в общей конфигурации воспроизводства, безраздельно властвует Природа (через провиденные ею материальные связи сотен тысяч, миллионов процессов производства), и всецело-совершенно природным феноменом является главное: выстроенность общественного воспроизводства по модели развертывающейся спирали (вихря) с «производством средств производства для средств производства» («кольцом Маркса») в качестве его естественной динамической силы. В спирали — заготовленная Природой «подсказка»-«заманка»: математически четкие, чрезвычайно легко обнаруживаемые и рассчитываемые эффекты обратных связей количественных «возмущений» равновесности хода, пропорций общественного воспроизводства. Этих обратных связей и их эффектов — два типа: 1) эффекты положительных обратных связей при падении производительности труда и с вовлечением в процесс дополнительной массы воспроизводственной субстанции (труда) и 2) эффекты отрицательных обратных связей при росте производительности с высвобождением из воспроизводства части живого труда. Собственно «заманка» — в гениально созданных Природой противоположности и, главное, размерности материальных эффектов этих обратных связей.

Опираясь на общеизвестную схему общественного простого воспроизводства, несложно рассчитать (в масштабе ее числовых данных) указанные положительные и отрицательные эффекты. Я уже представлял эти расчеты и их итоги на международной научной конференции, организованной ЦОН МГУ в декабре 2014 г. Для расчета эффектов в схеме необходимо внести «возмущения» (увеличение или уменьшение величины вновь присоединяемого живого труда в I подразделении, отображающие уменьшение и увеличение его производительности соответственно) и отслеживать, что произойдет со значениями, объединенными схемами в последующие годы — во 2-м, в 3-м, в 4-м и т. д. Понятно, что значения положительных и отрицательных эффектов окажутся симметричными, т. е. при той или иной абсолютной величине «возмущения» получим одни и те же итоговые цифры, но для положительных эффектов они будут со знаком «+», а для отрицательных — со знаком «-».

Итог не может не впечатлить. Природа создала мощную, совершенно неотразимую «заманку» к правильному экономическому поведению, предельно высветив очевиднейшую безоговорочную гибельность экономики положительных и самоускоряемость-спасительность-полетность экономики отрицательных обратных связей.

При вовлечении дополнительной единицы живого труда (т. е. понижении его производительности) данное «возмущение» (равновесия) сказывается (в затухающем режиме) многие годы и приводит к итоговому вовлечению, кроме первого (инициативного), еще трех таких же единиц живого труда. Отношение 1:3 таково, что обвал экономики ничем нельзя скрыть, он очевиден и не может быть замаскирован.

Правда, в РФ «работает» только денежная версия этого варианта. Общественное воспроизводство осуществляется с непрерывной «подкачкой» не труда как такового, а его денежной имитации в виде практически непрерывного инфляционного повышения цен. Однако эффект положительных обратных связей такой же, и воздействия на общественное воспроизводство примерно те же. Оно переполняется лжеовещественным лжетрудом, негативно изменяются соотношения между двумя подразделениями, между другими воспроизводственными совокупностями, почти начисто уничтожаются стимулы к инновационному обновлению основного капитала и т. д. В стране — всеобщая, охватывающая все слои общества убежденность в негодности используемой экономической модели и полное единство насчет настоятельной необходимости ее замены [7, 2]. Но пока что — никакой ясности с тем, чем ее заменить.

А искомая модель — здесь же, в той же созданной Природой конфигурации общественного воспроизводства, в пока что неиспользуемых естественных отрицательных обратных связях его движения. Все-го-то и нужно начать вводить в общественное воспроизводство не сиг-

нал падения производительности, каковым объективно является увеличение цен, а хотя бы малозначащий, но реально имеющий место в хозяйстве рост производительности труда, т. е. снижать отпускные цены соответственно уменьшению издержек (вследствие этого повышения производительности). И сразу будет запущен механизм дополнительных уменьшений воспроизводственной материи того же порядка 3:1. Он такой размерности, что даже самый малый-слабый «огонек» обязательно начнет «раздуваться»: 300%!

300% «прихода» для функционеров капиталистической экономики — настолько редчайшее чудо, необыкновеннейшее везение, заоблачная вершина желаний, сказочная сияющая мечта, что ради них капитал безоглядно-сиюминутно готов к любому сколь угодно чудовищному преступлению с максимумом риска собственной гибели (см.: [4, 770]). И главное: эти 300% — не единственные затерянные в дебрях экономики случайности. Это при введении в действие и нормальном повседневном функционировании отрицательных обратных связей — обыкновенность-заурядность каждого функционирующего капитала, всей экономики.

«Замысел», «расчет» Природы безошибочен. Любому нормальному субъекту экономики, перед которым обрисована эта перспектива функционирования в положительных и отрицательных обратных связях общественного воспроизводства, даже не до процедур «экономического выбора» (в описании этих процедур курсами экономика). Он, не дожидаясь таковых, стремглав метнется начать «работать» во второй. Иное поведение свидетельствовало бы о проблемах с его вменяемостью. Людям такого не придумать.

Однако для РФ тема выбора между показанными альтернативами пока еще даже и не открыта. Многочисленные исследования общественного воспроизводства до сих пор не продвинулись на положительные и отрицательные обратные связи, генерируемые спиралью его движения при «возмущениях» равновесности этого движения. Специалистам только еще предстоит заняться этим. Впереди — новые теоретические проработки воспроизводственных моделей, различные позиции, в том числе, конечно, ошибочные. И только после надлежащей скрупулезной научной выверки сама жизнь по-настоящему поднимет вопросы, представленные в настоящей статье. Однако главный тезис настоящей публикации, думаю, останется незабываемым. Социальное утрачивает возможности развития-восхождения вне гармонии с Природой.

Литература

1. *Корняков В.И.* Проклятие и/или спасение. Погибнет ли человечество в XXI веке // *Философия хозяйства*. 2011. № 5.

2. *Авилова О.* Подолинский: человек, который переубедил Маркса? // <http://igor-grek.ucoz.ru/publ/teoria/11>.
3. Побиск Георгиевич Кузнецов. Идеи и жизнь // <http://pobisk-memory.narod.ru/files/PGIdeasLife.pdf>.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
5. *Мордыга Ю.А.* Развитие техники от первых орудий труда до космонавтики // <http://www.bestreferat.ru/referat-171818.html>.
6. *Корняков В.И.* Забытое экономическое открытие И.В. Сталина и современность // Экономическая и философская газета. 2013. № 50—51.
7. *Радзиховский Л.* Кто виноват? Что делать? // Российская газета. 2015. 14 янв.

Я.В. ГРИГОРОВА

Проблема труда в философии постопераизма

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации труда во второй половине XX в., предпринятого теоретиками постопераизма. Постопераизм показал, что феномен современного общества может получить адекватное объяснение, если рассмотреть новую историческую форму труда.

Ключевые слова: современный марксизм, постопераизм, материальный труд, нематериальный труд, аффективный труд, всеобщий интеллект.

Abstract. The article is devoted research of transformations of labour in the second half of the 20th century undertaken by theorists of postoperaism. Postoperaism had come to a conclusion that the phenomena modern society could be adequately explained if we consider the historically new form of labor appearing now.

Keywords: modern Marxism, postoperaism, material labour, immaterial labour, affective labour, general intellect.

Анализ современного общества требует детального рассмотрения нового типа труда. Необходимо, с одной стороны, обосновать комплексный подход к развитию труда, с другой — показать социальные последствия такого развития. Для этого важно обратиться к исследованиям, ориентированным на общественно-исторический подход. Одним из таких исследований в современной социальной философии является *школа итальянского постопераизма*.

Теоретической базой постопераизма является марксизм, переработанный и дополненный, по выражению А. Негри, «французской пост-

структуралистской перспективой». Представителями постопераизма являются: Антонио Негри, Паоло Вирно, Маурицио Лаззарато, Бифо Берарди и др. Сторонники этой школы утверждают, что с середины XX в. происходит смена производственных парадигм, основанная на трансформации труда. Сущностью такой трансформации является появление новой ведущей формы труда, а именно труда нематериального. А. Негри и М. Хардт отмечают, что во всякой хозяйственной системе сосуществуют различные виды труда (аграрный, индустриальный), однако только один вид является доминирующим. При этом в количественном отношении такой труд не обязательно является главенствующим. К примеру, в XIX—XX вв. главным видом труда являлся промышленный труд, хотя в численном отношении преобладал труд работников сельского хозяйства. Доминирующий труд подобно водовороту затягивает остальные формы, видоизменяя их. В последние же десятилетия XX в. промышленный труд утрачивает свою гегемонию, и на смену ему приходит труд нематериальный. Такой труд обеспечивает создание либо нематериальных благ (знаний, информации, связей, отношений), либо эмоциональных реакций. Гегемония нематериального труда связана с ролью интеллекта, коммуникаций и языка, которую они начинают играть в любом типе труда.

Нематериальный труд выступает в двух разновидностях. Первая — труд интеллектуальный, или лингвистический: решение конкретных проблем, символических и аналитических задач. Данный тип труда связан с промышленным производством, включающим информационные и коммуникационные технологии. Теоретики отмечают, что материальный труд по производству товаров соединяется с нематериальным трудом и тяготеет к нему по своему характеру.

Вторая разновидность нематериального труда включает порождение и манипулирование аффектами. В современных условиях ценятся такие качества работника, как умение выстраивать отношения с клиентами, с коллегами. Продукты аффективного труда носят событийный, аффективный, символический характер, не фиксируемый в овеществленных результатах.

Примером такого труда является работа в сфере сервиса и коммуникаций, которая стала одним из ведущих сегментов современной экономики. Хардт и Негри считают, что «аффективный труд — это труд, который создает такие состояния, как непринужденность, благополучие, удовлетворение, беспокойство и страсть, или манипулирует ими» [1, 139].

Постопераисты отмечают, что нематериальный труд развивается только в центрах капиталистической экономики, а индустриальный, физический — перемещается на зависимые периферии.

Другой известный представитель постопераизма П. Вирно утверждает, что современный труд основан на «всеобщем интеллекте» [2].

Важно отметить, что понятие «всеобщий интеллект» (General Intellect), введенное Марксом в «Критике политической экономии. Черновой набросок 1857—1858 гг.», является основным понятием разработки идеи о нематериальном труде. Напомним известную цитату К. Маркса, посвященную «всеобщему интеллекту»: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [3, 215].

В современном труде всеобщий интеллект превратился в производительную силу, однако такое превращение связано с преобладающим значением живого труда (*lebendige Arbeit*) [4, 551] в современном производстве. Всеобщий интеллект существует как атрибут живого труда. Понятие живого труда в работах К. Маркса обозначает рабочую силу, взятую в ее индивидуально-телесном, воплощенном качестве, и противопоставляемую «мертвому труду», т. е. труду, овеществленному в товарах, деньгах и капитале. В процессе изменений современного труда меняется соотношение живого и мертвого труда в производственном процессе. В современном обществе на первый план выходит именно живой труд, который уже не сводится к овеществленному труду, господствующему в машинном производстве.

П. Вирно подчеркивает, что в эпоху индустриализации всеобщий интеллект был поглощен машинами, но в эпоху постфордизма он больше не представляет только знание, которое заключено в системе машин, а является вербальной кооперацией множества живых субъектов. Живой труд включает в себя формальное и неформальное знание, воображение, этические склонности, умственные способности.

Теоретиков постопераизма особенно интересует проблема стоимости. Авторы выдвигают предположение, что труд, основанный на всеобщем интеллекте, не измеряется в зависимости от времени, затраченного на производство. Во многих случаях продолжительность рабочего времени перестала быть фактором организации труда, а свободное время все больше начинает влиять на общественное бытие. Следовательно, отмечают постопераисты, необходимо пересмотреть трудовую теорию стоимости классического марксизма.

В заключение отметим, что концепция постопераизма сделала важный шаг к пониманию изменений современных форм труда. Однако мы не можем согласиться с идеей нематериального труда как гегемона современного общества. Сам термин «нематериальный труд», по нашему мнению, уводит от сути понимания современной историче-

ской формы труда. Согласимся с мыслью П. Осборна, который считает, что авторы концепции исходят из неверного понимания материальности. Как заметил Осборн, «названные процессы можно представить дематериализацией или нематериальностью лишь с точки зрения физикалистской концепции материальности XIX века» [6]. Действительно, признание современного труда как нематериального основывается на отождествлении материального и физического труда. В марксистской литературе материальный и физический труд нередко отождествляются, что приводит к мысли о дематериализации труда в современном обществе. Однако материальный и физический труд — это не одно и то же. Физический труд — процесс расходования физиологии человека в его социальном значении; материальный — процесс преобразования природы, присоединение к силам человека сил природы, производство человеком собственной жизни.

В современном труде используются сложные природные процессы, которые не позволяют судить о нем как о нематериальной деятельности. В качестве предмета выступают сложные микрофизические, макрофизические, химические, биологические объекты и процессы. Средствами такого труда являются сложная вычислительная, лазерная, телекоммуникационная и компьютерная техника. Формируются так называемые NBICS-технологии (нано-, био-, информационные, когнитивные и социальные технологии).

Таким образом, новая форма труда является материальной по своей сущности и требует адекватного по своей сложности интеллектуального обеспечения. В постопераистской теории показано такое усложнение интеллектуальной, лингвистической, коммуникативной составляющей современного труда. Кроме того, постопераисты пересматривают категорию времени как критерий измерения стоимости, выдвигая положение о кризисе стоимостных отношений. Важным достижением постопераистской теории является ориентирование на общественно-исторический подход. Сторонники этой концепции стремятся разобраться в вопросе, как и на каких условиях возможна капиталистическая организация общества, когда основными видами деятельности становится труд, основанный на всеобщем интеллекте.

Литература

1. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.
4. Маркс К. Экономическая рукопись 1861 — 1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47.

Э.Л. ДОРЖИЕВА

Экономика и секулярная этика: аспекты взаимодействия

Аннотация. Посвящается взаимосвязи экономики и нравственности, которые не являются антагонистами, показывается рациональность стратегии поведения хозяйствующих субъектов, основанной на сочетании экономических и этических мотивов.

Ключевые слова: рациональность, нравственность, поведенческие стратегии поведения, транзакционные издержки.

Abstract. The article is devoted to relationship of economics and morality. Economics and morality are not the antagonists, the rational strategy of behavior of economic entities due to a combination of economic and ethical motives.

Keywords: rationality, morality, behavioral strategy, transaction costs.

Секулярная (нерелигиозная) этика, основанная на любви и сострадании, прекрасно подходит для решения проблем XXI в. Только необходимо, чтобы этой этике следовало как можно больше людей [1].

В неоклассической экономической теории поведение экономического субъекта рассматривается как полностью рациональное, целью которого является получение максимальной прибыли. При этом экономическому субъекту безразлично, как изменится благосостояние других субъектов в результате его хозяйственной деятельности. Эта теория подверглась критике со стороны представителей неинституционального направления. Они полагают, что субъекты в экономике стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени [2].

Анализ стратегии поведения экономических субъектов в неинституциональной теории связан с теорией транзакционных издержек. Понятие транзакционных издержек впервые было введено Р. Коузом в его статье «Природа фирмы». Транзакционные издержки — затраты, связанные с совершением сделок, например, затраты на получение необходимой информации; расходы на ведение переговоров, оформление контрактов, контроль за их исполнением и защиту прав собственности и др.

Как и представители неоклассического направления, неинституционалисты рассматривают преследование собственных интересов, при этом различают три модели поведения экономических субъектов:

послушание, простое следование собственным интересам и, наконец, оппортунизм.

Послушание означает практически полное отсутствие мотива преследования собственных интересов в поведении экономического субъекта. По мнению О. Уильямсона, послушание «означает крайнюю степень регулирования, когда начисто исключается всякое проявление личного интереса». Предпосылка о простом следовании личным интересам означает, что «сделки заключаются на условиях, отражающих исходное положение сторон, причем эти исходные положения будут по требованию партнера полностью и честно раскрыты, сведения о реальном состоянии дел будут точными и исполнение контрактов будет обеспечено нерушимыми обязательствами сторон или непреложными правилами» [2, 4]. Однако наиболее частой стратегией поведения считается оппортунизм, понимаемый как преследование собственных интересов с использованием коварства. «Подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими... В более общем случае оппортунизм означает предоставление неполной и искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины или других методах запутывания партнера» [3].

Следуя рациональной стратегии поведения, экономические субъекты в ходе своей хозяйственной деятельности стремятся минимизировать транзакционные издержки оппортунистического поведения. Для этого необходимы соответствующие институты, которые трактуются в неоинституциональной теории как «созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие». Иначе говоря, стратегия поведения экономических субъектов зависит от институтов. Институты, способствующие развитию системы, будут закрепляться в обществе. Успешные результаты и породившие их действия запоминаются индивидами, становясь основанием для возникновения рутин, привычек и т. п., т. е. выстраивания аналогичных последующих планов действий, закрепления их в практике.

Одними из таких неформальных институтов являются *нормы этики*. Этические нормы во многих случаях более эффективно способствуют снижению транзакционных издержек, чем формальные нормы права (формальные институты). Этические нормы, мораль и нравственность объясняют некоторые экономические явления, которыми невозможно управлять с помощью формальных институтов.

Таким образом, величина транзакционных издержек зависит не только от формальных институтов, регламентирующих правила заключения сделок или гарантирующих обеспечение прав собственности, но в равной степени и от традиций поведения экономических

субъектов (неформальных институтов). Если в обществе не существуют норм морали и нравственности, уважения прав собственности, честности в соблюдении контрактов, доверия между экономическими субъектами, то контроль со стороны правовых институтов не обеспечивает минимизацию транзакционных издержек и эффективность хозяйственной деятельности. Добровольное выполнение этических норм снижает величину транзакционных издержек и способствует получению выгод экономическими субъектами, улучшая функционирование рынка. Таким образом, игнорируя институты этики, стратегию поведения экономических субъектов нельзя назвать рациональной, поскольку не приходится рассчитывать на успешность хозяйственной деятельности. Несоблюдение этических норм влечет также и другую опасность — распространение подобной стратегии поведения. В большинстве случаев экономические субъекты будут действовать нравственно до тех пор, пока так же поступают другие.

Эффективность различных институтов зависит от степени доверия между экономическими субъектами, а значит, и от менталитета. В этой связи в одних и тех же ситуациях для разных экономических субъектов минимизация транзакционных издержек, связанных с риском оппортунистического поведения, будет обеспечиваться разными институтами. Но независимо от формальных и неформальных правил поведения (институтов), экономический субъект стремится действовать рационально, т. е. ориентироваться на получение выгоды, причем эта выгода будет оцениваться исходя из собственных оценок, которые определяются рамками нравственности и морали. Именно нравственность, на наш взгляд, — критерий, характеризующий не только рациональность стратегии поведения отдельного экономического субъекта, но и уровень развития общества в целом. Однако нет рыночного хозяйства и общества, где экономические субъекты могут не нарушать этические нормы. В таком случае религиозная вера может предотвращать нарушения этических правил, убеждая в рациональности нравственного. Экономический субъект, отказываясь от кратковременной выгоды, при этом не нарушая этических правил, выбирает большую выгоду в долгосрочной перспективе, таким образом, действует стратегически рационально. Данная стратегия рациональна, если этические нормы общеприняты в данном обществе и если экономическому субъекту безразлично, какие стратегии выбирают другие субъекты.

Нравственность играет важную роль в том, как будет развиваться экономика. «Нравственность не может стать действенной вопреки экономике, а только внутри нее и благодаря ей... Говоря экономически, моральные нормы являются инвестициями в сотрудничество между людьми, которое должно или может принести чрезвычайные производительные преимущества для всех. Таким образом, нормы следует понимать не как ограничение индивидуальной свобо-

ды, как считают определенные направления либерализма, а как обеспечение еще большей свободы, когда создается требуемая долговременной деятельностью надежность взаимных поведенческих ожиданий. Тем самым можно экономически интерпретировать моральные нормы, как и конституции, институты, социальный порядок в целом. Также возможно интерпретировать экономически то устремление к нормам, которое всегда выдвигают на передний план богословы и философы: нормы могут приносить боль, они ограничивают возможности деятельности. Но они делают это, чтобы открыть в долгосрочной перспективе и для всех более и выше оцениваемые возможности деятельности» [4].

Безусловно, существует тесная связь между этикой, экономикой и религией. Этика и религия являются базисом экономической системы. К. Эрроу отмечает, что нормы общественного порядка представляют собой реакции общества, компенсирующие недостатки рынка, поскольку действие этических норм снижает трансакционные издержки. Целью рациональной стратегии поведения экономических субъектов является повышение эффективности общественного производства. Рациональная стратегия поведения экономических субъектов запоминается, становясь основанием для возникновения рутин и привычек, т. е. выстраивания аналогичных последующих планов действий, закрепления их в практике.

Литература

1. Далай-Лама. Этика для нового тысячелетия. СПб., 2001,
2. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. Вып.3.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.
4. Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства. М., 2006.

О.В. БЕРВЕНО, В.В. БРОНИЦКАЯ

Ноосферизация духовного производства как условие становления нового качества жизни

Аннотация. Статья посвящена проблемам и противоречиям ноосферизации и социализации современного развития. В ней рассмотрены основные тенденции и противоречия, которые необходимо снять для созидания экономики знаний и ноосферизма. Доказана ведущая

роль в этом процессе духовного производства и концепции качества жизни. Проанализированы функции духовного производства как сферы общественного производства, цели и средства ноосферного развития. Обосновано, что новое качество жизни становится ключевым фактором формирования новой ценностной основы социально-экономического развития.

Ключевые слова: духовное производство, качество жизни, социализация, ноосферизм, человеческое развитие.

Abstract. The article is devoted to the problems and contradictions noospherization and socialization of modern development. It examines the key trends and contradictions that must be removed for the building of the knowledge economy and noosferizma. Proved a leading role in this process of spiritual production and the concept of quality of life. Analyzed the function of intellectual production as a sphere of social production, the goals and means of development of the noosphere. It is proved that a new quality of life is becoming a key factor in creating new value basis of socio-economic development.

Keywords: spiritual production, quality of life, socialization, noosferizm, human development.

Духовное развитие человека становится все более важным императивом современного развития, так как именно обездуховленность, антигуманизм в развитии предыдущих периодов, как, впрочем, и в современности, являются катализаторами множества проблем, конфликтов, противоречий. Приходит время осознания человечеством необходимости кардинальных изменений в дальнейшем векторе развития в целях гармонизации общецивилизационного развития и сохранения человечества как вида. Эти тенденции актуализируют духовную компоненту развития человеческого потенциала и качества жизни. Качество жизни занимает особое место среди современных факторов развития. Анализу проблем качества жизни, методологических основ его исследования, выделения определяющих его факторов посвящены работы С. Айвазяна, В. Бобкова, А. Возмитель, Д. Дубровского, В. Жеребина, Г. Зараковского, А. Ильина, Е. Капустина, Э. Либановой, Ю. Осипова, А. Субетто и др.

Традиционно под качеством жизни понимают весь спектр человеческих потребностей и условий их реализации. Однако такая трактовка не отвечает в полной мере современным реалиям и тенденциям. Качество жизни не сводится только к оценке условий существования человека, но и является источником развития, сценарием человеческой жизнедеятельности. Мы предлагаем исходить из следующего понимания качества жизни: качество жизни — это мировоззренческая концепция, характеризующаяся системным виденьем условий и возможностей дальнейшего развития человека и всей человеческой цивилиза-

ции, в основе которой лежит принцип гармонизации природной, социальной и духовной составляющих человеческого бытия. Такой подход позволяет выделить ключевую роль человеческого потенциала в формировании качества жизни и актуализировать духовную компоненту человеческого развития.

Для современного мира более характерны тенденции антиразвития, чем тенденции развития. Если, конечно, понимать под развитием не просто беспорядочные стохастические движения и изменения, а нечто большее, готовность к развитию, потенциал развития как «обретение особо нацеленного как раз на развитие состояния социума и хозяйства» [1, 9]. Эти контртенденции находят свое выражение в обездуховленности современного общества, в атомизации индивидов, гедонизации потребностей и др. Но самым главным аспектом данной проблемы, по нашему мнению, является отсутствие целостного системного знания о дальнейших путях и перспективах развития человеческой цивилизации, в которых центральное место занимало бы развитие самого человека. Таким образом, проблема развития превращается в первую очередь в проблему *саморазвития*: развития человека и общества. Мы полностью согласны с мнением П. Сорокина, согласно которому «устройство любого общества, совершенство его социальной жизни, духовное и материальное процветание и, наконец, его исторические судьбы зависят, прежде всего, от природы, свойств и поведения членов этого общества» [2, 188].

Мы считаем, что неперенным атрибутом такого развития и ведущим его фактором становится новое качество жизни, которое подразумевает не только качественное совершенствование условий жизнедеятельности человека, но и совершенствование самой жизнедеятельности и самого человека. Ю.М. Осипов высказывает следующее мнение: «...развитие вовсе не сводится к безудержному росту материально-технической производительной базы, безграничному возрастанию потребительского богатства и столь же безмерному преумножению предметно-полезного разнообразия текущего жизнеотправления, а наоборот, восходит к качественному обновлению самого человеческого бытия в целях его перспективного совершенствования...» [1, 10].

Такое развитие и совершенствование человека и общества невозможны вне поля культуры. Именно духовность является тем стержневым основанием, которое создает предпосылки качественного обновления человеческого сообщества, расширения его созидательных возможностей и передачи будущим поколениям достойного наследства. «Духовные силы человечества, — как верно отмечает В.И. Вернадский, — его мысль, его воля и его нравственная сила, несомненно, являются основным, определяющим условием национального богатства. Обладая ими, народ в сложных условиях исторической жизни приоб-

ретет и добудет себе необходимые для их проявления силы природы» [3, 118].

В условиях высокой степени неопределенности и поливариантности развития цивилизации необходимость выбора сценария развития и реализации на его основе стратегии развития становится насущной необходимостью. На наш взгляд, из всего разнообразия существующих футурологических концепций и подходов наиболее полно отвечает требованиям духовного производства (совершенствования человека и общества) и обеспечения нового качества жизни концепция «экономики знаний».

Движение к экономике знаний не только в странах, выступающих объектами, а не субъектами глобализации, но и в наиболее развитых, связано с огромным количеством противоречий и контртенденций. Одним из значительных противоречий на пути к построению экономики знаний является противоречие между необходимостью ради стратегического сохранения и спасения человечества перехода к ноосферизму и нежеланием элиты изменить существующий порядок в сторону его гуманной социализации. Именно ноосферная направленность развития способна обеспечить духовный прорыв человечества и содействовать становлению экономики знаний.

В данном исследовании мы ставим целью обосновать грядущее построение ноосферного общества знаний как пути спасения человечества и рассмотреть существующие противоречия и контртенденции ноосферизации социально-экономической глобальной системы. Такой путь развития — более путь просвещения, чем коммерциализации знаний, и более соответствует русской ментальности. Русская система хозяйствования всегда базировалась на приоритете целого над частным, взаимовыручке и взаимопомощи. В «русском пространстве» (под этим термином мы понимаем не столько территориальную или этническую принадлежность, сколько включенность в великую русскую культуру, в общность ее ключевых идей и ценностей, характерную для большей части российского населения и для многих представителей населения «постсоветских» стран) всегда существовали высокая ценность знания и особые подходы к их распространению (открытию). В настоящий момент именно русское пространство стало зоной наибольшей концентрации социально-экономических, социоприродных и духовных противоречий, которые в условиях глобального империализма приобрели особенно сложный характер. Интеллектуальный и духовный потенциал, накопленные в русском пространстве (несмотря на множество негативных тенденций, осуществляющих разрушительное воздействие), способны содействовать преодолению противоречий и ноосферному прорыву. В работах А. Субетто широко представлена система доказательств и обоснований того, что именно Россия станет колыбелью ноосферизма [4, т. 1, т. 8, кн. 1].

Среди ученых, исследующих сложность и противоречивость современного этапа развития, противоречия глобализации и постиндустриальных тенденций, можно выделить В. Базилевича, А. Бузгалина, А. Гриценко, А. Колганова, В. Кутырева, Ю. Осипова, Ю. Пахомова, А. Субетто, С. Тютюнникову и др. Комплексные и системные исследования этого вопроса не могут быть абсолютно исчерпывающими в силу изменения реалий, обнаружения дополнительных, ранее не исследованных моментов и изменений, связанных с эпистемой, парадигмами и соответственно методологией исследования.

Качественное и количественное сужение базы построения ноосферизма, экономики знаний и образовательного общества в современных условиях приобретает видимость обратного процесса, однако раскрытие и анализ ряда превращенных форм позволят выработать теоретические основы выхода на сотериологическую магистраль социобиосферно-ноосферного развития.

Показателен и символичен пример выдающегося русского ученого М.В. Ломоносова, роль которого в истории русской науки и словесности является достаточно весомой и неоспоримой. Мы не будем приводить здесь подробный анализ его достижений в различных областях науки, а рассмотрим на примере его жизни развитие как движение к ноосферизму. М.В. Ломоносов имел крестьянское происхождение, и путь, который он прокладывал в науке, был тернист и противоречил современным ему социально-экономическим реалиям (ведь право на обучение он получил благодаря фальсификации документов). Сила духа этого человека (русского человека), его ориентация на общественные ценности, на саморазвитие и самосовершенствование, его бесконечное стремление к познанию символичны. Ведь они показывают тот потенциал, который может содействовать разрешению критической массы противоречий на пути осуществления ноосферизации. Следует еще подчеркнуть, что качество жизни этого выдающегося русского ученого и человека, безусловно, определялось не теми материальными благами, которые стали ему доступны с приходом известности, а той общественной пользой, которую принесла его интеллектуально-духовная деятельность. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что качество жизни М.В. Ломоносова было безграничным.

Современные условия, в которых происходит процесс десоциализации и элитаризации образования, дают заказ на иное представление образа и биографии Ломоносова, на поиск в его биографии предков «из элиты», установления возможного отцовства Петра I и т. д. Однако аргументированность этих версий сомнительна, в то время как социальный заказ на них вполне понятен. Заказ на определенные исследования, посвященные нахождению в биографии Ломоносова элитарной наследственности, вне зависимости от их обоснованности, абсолютно

вписывается в логику десоциализации духовного производства и дено-осферизации социально-экономического развития. Подобные «исследователи», очевидно, не понимают, что элитаризация биографии неприменима ко всем выдающимся представителям «низшего сословия», из которого вышли многие выдающиеся композиторы, писатели, поэты, ученые, полководцы и т. д. (к слову, Христос — сын плотника, Мухаммед — пастух).

Доказательства элитарности и передачи по наследству способностей воспринимаются исключительно в «клиповом» сознании, активно формируемом «глобализаторами» в десоциализирующей системе образования и в искаженном информационном пространстве. Происхождение многих выдающихся людей в истории со всей очевидностью показывает, что способности определяются не элитным происхождением.

Социально-экономические условия, в которых появляются видение социальных перспектив и духовная социальная мотивация, приводят к колоссальной социализации духовного производства, что содействует становлению нового качества жизни. Например, после Великой Октябрьской социалистической революции огромное количество ученых, писателей, поэтов, художников рабоче-крестьянского происхождения составили «интеллектуальную элиту», которая осуществила становление советской науки, литературы, искусства, занявших достойное место в мировой сокровищнице знаний. Движение к ноосферному развитию связано с социализацией духовного производства, его превращением из кастового — с преобладающим механизмом передачи знаний по наследству, локальным во времени и пространстве, к духовному производству — с практически неограниченным доступом к знаниям. В СССР (до времен «хрущевской оттепели») социализация знаний была очень высокой как по количественному, так и по качественному измерению. После «хрущевской оттепели» наметилась некоторая элитаризация отдельных видов образования через увеличение зазора между знаниями на выходе после среднего образования и знаниями, необходимыми для поступления в некоторые вузы, что предполагало большие возможности для поступления в них у тех, кто мог позволить себе нанять репетиторов. Тем не менее в целом весь период существования СССР знания социализировались как нигде в мире. Тенденция социализации знаний — это, прежде всего, преобладание общей социализации знаний в планетарном масштабе над контртенденцией — десоциализацией. Такое движение знаний от узкого, кастового, закрытого состояния к расширенному доступу для все большего числа людей было преобладающей тенденцией до разгула неолиберальных теории, идеологии и практики, оформившихся к настоящему моменту в фашиствующий глобализм ТНК. Движение к ноосферизму, наиболее адекватное Большой логике социоприродного развития, всегда было

дискретным и противоречивым, но собственно развитие человечества определялось преобладанием социализации духовного производства (количественной и качественной) и духовной сущности качества жизни над тенденциями десоциализации. Ломоносов был не только выдающимся русским, но и планетарным явлением, не только в силу результатов, достигнутых им, но и потому, что его достижения — достижения человека труда, должного быть отчужденным от знаний логикой толпоэлитаризма, вооруженной соответствующей идеологией.

Равный доступ к образованию всех представителей социальных групп всегда был фактором высокой социальной вертикальной мобильности. Отказ от социальной справедливости, происходящий не только на постсоветском пространстве, но и в государствах со стабильными экономиками, приводит к десоциализации образования сразу по нескольким причинам, а именно: усиление и закрепление неравных потребительских социальных стандартов и качества жизни для элит и групп, к ним не принадлежащих, закрепление и придание элитарности родоплеменного характера, передающегося по наследству. Разумеется, не считая сугубо прагматичных моментов экономии государственного бюджета и желания сохранить безопасность своего положения элитой за счет неумения народа понимать, что происходит и осознанно защищать свои права. Как отмечал в своих работах А.С. Панарин, многое из того плохого, что делается с народом, необходимо каким-то образом оправдать, а легче всего это делать, дискредитируя народ [5]. Это стало еще одним аргументом в пользу процесса десоциализации знаний для «правлящей элиты». Отлучая народ от фундаментального рефлексивного знания, легче формировать послушную массу. За последнее время сформировалось множество устойчивых представлений, в которых причинно-следственные связи игнорируются. Так, например, представление о том, что планировать ребенка имеют право только те, кто может его обеспечить на высоком уровне — жильем, питанием, высшим образованием и всем необходимым, в общественном сознании является практически аксиомой. При невысоком уровне обеспеченности жильем, существовании значительной части населения за чертой бедности в постсоветских странах, вполне логично, что заводить детей имеет право незначительная часть семей. Но ведь логика должна быть совершенно иная — общество должно обеспечивать всем возможность иметь детей, пока не стоит вопрос о реальной нехватке ресурсов, а тем более, когда стоит вопрос спасения народа от вымирания. Ведь сущностные человеческие потребности должны удовлетворяться всеми людьми, иначе существует опасность фрагментации качества жизни. Намного более важным для экономии ресурсов будет освобождение всех слоев общества от деградиционно-паразитических вмененных потребностей — алкоголизма, наркомании, игромании, сетимании и т. д.

Духовное производство в своем ноосферном развитии является базовой основой формирования экономики знаний и повышения качества жизни. Причем в данном случае повышение качества жизни будет всеобщим, а не фрагментарным, затрагивающим только определенные («элитарные») слои общества. Исследование тенденций развития духовного производства и его трансформации в условиях глобализации предполагает установление определенных критериев целостности, антропоцентричности и ноосферности духовного производства, уровня духовной безопасности общества как условия духовного развития. В условиях информационной капиталистической глобалистской экономики духовное производство через свои превращенные формы и через систему социально-экономических отчуждений превращается в непосредственную разрушительную силу.

Превращение не только науки, но и целостного полиструктурного и ноосферного знания в непосредственную производительную силу технологически уже осуществимо: даже если не в масштабах общепланетарных, то в отдельных отраслях отдельных государств. Но наличная форма глобализма транснационального капитала не позволяет гуманизировать социально-экономическую систему, что ведет к процессам разрушения культуры, духовного производства и общественного воспроизводства в целом. На основе этого происходят резкое снижение качества жизни населения и появление его превращенных форм — квазикачества жизни.

Функции духовного производства связаны с универсальной его сущностью и не зависят от формации, господствующей эпистемы и иных исторических реалий. Но в то же время изменение социально-экономических реалий приводит к появлению дополнительных временных функций. Функции духовного производства, даже внутренние, сущностные, актуализируются по-разному на различных исторических этапах развития социально-экономической системы. Производных функций может быть сколь угодно много, что зависит от социально-экономических реалий всего общественного воспроизводства. Функции духовного производства могут быть совпадающими с функциями всего общественного воспроизводства, а могут быть специфическими, имманентными собственно духовному производству. Функция духовного производства, выделенная К. Марксом, — производство общественного сознания в системе общественного воспроизводства, естественно, практическая функция, которая исторически возникла одной из первых. Эта функция духовного производства формирует стандарты качества жизни, те представления людей о желаемом качестве, которые ложатся в основу их жизненных стратегий и сценариев. Кроме этого, наряду с материальным духовное производство выполняет функцию общественного воспроизводства. Деятельность в любой сфере общественного воспроизводства является и воспроизводством само-

го человека, иное дело очеловечивающее или расчеловечивающее. Духовное производство в свободных своих формах имеет функцию очеловечивающую. Эта функция содействует развитию человеческого потенциала, раскрытию тех его свойств, которые наиболее полно содействуют качественному развитию человека и нового качества его жизни. Воспитательная функция духовного производства является производной от функции воспроизводства человека и общественного воспроизводства. В свою очередь, воспитательную функцию можно детализировать в зависимости от воздействия духовного производства на различные стороны духовности — нравственную, эстетическую, интеллектуальную. Однако воспитательная функция является производной от функции соучастия в общественном воспроизводстве в случае, если воспитание основано на традиции, если же происходит революционная ситуация, к власти приходят люди, стремящиеся сделать какой либо культурно-исторический тип массовым или создать совершенно иную формацию людей, воспитание становится вмененной функцией. Это характерно для современных условий, в которых в массовом порядке происходит выработка послушания, гедонизма, клипового мышления и потребительских идеалов.

Любая функция духовного производства по-разному осуществляется в свободных и превращенных формах духовного производства. Поскольку превращенная форма духовного производства является формой его самоотрицания, то очеловечивающая функция становится расчеловечивающей, воспроизводство общественного сознания лишается опережающего момента, функция общественного воспроизводства осуществляется с усилением и консервацией отчуждений и противоречий социально-экономической системы. Производство духовного капитала является одной из важных функций духовного производства наряду с производством социального, интеллектуального, гуманитарного и культурного капитала. Посредством производства и воспроизводства духовного капитала, духовное производство реализует в значительной степени свою интегрирующую функцию, проявляющуюся в связывании духовного и материального производств, различных их сторон, субъектов, отношений и структур в единую систему общественного воспроизводства. Основным связующим элементом этого процесса является качество жизни, объединяющее в логическое единство материальное и духовное производство посредством детерминации потребностей.

Интегрирующая ноосферная функция духовного производства связана с еще одним обстоятельством. Духовная природа человека, хотя и получает возможность проявления, самоосуществления и актуализации только при наличии социально-экономических условий, но подчинена и внеэкономическим закономерностям. Можно развить таланты, воспитать нравственных людей, если ставить такую цель в очеловечи-

вающей социально-экономической системе, но целенаправленно, гарантированно воспитать гения невозможно, поскольку достоверных, практически применимых теорий по этому поводу не существует. Таким образом, духовное производство подчиняется природным закономерностям, логике развития биосферы и опосредованно, как часть общественного воспроизводства, в качестве системы, связанной с духовной природой человека. Многие функции духовного производства изначально, в синкретическом единстве существовали с момента возникновения духовной деятельности, однако развитые формы проявляются на различных этапах социально-экономического развития. Системное структурирование функций духовного производства должно выглядеть следующим образом: они делятся на внутренние и внешние, основные и производные, собственные и вмененные.

К сущностным внутренним функциям духовного производства относятся создание идеального образа человеческой деятельности и одухотворение внешнего мира. Реализуясь в процессе общественного воспроизводства, сущностные внутренние функции проявляются как внешние. К ним относятся: производство общественного сознания, производство духовных ценностей и воспитания. Именно в единстве внешних и внутренних сущностных функций происходит становление мировоззренческой концепции качества жизни.

Основная ноосферная функция в духовном производстве актуализируется на определенном этапе при достижении эмерджентного эффекта внутренних сущностных функций и реализуется как внутренняя, связывающая все сферы духовного производства в единую систему, и внешняя, связывающая духовное и материальное производства в систему общественного воспроизводства и увязывающая общественное воспроизводство с логикой социоприродного развития.

Производными выступают функции: культуротворческая, социализации человека и общественного целеполагания. Вмененные функции духовного производства, заданные извне, в зависимости от конкретно исторических условий, на современном этапе это антикризисная, модернизационная и наиболее актуальная — сотериологическая (мироспасительная).

Доминирование тех или иных функций, реализация их преимущественно в свободных или превращенных формах духовного производства опять-таки связаны с конкретными историческими реалиями, имеют свою специфику в зависимости от культурных, институциональных особенностей стран. Вменение продуктов превращенных форм духовного производства в качестве общественной ценности может осуществляться и в связи с такой функцией духовного производства, как воспроизводство духовных и материальных потребностей. В условиях глобализации, в значительной мере осуществляющейся в форме глобализма транснационального капитала, приобретает мас-

штабность целенаправленное формирование потребностей, во многом деструктивных, расчеловечивающих. Точно так же, под воздействием вменения потребностей легче осуществляется и вменение представления в качестве общественных ценностей, продуктов деятельности превращенных форм духовного производства.

Как производную функцию духовного производства можно рассматривать и формирование и воспроизводство национальных элит, и воспроизводство базовых общественных ценностей. В значительной мере осуществление этой функции через превращенные, а не свободные формы духовного производства может приводить к возникновению псевдо- или антиэлит и вытеснению существенных ценностей вмененными.

Духовному производству могут вменяться и очеловечивающие функции. На современном этапе наиболее значимой является сотериологическая, миротворческая функция духовного производства, возникающая в силу экологического, экзистенциального и социально-экономического тупика развития, в котором оказалось человечество. Менее глобальной, вмененной на современном этапе функцией является антикризисная, которая, по сути, может реализовываться как в превращенных формах духовного производства, так и в свободных. В первом случае антикризисные меры носят характер косметического ремонта здания с разрушающимся фундаментом и осуществляются с помощью социал-дарвинистских, неомальтузианских позиций посредством предоставления основных общественных ресурсов паразитарным финансовым структурам; во втором — антикризисная функция духовного производства может осуществляться качественно иным образом, быть связанной с продуманной стратегической долгосрочной политикой, примером чего во многом может служить Китай.

Модернизационная функция, в отличие от сотериологической, носящей исключительно целостно очеловечивающий характер, по аналогии с антикризисной может реализовываться в превращенных и свободных формах духовного производства. Можно сделать следующий вывод о методологических и теоретических основах духовного производства как социально-экономической деятельности. Духовное производство одновременно выступает и видом общественного воспроизводства, и духовной деятельностью человека, связанной с человеческой духовной природой, и та, и другая сторона духовного производства существуют в противоречивом единстве. В духовном производстве коллективная или индивидуальная творческая деятельность человека предстает как социально-экономическая деятельность. Поскольку духовное производство функционирует в системе общественного воспроизводства, то в нем проявляются все закономерности, потенциалы и противоречия социально-экономического развития. Общественное воспроизводство по соразмерному матричному принципу не может не

быть подчинено логике социоприродного развития, которая имеет и свое проявление в духовном производстве.

Трактовка духовного производства должна быть широкой в двух значениях: как системы воспроизводящегося цикла движения духовных благ, а не только непосредственного процесса их производства, и как хозяйственной деятельности, обусловленной социально-экономическими и надсоциальными закономерностями. Как тенденцию движения духовного производства можно отметить движение к совпадению духовной деятельности и духовного производства, поскольку духовная деятельность все большей мерой становится социально-экономической, не только опосредованно, но и прямо. Именно в системе духовного производства происходят зарождение и формирование концепции качества жизни, тех базовых духовных ценностей, которыми определяется человеческое бытие. Качество жизни — это ориентир человеческого существования и развития, сценарий человеческой жизнедеятельности, содержащий в себе миропасительные установки.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российский вызов развитию России (вместо конференционной резолюции) // *Философия хозяйства*. 2013. № 1.
2. *Сорокин П.А.* Современное состояние России // *Новый мир*. 1992. № 5.
3. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. Сборник цитат. М., 2008.
4. *Субетто А.И.* Соч.: Ноосферизм: В 13 т. СПб.; Кострома, 2006—2009.
5. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Унификация — основа глобальной экономики или самоуничтожение человечества? Ответ с точки зрения евразийской философии истории

Аннотация. В работе дана характеристика культурной унификации и унификации биосферы — процессов, сопровождающих формирование глобальной экономики. Анализ проведен с позиции евразийской философии истории. Раскрыты важнейшие составляющие культурной унификации («универсальные» ценности, мировая война, техносфера) и унификации биосферы (производство и распространение генетиче-

ски модифицированных организмов — ГМО). Показаны перспективы дальнейшего научного исследования евразийской философии истории, ее взаимосвязь с естествознанием и востребованность в социально-экономической и политической практике современных государств.

Ключевые слова: глобальная экономика, унификация, евразийство, философия истории, национальная культура, техносфера, биосфера, генетически модифицированный организм (ГМО).

Abstract. The article is devoted to a scientific study of cultural unification and unification of biosphere processes accompanying the formation of the global economy. The analysis conducted from the perspective of the Eurasian philosophy of history. Disclosed are the most important components of the cultural unification («universal» values, world war, technosphere) and unification of the biosphere (the production and distribution of GMOs). The prospects of further research of the Eurasian philosophy of history, and its relationship with science and relevance in the socio-economic and political practice of modern States.

Keywords: global economy, unification, Eurasianism, the philosophy of history, national culture, technosphere, biosphere, genetically modified organisms (GMOs).

Мы живем в век глобализации — мировой экономической, политической и культурной интеграции. Попытки всемирного объединения можно считать удачными и не очень, но нельзя их отрицать, равно как и стремление отдельных стран быть лидерами-объединителями всего человечества. Глобальная экономика невозможна без так называемой *общечеловеческой* культуры. Авторами *универсальных* ценностей на протяжении последних трех-четырёх столетий выступают представители европейской (романо-германской) цивилизации. Эстафету в распространении общечеловеческой культуры в XX в. приняли США.

Дело в том, что главная экономическая задача Западной Европы, изначально определенная географией, — это освоение океанических просторов. Возможность выхода в моря и океаны, предоставленная географическим положением, реализовывалась, прежде всего, благодаря таким психологическим установкам романо-германских народов, как индивидуализм, чувство превосходства и «мещанский дух» [1, 142]. Именно европейская цивилизация предлагает идею-миф общечеловеческой культуры и под универсальными ценностями и стандартами, как правило, подразумевает собственные образцы. С точки зрения евразийства, попав в океанические просторы и получив доступ ко всем частям света, романо-германцы почувствовали себя властителями судеб всего человечества. Благодаря океану у европейцев есть возможность оказывать экономическое, политическое и культурное влияние на многие народы. И еще в Древнем мире освоение Средиземного моря, объединившего народы вокруг античной Греции, а затем и Римской

империи, способствовало формированию идей эгоцентризма и «всечеловечества». Европейский космополитизм, согласно евразийству, «правильнее было бы назвать откровенно общеромано-германским шовинизмом» [2, 35]. Идея общечеловеческой культуры, предложенная романо-германской цивилизацией, — это первый шаг на пути унификации национальных культур.

Как известно, унификация подразумевает приведение чего-либо к единообразию, к единой форме или системе. В точных науках под унификацией подразумевается замена переменных на конкретные значения при выводе логической формулы. Идея общечеловеческого единства, одной для всех народов и культур исторической линии развития и мысль, что кто-то на этом пути отстал и его можно заменить европейскими «прогрессивными» силами, — это идеологическая основа глобальной культурной унификации. Вмешиваясь в естественные процессы культурного становления того или иного народа, предлагая ему общечеловеческие образцы ведения хозяйственной деятельности, европейская цивилизация лишает его собственного национального будущего. Упрощение системы ведет ее к гибели. И не стоит удивляться, что логическим концом глобальной экономики будет разрушение национальных видов хозяйственной деятельности и утрата способности вести тот или иной тип хозяйства в определенном географическом регионе.

Политические катастрофы культурной унификации — это мировые войны. Без таких элементов техносферы, как транспорт, оружие, эффективные системы коммуникаций, невозможно представить ни глобальную экономику, ни ведение широкомасштабных войн. Техносфера — это по сути глобальная унификация культуры и природы, которая осуществляется благодаря распространению влияния европейской цивилизации. По мнению Л.Н. Гумилева, человечество порой пытается заменить техносферой живые процессы, обогатившие нашу Землю энергией. Но, согласно ученому, техносфера не может сама что-либо создавать, а лишь медленно разрушается. В этом важнейшее отличие техносферы от биосферы, то, что их противопоставляет. Предметы техносферы — мертвая природа и застывшая культура — лишены саморазвития. Полярность техники и жизни, убежден Лев Гумилев, неоспорима. Научно-технический прогресс можно рассматривать как планетарное явление, благодаря распространяющей его европейской цивилизации. Материальная сфера теснейшим образом связана с духовной (искусством, наукой, религией), и, безусловно, материальные носители способны оказывать унифицирующее воздействие и на духовное, идейное содержание предметов культуры. Казалось бы, произведения искусства и литературы не образуют никакой особой однородной сферы, ничего безвозвратно не отнимают у природы (биосферы). Национальные культуры разнообразны, неповторимы и представ-

ляют своего рода мозаику человеческого творчества, поэтому они не могут отрицательно влиять на естественные процессы развития природы и общества [3, 291—295]. Нивелировка здесь возможна лишь через материальную культуру.

Европейская цивилизация распространяет по всему миру единообразные средства связи, устройства и приборы, новые виды оружия и военной техники — все это унифицированная материальная культура. Транспорт, торговля и война, действительно, способны объединить все человечество, что показывает нам XX в., но изначально материальная культура была не менее разнообразной, чем духовная. Неоднородность материальной сферы определялась неповторимостью природного ландшафта, различными видами хозяйственной деятельности, особыми для каждого этноса. Мозаичность антропосферы, по мнению Льва Гумилева, — это необходимое условие ее выживания. Именно мозаичность способствует распространению человека как вида по всей Земле. Человечество не может быть единообразным (носителем одной культуры). Поэтому глобальная культурная унификация во всех ее проявлениях сама по себе — источник бесконечных межэтнических конфликтов регионального и мирового уровня. Конфликт, как известно, — условие развития и способ разрешения возникающих в процессе жизни проблем. Без столкновений и противоречий невозможно представить существование человечества. Но необходимо помнить, что современная техносфера содержит в себе и те средства, которые могут уничтожить планету в результате очередного мирового военного конфликта.

Унификация — основа общечеловеческой, глобальной экономики. Мировая экономика невозможна без унификации материальной и духовной культуры. «Общечеловеческий» — это прилагательное используется современными политиками, как правило, в значении «универсальный», «единообразный». Слово «общечеловеческий» не предполагает органического единства и разнообразия культур так же, как и глобальная экономика не ставит своей задачей сохранение уникальных национальных типов хозяйственной деятельности. Евразийство предполагает совершенно другой подход. Так, в евразийской философии истории под «мировым хозяйством» подразумевалась экономика «океанических» держав, которая не учитывает интересы континентальных стран, и поэтому в полном смысле слова не может считаться мировым хозяйством. Так, например, П.Н. Савицкий писал в связи с этим: «Океан един, континент раздроблен, и поэтому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство океаническое» [4, 22].

Глобальная экономика, о которой идет речь в наши дни, создана на основе «океанического принципа», что является безусловным достижением колониальных держав, например, Великобритании. Именно Великобритания, в свое время, как единое государство могла рассмат-

риваться лишь с точки зрения единства океана. «Именно океан обеспечил Великобритании многие экономические выгоды: более дешевый путь обмена, меньшую зависимость от расстояний и т. д.» [5, 195]. В отличие от США или Великобритании, Россия, например, это континентальное государство, которому необходимо использовать в своем экономическом развитии выгоды континентальных соседств. Если посмотреть на карту и соотнести размер территорий и численность населения континентальных государств, то они способны составить достойную конкуренцию и предложить свои альтернативы интегральным экономическим проектам океанических держав.

Лидер океанических держав США, стремясь к экономическому и политическому первенству на планете, опирается, в том числе, и на такие инструменты, как глобальная культурная унификация и унификация биосферы. Культурная унификация, как было сказано выше, — это распространение универсальных ценностей, за которыми скрываются образцы европейской культуры. Важнейшими из них в сфере экономики и политики выступают ценности европейского либерализма, трансформированные в «демократические принципы» «открытого общества». Но с точки зрения евразийской философии истории это отнюдь не те достижения, которые способствуют полноценному развитию и процветанию общества. Так, по убеждению Л.Н. Гумилева, цивилизацию могут погубить «свободное общение» и «свободная любовь», утрата традиций и запретов, необходимых для выживания социума. Ученый замечал, что если человек «выигрывает в общественной свободе, то теряет при контакте с природой, точнее — с географической средой и собственной физиологией, ибо природа находится внутри наших тел» [6, 88]. Важно заметить, что унификация национальных культур сопровождается унификацией биосферы. И лидером здесь также выступают США. Дело в том, что в конце XX в. США приобретают монополию на производство и распространение генетически модифицируемых (ГМ) культур.

Как известно, ГМО — это организм, генотип которого был сознательно изменен человеком при помощи методов генной инженерии. Название «ГМО» применяется для растений, животных и микроорганизмов с целенаправленным изменением генотипа. При этом конечные результаты таких изменений, их влияние на биосферу в большинстве случаев не рассматриваются, так как сама цель разработки и внедрения ГМО связана не с природными, а с социальными процессами: борьбой с голодом, с болезнями и старением человека, стремлением добиться экономической независимости или превосходства одной страны над другой. В сельском хозяйстве и пищевой промышленности ГМО называют организмы, модифицированные внесением в их геном одного или нескольких трансгенов. Таким образом, создание ГМО наделяет человечество безграничными возможностями соединять в биосфере все со

всем, соединять гены организмов, которые не скрещиваются в природе. Выход за грань видового разнообразия, нивелировка природных, видовых различий — это то, что осуществляется при создании и распространении ГМО. Поэтому можно утверждать, что ГМО — это унификация биосферы.

В конце 1990-х гг. США начинают практиковать крупномасштабные коммерческие посадки ГМ растений. Значительное место среди них занимают культуры соевых бобов, кукурузы и хлопка. В настоящее время ГМ культуры занимают от 85 до 91% площадей, засеянных этими тремя основными сельскохозяйственными культурами, почти 171 млн гектаров [7]. Существуют ли границы на пути распространения ГМО? Казалось, их может установить человеческое общество, каждое отдельное государство, но механизмы развития биосферы до конца человечеству не известны.

Воздействие ГМО на биосферу уже можно наблюдать и сейчас, когда стало очевидным снижение многообразия жизни и эффективности действия механизмов поддержания функций живой оболочки Земли в ее естественном состоянии. Как известно, каждый вид, популяция имеют не только свою особую «норму реакции» на факторы окружающей среды, но и «пределы средообразующей жизнедеятельности», поэтому планета обладает биосферой, представленной мозаикой разнообразных экосистем. Каждый тип экосистемы — результат преобразования участка территории или акватории строго определенной группой организмов. И человек также живой организм биосферы, и он изменяет природный ландшафт в результате своей жизнедеятельности.

В 1920-х гг. евразийцами была разработана геософия, которая помогает выявить органическую взаимосвязь между человеческим сообществом, растительным и животным миром конкретного региона. Важнейшее понятие евразийской геософии «месторазвитие». *Месторазвитие* — это комплекс условий жизнедеятельности социума, образованный на основе «генетических вековечных связей между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой» [8, 282]. Воздействие месторазвития на формирование этноса настолько велико, что каждый отдельный народ органически связан с окружающим его природным миром и представляет единый с ним географический индивидуум — одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический ландшафт.

Опираясь на методологию локальных цивилизаций, сторонники евразийства выделяют большие и меньшие месторазвития, отрицая существование единого месторазвития, общего для всего человечества [1, 141]. В своей работе «Географический обзор России-Евразии» П.Н. Савицкий обращается, например, к достижениям отечественной геоботаники. Он приводит работу В.В. Алехина (1882—1946) «Что такое

растительное сообщество» (1924). В.В. Алехин — основатель русской геоботаники, и в его работе ясно изложены представления о фитоценозах как о закономерных устойчивых, экологически и исторически обусловленных сочетаниях растений, обладающих определенным составом и строением. Алехин, его ученики и последователи считали, что не всякое сообитание есть сообщество, и, в частности, они не признавали сообществами искусственные или случайные сочетания: посевы культурных растений, заросли сорняков и т. п. [8, 287]. Мозаичность биосферы основана именно на таких растительных сообществах, которые исторически возникли в результате естественного природного развития и взаимообусловлены, а глобальная экономика предполагает единообразие в использовании методов ведения сельского хозяйства и замену природного искусственным. О чем свидетельствует распространение ГМО.

Исходя из природного разнообразия нашей планеты, Лев Гумилев объясняет многообразие этносов, прежде всего, при помощи биолого-географических факторов. Мозаичность антропосферы, по мнению ученого, — результат сочетания различных географических условий с микромутациями внутри человеческого вида, производимыми избытком биохимической энергии живого вещества (пассионарностью). В связи с этим ученый замечал, что «сами люди, поскольку у них есть тела, являются частью вечно меняющейся природы, ибо они также подвержены мутациям, как и все организмы» [9, 354]. И если на вопрос о взаимозаменяемости национальных культур до сих пор существуют неоднозначные ответы, то современное естествознание пришло к очевидным выводам, что не все в природе взаимозаменяемо и потеря одних видов растений и животных не может быть восполнена другими.

ГМО как неотъемлемая составляющая глобальной экономики и унификация биосферы — это условие выживания человечества или организмы-паразиты, сопровождающие его? Важно заметить, что, вмешиваясь в естественные процессы биосферы, которой для создания новых видов требовались порой миллионы лет, человек просто уничтожает существующую природу. Глобальная экономика формируется благодаря двум взаимозависимым процессам — национальной (культурной) унификации и унификации биосферы. Оба они, исходя из евразийской философии истории, ведут к уничтожению жизни на Земле. И какая из унификаций страшнее для человечества? Или любая унификация — всегда комплексное явление и чем оно масштабнее, тем больше сфер охватывает?

Глобализация стала возможна в XX в. благодаря особому вектору развития европейской культуры, созданию техносферы и определенным изменениям, произошедшим в человеческом сознании, когда выход в космос позволил представить население Земли как некую однородную массу, неравномерно распределенную по ее поверхности. Со-

временная глобальная экономика невозможна без признания этой однородности человечества. С точки зрения евразийской философии истории указанная однородность — это ложное представление, которое способствует самоуничтожению человечества, ибо источником жизни и развития выступают многообразные национальные культуры и сама возможность появления новых этносов на Земле.

С точки зрения евразийства глобальная унификация превратилась в реальность благодаря планетарному влиянию европейской цивилизации. Границы любой унификации, процесса, который неизбежно происходит в то или иное время, в той или иной сфере деятельности, должны определяться рамками распространения национальной культуры. В связи с этим, система мировой экономики, формирующаяся в наше время, препятствует возникновению новых стереотипов поведения и таких видов хозяйственной деятельности, которые не соответствуют универсальным принципам экономической жизни. Любое «всечеловеческое» явление, с позиций евразийства, представляется как завершение, конец чего-либо в истории общества, следовательно, глобальная экономика — крах хозяйственной жизни в пределах всего человечества. Возможно, предвестниками этого краха уже сейчас являются мировые экономические кризисы. И если в области гуманитарных наук евразийская философия истории, безусловно, не единственный способ понимания и прогнозирования общественных явлений, то естествознание дает более определенную и однозначную картину. Так, вмешиваясь в природные процессы, которые порой протекают тысячами летиями, стремясь получить сиюминутный результат, чаще всего связанный с коммерческой выгодой, человечество безвозвратно уничтожает естественную среду своего обитания. В связи с этим евразийская философия истории намечает методологические ориентиры в изучении социальных и природных процессов, говоря порой об их противоположности, но неизменной взаимосвязи. Л.Н. Гумилев, например, настаивал на интеграции естествознания и гуманитарных наук при изучении общественных явлений. Евразийская методология привлекает к себе внимание исследователей, так как способствует формированию нового взгляда на происходящие в истории человечества события и предлагает ключ к решению многих современных проблем.

Литература

1. *Коптелова Т.И.* Евразийская методология изучения социального развития // Вестн. Нижегородск. ун-та. Сер. Социальные науки. 2014. № 1.
2. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 2000.
3. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

4. Записки Русского географического научно-исследовательского объединения при Русском Свободном университете в Праге. Т. XI. Прага. 1921.

5. *Коптелова Т.И.* Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа» // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.

6. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.

7. Ф. Уильям Энгдаль: Семена разрушения: тайная подоплека генетических манипуляций // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/50096/> (дата обращения 19.01.2015).

8. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.

9. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М., 2001.

А.А. КОЗЛАЧКОВ

«Третье общение» в софиологии С.Н. Булгакова

Аннотация. В статье исследуются проект «третьего общения» в софиологии С.Н. Булгакова, идеи овладения человечеством своей родовой сущностью и становления Единого субъекта истории. Такое общественное устройство обосновывается как единство трех социальных институтов: государства, церкви и народного трибунала. В свою очередь, институт трибунала рассматривается теоретически и практически как учреждение, призванное утверждать и охранять в обществе справедливость.

Ключевые слова: смысл истории, государство, церковь, трибунал, третье общение, власть, справедливость, истина, логика троичности.

Abstract. The article is devoted to project of a social form that matches the thought of S.N. Bulgakov about mastering of the Human its generic essence of humanity and the establishment of a single subject of history through this idea. This social structure is settled as the unity of the three social institutions: state, church and national tribunate. In turn, the institute of tribunate is analyzed theoretically and practically as an institution designed to assert and protect social justice.

Keywords: sense of history, the state, the church, the tribunate, the third communication, power, justice, truth.

1. *Цель истории и социальные формы ее достижения.* В чем состоит цель истории с точки зрения софиологии С.Н. Булгакова? Лаколично ответить на этот вопрос возможно так: человек посредством хозяйственной деятельности должен выступить со-творцом Бога в деле

преображения мира. Это и есть самое главное — человек не только разрушитель собственной истории, но еще и со-создатель нового Иерусалима [1, 339—374; 2, 154].

Этот-то момент и представляет определенную трудность для уяснения; понятно, как человек может выступить палачом своей истории, но вот совсем не ясна другая сторона процесса — как именно человек создает новый мир и что конкретно он для этого должен делать? Да и можно ли двигаться одновременно в прямо противоположных направлениях, с одной стороны — от Бога, разрушая свой земной дом, и приближая Апокалипсис¹⁰, а с другой — к Богу, созидая новый мир и подготавливая пришествие Христа?

Сам Булгаков видел это разнонаправленное движение довольно абстрактно, как-то «в целом» и «сразу». Он полагал, что преобразование мира (встреча Софии Божественной и тварной) осуществится путем овладения человеком социальной стихией своей родовой жизни, т. е. социально-политической организацией общества [1, 357]. Но посредством какого института произойдет сам акт овладения — осталось у него непроясненным.

Между тем вопрос этот принципиальный, поскольку история дала две универсальные формы для решения этой задачи: государство и церковь. Государству сам Булгаков вынес приговор, уподобив его апокалиптическому зверю (Откр. 13:4), не признающему над собой высших начал, попирающему совесть и являющемуся основанием прямо богоборческим [1, 353]. Говоря строго, такой оценке государства положил начало сам Христос, отвергнув власть над земными царствами (Мф. 4:8—10) и тем самым признав, что насильственный земной порядок несовместим с божественной истиной.

А что же церковь? Ведь она-то, казалось, и была основана для спасения погрязшего в грехах человечества. Это так, но церковь, прежде всего, — собор верующих, а уже потом социальное учреждение. В ее цели и задачи вовсе не входит организация социальной и хозяйственной жизни. Когда любовь в церкви замещается насилием, она гибнет для дела спасения. Трагизм церкви показал Ф.М. Достоевский в поэме «Великий инквизитор». Булгаков же ясно указывает, что человек участвует в спасении мира через овладение социальной организацией, становясь Единым субъектом истории [2, 154]! Церковь здесь может быть только каким-то сокровенным ядром этой особой социальной организации, но никак не внешним доспехом.

Если Булгаков прав, и в истории совершается не только рост антихристианства, но крепнет и христианство, воцаряется Христос [1, 360], то как первому действию соответствует своя социальная форма — государство, так же точно и у второго исхода должна быть какая-то своя

¹⁰Здесь: Апокалипсис понимается как всемирная катастрофа.

социальная конструкция. Причем понятно, что эта особая социальная форма должна по своим онтологическим характеристикам соответствовать богочеловеческой природе Христа, т. е. включать и человеческое, и божественное измерения. Что же это может быть за конструкция, которая не является ни государством, ни церковью, но каким-то образом разрешает в себе противоречия, присущие этим социальным формам¹¹, да и, вероятнее всего, включает их в себя? Что это за третья неизвестное, и возможно ли оно?

И ведь на кону не просто ответ-отгадка, а, пожалуй, покруче — судьба софиологии. Если окажется, что такой формы попросту нет, то обесмысливается само учение Булгакова и его последователей (а, может, и ставится под сомнение весь русский проект), потому что тогда у него не существует никаких социальных форм выражения, а софиология является лишь холостым русским патроном. Разъезжается и сама мысль о синергии Бога и человека: если нет совместной для Божества и человека социальной формы, то невозможно и общее действие по преображению мира.

И все-таки, если Господом такая богочеловеческая социальная форма задумывалась, то Клио не могла ее семена не высевать в бытии и не пестовать ее зеленые росточки. Куда ж обратить пылливый взор? Очевидно, на историю Рима и Византии, поскольку во многих отношениях государственно-правовая форма Рима, перейдя к Византии, была в главном унаследована и Россией (хотя и не во всем, конечно), а в культуре именно правовые следы оказываются одними из наиболее устойчивых.

2. *Базовая структура общества.* В догосударственном обществе на территории Италии отчетливо выделяются две различные части. Первая — это население, организованное властью домовладык (*pater familias*). Они же в традиции — отцы, архаичные цари, властители родов. Вторую составляли те, кто не был охвачен властью домовладык, а, следовательно, жил вне норм и правил организации древнейшей религии — плебеи (*plebs*) [3, 94].

Основное право домовладык — дарить и отнимать жизнь, распространявшееся на жен, детей, клиентов, рабов (отсюда же и право собственности). Будучи жрецом домашнего культа, глава семейства устанавливал религиозные нормы и практики, которые одновременно являлись хранилищем обычаев, регулирующих хозяйственную жизнь.

К плебеям, противостоявшим домовладыкам, относились люди, живущие в полудиком состоянии, не знавшие религиозного брака, а следовательно, не способные создать семью (род). К этой же категории относились те, кто по каким-либо причинам выбыл из рода, например, в результате неравного или неразрешенного домовладыкой брака,

¹¹ Церковь здесь как социальное учреждение, а не собор верующих.

незаконного рождения, бегства от хозяина. Такие люди вели мелкое хозяйство на пустыющих неудобьях, нанимались поденщиками к домовладыкам, либо бродяжничали, промышляя собирательством и разбоем. Объектом для разбоя могло служить только имущество домовладык и их родов.

Родовые общества и плебеи сосуществовали на одной территории, не имея над собой никакой внешней скрепы. Рост населения обострял противоречия между ними; из этого конфликта и родилось государство как их объединение [3, 94]. Этот факт до нас доносит традиция: легендарный Ромул создал Рим как сообщество домовладык (300 первых сенаторов) и беглых рабов, разбойников и иных бродяг без рода и племени.

Двучастное деление общества составляет его базовую структуру, инвариантную ко всем историческим изменениям. Союзы отцов мы знаем в Средневековье как класс феодалов, в Новое время — как землевладельцев и промышленников, а в Новейшее — как трансконтинентальную олигархию. Плебеев мы узнаем в средневековых крестьянах и ремесленниках, при капитализме — в рабочих, а в настоящем они предстают как трудовое население, отлученное от принятия властных решений.

3. Действующие в обществе идеи. Основная идея, созидаящая общество, — идея власти. Для архаического человека его родоначальник был существом священным, ибо именно он дарил жизнь, а значит, имел власть над самим процессом жизни и смерти. Отсюда поклонение мертвым и власть домовладыки над домочадцами. Отец семьи для подвластных является таким же родоначальником, каким по отношению к нему оказывается бесконечная вереница предков. Умершему предку надо приносить жертвы, служить посредством священнных обрядов, и тогда он будет помогать в делах и защищать от врагов. Лицо, принимающее на себя обязанность религиозного служения богу-предку, получает тем самым право требовать подчинения от всех членов семьи. Поэтому власть неразрывно связана с религией [4, 189]. Архаичный человек переживал власть как зависимость от воли предков (богов), что приводило к объективации власти в силу (право), созидаящую родовой строй общества. В генезисе власти воля богов предстает как сущность власти, а возможность управлять ею — представляет собой право.

В момент зарождения государства проявилась еще одна идея, связанная с плебейским требованием справедливости, из которого и родился архаический Рим. Плебеи требовали от домовладык: 1) приобщения к религии (правосудию) [5, 241], 2) прав для подвластных, 3) прекращения долговых злоупотреблений [3, 240]. Само слово *ius* (право) произошло от *iustitia* (справедливость) и в самом общем виде право

означало «искусство доброго и справедливого» [6, 179]¹². Одно из определений закона, которое дал ему Цицерон, — мерило справедливости [7, 33]. Плебеи не стремились к власти, они жаждали только справедливости.

Эпоха Рима выявила две мощнейшие идеи, созидавшие общество, — идею власти и идею справедливости. Византия добавила свое. В 313 г. император Константин принял знаменитый Миланский эдикт, который утверждал веротерпимость в империи, а эдиктом 324 г. законодательно было закреплено верховенство христианства. Церковь получила права юридического лица, защиту со стороны государства, но главное, она принесла в мир альтернативную власти идею любви, которая в житейском обиходе становилась сводом обязательных нравственных правил. Римско-византийская эпоха дала миру три верховные идеи, которые в прямом смысле созидают общество: власть, справедливость, нравственную истину (высшую истину). Новое время ничего не прибавило к этой совокупности.

4. *Отражение идей в учреждениях.* Идея власти построила в Риме разветвленную и устойчивую структуру. Наряду с царем архаической эпохи в Риме существовал не менее могучий орган власти — сенат, состоявший из 300 домовладык-сенаторов, в котором были сосредоточены вся мощь и достоинство Рима. Вплоть до II в. до н. э. ему принадлежали судебные функции, сбор налогов, распоряжение казной, государственной землей, откупами и недвижимостью, право созывать народное собрание [6, 126—128, 140]. Сенат осуществлял свою власть посредством магистратур — управленческих должностей, ведавших всеми хозяйственными и политическими делами Рима, которые и поныне служат образцом для подражания в государственном строительстве современного мира.

Идея справедливости также создала себе ряд учреждений, противостоявших произволу отцов-сенаторов. Первейшее из них — народное собрание, которое уже в царское время принимало законы. Именно со времени Ромула закон начал пониматься в Риме как «приказ народа», ибо созданный царем и рассмотренный сенатом закон мог извращать божественную волю, поэтому он и требовал процедуры проверки в народном собрании [6, 185]. Принятие народом закона подтверждало соответствие между божественной волей и человеческим установлением, результатом чего являлось утверждение в обществе состояния справедливости.

В итоге событий 495 г. до н. э.¹³ был учрежден институт народных трибунов. Личность трибуна была объявлена неприкосновенной, нарушение этого правила каралось смертью. Трибун мог привлечь к

¹² Известное выражение римского юриста Ульпиана.

¹³ Первая сецессия плебеев.

суду любое лицо, включая сенаторов и консулов, имел право вето на решение любого магистрата, а также коллег трибунов, следил за правильностью налогообложения, взимания арендной платы, регулировал цены на хлеб в Риме, имел право арестовать нарушителя закона и штрафовать его. Фактически, он стал органом надзора за исполнительной властью, и если по своей идеальной природе народное собрание утверждало в обществе справедливость, то трибунат принуждал к ее осуществлению.

Религиозные учреждения Рима не стали отдельной от власти силой; произошло это только в Византии и было закреплено законодательно в предисловии к VI новелле императора Юстиниана. Церковь не противопоставлялась государству, а просто признавала его недостаточность в деле духовного спасения. И себя она видела не заменой государства, а структурой, параллельной ему (Ватикан позже пересмотрел эту позицию).

Таким образом, идея власти построила государственные учреждения, идея справедливости — народное собрание и плебейский трибунат, а идея высшей истины создала христианскую церковь.

5. *Историческая динамика идей и учреждений.* При переходе от республики к империи падало значение сената, народного собрания и трибунов. Вместе с полномочиями диктатора Цезарю были переданы и функции народного собрания по принятию законов, после чего его роль уже никогда не была прежней [8, 322]. Трибунат начал хиреть после присоединения при Октавиане Августе к правам принцепса полного объема трибунских полномочий (*tribunica potestas*).

Учреждения, стоявшие на страже справедливости, исчезли из жизни европейских народов, их уже не знали ни Византия, ни современная ей Западная Европа. Церковь и на Западе, и на Востоке взяла на себя заботу о справедливости в отношении народа. С тех пор основной проблемой общественного устройства стало соотношение церкви и государства, в правильном соединении которых мысль искала социальный идеал.

Таких сочетаний история насчитывает четыре. Папоцезаризм — превалирование религиозной власти над светской (Ватикан). Цезаропапизм — доминация светской власти над духовной (историческая Россия). «Симфонизм» — формальное уравнивание обоих институтов при разделении ими полномочий в обществе на дела «божественные» и дела «человеческие» (Византия). Наконец, современная форма — отделение церкви от государства.

Итог истории таков: церковь оказалась вытесненной за границу общественно-политической жизни, трибунат прекратил свое существование, а государство (власть) рассматривается как единственная форма, способная направлять общественные процессы. Справедли-

вость и высшая истина более не рассматриваются как идеи, обязательные для жизнедеятельности общества.

Руководящая общественно-политическая идея современного мира — это мысль Ш. Монтескье о разделении властей, за идеальный образец которого он взял политическое устройство тогдашней Англии [9, 156]. Народ в ней предстает как инертная масса, о которой должен позаботиться умный и добрый аристократ. Пишет он и о Риме, поминает добрым словом трибунов, но видит этот институт как лишний в системе разделения властей [9, 161].

Между тем в общественной модели Ж.-Ж. Руссо трибунату как раз отводится заслуженное место блюстителя законов. При этом мыслитель четко выделял трибунат из организации гражданской общины, полагая, что он является магистратурой, не входящей в общий организм [10, 305], тем самым пытаясь реставрировать старое римское понимание народовластия.

В сегодняшнем мыслительном поле уже совершенно поистерлись следы того, что парламентская демократия не является единственным способом осуществления народовластия. Хотя еще в XIX в. при обсуждении вопросов конституционного устройства противостояли друг другу две модели — Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [11, 61]. Победила английская, в центр которой поставлен вопрос свободы, а не справедливости.

б. Третье общение как особый тип общественного устройства. Итак, государство (власть), церковь (истина) и трибунат (справедливость) никогда не реализовывались в истории совместно, в границах одной общественной формы. Между тем, будь она создана, то могла бы стать следующим шагом в овладении человеком своей социальной природы и создании Единого субъекта истории, о которых размышлял Булгаков. Именно внутри такой конструкции можно снять противоречия государства и церкви. (Государство организует социум, но делает это насильственно. Церковь духовно спасает, но не имеет возможности делать это принуждением.) Для жизнестойкости такой формы необходимо, чтобы между государством и церковью появился посредник, который в истории и обнаруживается в виде народного трибуната.

Это учреждение вполне возможно воссоздать по римскому образцу — идея, которая не чужда современному обществоведению [11, 73]. Трибунат в римской истории явлен в прямом смысле как третье общение, т. е. не гражданское и не религиозное, в качестве силы, противостоящей власти, метафизическая природа которой связана с идеей справедливости¹⁴. Люди старшего поколения легко узнают ее в народ-

¹⁴ Проблема интерпретации института плебейского трибуната с точки зрения его общественной природы, функций и значения существует в науке еще с Античных времен и восходит к Полибию и Цицерону [7, 19].

ном контроле СССР, который, хотя и выглядел попроще римской классики, тем не менее работал успешно¹⁵. Эта организация не должна иметь «позитивной» власти в отношении государства и церкви, а только обладать правом запрещать какие-либо действия по направлениям, отнесенным к ее ведению. В частности, осуществлять контроль за бюджетом, правоохранительными органами, за правосудием, налогообложением граждан. Эти права должны реализовываться в виде публичного суждения трибунала, содержанием которого станет оценка социальной справедливости предлагаемого решения. Избираться он должен независимо от органов государственной власти и по иным процедурам. Гарантом независимости суждений трибунала должна стать система образования, параллельная государственной, поскольку государство склонно приспособлять образование под свои нужды, которые бывают зачастую противоположны интересам развития общества. Для этой цели он должен иметь возможность построить все уровни образования, включая и те, которые сейчас не востребованы государством¹⁶. Некогда школа была отделена от церкви, сегодня же пришло время отделить ее от государства¹⁷.

На схожих условиях в эту общественную целостность должна быть интегрирована и церковь. Будучи отделенной от государства, церковь (или совет церковей) должна получить право голоса в качестве самостоятельной нравственной силы при решении важнейших социальных вопросов. Реализовано это должно быть тем же правом: высказываться по поводу любого решения как государства, так и трибунала. Содержанием церковного высказывания должно стать нравственное суждение о событии — состоявшемся или грядущем. Попытки уклонения государства или трибунала от нравственной истины в решении социальных вопросов будут, таким образом, находиться под постоянным духовным надзором.

Наконец, третьим элементом конструкции должно стать государство, но поскольку этот институт является универсальным, он не требует здесь дополнительного рассмотрения.

¹⁵ Трибунал, созданный в 1799 г. во Франции, бывший совершенно бесправным органом — пятым колесом в законодательной телеге государства, по своей бессмысленности и неуместности напоминает ныне действующую Общественную палату России.

¹⁶ Например, очевидным представляется необходимость дополнения высшего образования еще двумя уровнями — академическим и высшим академическим — по аналогии с ныне действующим в России военным образованием (академия и академия Генштаба).

¹⁷ Примером независимой от государства системы образования может служить организация Болонского университета (1087).

В первом приближении единство государства, церкви и трибуната может быть обеспечено средствами права. Каждый из трех субъектов должен иметь право обращения к любому из двух других, а также быть обязанным отвечать на их публичные запросы. Для трибуната и церкви должны быть законодательно установлены гарантии публичности их запросов и обязательность ответа на них государства.

Таким образом, понятие «третье общение» употребляется здесь в двух смыслах: во-первых, как общественное устройство, объединяющее государство, церковь и трибунал, а во-вторых, как плебейское общение (трибунал), не являющееся гражданским и религиозным, которое призвано утверждать и осуществлять справедливость.

7. *Троичная логика третьего общения.* Из сказанного следует, что народ может являться в обществе трояким образом: 1) как совокупность граждан государства; 2) как члены церкви; 3) как особая общность по утверждению справедливости. Логическую формулу для уверенного обоснования этого тезиса предоставляет логика троичности.

В середине IV в. отцы-каппадокийцы (Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский) уяснили сами и объяснили другим, что источник различения Лиц Святой Троицы находится не в ее сущности, а во взаимоотношении самих Лиц. Каждая ипостась является самостоятельным божеством со своей волей и существованием, но единой с двумя другими Лицами природой.

В русском богословии был найден выразительный термин для определения характера этой связи — соипостасное соподчинение. Помимо того, что он выражает внешнюю догматическую форму — нерожденность Отца, рожденность Сына, исхождение Духа, он еще включает и указание на характер этой связи. Во-первых, она означает единство трех субъектов на основе единства их сущности [13, 511]. Во-вторых — функциональную самостоятельность каждого из трех субъектов. В-третьих, и это самое главное — равную зависимость всех лиц от действий друг друга при достижении общей цели.

В этом отношении, рассматривая внутреннюю логику троичности, надо сказать, что соипостасное соподчинение есть принцип, который снимает в себе, с одной стороны, подчиненность одного субъекта другому, а с другой стороны, абсолютное уравнение субъектов. В области логики этот принцип приоткрыл новую смысловую сферу, где обнаруживается особый тип связи субъектов, который не выразим традиционными категориями логики.

Таким образом, третье общение как социальная форма очень точно описывается логикой троичности, включая и применение догматических положений о «нераздельности и неслиянности», которые успешно могут быть применены к трем лицам народа в рамках указанного единства.

8. *Процесс истории как поляризация добра и зла.* Размышление о третьем общении, рассматриваемом как социальная форма, имеет смысл только при одном допущении: история не только кристаллизует зло, как это представлено в Откровении от Иоанна, но и «собирает» добро. В процессе истории осуществляется нравственная поляризация мира, и окончание истории имеет два результата в отличие от обычного линейного процесса: чем больше на земле укрепляются силы зла, тем больше копятя и силы добра. Конец истории в этом случае может быть представлен в виде двух полюсов, на одном из которых во зле и пороках ожидает кары Господней Вавилон (Откр. 18), а на другом — укрепляется новая социальная форма, подготавливающая Землю к приходу Христа. Тогда и история приобретает смысл для человека, ибо все хорошее, что в ней создано, не пройдет даром и будет учтено небесной канцелярией в последнем преображении.

В теории третьего общения мысль Булгакова об овладении человеком социальной организацией и формировании Единого субъекта истории приобретает конкретное содержание. Трудно сказать, является ли она окончательной богочеловеческой формой, способной принять Христа, но представляется, что это неизбежный шаг в данном направлении.

Литература

1. *Протоирей Сергей Булгаков.* Невеста Агнца. М., 2005.
2. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
3. *Джамбаттиста В.* Основания Новой науки. М.; К., 1994.
4. *Куланж Ф. де.* Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.
5. *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 2001.
6. *Кофанов Л.Л.* Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII—III вв. до н. э. М., 2006.
7. *Павлов А.А.* Плебейский трибунал в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // Древнее право. 2004. № 13.
8. *Моммзен Т.* История Рима. Соч.: В 4 т. Т. 4. СПб., 1995.
9. *Монтескье.* О духе законов. М., 2013.
10. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1998.
11. *Лобрано Дж.* Защита общественной и индивидуальной свободы: разделение властей и трибунал // Древнее право. 1996. № 1.
12. *Кофанов Л.Л.* Создание трибунала: изначальная идея трибунальской власти // Древнее право. 1996. № 1.
13. *Спасский А.* История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Т. 1. Сергиев Посад, 1906.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: синтоистская метафизика хозяйства и ГМ-культура

Аннотация. В данной статье дается современное прочтение философско-хозяйственных идей синтоизма, содержащихся в японских мифах. Показывается, что основой синтоистской теологии пищи является японский миф о происхождении продуктов питания посредством партеногенеза, а партеногенез (апомиксис у растений) является основой ГМ-культуры. Впервые именно в рамках метафизики хозяйства синтоизма (а не в рамках экономической науки) выделяются «семена» как самостоятельный источник производства ГМ-продуктов питания¹⁸. Утверждается, что иудаизм и синтоизм в равной степени выступили идеологической санкцией ГМ-культуры.

Ключевые слова: иерогамия, партеногенез, апомиксис, трансгенез, ГМ-культура, ГМ-революция, ГМ-семена, ГМ-агробизнес, «золотой рис».

Abstract. The article is devoted to modern reading of the philosophical and economic ideas of Shintoism containing in Japanese myths. It is shown that fundamentals of Shinto theology of food is the Japanese myth about an origin of food by means of a parthenogenesis. It is shown that the parthenogenesis (apomixes at plants) is a GM-culture basis. For the first time, exactly, within metaphysics of economy of Shintoism (but not within economic science), «seeds» as an independent source of production of GM-food are allocated. It is shown that the Judaism and Shintoism, equally, acted as the ideological sanction of GM-culture.

Keywords: iyerogamiya, parthenogenesis, apomixes ,transgenesis, GM-culture, GM-revolution, GM-seeds, GM-agrobusiness, «gold rice».

Теология пищи синтоизма

Комментаторы сравнивают японский миф о происхождении продуктов питания из тела убитой японской богини Оо-гэцу-химэ-но-ками с мифологемой «Хаинувеле» [1, 381], где съедобные растения также появились из тела убитой индонезийской богини Хаинувеле. Но это не так, во всяком случае, по мнению немецкого этнографа А.Е. Йенсена, который, собственно, и ввел в научный оборот само понятие мифа «Хаинувеле». Йенсен выделил два мифа — «Хаинувеле» и «Прометей», каждый из которых, по-своему объяснил появление пищевых растений. Так, миф «Хаинувеле» объяснил возникновение клубней и корневищ из расчлененного и погребенного в землю тела убитой юной

¹⁸ ГМ — генномодифицированные.

полубогини Хаинувеле, а миф «Прометей» объяснил появление злаков посредством кражи у богов нескольких зерен, которую совершил для людей культурный герой Прометей. Другими словами, миф «Хаинувеле» объяснил появление вегекультуры, а миф «Прометей» — злаковой культуры. Учитывая, что Япония — страна злаковой культуры, которая начала свое земледелие с выращивания гречихи, проса, а затем остановилась, преимущественно, на выращивании риса, соотносить с ней миф «Хаинувеле», имеющий отношение к возникновению вегекультуры, вряд ли представляется разумным.

Но есть еще один принципиальный момент, не позволяющий отождествить индонезийский и синтоистский мифы о происхождении съедобных растений. В мифе «Хаинувеле» пищевые растения произросли из частей тела убитой богини, которые были погребены в землю, и участие «земли» и «труда» выступает здесь необходимым условием сельскохозяйственного цикла. По сути, миф «Хаинувеле» является разновидностью космогонической иерогамии Неба и Земли, мужского и женского начала, где Земля воплощает плодородность, а Небо — труд, священный союз которых породил съедобные растения. Тогда как в японском мифе «земля» и «труд» уже изначально имели мало отношения к культивированию съедобных растений. Буддийскую установку по отношению к земле и труду, которая присутствует в мифах «Кодзики», синтоизм довел до логического конца — вообще исключив их из производства семян съедобных растений. Ведь «семена» пищевых растений в японском мифе возникают не в результате цикла: семя—земля—семя, а в результате рукотворной деятельности Камимусуби в «Кодзики» и Аматэрасу в «Нихон сёки», которые сначала «подбирают» из тела убитой Богини съедобные растения, а затем «делают» из них семена.

Поэтому японский миф о происхождении съедобных растений уже потому не является аналогом мифа «Хаинувеле», что в нем представлена совершенно особая концепция происхождения продуктов питания, не имеющая никакого отношения к хтоническому земледелию, в основе которого лежит иерогамия Неба и Земли. Японский миф, в рамках демиургического (соляного) земледелия, предложил концепцию происхождения съедобных растений, названную современной наукой партеногенезом. И безусловной заслугой М. Элиаде, делающей его одним из самых проникновенных исследователей синтоистской метафизики хозяйства, является то, что он первый увидел в японском мифе черты партеногенеза как противоположного иерогамии способа происхождения съедобных растений. «Более всего нас интересует последнее положение, так как оно говорит нам о зарождении съедобных растений непосредственно из тела Богини, а не в результате иерогамии» [2, 213]. «Из этого мы можем понять, почему миф о зарождении полезных растений и животных из тела, принесенного в жертву боже-

ственного существа, был включен в мифологию... Земля... создает через иерогамию с Небом, а также посредством партеногенеза или самопожертвования» [2, 214]. Это открытие Элиадэ подтверждается значением имени убитой Оо-гэцу-химэ-но-ками, которое звучит как Дева-Богиня Великой Пищи. Ведь партеногенез в переводе с древнегреческого (*παρθένος* — дева, *γένεσις* — зарождение) означает «девственное размножение», или самозарождение. Тем самым, Элиадэ расширил мифологическую типологию происхождения пищевых растений, предложенную Йенсенем, и показал, что японский миф¹⁹ не является аналогом мифа «Хаинувеле» и космической иерогамии, а представляет собой миф о самозарождении продуктов питания посредством партеногенеза.

Более того, Элиадэ включил идею партеногенеза в синтоистскую концепцию «продолжения творения», где 1) убийство сельскохозяйственных (с/х) богинь является заключительным этапом «сотворения» мира, ведь, согласно синтоистской концепции о многоэтапности «творения» мира, их убийство есть завершение творения, в результате которого люди получили семена съедобных растений; 2) «семена» пищевых растений, полученные в результате рукотворных усилий богов-демиургов, выступили в качестве самостоятельного источника производства питания и оказались «лучше», чем естественно выращенные, «семена» и стали символом завершения «творения» потому, что рукотворное, в буквальном смысле слова, восторжествовало над «сотворенным», рукотворное выше «сотворенного» — это идея венчает процесс творения, он завершен, и в этом едины философия хозяйства синтоизма и философия хозяйства иудаизма, которая также исходит из идеи «перманентности творения» и из превосходства рукотворного над сотворенным; 3) убийство с/х богинь есть самопожертвование, в результате которого были получены продукты питания, так необходимые для жизни людей, в христианстве творение есть созидание жизни посредством Матери-Земли, в синтоизме — убийство Матери-Земли есть неперемненное условие жизни: жизнь продолжается через убийство.

¹⁹ Важно, что миф о самозарождении съедобных растений из тела убитой богини пищи является общенациональным мифом Японии, ибо даже китаизированные «Нихон сёки», полностью построенные на принципе иерогамии в происхождении мира, в вопросе о происхождении пищевых растений, стоят на позициях партеногенеза. То же самое касается и «Когосюи», куда вошли не только канонические письменные тексты, изложенные в «Кодзики» и «Нихон сёки», но и уцелевшие древние устные источники.

В этом антиприродная направленность синтоизма, роднившая его с иудаизмом.

«Следовательно, этот миф о сотворении посредством насильственной смерти превосходит мифологию Матери-Земли. Его фундаментальная мысль заключается в том, что Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования... или возрождается во множество видов растений» [2, 213].

В этом теодицея убийства в синтоизме, оправдывающая убийство как необходимое условие для продолжения жизни людей. Показательно, что все это вращается вокруг продовольственной проблемы, где продовольствие уже изначально несет в себе идею уничтожения одних как оправдание жизни других. Сначала жертвой стала Идзанами, и Богиня пища, и дальше, если продолжить, большинство людей во имя продолжения жизни меньшинства.

Так откровенно эта идея не содержалась даже в иудаизме, где также существует идея усовершенствования мира, но она предполагала (толерантное) изменение этого мира посредством рационализации и «святости жизни». И только в лице мальтузианства и основанной на нем доктрине «золотого миллиарда» иудаизм «договорил» эту идею до конца — до уничтожения большего количества людей для счастья наименьшего, обосновывая (оправдывая) это законом убывающего плодородия. В синтоизме же идея о том, что продовольствие несет на себе нагрузку смерти и может выступить тайным оружием для уничтожения людей, содержалась уже изначально. «Когда люди узнают об источнике своей пищи, они убивают того, кому они обязаны ее появлением... Пищевое растение... есть результат изначального драматического события, в данном случае — убийства. Позднее мы увидим, какие последствия имела эта теология пищи» [3, 39]. Время показало, что прямым последствием синтоистской теологии пищи будет производство ГМ-семян — основы ГМ-культуры.

Апомиксис риса

Как известно, в природе, в основном, существует типично половое размножение, т. е. размножение посредством иерогамии — соединения мужских и женских репродуктивных клеток. Посредством партеногенеза (бесполого размножения) размножаются только членистоногие, термиты и всего 0,1% позвоночных. В растительном мире посредством апомиксиса (партеногенеза у растений) размножаются розоцветные, сложноцветные, некоторые сорта свеклы, хлопчатника, льна, табака... и всё. Тогда как в японском мифе, в противовес всем законам природы, партеногенезом и апомиксисом размножаются млекопитающие и зерновые культуры. Сделать миф реальностью взяла на себя генная инже-

нерия, которая поставила перед собой амбициозную задачу — получить апомиксис у зерновых культур, в особенности у риса. Выбор риса в качестве старта ГМ-революции был совсем не случайным, а далеко идущим шагом, так как рис является основным продуктом питания в Азии, и если удастся получить апомиксис у риса, то можно будет контролировать повседневное питание почти половины населения земного шара. Агробизнес быстро и четко просчитал, что, если добиться успеха в этой области, то это будет давать 4 млрд дол. прибыли ежегодно. Это стало поистине «золотой лихорадкой» XXI в.

Основанием для решения такой задачи стали успехи в молекулярной биологии, прежде всего открытие в 1972 г. технологии рекомбинатных ДНК, позволившее получать живые организмы с инородными генами, которых в природе не существует. В отличие от традиционной селекции, которая также экспериментирует с генами, но при этом перенос генов осуществляет только между близкородственными растениями, генная инженерия допускает соединение генов, выделенных из различных организмов. «В отличие от создания гибрида растения или животного, генетическая модификация растения вообще не использует половую репродукцию организмов и потому не имеет ограничений, накладываемых на отдельную особь, чтобы она могла дать новый вид. Таким образом, можно «перепрыгнуть» через естественный видовой барьер» [4, 82]. Поэтому вся современная генная инженерия нацелена на разработку методов получения многолетних зерновых растений, способных к размножению без оплодотворения. В качестве метода, позволяющего «перепрыгнуть» через законы природы и избавиться от скрещивания, является метод трансгенеза. Трансгенез — это введение, или встраивание, в ДНК традиционного семени чужеродного гена (трансгена), в результате чего получают ГМ-семена, способные к апомиксису, т. е. способные самопроизвольно поддерживать уникальную комбинацию генов, не встречающуюся в природе, и передавать ее потомству.

Таким именно образом, в руках генной инженерии партеногенез как способ размножения съедобных растений трансформировался в трансгенез, и место оплодотворения заняло встраивание (строительная терминология демиургии) в живой организм чужеродного гена. Благодаря апомиктическим технологиям, все ГМ-производство сосредоточилось на работе с «семенами». Пищевая ценность (качество) ГМ-продуктов питания, полученных из ГМ-семян, теперь зависит не от качества земли и не от качества труда земледельца, а от людей в белых халатах — генетиков-демиургов, от экспериментов которых по внедрению чужеродных генов в традиционные семена зависит теперь жизнь людей, в которой питание является наиважнейшим. Так, например, посредством апомиктических технологий в 1990 г. европейские генетики П. Бейер и И. Потрикус получили первые семена ГМ-риса.

Им удалось внедрить в ДНК традиционного риса ген для химического синтеза бета-каротина, в результате чего ГМ-семена риса стали самостоятельно вырабатывать бета-каротин и приобрели ярко-желтую окраску, за что и получили название «золотой рис» (golden rice). Японские генетики из проростков сои выделили ген ферритина, встроили его в геном традиционного риса и получили ГМ-семена риса, способные самостоятельно накапливать железо. Калифорнийские генетики выделили гены ячменя, кресс-салата, одного из видов земляных бактерий и встроили их в геном традиционного риса, впервые получив ГМ-семена риса, устойчивые сразу к трем наиболее серьезным аграрным угрозам. Недавно они внедрили в геном риса геном человеческой печени, что привело к созданию трансгенного риса, устойчивого не к одному, а, как минимум, к 14 разным гербицидам.

В связи с этим можно выделить пищевые, технические и экономические показатели, которые агробизнес выставляет в качестве преимуществ ГМ-культуры по отношению к традиционному земледелию. Во-первых, ГМ-рис с точки зрения питательных свойств «лучше», чем рис, выращенный традиционным способом. Аргумент, знакомый нам из японского мифа, когда «семена», произведенные из «нечисти и скверны», расценивались богиней Аматэрасу как «лучшие» по отношению к тем, которые были выращены на земле. И вот теперь мы встречаем его в геномной инженерии. Так, «золотой рис», который геномная инженерия считает своим наивысшим достижением (ибо впервые в истории ГМ-культуры удалось добиться повышения пищевой ценности), вырабатывает витамин А, отсутствующий в традиционном рисе. Нехватка витамина А приводит к рахиту и другим детским болезням в Азии, где рис является основным продуктом питания. На этом фоне «золотой рис» выставляется как спасение от болезней и голода. То же самое относится и к производству ГМ-риса, восполняющему недостаток железа в потреблении традиционного риса. Во-вторых, в условиях убывающего плодородия и нехватки с/х земель, ГМ-культуры, устойчивые к гербицидам и насекомым, можно выращивать где угодно, вплоть до пустырей, свалок и т. д., тем самым вообще исключив дефицит плодородной земли. Таким образом, ГМ-культура не нуждается в том, что всегда было камнем преткновения для традиционного земледелия — в «плодородной» и «производительной» земле. В-третьих, ГМ-культура решает давнюю проблему с/х производства — нехватку рук в посезонный период. Дело в том, что ГМ-кукуруза, пшеница, соя, хлопок и, конечно, рис после изменения их генов становятся устойчивыми к сорнякам, поэтому такой необходимый элемент сезонной работы, как удаление сорняков с помощью крестьянского труда (прополки), становится ненужным.

По большому счету, капитализм в его современной форме агробизнеса нашел-таки способ окончательно избавиться от крестьянства, ко-

торое он всегда считал нерентабельным. И именно США провели политику уничтожения фермерства и демонтаж традиционной с/х политики во всем мире — у себя, в Европе, в Азии — под лозунгом его неэффективности. Создатели назвали это «агробизнесом», чтобы отличить от традиционного сельского хозяйства, основанного на фермерстве, когда человек выращивает с/х культуры, чтобы иметь пищу и средства к своему существованию. Заместитель министра сельского хозяйства США Д. Дэвис высказался на этот счет вполне однозначно: «единственным способом раз и навсегда решить так называемую сельскохозяйственную проблему и избежать обременительных правительственных программ является прогресс от сельского хозяйства к агробизнесу» [4, 68]. Учитывая тот факт, что агробизнес развивался в тесном взаимодействии с ГМ-революцией, так как включал в себя исследования по разработке ГМ-растений, то сегодня нужно говорить о ГМ-агробизнесе. В конечном итоге, уничтожив два столпа традиционного земледелия — «землю» и «труд», ГМ-агробизнес переключил все свое внимание на работу с семенами, видя в ГМ-семенах единственный источник производства ГМ-продуктов питания.

Мы не говорим, что Япония является родоначальницей ГМ-культуры, хотя бы потому, что ею являются США (а конкретно — фонд Рокфеллера), но мы утверждаем, что именно в японском мифе «семена», отделенные от «земли» и «труда», впервые выступили в качестве самостоятельного источника производства продуктов питания. Важно, что этот результат был получен не в рамках политической экономии, а в рамках философии хозяйства синтоизма, т. е. в результате исследования мифологических предпосылок хозяйственной жизни Японии. И мы можем сказать, что если главным достижением философии хозяйства конфуцианства является открытие двух источников с/х производства — «земли» и «труда», вошедших краеугольным камнем в западную политическую экономию, то главным достижением философии хозяйства синтоизма является открытие (выделение) «семян» в качестве самостоятельного источника производства ГМ-продуктов питания. Здесь нужно понимать, что вся европейская политическая экономия с подачи физиократов, которые первыми усвоили достижения передового на то время производительного земледелия Китая, вращалась вокруг двух базовых понятий с/х производства — «земли» и «труда». Главный тезис физиократов: «Труд есть отец богатства, а земля его мать», есть не что иное, как перефразированный В. Петти конфуцианский принцип производительного земледелия, где Земля воплощала собой плодovitость, а Небо — труд. И вот теперь в буквальном смысле слова из глубины веков, описанных в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки», на поверхности оказались в качестве самостоятельного источника с/х производства «семена», упущенные европейской политической экономией, но активно используемые современным

агробизнесом. ГМ-агробизнес раньше, чем экономическая теория, понял, что «семена» могут выступить основным источником богатства, поэтому все с/х производство можно свести к работе с ними, что позволит одним разом решить и проблему недостатка плодородных земель, и нехватку рабочих рук, и проблему аграрных рисков, связанных с природными и иными катаклизмами.

ГМ-агробизнес

Генная революция и началась с того, что еще в 1960 г. на средства фонда Рокфеллера на Филиппинах был организован Международный научно-исследовательский институт риса, который начал свою деятельность с того, что собрал по всему миру семена всех сортов риса. Затем поместил их в генный банк якобы для «сохранения» и «защиты» семенного запаса мира, а на самом деле для передачи этих семян в пользование частным международным гигантам агробизнеса, таким как «Сингента» и «Монсанто», в лабораториях которых на средства того же фонда Рокфеллера генетики-демиурги подвергли их генной модификации. Причем ГМ-переделке подвергались только те сорта риса, которые оказались для этого пригодными, остальные же просто уничтожались. Так, например, для первых экспериментов по внедрению трансгена были отобраны индийские сорта риса, которые считались лучшими для питания во всем мире. Но лучшие для питания, они оказались совершенно непригодными для генной модификации, так как с ними «возникло много серьезных проблем» [5]. И тогда были взяты японские сорта риса, которые и послужили материалом для GR1 и GR2 — ранних вариантов будущего «золотого риса». Словом, индийский рис оказался наиболее пригодным для питания, а японский — для экспериментов по внедрению трансгена. Получается, что японцы не даром считали свой рис самым лучшим в мире, который в свете вышесказанного действительно оказался «лучшим» для производства «золотого риса», где золотой оттенок — это не только цвет золота, обладать которым желает каждый, как полагают промоутеры и мерчендайзеры, продвигающие ГМ-рис, но и цвет Солнца, так почитаемого в Японии. И это закономерно, так как тот рис, что описан в японском мифе и названный «лучшим» богиней Солнца Аматэрасу, уже изначально имел не естественное, а противоестественное происхождение.

Позже полученные таким образом ГМ-семена риса были запатентованы на том основании, что генетики-демиурги создали якобы абсолютно новые живые организмы, чья уникальность должна быть защищена как эксклюзивная интеллектуальная собственность этих компаний, что и сделала специально созданная для этих целей ВТО. Таким образом, ВТО узаконила незаконный захват и организацию банка семян риса, юридически подтвердив перераспределение собственности

на семенной фонд от производителей к ГМ-агробизнесу. Другими словами, ВТО обеспечила этим компаниям законное владение семенным запасом мира, превратив «захват в подлинное право, а пользование в собственность. Теперь уже владельцы рассматриваются как хранители общего достояния, их права признаются всеми членами... и защищаются всеми силами...» [6, 166]. Как тут не вспомнить Ж.-Ж. Руссо и его бессмертный трактат «Об общественном договоре», а также описание им в «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми» появления частной собственности на землю: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: Это мое! и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: “Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибнете, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!”» [6, 72].

Да, происхождение частной собственности на «семена» произошло по тому же сценарию, что и происхождение частной собственности на землю, смысл которого Прудон емко выразил в названии (навеянном юридической концепцией собственности Руссо) своей книги «Собственность есть кража». Это был захват собственности у земледельцев, которые по роду деятельности изначально были собственниками «семян» и которые за 12 тыс. лет существования рисовой культуры без всяких апомиктических технологий, а только в условиях традиционного земледелия вывели более 140 тыс. разнообразных сортов риса. И вот теперь большая часть этого рисового разнообразия была уничтожена за каких-то 30 лет Зеленой революцией. Теперь агрокомпании, обладая монополией на «семена», могли свободно брать из генного банка семена риса, патентовать их, предварительно подвергнув генной модификации, и выдавать их после этой переделки за свою собственность, чтобы затем продавать тем же земледельцам. А в результате изобретения стерильных семян, так называемых семян-«терминаторов», которые прорастают только раз и их нельзя использовать повторно, навсегда лишили земледельцев собственности на «семена». Так, земледелец оказался в замкнутом круге ГМ-агробизнеса, будучи вынужденным каждый год закупать новые ГМ-семена, потому что других просто нет. «Технология (стерильных семян. — М.Э.) была разработана, чтобы предотвратить прорастание собранного зерна при последующем севе... Эта технология заблокировала фермерам в развивающемся мире возможность создания собственного семенного фонда для последующих севов» [4, 13].

И вот теперь уже стонут земледельцы Индии со своим лучшим в мире рисом для питания и земледельцы Бразилии, Аргентины и т. д. «Когда фермеры покупают у компаний ГМ-семена, то дают подписку,

что не имеют права отдавать их на исследования. Очень часто ГМ-семена не прорастают, и фермеры вынуждены их снова и снова закупать у производителей. Бесплодность семян привела к росту самоубийств среди фермеров в Индии. Им продавали смешанные семена (как традиционные, так и ГМ). Уже через два года они не смогли получить новый урожай: семена не проросли, что и привело к самоубийствам фермеров. В результате переопыления нормальные растения стали трансгенными и бесплодными. В свое время крупный производитель ГМ-культур компания «Монсанто» заявила, что через 10—15 лет все семена на планете будут трансгенными. В такой ситуации производители трансгенных семян могут устроить голод в любой точке мира (в том числе и в России), просто отказавшись продавать стране семена» [7]. Вот с какой целью, а не просто для торговли импортными товарами, как наивно полагают некоторые, создана ВТО. Вступление в эту организацию автоматически требует распространения ГМ-семян и ГМ-продуктов питания. Для стран же, вступивших в ВТО, это означает уничтожение традиционного сельского хозяйства, которое обеспечивало национальную безопасность государства. ВТО есть очередной шаг для распространения американского глобального господства, в котором ГМ-продукты выступают как «продовольственное оружие».

Вот так фонд Рокфеллера присвоил себе то, что не создавал, а просто отобрал у производителей-земледельцев семена съедобных растений. Объяснение этому может дать философия хозяйства иудаизма, в рамках которой дается религиозно-метафизическое обоснование ГМ-революции, которая, безусловно, была американским проектом. Во-первых, отношение иудаизма ко всему богатству мира как к своей собственности, а к богатству — как к деньгам²⁰. Традиционно, с древнейших времен, это богатство приобреталось за счет земледельческого населения. Это следует из кочевнической сущности хозяйственной жизни еврейского народа, нацеленной на присвоение не ими созданного (как правило, за счет набегов на земледельческие племена, во время которых можно захватить больше, чем трудолюбивые пахари производят за год). Кочевнические набег — это своего рода прообраз всех последующих военных предприятий. Кочевой экономический уклад сформировал психологию организатора-захватчика и спекулянта-счетовода, ориентированного на чисто количественное восприятие жизни, где деньги выше жизни и где деньги есть всё, и где не качество продуктов, а количество денег является мерилем богатства. Во-

²⁰ «Богатство в руках немногих может быть намного более мощным средством для возвышения нашей расы (так!), чем, если бы было распределено понемногу среди всех людей. Другими словами, деньги должны принадлежать только очень богатым, которые лучше всего знают, как их использовать» (стальной магнат США Э. Карнеги) [4, 40].

вторых, иудаизм в своих истоках есть религия надприродная и, по большому счету, антиприродная, ибо исходит из несовершенства созданного богом мира и требует его изменения к лучшему, т. е. признает рукотворное выше сотворенного, требуя продолжения творения силами человека. Патент на ГМ-семена и есть современный символ такого превосходства рукотворного над сотворенным. «Поверх природного, естественного, материального мира, признанного иудаизмом несовершенным, как бы выстраивается новый мир, во многом антиприродный, рукотворный, искусственный, который только и может называться миром в собственном значении этого слова... и даже “новым творением”» [8, 216]. Вот здесь и встретились иудаизм и синтоизм, который также признавал «ошибочность сотворенного» и допускал его переделку. Главный тезис синтоизма и иудаизма есть перестройка природы. Не удивительно, что иудаизм и синтоизм в равной степени выступили идеологической санкцией ГМ-культуры. Философия хозяйства синтоизма и иудаизма объединились в неприятии «богом данной природы» и отважились на ее «перестройку» (демиургическая терминология синтоизма) с целью улучшения.

Это касается и перестройки природы в целом, и перестройки семян в частности, и перестройки природы человека в конечном итоге. Здесь можно провести аналогию между «небесными семенами» синтоизма и «божественной манной» иудаизма. И тот и другой продукт сверхестественного, а потому противоприродного происхождения. И тот и другой предназначался для землян, и их употребление приведет к переделке природы человека. «Манна небесная... на самом деле — особый энергетический продукт, длительное употребление которого направлено на изменение естественной природы человека» [8, 221]. И речь теперь может идти о том, что продовольственная проблема становится проблемой выживания человечества, потому что питание отвечает за проблему жизни на Земле. Теперь не нужен мальтузианский набор сокращения населения — войны, эпидемии, наркомания, аборт и т. д., потому что найден более незаметный, но на перспективу работающий способ уничтожения людей посредством «секретного оружия», каким выступают ГМ-продукты питания. Генная инженерия — новопеченный инструмент мальтузианства, делающий выбор в пользу денег, а не жизни на Земле. И Мальтус первым бы подписался под американским проектом ГМ-революции, который по сути есть проект сокращения народонаселения мира, отсюда и тесное сотрудничество ГМ-агробизнеса с комитетом США по народонаселению.

Об опасности употребления ГМ-продуктов питания для жизни человека первым прокричал А. Пуштай, 35 лет жизни посвятивший ГМ-технологиям. Пуштай — это, поистине, А. Сахаров генной инженерии, который первым увидел, что употребление в пищу ГМ-продуктов приведет к переделке человеческого организма, последствия которого не-

предсказуемы и до конца не известны. Именно он провел первое независимое исследование²¹ результатов воздействия ГМ-продовольствия на живые организмы. Для этих целей в течение более 110 дней подопытным крысам давался ГМ-картофель, который, как утверждал производитель, выгодно отличался от обычного тем, что был устойчив к нашествию тли. Опыты Пуштаи дали совершенно и, прежде всего, для него самого неожиданные результаты. Крысы, питавшиеся ГМ-картофелем, по сравнению с крысами, питавшимися обычным картофелем, имели ярко выраженные изменения в своем развитии: печень и сердце были значительно меньших размеров, более слабая иммунная система и, самое тревожное, заметное уменьшение размера мозга, чем у обычных. И, как честный ученый, Пуштаи выступил с заявлением о запрете введения генетически модифицированных организмов в базовую диету людей и животных. Это был взрыв, равноценный взрыву водородной бомбы в генной инженерии, который стал серьезной угрозой для ГМ-агробизнеса. В союзе с властью (лично президентом США Клинтон) представители ГМ-агробизнеса сделали все, чтобы дискредитировать имя «недобросовестного ученого» Пуштаи, который сделал не те выводы, которые от него ждали. А в противовес поднявшейся волне противников «Монсанта» в качестве своей теодицеи выдвинуло доктрину «существенной эквивалентности», согласно которой ГМ-продукты нельзя запрещать, ибо они и по виду, и по вкусу ничем не отличаются от обычных продуктов. «Генномодифицированные семена должны рассматриваться как традиционные семена просто потому, что ГМО-кукуруза выглядела как обычная кукуруза (или генномодифицированный рис или соя), или даже могла быть по вкусу более или менее такой же, как обычная кукуруза... Это определение... игнорировало качественную внутреннюю перестройку, производимую генетическим инженером в отдельных семенах». Энгдаль назвал эту доктрину чистым «мошенничеством», потому что придумана она, «прежде всего, для того, чтобы дать правдоподобную причину отказа от проведения необходимых биохимических или токсикологических тестов» [4, 7].

Итак, на самом деле «существенно эквивалентные» ГМ-продукты есть лишь результат переделки (генной модификации) традиционных семян, а не создание совершенно новых живых организмов, как утверждали адепты генной инженерии, провозгласившие полную власть человека над природой. И сделала это генная инженерия не на пустом месте, согласно креационистской концепции «из ничего», а из существующих богом или природой (в данном случае это не важно, важно

²¹ До этого единственным исследованием было исследование, которое финансировала компания «Монсанта» и которое, по понятным причинам, пришло к заключению, что ГМ-продукты совершенно безопасны для употребления.

то, что не генетиками) созданных семян съедобных растений. И мы возвращаемся опять в круг старых христианских идей, с точки зрения которых хозяйственная деятельность не содержит в себе ничего метафизически нового. Она лишь воспроизводит и воссоздает из имеющихся, не ею созданных элементов.

Христианская философия хозяйства, в лице С.Н. Булгакова, по этому поводу, высказалась уже давно и однозначно: «Очевидно, что человек не обладает всемогуществом, способностью творить из ничего все, что захочет. В этом смысле человек вообще не может творить, сам будучи тварью... творить, в собственном смысле, создавать метафизически новое... дано и принадлежит Творцу... И бунт твари против творца, уклон сатанизма, метафизически сводится к попытке стереть это различие, “стать как боги и иметь все от себя”» [9, 114]. Именно христианство сегодня, в лице католической церкви, дало бой ГМ-производству, обвинив генетиков-демиургов в сатанизме. Об этом пишет Энгдаль в разделе с соответствующим названием «Генетики, “заигравшиеся в богов”»: «Обращаясь к недавним научным событиям в области геномной инженерии, Папа Римский серьезно предостерег их против попыток “изменить самую грамматику жизни, какова была спланирована и угодна Богу”, критикуя “безумные, рискованные и опасные предприятия генетиков, которые пытаются занять место Бога, не будучи Богом”. С горячим осуждением современных социальных “сатанинских” нравов, которые, как он сказал, рисковали разрушить человечество, Бенедикт XVI затем говорил о современном “анти-Генезисе”...» [4, 153].

Безусловно, геномная инженерия — это анти-прогресс, а геномная революция есть отрицание неолитической революции, возврат от производителя земледелия к присваивающему земледелию. Неслучайно из глубины веков был выдернут японский миф, где в наиболее архаической форме представлен присваивающий тип земледелия как основа ГМ-культуры. Современные генетики, современные солярные демиурги, суть всего-навсего последователи Аматэрасу и Камимусуби, главная задача которых собирать и «делать», именно в той последовательности, которая была впервые зафиксирована в японском мифе. И это вовсе не построение новой цивилизации, а возврат назад, к архаическим формам (и что немаловажно — в общей тенденции регресса, которую мы сегодня наблюдаем в мире, а не только в России, именно ГМ-революция выступает символом возврата), завуалированных научной видимостью. Ведь, как утверждают независимые ученые, геномная инженерия — это не наука, а псевдонаука, которая только пользуется опять же не ею созданными достижениями биологических наук, таких как молекулярная и клеточная биология, цитология, генетика, микробиология, вирусология, причем не в благих целях. Энгдаль назвал это «биологическим редукционизмом» — упрощением жизни, которая

намного сложнее, что в течение веков подтверждала традиционная биология; сведением сложного к простому, а целого, каким является живой организм, к свойствам частей — его генам. Но, как отметил британский биолог Б. Гудвин, «для того, чтобы объяснить появление у организма определенной формы и внешнего вида, требуется знать не только его геном» [4, 82]. Сведение организма к его генам отрицает врожденные свойства организма, превращая его (и главным образом человека) в послушную для управления машину, а генетику в евгенику. «ГМО — это не технологический прогресс. Это — манипуляция, основанная на ложной науке, биологическом редукционизме, который по определению неприменим» [4, 2].

Япония, возвращенная своим мифологическим сознанием, оказалась к этому готова лучше всего, в отличие от той же Европы, которая долго и в лице отдельно взятых ученых, и в лице церкви, и общественных, и правительственных организаций сопротивлялась давлению американского ГМ-агробизнеса. Наверное, и в этом был расчет США, когда реализовался первый проект «мирового правительства» для проведения глобальной политики — так называемая Трехсторонняя комиссия, куда, наряду с Северной Америкой и Европой, впервые вошла Япония, надо полагать, как надежная сторонница США, в противовес, тогда ещё возможным, эспадам Европы.

Литература

1. Комментарии «Нихон сёки» // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
2. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
3. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: В 3 т. Т. 1. М., 2009.
4. *Энгдаль Ф.У.* Семена разрушения. Тайная подоплёка генетических манипуляций. СПб., 2009.
5. ГМО Золотой Рис: Научные реалии // <http://www.gmoseralini.org/>.
6. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
7. *Ермакова И.* ГМ-семена // <http://anti-gmo.blogspot.ru/2011/05/blog-post.html>.
8. *Элоян М.Р.* История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни еврейского народа // *Философия хозяйства*. 2012. № 1.
9. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Социальный прогресс

Аннотация. Социальный прогресс противоречив, следовательно, наличествует опасность регресса. Человечество существует и будет существовать до тех пор, пока оно сможет прогрессировать. Поэтому залогом его выживания является наращивание духовного (культурного, познавательного) ресурса.

Ключевые слова: социальный прогресс, регресс, гуманизм, коллективное бессознательное, социоцентрический социум, персоноцентрический социум.

Abstract. The article is devoted to social progress that is inconsistent, self-contradictory and, therefore, there is high probability of regress. Humanity exists and will exist till it is capable of making progress. Consequently, the most essential condition of human survival is accumulation and augmentation of its spiritual (cultural, cognitive) resource.

Keywords: social progress, regress, humanism, collective unconscious, socio-centric society, person-centric society.

Руссоистский тезис о том, что социальный прогресс на определенном этапе приводит человечество к цивилизации, а цивилизация способствует упадку нравов, правилен в своей первой части и неверен во второй, поскольку сущностно социальный прогресс представляет собой совершенствование умения строить отношения, т. е. окультуривание, очеловечивание, гуманизацию отношений. Безусловно, это не может способствовать упадку нравов.

И все-таки в чем-то руссоисты правы. Здравый смысл подсказывает даже людям неискушенным, что пути социального прогресса сопряжены со многими издержками и несуразностями.

В чем же правота, пусть и локальная, руссоизма? Или, если поставить вопрос иначе, что побуждает руссоистов видеть негативное в социальном прогрессе? Ответ на вопросы такого рода находится в сфере диалектики прогресса. Прогресс противоречив, он есть не само по себе движение вперед, а движение вперед во взаимодействии с движением назад, с регрессом.

Наращение прогрессивных изменений в явлении означает его усложнение, а регрессивных — упрощение. Однако, чем сложнее явление, тем выше опасность его разрушения и тем потенциально катастрофичнее последствия этого разрушения. Иными словами, чем сложнее явление, тем оно потенциально уязвимее. Следовательно, уровень прогресса прямо пропорционален уровню опасности регресса.

Перенесем эту закономерность на человечество, не выходя за рамки проблемы социального прогресса. Человечество существует и будет

существовать до тех пор, пока оно сможет прогрессировать, т. е. наращивать духовный (гносеологический) ресурс. Других путей социального прогресса и, соответственно, альтернативных путей выживания у человечества нет. И то, что человечество до сих пор существует, происходит исключительно благодаря тому, что оно прогрессирует, из века в век становится лучше.

Критерием социального прогресса является духовный (гносеологический, гуманистический, культурный) прогресс. Поэтому социальный прогресс идет по вектору достижения смысла жизни (счастья), что сопряжено с освоением сознания, познания (мышления), истины.

Следовательно, если на протяжении своей истории человечество прогрессирует (становится лучше), то оно тем самым приближается к достижению смысла жизни (счастья).

И тут мы сталкиваемся с диалектическими каверзами развития, с противоречиями прогресса. По мере социального прогресса антигуманизм (порождение носителей коллективного бессознательного (обывателей), этически воплощаемое в форме зла) ослабевает, но усиливаются опасность и потенциальная катастрофичность его актуализации, потому что инструментальный ресурс гуманизма и антигуманизма, будучи идентичным на всех уровнях, кроме духовного (гносеологического), на этих же уровнях развивается безотносительно к гуманизму и антигуманизму и, значит, в равной мере вооружает их.

Человечество располагает инструментальным арсеналом бессознательной формы: а) телесным и его технико-технологическими продолжениями-усилителями; б) вербализованно-психическим и его технико-технологическими продолжениями-усилителями.

Эти инструменты равно применимы и к хорошему, и к плохому. Кроме того, они в принципе локально машинозаменяемы, поскольку у них имеются либо могут быть более мощные технико-технологические аналоги.

Следовательно, обладая лишь инструментальным арсеналом бессознательной формы, человек, строго говоря, оказывается всего лишь самой совершенной биологической машиной. Не удивительно, что некоторые его интеллектуальные и менее сложные функции постепенно передаются машинам — механическим, электронным и т. п. устройствам.

Человек создает машины, поскольку он как носитель коллективного бессознательного (обыватель) в принципе является машинозаменяемым.

Для того чтобы выжить, человечество должно освоить гносеологические ценности — сознание, познание (мышление), истину. У этого ресурса нет и не может быть технико-технологических аналогов, следовательно, у него в принципе отсутствует машинозаменяемость.

Вернемся к руссоистскому утверждению об упадке нравов как результате социального прогресса. Данный тезис представляет собой заблуждение, поскольку редуцирует прогресс к его бессознательному компоненту и игнорирует то обстоятельство, что прогресс бессознательного осуществляется по вектору освоения сознания. Вместе с тем руссоисты указывают на противоречивость социального прогресса. И в этом заключается их локальная правота.

Сегодня вершина социального прогресса — постмодерновый (постиндустриальный, информационно-технологический) капитализм. Его часто и справедливо называют «обществом потребления», которое перманентно истощает важнейшие витальные ресурсы человечества. На этом фоне патриархальные общественные формации могут показаться более позитивными, нежели капитализм, однако на деле они являются «обществами недопотребления», прогресс которых осуществим исключительно по буржуазному вектору.

Постмодерновый капитализм не вечен. После него обеспечение социального прогресса сможет происходить только при помощи духовного (гносеологического) ресурса: сознания, познания (мышления), истины. В противном случае оснащение прогрессивного развития человечества во все нарастающих масштабах будет потенциальным оснащением его регресса, что в итоге обернется актуализацией регресса и тем самым — антропологическим коллапсом.

Имеется еще одно крупномасштабное противоречие, причем с апокалиптической подоплекой. Чтобы разобраться в нем, дадим ментальную характеристику тому типу социума, который существовал на протяжении истории человечества и продолжает существовать по сей день. Это — социоцентрический социум, т. е. социум, управляемый носителями коллективного бессознательного — обывателями.

Исторические модификации социоцентрического социума репрезентированы общественными формациями, каждая последующая из которых прогрессивнее предыдущих: первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм. Первобытнообщинный строй, рабовладение и феодализм — патриархальные общественные формации, капитализм — цивилизованная общественная формация.

То, что социоцентрический социум является единственным, в котором до сих пор жили и живут люди, не означает отсутствие альтернативы ему. Она необходима, поскольку этот тип социума все сильнее обнаруживает свою нежизнеспособность, все больше превращается в тормоз социального прогресса и, следовательно, в смертоносную для человечества силу.

Чем лучше становится социоцентрический (обывательский) социум, тем он сложнее, тем невозможнее управлять им при помощи ресурса коллективного бессознательного и тем ближе разрушение этого типа социума. Стать хуже (проще) для него также губительно.

Неизбежное исчезновение социоцентрического социума окажется конструктивным (отвечающим критерию жизнеспособности) лишь в том случае, если, эволюционируя, он трансформируется в персонцентрический (философский), т. е. в социум, управляемый носителями сознания — философами.

Только чрезвычайно витально богатый социоцентрический социум может трансформироваться в персонцентрический. При этом витальное богатство социоцентрического социума должно быть структурировано так, чтобы большинство его социально активных представителей отдавали себе отчет в приоритетной ценности познания — высшего смысла человеческой жизни.

В персонцентрическом социуме социальный прогресс будет осуществляться не привычным для социоцентрического социума путем — не на крови, страданиях и смерти, не через войны, революции и идеологические репрессии, а с опорой на ресурс познания и, значит, с опорой на сознание, оснащенное диалектической логикой.

Однако для этого нужно совершить почти невозможное: обрести сознание, освоить познание (мышление) и истину, создать персонцентрический социум и тем самым стать человечеством в полный рост.

Положительной альтернативой социоцентрическому социуму является персонцентрический социум. Он, а не теперешний апофеоз социоцентризма — капитализм и тем более не мифическое светлое будущее — коммунизм. Капитализм нежизнеспособен, потому что он ставит капитал выше человека. Это — социум деньговеров и финансоверов, рабов расширенного воспроизводства капитала.

А коммунизм — утопия, неосуществимый социальный проект. Его практическим воплощением является социализм, который представляет собой в восходящем варианте переход от феодализма к капитализму, в нисходящем — переход от капитализма к феодализму.

Социализм — не самостоятельная, а гибридная, неустойчивая и непродолжительная общественная формация, потому что у него нет собственного экономического базиса. Социализму приходится заимствовать экономические модели у других общественных формаций.

Пример из советской истории: «военный коммунизм» использовал экономическую модель первобытнообщинного строя, сохранившуюся и поныне в криминальном секторе экономики (большевистские лозунги «грабь награбленное» и «экспроприация экспроприаторов» криминальны по своей сути). НЭп развивался по модели капитализма, коллективизация — по модели феодализма, сталинская лагерная система — по модели рабовладельческого строя. На закате советской эпохи использовалась смешанная экономическая модель с капиталистической ориентацией и с постоянно разбухавшей теневой экономикой, и это в конце концов привело феодальную в прошлом страну через социализм к капитализму.

Можно вспомнить и то, что главной книгой марксизма не случайно является «Капитал», а не «Коммунизм» или «Социализм», например. И то, что политика советского государства всегда имела буржуазную направленность, особенно четко обозначившуюся в период заката социализма в лозунге неуклонного повышения материального благосостояния советских людей.

Советские люди, как и почти все человечество на протяжении его истории, были носителями коллективного бессознательного. Они стремились к витальному богатству, предельно концентрированной формой которого являются деньги и финансы — апогей капитализма.

Вплоть до эпохи Постмодерна капиталистический вектор олицетворял собой социальный прогресс. Но именно капитализм, причем постмодерновый, становится завершающей стадией развития социоцентрического социума, когда перед человечеством встает грозная альтернатива: перейти к персоноцентризму либо погибнуть.

В.Н. ПРОНЧАТОВ

Отношения распределения и научная картина мира

Подставляйте ладони.
Я насыплю вам счастья.
Есть источник бездонный
В дождь, грозу и ненастье.

Б. Коренфельд

Аннотация. В статье анализируются отношения распределения, характерные для механической, диалектической, электромагнитной, релятивистской и квантовой картин мира. Показано, что эти отношения и их понимание оказываются созвучными научным теориям.

Ключевые слова: отношения распределения, наука, общественные отношения, картина мира.

Abstract. The article analyzes the characteristic distribution relations for mechanical, dialectical, electromagnetic, relativistic and quantum picture of the world. It is shown that these relationships and their understanding are conformable to scientific theories.

Keywords: distribution relationship, science, social relation, picture of the world.

Постановка проблемы. На протяжении нескольких лет мы доказываем, что взаимодействие науки со всей совокупностью общественных отношений и межличностных связей повседневной жизни обеспечивается единым алгоритмом познавательной и предметно-

практической деятельности [1—2]. Начиная с Нового времени, этот алгоритм реализуется в рамках сменяющих друг друга механистической, диалектической, электромагнитной, релятивистской и квантовой картин мира. Благодаря своему превращению в образ-понятие элементы научных теорий оказываются созвучны производству, политике, искусству, моде и даже кулинарии. Здесь мне хочется установить эту связь в экономических отношениях распределения.

Определение понятий «распределение» и «разделение труда». Общественный характер труда проявляется через бессчетное количество разрозненных индивидуальных усилий. В системе межличностных связей люди разных профессий зарабатывают на жизнь, но в конечном итоге, подчас не осознавая того, они работают друг для друга. Акцентируя внимание на обособленности отдельных производителей, Маркс говорит о *разделении труда*. Поскольку эти люди представляют единую общественную рабочую силу, надо представить раздельность как элемент связи. Для решения этой задачи предназначено понятие *распределение* [3, т. 23, 89] При анализе конкретно-исторического общества понятие «распределение» фиксирует те общественные отношения, которые позволяют отдельным индивидам существовать в качестве совокупной рабочей силы.

Распределение в механической картине мира. Условным началом механической картины мира можно считать 1608 г., когда Галилео Галилей пожелал выяснить, что есть скорость вообще. Его предшественник Архимед решал практические задачи, поставленные перед ним верховной властью, а первый в нашем понимании физик бескорыстен. Он твердо уверен, что закономерная связь содержится в вещах, и надеется обнаружить ее с помощью эксперимента.

Выраженные языком математики, количественные характеристики движения делают его *силой*, так как позволяют предсказать результат любого взаимодействия. Этот упорядоченный мир всеобщей целесообразности [3, т. 20, 350] разрушают страсти и некоторые дон-кихоты, но Блез Паскаль (1623—1662) и Пьер Ферма (1601—1665) обещают подчинить их математике с помощью теории вероятностей, а светские владыки и Святейшая инквизиция используют для этого другие, не менее эффективные средства.

Для отдельно взятого человека Нового времени подлежащие распределению сущностные силы олицетворяли деньги и связи, которые приобретали многие поколения семьи за счет государственной службы, ремесла и торговли на дальние расстояния. В XVII столетии внешнюю торговлю монополизировали крупные торговые компании и паевые товарищества, но членство в крупной торговой компании было единственной возможностью распределения сущностных сил в пользу индивидуальности. Здесь можно сослаться на господина д'Артаньяна. Чтобы продать свою шпагу королю, он должен вступить в полк коро-

левских мушкетеров, но воинская дисциплина не мешает ему самовольно покинуть расположение части и отправиться в Англию за подвесками. И только Спиноза отважился отвергнуть лестные предложения еврейской общины Амстердама и французского короля ради сохранения независимости.

Отрицанием меркантилизма с позиций прошлого можно считать противостояние систем торгового (Эдвард Миссельден (1608—1654)) и денежного (Жерар де Малин (Мельянс, Мэляйнс) (1586—1641?)) баланса. Сторонники обеих систем стремились увеличить массу драгоценных металлов в стране, но использовали разные средства. Система денежного баланса регулировала движение денег и, по сути дела, выражала интересы полуфеодального государства, заинтересованного в росте своих денежных средств. Система торгового баланса пыталась примирить фискальные интересы государства и крупных торговых монополий [4, 24].

Отрицанием меркантилизма с позиций будущего можно считать всех экономистов XVII в., которые противопоставляли торговле труд и промышленность. Это, прежде всего, Уильям Петти (1623—1687), но подобное противопоставление можно обнаружить уже у Томаса Мена (1571—1641) [5]. По мнению последнего, меновой стоимостью продукт труда становится лишь постольку, поскольку он превращается в объект внешней торговли.

Распределение в диалектической картине мира. Условным началом диалектической картины мира Ф. Энгельс предлагал считать 1755 г., когда И. Кант опубликовал свою «Всеобщую естественную историю и теорию неба». Классическая немецкая философия и связанный с нею романтизм предполагают раздвоение казавшегося до этого единым человеческого Я на две противоположности, одна из которых связана с индивидуальностью, а другая представляет индивиду его общечеловеческую сущность. У Канта эта сущность называется вещью в себе, у Гегеля она становится Абсолютной идеей, у Фейербаха превращается во врожденное чувство.

Экономист Адам Смит (1723—1790) говорит об «экономическом человеке». На уровне межличностных связей повседневной жизни этот человек был и остается эгоистом, но своекорыстные интересы он реализует в сфере производства, предлагая другим людям свой труд и его продукты. На уровне общественных отношений его сущность представляет собой богатство народов, поэтому политэкономия становится наукой об обществе. В своей главной книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) он говорит о колониях и университетах, военном деле и банках, серебряных рудниках и даже контрабанде. Стихийное действие экономических законов становится «невидимой рукой», которая направляет индивидов к общей цели. В отношениях распределения различные классы общества распределяют

совокупный общественный продукт. Рабочий получает физический минимум средств существования, включающий в себя исторический и культурный момент, а капиталист берет на себя ответственность за накопление капитала. Сбереженные средства вкладываются в производство ради обеспечения роста богатства всех народов. Состоятельные фермеры, промышленники и купцы становятся здесь обязательными для диалектики романтическими героями, деятельность которых прокладывает дорогу общему и всеобщему.

Хронологически диалектика немецкой классической философии связана с товарным производством в его всеобщей форме, поэтому ее отрицание с позиций прошлого будет идеализацией мелкого ремесленного производства. Для его субъектов олицетворением сущностных сил человека становятся деньги, которые ему предлагает скупщик. Невозможность немедленной реализации произведенной продукции означает экономическую катастрофу, поэтому идеологи мелкой буржуазии, например английский утопический социалист Джон Грей (1798—1850), пытаются разными способами устранить противоречие между товаром и деньгами при сохранении частной собственности на средства производства [6].

Отрицание диалектики с позиций будущего. Диалектическое как мировоззрение сменяют электромагнитная, релятивистская и квантовая картины мира с характерным для них растворением вещей в отношениях, поэтому любое отрицание настоящего будущим будет связано с уничтожением предметности, как это сделал Джон Лоу (1671—1729). Созданный им Всеобщий банк (май 1716 г.) начал выпуск банкнот на сумму, гораздо превышавшую размеры той наличности, которой сам располагал [7]. Тем самым он впервые, по сути, использовал принцип так называемого частного резерва, который стал впоследствии основой банковского дела и предпосылкой электромагнитной картины мира.

Распределение в электромагнитной картине мира. Условным началом электромагнитной картины мира можно считать 1873 г., когда Джеймс Клерк Максвелл сформулировал основные законы электродинамики, или 1876 г., когда на Всемирной выставке в Париже электрическое освещение одержало победу над газовыми фонарями.

В отличие от механики и диалектики, где движутся *тела*, в электродинамике движутся *системы*, и всякий предмет становится результатом взаимодействия, где целое не сводится к простой сумме составляющих его частей.

В сфере экономики электромагнитную картину мира представляет теория Карла Маркса (закончена в 1883 г.), где капитал впервые рассматривается как общественное отношение. В процессе его движения он последовательно принимает и сбрасывает различные формы, не будучи при этом ни одной из них.

Подлежащими распределению сущностными силами человека Маркс объявляет действительность всех общественных отношений. Понятие действительности он заимствует из философии Гегеля для обозначения восхождения человечества к обществу, где будет преодолена частная собственность на средства производства. Элементы этого будущего общества присутствуют в каждой общественно-экономической формации [3, т. 3, 3].

Электромагнитная картина мира с характерным для нее системным мышлением предполагает целостность, образованную взаимодействием, поэтому одним из вариантов ее самоотрицания может стать теория, где один из элементов предполагается извлечь из системного взаимодействия и без всяких изменений использовать в какой-то иной структуре. Эту логическую операцию осуществил отчисленный из Берлинского университета за критику профессуры и примкнувший к рабочему движению приват-доцент Евгений Дюринг (1833—1921). Опубликованная им «Критическая история политической экономии и социализма» (1871) имела такой оглушительный успех среди рабочих, что Энгельсу пришлось подвергнуть ее уничижительной критике. Структурными элементами придуманного Дюрингом будущего социалистического общества являются изолированные хозяйственные коммуны. За шестичасовой труд коммуна будет выплачивать сумму денег, равную шестичасовому рабочему труду. Если у кого-то возникнут излишки, то он не сможет найти возможности получения прибыли. Действуя в интересах мелкого производителя, Дюринг пытается сохранить капиталистический способ производства, но упразднить соответствующий ему способ распределения [3, т. 20, 196].

На смену доминирующему капитализму придет господство монополий и финансового капитала, поэтому отрицанием настоящего будущим можно считать любую теорию, которая предскажет хотя бы некоторые особенности новой фазы капитализма, до того как она наступит. Этим условиям соответствуют взгляды одного из лидеров II Интернационала Эдуард Бернштейна (1850—1932). Свои идеи он изложил в октябре 1899 г., т. е. на три года раньше Джона Гобсона (1858—1940) и на одиннадцать лет раньше Рудольфа Гильфердинга (1877—1941), которые описали экономические признаки новой эпохи. По мнению Бернштейна, акционерная форма предприятий ведет к демократизации капитала. Посредством акций рабочие становятся участниками к распределению сверхприбылей монополий, поэтому марксистская теория классовой борьбы безнадежно устарела. Обвиняя Бернштейна в правом оппортунизме, ортодоксальные марксисты считают его предшественником Джона Кейнса (1883—1946) с учением о прогрессивном капитализме [8, 180] и тем самым «перекидывают мостик» к релятивистской и квантовой картинам мира.

Распределение в релятивистской картине мира. Условным началом релятивистской картины мира можно считать 1905 г., когда Эйнштейн опубликовал свою знаменитую статью «К электродинамике движущихся тел», или 1919 г., когда специальная теория относительности получила первое экспериментальное подтверждение.

В начале XX в. человек воспринимал противоречие механики и электродинамики как одно из многочисленных проявлений «заката Европы». Специальная теория относительности приспособливает механику к электродинамической теории и тем самым дает надежду, что в условиях принципиально новой картины мира можно сохранить традиционные ценности. Надо только не относиться к себе слишком серьезно и уметь показать язык миру восставших масс и террористов с бомбами. Любая физическая теория существует в социальном пространстве, поэтому аналогом теории Эйнштейна будет любая попытка соединения несоединимого, предпринятая в начале прошлого столетия (маленькое черное платье, дреднот, массовый автомобиль, мировые чемпионаты французской борьбы, додекафония в музыке).

В сфере распределительных отношений аналогом специальной теории относительности можно считать любую экономическую теорию империализма, созданную на рубеже столетий, в первую очередь ленинскую теорию последней стадии капитализма и кануна мировой революции. Родственную связь этих двух теорий отметил Бертран Рассел, назвавший Ленина и Эйнштейна людьми, которым удалось завершить работу синтеза: одному в области мысли, другому в действии — и потому ставших символом XX столетия [9].

В теории Ленина организация профессиональных революционеров и курьеры газеты «Искра» привносят социалистические идеи в рабочее движение, и энергия привнесенной воли разгоняет массу, которая обретает новые свойства в принципиально новом пространстве. Это искривленное движением трансформированных масс социальное пространство отношений становится условием причастности каждого человека к сущностным силам всего человечества. Если Владимир Маяковский (1893—1930) сравнивает мировую революцию с гегелевской диалектикой, то его современник Велимир Хлебников (1885—1922) более точно видит в ней тех, «кто уравнение Миньковского на шлеме сером начертал» [10].

В момент своего появления специальная теория относительности прозвучала как завершающий аккорд механической картины мира, поэтому один из возможных векторов ее отрицания направлен из настоящего в доиндустриальное прошлое. Представители американского трансцендентализма (Манифест-эссе Ральфа Эмерсона «Природа» 1836 г. [11]) провозглашали социальное равенство «равных перед богом людей», духовное самоусовершенствование и близость к природе. В романтической робинзонаде Генри Торо (1817—1862) «Уолден,

или Жизнь в лесу» (1854) бегство от цивилизации потребления рассматривается как единственная возможность спасения личности. Индивидуальное Я приобретает здесь космический масштаб и становится источником распределения сущностных сил человека.

Формула Эйнштейна возникает практически одновременно с формулой Планка, поэтому отрицанием релятивистской картины мира с позиций будущего следует считать любые теории волновых процессов. В экономике волновые процессы впервые появляются в 1847 г., когда англичанин Х. Кларк установил наличие закономерных интервалов между мировыми «экономическими катастрофами». В 1913 г. голландский экономист Я. Ван Гельдерен, опираясь на статистику цен миграции и занятости, разработал первую теорию волнообразного эволюционного движения при капитализме [12]. Волновые процессы в различных видах деятельности (кубизм в архитектуре и живописи, роман Дж. Джойса «Улисс», театр Вс. Мейерхольда и Б. Брехта) подготовили переход к новой квантовой картине мира.

Распределение в квантовой картине мира. Началом квантовой картины мира можно считать 1928 г., когда Поль Дирак (1902—1984) вывел уравнение движения для частиц, удовлетворяющее требованиям специальной теории относительности.

Квантовое мышление предполагает способность мыслить без чувственно-наглядных представлений, преодолеть противопоставление объекта и субъекта и воспринимать объекты в единстве волны и частицы, т. е. исчезающими неизвестно куда и появляющимися неизвестно откуда. Экономическим вариантом квантового мышления можно считать теорию длинных волн Н. Кондратьева («Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», 1922). Согласно этой теории, подъем и спад мировой экономики осуществляются на протяжении долгого времени. На каждом отрезке можно зафиксировать некоторое увеличение и сокращение покупательной способности населения, но рост заработной платы в условиях экономического спада и снижение покупательной способности в условиях экономического роста принципиально отличаются друг от друга. Чтобы увидеть кризисные явления в экономике, достаточно обычного здравого смысла, но обнаружить их связь с подъемом или спадом длинных волн способно только квантовое мышление.

В полном соответствии с принципом единства объекта и субъекта квантовый мир изменяет соотношение общественных отношений и межличностных связей в сфере распределения. Сущностные силы человека всегда воспринимались отдельными индивидами через потребительные стоимости товаров. Каждый покупатель знал, кто произвел эту вещь и с кем он взаимодействует в отношениях купли-продажи. Память о тех временах сохраняют потребительские артефакты далекого прошлого: мука Башкирова, хлебные изделия Филиппова, магазин

Елисеева. В квантовом мире любая вещь принципиально анонимна и безлика. Она приобретает сущностные характеристики благодаря *моему* решению ее приобрести. В полном соответствии с принципом единства объекта и субъекта индивидуальность провозглашается сущностью человека, которая до этого приходила к нему из общественных отношений.

Отрицанием квантовой картины мира с позиций прошлого можно считать теоретическую модель, где субъект и объект по-прежнему противопоставляются, но субъект анонимен. В сфере экономических теорий этот принцип лежит в основе «инновационной теории длинных волн» Й. Шумпетера [12]. Здесь источником длинных волн становятся отдельные предприниматели, внедряющие в производство новые товары и виды техники, открывающие новые рынки источники сырья. Их вознаграждением становится высокая прибыль как плата за риск и компетентность.

Отрицанием квантовой картины мира с точки зрения будущего считается теория струн (М. Грин, Д. Шварц, 1984), где понятие точечной частицы заменяют представления о протяженном неточечном объекте (струне) [13]. Устойчивые колебания каждой струны обеспечивают квантовые характеристики частиц, поэтому их можно описать через один объект. Квантовая теория струн созвучна интеграционному подходу в экономике, сторонники которого (Й. Дельбеке, А. Пиатъе) связывают исследования длинных волн с интеграцией различных моделей в единый процесс [12].

Заключение. Взаимодействие отношений распределения и картины мира на основе единого алгоритма предметно-практической и мыслительной деятельности само по себе ничего не доказывает. Законченным доказательством может стать наличие этой связи во всей системе общественных отношений и межличностных связей повседневной жизни. Если ее удастся установить, то возникновение любой научной теории можно будет рассматривать как движение мысли, которая покидает одну сферу деятельности, чтобы продолжить свое движение по другому руслу или какое-то время движется по нескольким направлениям одновременно. Возникнув как физическая теория, она на какое-то время уходит в музыку, чтобы через спорт и математику вернуться в физику в виде неожиданного озарения ученых. Для решения подобной задачи требуются совместные усилия представителей гуманитарного и естественнонаучного знания, и я надеюсь, что моя статья привлечет их внимание к решению к этой задаче.

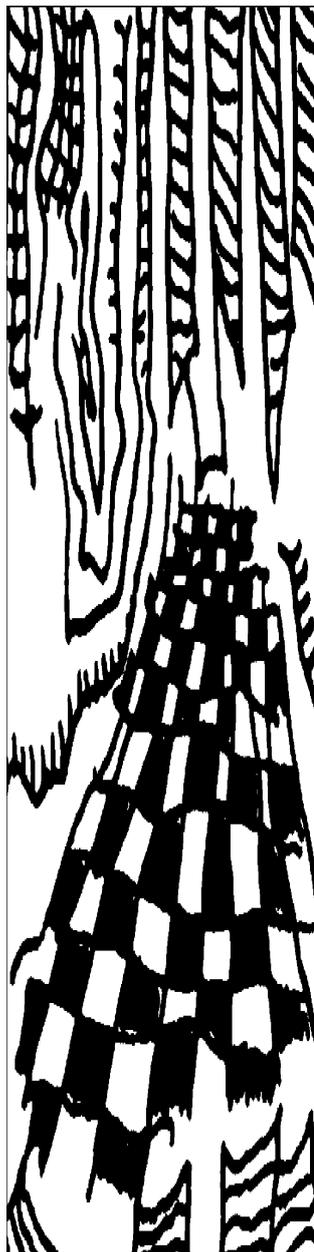
Литература

1. *Прончатов В.Н.* Наука и общество: источники вдохновения: монография. Н. Новгород, 2013.

2. *Прончатов В.Н., Орлова З.Н.* Труд и капитал как соавторы научных теорий // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
4. *Плотников И.* Меркантилизм и его разложение. Вступительная статья // *Меркантилизм*. Л., 1935.
5. *Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 1.* М., 1987.
6. *Грей Дж.* Соч. М., 1955.
7. *Аникин А.В.* Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1975.
8. *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. М., 1959.
9. *Рассел Б.* Из письма в редакцию «Известий ЦИК СССР» // *Ленин. Человек — мыслитель — революционер*. М., 1990.
10. *Хлебников В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы 1905 — 1922. М., 2002.
11. *Эстетика американского романтизма / Под ред. М.Ф. Овсянников.* М., 1977.
12. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М., 1989.
13. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М., 2004.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

От техники к нооинженерии

Аннотация. В статье анализируются феномен техники, ее связь с искусством и антропологией. Рассматриваются две стратегии в развитии техники. Одна принадлежит Востоку, другая Западу. Выделяются этапы развития техники в Европе с точки зрения антропологии. Отмечен пятый этап «Нооинженерия», на котором создаются разумные, но не мыслящие машины, преодолевая границы биологии.

Ключевые слова: техника, искусство, нооинженерия, антропология, разум, мышление.

Abstract. The article is devoted to the equipment phenomenon, its communication with art and anthropology. Two strategy in development of technology are considered. One belongs to the East, another to the West. Stages of development of technology in Europe from the point of view of anthropology are allocated. The fifth stage of «Nooinzheneriya» at which the reasonable, but not conceiving mechanisms are created is noted, overcoming biology borders.

Keywords: equipment, art, nooinzheneriya, anthropology, reason, thinking.

Многие думают, что техника — это техника, а поэзия — это поэзия, и вместе им, как говорил Киплинг, не сойтись. Хайдеггер так не думал. И вот почему.

Раскрытие потаенного

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. Хайдеггер выступает с докладами в Мюнхене. Закончилась война. Началось прозрение в то, что есть. И Хайдеггер решил поставить вопрос о сущности техники и вещи. Конечно, вещью мы называем то, *что* она есть. Камень — это камень. Река — это река. Но что такое техника?

Природа, говорил Карл Маркс, паровозов не строит. Техника — это нечто сделанное, искусственное. Сделанное кем? И сделанное для чего? С какой целью?

Техника — это инструмент, при помощи которого мы обживаем мир. Палка, которой мы сбиваем яблоко с дерева, это не техника, это продолжение нашей руки, предмет, который мы используем в качестве средства достижения наших целей. Техника — это, говорит Хайдеггер, произведение, или, что то же самое, вид раскрытия потаенности при-

роды, способ осуществления истины. Анализируя существо техники, мы можем убедиться в том, что не только техника носила название «технэ». Когда-то производство истины тоже называлось «технэ». Иными словами, техникой называлась поэзия изящных искусств. «Технэ», как и искусство, раскрывало потаенное, выводило его на свет истины. Однако раскрытие потаенного грозит оставить нас без тайны. То, что оставляет нас без тайны, называется производством. Поэтому Хайдеггер решил обратить внимание на то, как раскрытие потаенного втягивает человека в гонку производства, которую он называет «поставом». Что такое постав? Это такая система связей, при которой ничто не ценно само по себе, при которой все получает свою значимость лишь в соотношении с другими вещами. Почему же постав заслоняет в пределах технического поэзию? Хайдеггер не дает прямого ответа на этот вопрос. Суть дела, видимо, состоит в том, что сжалась территория человеческого, уменьшилось пространство субъективного, и практическое вытеснило самоценное.

Когда у нас в доме отключаются свет, тепло и вода, мы начинаем понимать, что живем в техносфере, в которой произошел сбой, т. е. вещи, поставленные на определенное место, покинули это место. Река, встроенная в гидроэлектростанцию, перестала приводить в движение ее турбины, ток перестал поступать на нефтяные вышки. Самолеты встали без движения, потому что для них нет топлива.

Техническое окружает нас. Мы привыкли к нему, потому что сами приспособлены к жизни в искусственной среде, сами поставлены на службу самовозрастающей стоимости. Мы не замечаем техники. И дизайнерам, инженерам и изобретателям нужно хорошо поработать, чтобы разбудить наши чувства и заставить нас признать красоту форм моста, связывающего Владивосток с Русским островом. Конструктор Туполев, как Модильяни, может восхитить нас изяществом линий, совершенством форм, благородной красотой силуэта военного самолета Ту-160, называемого иногда «Белым лебедем». Сильные и ловкие, как пантеры, гоночные машины завораживают своей красотой мальчишек самых разных стран мира, пробуждая в них чувство тождества техники и поэзии.

Сберегать усилия

У Ортеги-и-Гассета антропологический взгляд на технику, согласен которому человек — не животное, не обезьяна с палкой, по случайности обладающая техническим даром. Нельзя считать, говорит Ортега, что, если мы наделим животное волшебным техническим даром, то в результате получим человека. Человек имеет сверхъестественные задачи. Поэтому он не может, подобно животному, направить всю

свою энергию на приспособление к среде, на удовлетворение базовых потребностей. Человек должен сберегать усилия, чтобы посвятить их невозможному: реализации своего бытия в мире.

Для человека быть — это всегда проблема. Например, для быка быть — не проблема. У быка, пишет Ортега, есть сущность, которую животное и реализует. У человека нет сущности. Ему нечего реализовать. Поэтому человек изобретает свою жизнь. Он инженер по самому смыслу своего существования. Для него бытие есть не что иное, как техника. Если бы можно было человеку обойтись без техники, он бы ее не изобретал. И не стал бы, как Архимед, защищать свои чертежи от агрессивных действий римских солдат. Архимеда зарубил римский легионер. Но ту математическую красоту геометрических форм, которую увидел глаз Архимеда, невозможно убить. Напоминанием об этом является фигура, состоящая из шара, вписанного в цилиндр на надгробии Архимеда.

Сверхприродное техники

Смысл природы состоит в том, что вне природы. Вне природы находится не какая-то еще одна параллельная природе реальность. То, что Ортега-и-Гассет называет сверхъестественным, следует, вероятно, определить как субъективность. Субъективная вещь существует, если мы хотим, чтобы она была. Природа состоит из вещей, субъективность состоит из образов, грез и снов, которые действуют на человека как вещи. И человеку трудно отличить, что на него сильнее действует: вещь или образ вещи. Вещные сны старше природы, которую изучают физики. Техника рождается из субъективности. На ней лежит печать яви, которая мечтает догнать промелькнувшее сновидение.

Субъективность предполагает не бытие, а становление. Становиться — значит, все время переставать быть тем, что ты есть. Все время изобретать, заботиться о себе, быть активным. Активное не есть действие, потому что животное и есть само действие, ибо оно не отделимо от него. Активное — значит творческое, проективное.

Досуг

У природы нет досуга. Человек же есть нечто открытое, незавершенное. Его легко ранить. Человек всегда есть рана, которая зарубцовывается спасительной техникой. Техническое позволяет человеку быть самим собой. Она делит жизнь на досуг и на работу. Досуг позволяет человеку заботиться о человеческом, о субъективном. Работа позволяет удовлетворять физические потребности. Например, 3000 лет до н. э. в Шумерах человеку нужно было трудиться всего один месяц в году, чтобы прокормить себя. Остальное время он занимался своей субъективностью. Сегодня люди тратят свободное время на восста-

новление своей рабочей силы. Досуг заменяется просмотром телевизора и общением в интернете. У человека происходит то, что философы называют кризисом желаний. У него есть возможности добиться всего, что он хочет, но ему ничего не надо, он ничего не хочет. Более того, мы ищем себе посредника, другого, того, кто будет желать за нас. Но это будет уже не техническая проблема, а проблема отказа от субъективности.

Естественное и искусственное

Естественное — то, для чего есть причины. У естественного есть своя красота. Что такое естественная красота? Это красота, у которой нет второго плана, нет маски. Ее нельзя приукрасить. Встретившись с этой красотой, глаз человека отдыхает или восхищается. Но не этим отличается естественная красота от искусственной.

Что значит искусственное? Искусственное — то, что сделано и, следовательно, отсылает к человеку как своей причине. Само по себе оно не существует. Искусственная красота отличается от естественной красоты двояким образом. Во-первых, искусственное может быть красиво, но оно никогда не вызывает в нас чувство возвышенного. Техника не возвышает. Она отсылает к мастеру, к профессионалу. Во-вторых, красота искусственного не знает, что делать с бесконечностью. Она не может конечными шагами сделанного разместить в себе бесконечное. Красота технического не сопряжена с символом. Она сопряжена со знаком. Символ отсылает к себе самому, а знак отсылает всегда к другому знаку. В первом случае красота имеет бесконечное число смыслов, во втором случае она конечна.

Две стратегии техники

Одна стратегия принадлежит Востоку. Другая стратегия — Западу.носителем первой, согласно Ортеге, является буддизм.носителем второй — джентльмен.

Буддизм хочет жить вне жизни. Он говорит «нет» жизни и желает раствориться в мире. Кто не хочет двигаться, тот не станет, как Карл Бенц, изобретателем автомобиля. Кто стремится к уединению со Вселенной, тому, как Эдисону, не придет в голову мысль о лампочке накаливания. Бытие в качестве живого отрицания природы не ведет к созданию паровой машины, идея которой пришла отцу и сыну Черепановым. Кто равнодушен к еде, тот не изобретет печь. Буддизм отдает свои силы созданию других видов техники. Он создает технику медитации, технологию достижения состояния бесчувствия, искусство сосредоточения на себе самом. Буддизму интересуют экзотические состояния, техника жизни в мире чистых видимостей, инженерия погружения в пространство субъективности. Восток не способен создать

технику, равную той, что вызвана к жизни стремлением стать джентльменом на Западе.

Джентльменом может быть любой человек из любой социальной группы. Джентльмен не аристократ. У него нет хорошей родословной. Он и не интеллигент. У него нет чувства стыда за то, что сделал не он. Он не богат. У него нет лишних средств к существованию. Джентльмен борется за жизнь, участвуя в профессиональной деятельности. Он профессионал. Джентльмен не обманет, не сделает халтуру. Качество его работы можно не проверять.

В свободное время он играет в гольф или другую игру. Игра — это роскошь жизни. Кто играет, того не гнетет нужда, у того есть чувство уверенности в жизни. Особенно полезны для джентльмена скачки на лошадях и фехтование. И то, и другое вырабатывает осанку, представительный вид. С хорошей осанкой можно получить кредит в банке. Тогда как сутулому, хлипкому субъекту в очках никто кредит не даст. Если джентльмен играет, то он играет по правилам, честно. Джентльмен соблюдает внешние приличия. Он ежедневно меняет рубашки, принимает ванну, соблюдает чистоту и не опаздывает. Джентльмен не нуждается в рекламе и избегает демагогии.

Запад основывает свои техники на знании природы. Восток основывает свои технологии на знании человеческой субъективности.

Виды техники

Поскольку техническое определяется способом замещения сил человека силами природы, постольку может быть выделено пять стадий в развитии техники. 1. Стадия художника. 2. Стадия ремесленника, т. е. рабочей силы, основанной на личностных структурах человека. 3. Машинная цивилизация. 4. Биоинженерия. 5. Нооинженерия.

На первой стадии происходит взрыв галлюцинаций человека. В результате этого взрыва в позднем палеолите появляется наскальная живопись. Запускается работа субъективности, носителем которой оказывается художник. Происходит трансгрессия границ природного. С точки зрения внешнего наблюдателя ничего, конечно, не меняется. Человек по-прежнему предстает как простая сила природы, как неразумное, хотя и мыслящее существо.

На второй стадии сфера воображаемого встречается с природным. Создается мир подручных вещей человека. Эти вещи показывают себя такими, какие они есть. Параметры технической реальности формируются ремесленником, структуры рабочей силы которого основаны на личностных усилиях. Возникает человек как мыслящее и разумное существо.

На третьей стадии происходит разрыв между структурами рабочей силы человека и личностными структурами. В этом разрыве возникает машинная цивилизация, носителем которой оказывается профессионал. С этого времени начинается противостояние мыслящего начала в человеке и разумного. Появляются люди разумные, но не мыслящие.

На четвертой стадии конструируются уже искусственные живые организмы. Ученые клонируют овечку Долли. В результате скрещивания человека и машины появляются киборги, т. е. люди, в организме которых содержатся механические или электронные компоненты.

На этой стадии техническое перестает пониматься как нечто механическое. Техника приходит на территорию биосинтеза. Современные генетические инженеры умеют делать почти все, начиная с химического синтеза простагландинов (биологически активные вещества), феромонов (половые приманки) и заканчивая выращиванием органов человеческого тела при помощи стволовых клеток эмбриона. Сфера технического расширяется клеточной инженерией, научившейся создавать новые организмы с заранее заданными свойствами, а также она расширяется при помощи принтеров, которые могут печатать вещи в формате 3D. Правда, ни один орган, напечатанный на 3D-принтере, еще не был имплантирован человеку. Методы биотехнологии находят применение в робототехнике. Создаются условия для того, чтобы вместо металлов и кремния использовались в качестве ячеек памяти ЭВМ органические молекулы.

На пятой стадии создаются разумные, но не мыслящие машины. Эти машины находятся за пределами синтезов биологической эволюции, хотя они, следуя своим программам, могут сочинять хоралы Баха, придумывать новые ноктюрны Шопена, создавать полотна в духе Гогена, писать тексты в стиле Делеза или Фуко, играть в шахматы. Техника начинает преодолевать границы антропологии, открывая смысл нечеловеческой красоты мира.

С.В. СИНЯКОВ

Философия в истории

История всегда загадка, не подлежащая полному разрешению.

Ю.М. Осипов

Аннотация. Анализируется философская обусловленность концептуальных оснований исторической науки: понятийного аппарата, ме-

тодов, предмета и задач истории. Исследуется ее метафизическая составляющая, а также функционирование философских идей, понятий и принципов в структуре исторического познания.

Ключевые слова: метафизика истории, концептуальные основания исторической науки, философская детерминация исторического познания, мировоззренческое предпосылочное знание.

Abstract. The article is devoted to philosophical conditionality of the conceptual bases of history: conceptual framework, methods, subject and problems of history. The author investigates its metaphysical component and functioning of philosophical ideas, concepts and principles if structure of historical knowledge.

Keywords: history metaphysics, conceptual bases of history, philosophical determination of historical knowledge, world outlook premised knowledge.

Среди факторов, детерминирующих историческое познание, философия как мировоззренческое знание, занимает особое место. Философия присутствует в истории в основном в двух аспектах: онтологическом, конструируя проект исторического бытия общества, и гносеологическом (эпистемологическом), где она участвует в процессе создания методологических средств, теоретических способов получения исторических знаний. Философия является важным средством постановки и решения онтологических проблем истории: места человека в истории, свободы и необходимости, смысла и цели истории, источников и движущих сил исторического процесса. Ведущее значение философии обнаруживается и при обсуждении проблем исторической гносеологии, таких как проблема достоверности исторического знания, вопрос об исторической истине, методах исследования прошлого, о природе и содержании исторических понятий. К философским предпосылкам истории в широком смысле можно отнести всю совокупность фундаментальных мировоззренческих, гносеологических и методологических принципов, а также положений социальных теорий, на которых строится вся система знаний исторической науки и разрабатываемая в ней картина действительности. Включение философских, метафизических идей в историческую науку в качестве ее предпосылок осуществляется при помощи теоретических исторических концепций, оказывающих влияние на ее развитие. Сами концептуальные, мировоззренческие основания истории имеют три важнейших источника и детерминанты развития: собственная история и теория исторической науки; междисциплинарная интеграция общественных наук на основе взаимного обогащения их теорий и методов; все возрастающая степень

проникновения философской методологии в методы и стиль мышления исторической науки, в структуры теоретического знания.

В философской литературе последних лет исследовались метафизические, мировоззренческие и концептуальные основания исторического знания и познания (см.: [1]²²). Результаты такой работы показали, что историческое знание оказывается нагруженным различными социальными и общекультурными компонентами, человеческими отношениями, складывающимися между учеными в процессе создания идей, теорий, концепций. В то же время оставался малоисследованным вопрос об особенностях и механизмах философско-мировоззренческой обусловленности социально-гуманитарного комплекса наук в целом и исторического познания в частности.

Задачей нашей статьи является выяснение специфики воздействия философских идей, понятий и принципов на онтологические построения истории, а также категориальный аппарат, методологию и предметное поле исторического познания. Указанное направление анализа дает возможность по-новому взглянуть на структуру и организацию исторического исследования, открывает новые пути и возможности изучения стимулов познавательной деятельности историка, условий выбора теоретико-методологических средств познания и направлений исследования.

Философские системы и концепции нельзя рассматривать без учета их связи с теми или иными господствующими настроениями в обществе, которые пронизывают все сферы духовной деятельности и накладывают свой отпечаток на продукты духовной культуры. Философские идеи и принципы являются не только механизмами соединения мировоззренческих ценностей с содержанием и методологическими средствами исторического познания, они также предоставляют возможности осмысления исторических теорий в социально-культурном контексте. Современная философия истории сформировалась в силу необходимости понять внутреннюю логику процесса изучения истории, его гносеологическую природу и логико-методологическую специфику основных стадий и процедур исторического исследования. Речь идет, прежде всего, об онтологических и гносеологических основаниях исторического познания: системы принципов, обуславливающих цели и задачи истории, условиях получения исторических знаний, общих представлениях об изучаемом прошлом,

²² В этой книге разработан проект становления постнеклассической метафизики и представлена концептуальная версия постнеклассической метафизики истории.

а также о способах включения исторических знаний в мировоззренческий контекст современности.

Метафизика в этом плане является важнейшим средством философского исследования истории. Благодаря ее использованию выявляются глубинные истоки исторического развития, причины кризиса цивилизаций, переворотов, войн, устанавливаются связи прошлого и настоящего, рассматриваются вопросы соотношения свободы и необходимости в истории. Метафизическим исследованием истории следует считать такое историческое познание, которое опирается, помимо анализа источников и фактов, на умозрение, интеллектуальное созерцание. Это создает такую познавательную ситуацию, в результате которой ум видит в истории то, что стоит за явлениями и фактами, — ее смысл, цели, сущность. «История вроде бы физична, ибо есть факты, но история в то же время и более всего метафизична, а потому факты в истории еще не вся история, да и сами факты многозначны и разноинтерпретируемы, — подчеркивает Ю.М. Осипов. — История конспиративна и протекает во многом вне фактологии. Факты не основание истории, а ее следствие, причем далеко не всегда достоверное» [2, 153]. Метафизический подход к изучению истории позволяет ученому выйти за пределы эмпирической, чувственно воспринимаемой истории и постигнуть логику истории, ее дух. Русский религиозный философ Н.А. Бердяев, мировоззренческая позиция которого предполагала выход за границы эмпирической истории, писал: «С имманентной точки зрения история есть неудача, лишенная всякого смысла. История имеет смысл только в том случае, если она кончится, если она не будет бесконечной. Имманентного смысла история не имеет, она имеет лишь трансцендентный смысл» (цит. по: [3, 205]). На близких позициях в вопросе соотношения философского и эмпирико-исторического изучения истории стоит Ю.М. Осипов, по мнению которого, «имея начало, история имеет и историю, а имея конец, история, переходя либо в постисторию, либо попросту в ничто, истории уже не имеет» [2, 154].

Дух в истории является субстанциональной основой ее развития, концентрированным опытом общества, его историческим сознанием, активным творческим началом, которое интерпретирует, оценивает социально-исторический опыт, принимает решения. В истории действует только один дух, но он представлен в различных образах и аспектах, например, в духе народа, нации, локальной цивилизации, в коллективном и индивидуальном сознании. «История — принадлежность сознания, она вся в сознании, — отмечает Ю.М. Осипов. — Нет сознания — нет и истории, ибо, история не только реальный процесс, но и его ирреальное отражение в сознании. История делается, как и все человеческое бытие, сознанием; она из сознания; но она и в сознании.

История — история сознания, его бытия, но и сознание есть продукт истории, делаемой сознанием» [2, 164].

Ответы на метафизические вопросы бытия основательно и обстоятельно давались в русской религиозной философии XIX—начала XX в. Говоря о значении, содержании, смысле национальной идеи и ее носителях, российские мыслители предполагали, что ею может быть некая нерасчленимая сущность: «русское православие», «народ-богоносец», носитель идеала православного Христа и русской всечеловечности (Ф. Достоевский), Вселенская Церковь, авторитету которой государство должно подчинить свою власть, отказавшись при этом от национального эгоизма и утвердив общечеловеческую свободу (В. Соловьев). Подобный интерес к религиозной метафизике, философии истории, идее нации среди представителей русской интеллигенции и философов можно объяснить только его укорененностью в духе народа; он связан с его особенностями, или исторической миссией русских. «Русские — самые непосредственные *метафизики*, — пишет Ю.М. Осипов. — Метафизического начала в русских куда больше, чем физического. Они явно не от мира сего, точнее — больше от *иного мира*, чем от мира сего. В этом мире они более мимолетные, может, и мнимолетные пришельцы, чем его прочные обыватели. Этот мир интересен русским, но не настолько, чтобы им вполне удовлетвориться. В этом мире русские не очень обустроиваются. Они живут более для чего-то *другого*, не этого, не окружного. Их манят даль, высь, запределье. Это люди из *Ничто!*» [4, 58—59]. Трудно не согласиться с такой оценкой национального духа и его предпосылок. В постнеклассической метафизике истории дух, культурно-историческая матрица, онтологический проект организации исторической жизни являются основными метафизическими факторами становления и развития народов. История — область метафизического пространства; она прежде всего и всегда есть история духа, история идей, история сознания. Отсюда и следуют фундаментальные вопросы о ее смысле, цели и конце. Они актуализируются сейчас, когда существованию человека, мира, общества угрожают разрушительные, смертоносные силы планетарного масштаба. Новая мировая, или глобальная, ситуация способствует также возвращению эсхатологических и апокалиптических проектов бытия.

Эсхатология означает признание абсолютного характера будущего, которое становится радикальным судом над историей и человеком. Абсолютное будущее, которое составляет конечную цель и смысл истории, Н.А. Бердяев именует «царством Духа», «вечностью», «царством Божьим», «новым Иерусалимом». Эсхатологическое будущее творится не только Богом, но и человеком, поэтому «устремление к этому последнему, всезавершающему Смыслу, работа над его прибли-

жением и составляет сущность истории» (цит. по: [3,205]). Дух, по мнению религиозного философа, революционен в отношении к миру природному и историческому. «Дух есть свобода и смысл. Смысл мира духовен. Когда говорят, что жизнь и мир не имеют смысла, то этим признают существования смысла, возвышающегося над жизнью и миром, то есть судят о бессмыслице мировой жизни с точки зрения духа» (цит. по: [3,159]). Историческая метафизика Н. Бердяева служит задаче выявления эсхатологической перспективы, которая «не есть только перспектива неопределенного конца мира, она есть перспектива каждого мгновения жизни. В каждое мгновение жизни нужно кончать старый мир, начинать новый мир. В этом дыхание Духа» (цит. по: [3, 219]). Помимо онтологического значения эсхатологические и апокалиптические идеи имеют еще и гносеологическую ценность, поскольку позволяют по-другому взглянуть на мир, общество, историю, в том числе и новейшую. «С учетом апокалиптики и к ней постоянного обращения, — пишет Ю.М. Осипов, — совершенно иначе видятся, воспринимаются и раскрываются такие вещи, как бытие, мироздание, Вселенная, как жизнь и человек в ней, как общество, хозяйство, история, как уже не существующее прошлое и еще не наставшее будущее, как то же неуловимое настоящее, ну и, разумеется, как сознание, психика, общение, творчество» [5, 10]. Без всякого сомнения, метафизические идеи формируют онтологические принципы истории, обосновывают ее идеалы и цели, обеспечивают включение исторических представлений в духовную культуру общества. Не меньшее значение в деле написания истории имеют историческая гносеология и философская методология истории.

Философские идеи участвуют в становлении исторических концепций самым различным способом, но, прежде всего, через концептуальные средства исторической науки, так как последние зависят от того, какие философские и социологические категории становятся теоретико-познавательным аппаратом исследования. Это не значит, что другие компоненты исторического знания, такие как факт, проблема, источник, не следует сопоставлять с философско-методологическими установками. Однако наиболее серьезное проникновение во внутреннюю логику исторического мышления философские идеи и принципы осуществляют через теоретико-методологические средства исторического исследования. Поэтому они и должны, в первую очередь, стать объектом анализа с точки зрения влияния на них философских идей.

Категориальный аппарат исторической науки является инструментом производства новых знаний, орудием теоретического сознания историка. Поэтому развитие и смена систем исторического знания суть следствие изменения категориальных структур, каждая из которых

имеет свое семантическое поле научных объяснений, свой состав и способ постановки проблем. Мировоззренческая обусловленность категориальной структуры исторического знания, будучи закрепленной в фундаментальных философских и социологических теориях, превращается в идеалы, нормы и цели исторического исследования той или иной эпохи. Категориальный строй мышления в исторической науке представляет собой синтез философских, экономических, социологических и собственно исторических понятий. Но при всем этом, он остается защитным механизмом, оберегающим определенное направление исследований от влияния других научных систем, но, одновременно, затрудняющим видение новых проблем. Рассмотрим более полно процесс формирования новых понятий философской обусловленности исторического познания.

Исторические понятия, будучи результатом развития как исторического, так и обществоведческого знания, служат главным инструментом познания прошлого. Природа исторических понятий определяется как особенностями предметной области исторического познания, так и системой философских категорий. Источником содержания исторических понятий является как само прошлое в качестве объекта познания, так и вся совокупность теоретических средств современной науки. В формировании исторических понятий участвуют наиболее зрелые, развитые формы социально-философского знания. Философские категории, будучи предельно широкими, фундаментальными понятиями, представляют собой наиболее устойчивые моменты в познании, важнейшие результаты, а вместе с тем опорные точки развития науки и духовной культуры общества. Собственно исторические понятия не способны учесть всю специфику и сложность исторического прошлого, разнообразные исторические условия. Это обстоятельство обуславливает необходимость внесения в их содержание философской и аксиологической информации. Философское насыщение категориальной системы исторического мышления является теоретически плодотворным для историка, ведет к углублению исторического знания. Философскую обусловленность понятийного строя исторической науки дополняет культурная детерминация, поскольку категориальная модель истории, взятая в ее конкретном содержании, включает в себя основания культуры определенной эпохи. Пронизывая все историческое познание, понятия философии и культуры выступают в качестве глубинных программ исследования, обеспечивают соединение исторических фактов и их объяснение с мировоззренческими представлениями каждой исторической эпохи. В процессе исторического познания значительная часть выработанных ранее исторических понятий пересматривается, частично отбрасывается и частично удерживается. Про-

исходит это не только в связи с полученными новыми данными, обнаруженными в источниках, но и по причине развития и изменения самих философских знаний. Смена исторических понятий в общем виде фиксирует изменения современного общества, духовного мира, ценностей различных социальных и национальных групп, к которым принадлежат историки. Оставшиеся исторические понятия наполняются новым содержанием, конкретизируются, что позволяет раскрывать новые черты, новые моменты исторического прошлого. «Внесение новых категорий является важнейшей инновацией в методологии истории, — справедливо утверждают белорусские авторы. — Их иерархизация и анализ взаимодействия составляют важную проблему исторической науки, решение которой должно в корне преобразовать практику исследования» [6, 192]. Обладая концептуальной устойчивостью и мировоззренческой определенностью, исторические понятия и категории, в отличие от естественнонаучных понятий, не имеют такого жесткого генерализирующего характера и могут быть применены к изучению различных фрагментов истории. Так, например, во французской историографии XIX в. (Гизо, Минье, Тьерри) понятие «нация» занимало центральное место и широко использовалось, а в немецкой — того же периода (Ранке, Моммзен, Дройзен, Зибель, Трейчке) — это место принадлежало понятию «государство». В российской школе истории аграрных отношений в XIX в. (Ковалевский, Виноградов, Лучицкий) основное внимание уделялось социально-экономическим отношениям и понятию «земельная собственность». Исторические понятия и категории, с одной стороны, в логической форме фиксируют общее и повторяющееся, с другой — обязаны одновременно выражать специфику исторических типов культуры, народов и эпох в разные периоды исторического развития. Исторические понятия должны быть конкретно-содержательными и гибкими, особенно когда речь идет о микропонятиях, используемых исторической наукой наряду с макропонятиями, связывающими ее с философией и обществознанием. Изучение истории исторической науки позволяет основательнее проанализировать вопрос взаимодействия философии и истории. Рассмотрим процесс изменения понятийного аппарата исторической науки в связи с переходом от одних к другим философским предпосылкам. Социальная история в соответствии с марксистскими принципами трактовалась как общественно-экономическая история, а ее базовой категорией было понятие «способ производства», историю развития которого она была призвана освещать. Основными темами исследования в этом контексте являлись: классовая структура, процесс социальной и имущественной дифференциации, формы эксплуатации и порождаемые ими противоречия, социальные антагонизмы и классовая борьба,

структура землевладения и организация производства в сельском хозяйстве, ремесле и промышленности. Анализируя такие типологические понятия, как «общество», «формация», «класс», «государство», «собственность», «экономические отношения», можно предположить, что они не были извлечены только из имеющихся в распоряжении источников, а внесены в историческую науку из философии исторического материализма и политэкономии. Переосмысление категориального аппарата исторической науки в XX в. показало, что кроме макроисторических понятий существует ряд микроисторических понятий, таких как: «семья», «род», «племя», «община», «церковный приход», «поместье», «вотчина», «цех», «гильдия», «братство», «сеньория», используемых в медиэвистике при изучении европейского Средневековья. На изменение понятийного аппарата и задач исторического познания оказали влияние философия и методология французской школы «Анналов» (Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф). В отличие от макропонятий, данные о социальных группах, применяемые в микропонятиях, содержатся в имеющихся исторических источниках. На уровне микроанализа можно обнаружить такие явления жизни и быта в далекие века, которые ускользали в результате только макроисторического анализа. Историки школы «Анналов» ориентировались на изучение истории повседневности, быта, образа жизни, обычаев, формы жилищ и моды и оперировали преимущественно микропонятиями [7, 183—231].

Философские основания данного направления ориентировали ее представителей на достижение синтеза производства, общественной психологии, социальных отношений и других уровней содержания исторического процесса. Ж. Ле Гофф, например, отмечает, что рядом с историей политической, экономической, социальной из истории культурной возникла «история репрезентаций», которая предстает перед нами в самых различных формах. Это может быть «история глобальных концепций общества, история идеологий, история ментальных структур, история духовного производства, история воображаемого, которая позволяет трактовать литературный и художественный документы в качестве своеобразных исторических источников, ...история поведения, религиозных обрядов, ритуалов, которые отсылают к глубоко скрытой реальности, либо истории символического, которая, возможно, когда-нибудь приведет к психоаналитической истории...» [8, 14]. Ж. Ле Гофф, раскрывая содержание труда историка с позиции философа истории, показывает, как в определенных кругах историков и в отдельные эпохи осуществлялись концептуализация и идеализация истории. Констатируя зависимость исторических понятий от философских знаний и установок, условий их формирования, следует помнить,

что они формируются прежде всего на основе предмета исторического исследования, а не привносятся в познание творческой активностью мышления субъекта. Историческое прошлое — всегда исходный пункт и источник конструирования исторических понятий. Поэтому насыщение понятий априорным теоретическим содержанием, не верифицируемым материалами исторических источников, имеет свои пределы.

Другим важным механизмом влияния философии на историю является метод познания прошлого, который в значительной степени формируется на основе философских предпосылок. История исторической науки свидетельствует, что никакая новая философская методология не оставалась без внимания лучших представителей исторической мысли. Роль философских идей и принципов, их воздействие на методологию истории, лучше всего прослеживается в период смены философско-мировоззренческих оснований исторического знания. Рассмотрим это на основе истории отечественной науки. Вторая половина XIX в. в российской историографии была временем расцвета исторической мысли. «Русская школа» изучения социального строя и народных движений в средневековой Англии и предреволюционной Франции представлена именами В.И. Лучицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Е.В. Тарле, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина. В конце XIX в. идеалы и нормы, социологические принципы исследования истории, сложившиеся в середине и второй половине XIX в. и позднее, стали подвергаться сомнению и пересмотру. Начав с безоговорочного признания позитивизма как теоретической основы исторической науки, серьезное влияние которого сохранялось на всем протяжении периода последней четверти XIX — начала XX в., российская либеральная историография, продолжая свои методологические поиски, восприняла элементы неокантианства, «второго позитивизма» и идеи марксизма.

В конце XIX в. в российской исторической науке функционировали уже три типа мировоззренческих и методологических нормативных структур: объективистская, субъективистская и марксистско-диалектическая [9, 9—81]. Объективистская методология, связанная с позитивизмом, концентрировала свое внимание преимущественно на объектах исследования и стремилась вынести за скобки все, что относится к субъекту и средствам его познавательной деятельности. Реализация принципов позитивистской философской доктрины в методологии истории привела историков к культуре положительного факта и опыта, представлению об эволюционном характере развития общества, соединенного с признанием его закономерности, плюрализму в объяснении исторического процесса на основе «теории факторов», широкому использованию сравнительно-исторического метода, злоупотреб-

лению объективистскими методами, отрицающими интроспективный подход к познанию феноменов прошлого. Субъективистская методология также внесла свой вклад в разработку гносеологических проблем исторической науки. Если классический позитивизм фактически снимал вопрос о специфике познания исторических явлений, отождествляя реальность прошлого с нашим представлением о ней, то представители эмпириокритицизма и неокантианства увидели здесь проблему. Преломляя идеи Маха и Авенариуса при интерпретации познавательного процесса в сфере истории, российский ученый Р.Ю. Виппер выдвигает на передний план противоречия между объектом и познающим субъектом, возникающие в процессе исследования. В его теоретико-методологических работах основные усилия были направлены на экспликацию средств познавательной деятельности историка. На основе неокантианских гносеологических установок он стремился выявить, как мыслящий субъект отражает в своих научных представлениях и понятиях историческое прошлое [10, 119—175]. Факт усиленного внимания к теоретико-познавательным вопросам истории повлек за собой разработку новой научной дисциплины, пограничной между философией и историей, — теории исторического познания. Так, предметом методологических изысканий российского историка А.С. Лаппо-Данилевского и других неокантианцев становятся мышление историка, его изначальная зависимость от качеств, коренящихся в самой человеческой природе, от познавательного аппарата субъекта [11, 94 — 112]. Субъективный элемент рассматривается ими как определяющий в процессе исторического познания. Но практика исторических исследований российских историков не была связана только с влиянием философских школ позитивизма, махизма и неокантианства. Конец XIX — начало XX в. характеризуются широким распространением марксизма в среде представителей исторической науки. Материалистические идеи в российской историографии привели к формированию исторических исследований социально-экономического направления. Историки рассматривали развитие и смену различных форм экономического уклада в качестве фундамента и решающего фактора изменения тех или иных сторон общественной жизни (А.Н. Савин, Е.В. Тарле, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский). Материалистическая интерпретация истории, экономическая редукция наталкивались на серьезную критику со стороны других исследователей (Н.И. Кареев и др.) [9, 77—78].

Еще одной демонстрацией влияния философских идей на историческое познание являются попытки психологической интерпретации общественных действий. Интерпретация истории в терминах социальной психологии содержится в работах известного немецкого историка

К. Лампрехта. В его исторической концепции предпринимается попытка объяснить движение истории законами человеческой психики и построить историческую интерпретацию на основе определенных психических состояний [12, 121—135]. Такой методологический подход был новаторским для исторической науки начала XX в. и означал стремление переосмыслить существующие периодизации исторического процесса. Психоаналитическое исследование открывало новые возможности перед историческим познанием, особенно в изучении отдельных исторических личностей и их поступков. Идеи современного бихевиоризма и фрейдизма были включены в общую структуралистскую схему психоистории, а ее последователи стремились истолковать общественный процесс в терминах психологических комплексов исторических деятелей. Психоаналитический анализ обогащал историческое исследование, создавал новые представления о содержании событий прошлого, вносил новизну в общую картину исторического развития, делая ее более живой и эмоциональной. Удачной попыткой использования психодетерминистского подхода является историческая концепция современного российского автора В.П. Булдакова, который применяет социально-психологические модели для описания цепи событий, связанных с Революцией и Гражданской войной в России. Рассмотрение явлений российской истории начала XX в. под углом зрения психологических факторов позволило ему полнее учесть мотивы действий масс, исторических личностей, нередко отягченными различными патологическими комплексами. «Революционный процесс шел по законам саморазвития хаоса, властно откидывающим любые сдерживающие барьеры отвлеченного законотворчества» (цит. по: [13, 21]).

Философско-методологические предпосылки могут радикально изменять представления о целях, задачах и предмете исторической науки. Так, несколько поколений отечественных медиевистов (Лучицкий, Кареев, Виноградов, Ковалевский, Савин, Петрушевский, Косминский, Неусыхин, Сказкин) в XIX и начале XX в. исследовали крестьянство, генезис аграрных отношений и другие проблемы социально-экономической истории народов стран Западной Европы в Средние века. Позитивистские и марксистские ориентации указанных историков выводили их на изучение различных форм хозяйственного уклада как процесса целенаправленной деятельности людей, основанной на осознании ими своих экономических интересов, на поиски исторической необходимости, выражающей интегральные интересы различных социальных групп. Ими всесторонне обосновывался переход от феодального к капиталистическому хозяйственному укладу как экономически целесообразному и прогрессивному. Признание некоторыми из них исторической закономерности классовой борьбы сочеталось с рас-

смотрением истории как внутреннего динамического процесса, подчиненного законам развития. Если в 1860—1870-е гг. центр тяжести в исследовании прошлого сосредоточивался на религиозной и политической проблематике в связи с господством философских идей гегельянства, то позитивистская и марксистская философские доктрины подорвали основы теологических и идеалистических учений об абсолютных духовных ценностях.

В арсенал историографии вошла и укрепилась новая концепция о естественном, закономерном, прогрессивном характере исторического развития. Возникла проблематика взаимодействия экономической структуры общества с его политической и духовной жизнью. Она оказала влияние на оценку искомого знания и выбор методологической стратегии получения исторических выводов. Философия жизни, персонализм и экзистенциализм также изменили представления о предмете, цели и задачах исторической науки. Историки постепенно переходили к изучению вопросов культуры, ментальностей, семьи, исторической демографии, общественной психологии, человеческой субъективности и индивидуализма. Новым предметом исторического исследования становится человек, ранее потерянный в социальных структурах, а другие объекты исторической реконструкции принимают человеческое измерение.

Веберовская методология изучения религиозных и этических учений как составной части развития социально-экономических процессов становится в начале XX в. неотъемлемым элементом познавательных средств исторической науки. Благодаря М. Веберу, предметом исторического познания становится культура, понимаемая уже не в духе Й. Фихте и Ф. Шеллинга — как совокупность достижений человеческого духовного развития, а как система человеческих жизненных ориентаций, как реальное содержание сознания каждого человека. Пересмотр проблематики исторических исследований позволил историкам выйти за пределы традиционного круга источников, проанализировать новые исторические тексты, содержание которых предполагало исследование систем ценностей и культурных представлений, присущих людям, образовавшим эти структуры. Актуальность такого подхода определялась тем, что духовная сфера, ментальность, идеи и представления, заложенные в сознание людей их культурой, выступают важным фактором исторического развития.

Утверждая зависимость исторической науки, ее категориального, методологического аппарата от философских концепций, не следует забывать об относительной самостоятельности исторического познания. Более того, буквальное следование тем или иным канонам какой-либо философской системы делает невозможной историческую науку.

Это обстоятельство было осознано и вызывало даже антифилософскую реакцию среди историков в конце XIX — первой половине XX в. Так, группа немецких историков, последователей Леопольда фон Ранке, стремилась создать объективную, мировоззренчески нейтральную историю. Но для обоснования такой позиции они снова-таки пользовались философскими учениями. Для выработки антитеоретической парадигмы истории И. Дройзен применял неогегельянские идеи, В. Дильтей опирался на положения философии жизни, а В. Виндельбанд и Г. Риккерт разделяли неокантианские взгляды. Такая установка уводила профессиональных историков от метафизических спекуляций в изучении фактов прошлого и одновременно способствовала формированию образа историографии как индивидуализирующей, описательной дисциплины. Антифилософская позиция немецких историков, отчетливо проявившаяся при написании истории, не отменяла самого факта мировоззренческой и социокультурной обусловленности исторического познания.

Вопрос о взаимодействии философии и истории не ограничивается только областью познавательных средств, исследовательских методов. Сфера влияния философии на историческую науку гораздо шире — она захватывает процесс и результаты конкретно-исторических исследований. Через понятийный аппарат и методологические принципы философия не только способствует формированию исторической гносеологии, но и участвует в создании самой картины исторического прошлого. Любая серьезная философия как сложное духовное явление в жизни общества постоянно находится в движении и трансформации и синтезирует в себе различные течения и направления. Большинство историков сегодня приступают к решению исследовательских задач с разных философских и мировоззренческих позиций. Отсюда следует требование учитывать соотнесенность исторических знаний не только со средствами, но и ценностями, мировоззренческими, целевыми структурами исследовательской деятельности.

Таким образом, ключевое положение философии в системе исторического знания объясняется тем, что она сама как теоретическое мировоззрение есть такое осмысление всеобщего, которое в отличие от исторического познания сочетает онтологические представления об истории с осознанием ценностно-культурных ориентаций человечества. Ее мировоззренческие принципы и методологические идеи являются качественной стороной и важным теоретическим средством исторического исследования. Они помогают историку наметить очертания предполагаемых решений и в конце работы осмыслить полученные результаты, дать им философско-мировоззренческую интерпретацию.

Литература

1. *Халапсис А.В.* Постнеклассическая метафизика истории. Днепропетровск, 2008.
2. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.
3. *Барabanов Е.В.* «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8.
4. *Осипов Ю.М.* Русский вопрос // Философия хозяйства. 2014. № 3.
5. *Осипов Ю.М.* Апокалиптика как реальность и как учение // Философия хозяйства. 2014. № 5.
6. Методологические проблемы истории: Учеб. пособ. / Под ред. В.Н. Сидорцова. Мн., 2006.
7. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
8. *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013.
9. *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.). Гродно, 2003.
10. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. Томск, 2001.
11. *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999.
12. *Могильницкий Б.Г.* Об одном опыте психологической интерпретации истории средневековой Германии (культурно-исторический метод Карла Лампрехта) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 6.
13. *Могильницкий Б.Г.* Революция 1917 г.: новые подходы // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001.

А.Р. ГЕВОРКЯН

Философия истории К. Маркса как перевернутая форма теологического сознания

Аннотация. В статье проводится критический анализ французского просвещения и немецкого классического идеализма. Автор показывает принципиальное различие в понимании сущности разума в философии просвещения и немецкой классической философии. Эмпирический разум философии просвещения и абсолютный разум германского

идеализма представляют собой два альтернативных принципа, которые определяют принципиально разные мировоззренческие парадигмы. Аисторизм Бэкона и Локка нашел свое продолжение в философии эпохи Просвещения, в то время как историзм гегелевской идеи разума получил развитие в философии истории Маркса. В статье рассматривается роль политэкономии в философии истории Маркса, а также критика Маркса С.Н. Булгаковым.

Ключевые слова: метафизика, философия истории, историзм, абсолютный разум, эмпирический разум.

Abstract. The article provides a critical analysis of the French Enlightenment and the German classical idealism. The author shows a fundamental difference in the understanding of the nature of reason in the philosophy of Enlightenment and the German classical philosophy. Empirical reason of the Enlightenment and absolute reason of the German idealism are two alternative principles that define totally different paradigms. Bacon's and Locke's nonhistoricism continued in the philosophy of the Enlightenment, while historicism of Hegel's idea of reason developed in Marx's philosophy of history. The article discusses the role of political economy in Marx's philosophy of history, as well as S.N. Bulgakov's criticism of Marx.

Keywords: metaphysics, philosophy of history, historicism, absolute reason, empirical reason.

«Социальное», «историческое» мы вполне основательно можем характеризовать как «объективирование» духа, как его обнаружение в знаках, проникнуть за которые и значит проникнуть в сферу духа. Мы согласны, что таков именно характер последнего понимания исторического, историческое в этом смысле есть духовное, история есть само-раскрытие духа, лучше сказать, его самоорганизация, предстающая перед нами в эмпирической оболочке реального исторического процесса, историческое познание есть не что иное, как самопознание духа в его объективированных обнаружениях, его понимание есть самопознание, т. е. уловление конечных собственных целей вплоть до их абсолютного завершения и месте с их абсолютным источником [1, 1075].

Здесь важно иметь в виду, что Шпет не только рассматривает проблему истории, но и пытается ее вывести на качественно новый уровень понимания. «Обнаруживается колоссальное методологическое значение истории, так как в силу ее “исключительно” конкретного предмета, ее метод получает значение, выходящее за рамки только социального и распространяющееся на все эмпирическое знание» [1, 1073].

Заметим, что речь идет об эмпирии в ее метафизическом значении и соответственно происходит сакрализация предметной области ее знания. Такое понимание истории есть качественно новый уровень метафизического миропонимания, обусловленный эпохальными сдвигами в жизни человечества. Таким образом, впервые определяющую роль начинает играть историоидея. Тем самым, космоидея как оправдание мира, антропоидея как оправдание человека, теодицея как оправдание Бога свое завершение получают именно в историоидее, которая оказывается ключом к пониманию конечных судеб мира. Такая постановка вопроса в корне меняла всю спекулятивную картину мира. Философия как форма рефлексивного знания о мире уступала свое место метафизике. Отныне метафизика как учение о предельных основаниях бытия и сущего не удовлетворялась абстрактно спекулятивным способом познания мира. Мирозерцание трансформировалось в мирodelание. Такая пертурбация сознания означала только одно: человек, по крайней мере потенциально, в своем историческом бытии дошел, выражаясь федоровским языком, до разума истины. Это в корне меняло всю мировоззренческую парадигму. «Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно» [2, 64].

Именно поэтому разум истории оказывается фундаментальным для понимания космоидеи, антропоидеи и теодицеи. Отныне раскрытие тайн мироздания, человека и даже Бога становится возможным через постижение смысла истории. Тем самым, философия как конкретная спекуляция отводится особое место в этом теургическом действии. «Истинное выражается не только в форме представления и чувства, как в религии, и в форме созерцания, как в искусстве, но и в мыслящем духе; благодаря этому мы получаем третью форму соединения — философию. Поэтому философия является высшею, свободнейшею и мудрейшею формою» [2, 99].

Для понимания тех глобальных сдвигов, которые привели к концентрации всей мощи философии в философию истории, когда метафизическое положение об учении предельных оснований бытия и сущего, заданное как изначально абстрактное, свою конкретную форму получает только как философия истории, необходимо снова обратиться к Гегелю. «Гегелевская философия истории есть нечто гораздо большее, чем то, что историки обычно понимают под историей. Она есть метафизическая интерпретация истории. И я считаю, что метафизика Гегеля ведет его к выводам, совсем не обязательным для христианского теолога» [3, 261].

Здесь важным и даже определяющим для судьбы Гегеля и гегельянства являются два момента, выделенных этим замечательным историком философии. Первое: гегелевская философия истории есть метафизическое понимание истории, и второе: гегелевская метафизика не совсем вписывается в парадигму христианской теологии. Оба эти положения неразрывно связаны друг с другом, и одно вне контекста другого понятным быть не может. Только такая постановка вопроса делает понятной центральное положение историко-философских изысканий Копплстона, имеющего также важное теоретическое значение. «Всемирная история есть процесс, посредством которого дух приходит к актуальному осознанию себя как свободы. Поэтому «всемирная история есть прогресс в осознании свободы». Разумеется, это осознание достигается только в человеческом уме и через него. И божественный дух, как он проявляется в истории через сознание человека, есть мировой дух (der Weltgeist). История есть, стало быть, процесс, посредством которого мировой дух приходит к отчетливому осознанию самого себя в качестве свободного» [3, 256]. Выпадение гегелевской метафизической интерпретации из христианской теологии не берет под сомнение право божественного духа, проявляющегося в истории через человека в качестве мирового духа. В этом смысле гегелевская философия истории десакрализации не подлежит, и любая попытка ее секуляризации в своих основаниях не лишается религиозных корней. И такое понимание является тотальным для гегелевской метафизики в целом. Сказанное должно быть отнесено к философии истории как таковой, к ее метафизическим основоположениям.

«Между субъектом и объектом существует новый мир, как условие взаимной связи их, — такой мир, который сам по себе, не будучи ни субъективным ни объективным, развивается из элементов того и другого. Отсюда опять видно, что мы разумеем под именем метафизического: и неодносторонние, чисто формальные представления нашего я, и не вещь саму по себе, но царство мысли, организующееся из их элементов, субъекто-объект, сочетающий в себе их реальности, одним словом: мыслимое, соединяющее внутреннее с внешним, познание с бытием... Шеллинг, смотря на мир со стороны Существа абсолютного, пришел к заключению, что Божественная мысль есть уже бытие: напротив, мы, имея точку зрения на мир в человеке, должны сказать наоборот, — что и самое бытие для нас в деле есть только мыслимое» [4, 92]. Главным является то, что шеллинговское «Божественная мысль есть уже бытие» в одинаковой степени имеет отношение к Гегелю и лежит в основании принципа историзма германского классического идеализма. Но только трансформирование в «Самобытие для нас в де-

ле есть только мысленное» делает понятной основную идею Шеллинга о переходе от конечного к бесконечному.

Шпет абсолютно прав, утверждая, что «такой вопрос может быть признан одним из основных вопросов философии, постольку уже утверждается принципиальное место философии истории, так как этот вопрос и есть ее собственный вопрос» [1, 499]. Одновременно положение Карпова, что «само бытие для нас в деле есть только мыслимое», предваряет Марксово: «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [5, 4].

Тем самым, в ядре метафизического знания происходит пертурбация, которая в историческом измерении позволяет учению о предельных основаниях бытия перейти на качественно иной уровень миропонимания, данного уже в виде мирodelания. Выпадение из христианской теологии не означает выпадение из метафизики как спекулятивной формы теологического сознания. Более того, секуляризация самого религиозного сознания должна быть рассмотрена как историческая необходимость, заданная в самом творческом процессе развития исторического христианства. Здесь имеет место приход философии истории через метафизику к предельным вопросам, когда, казалось бы, извечная дилемма практического или теоретического теряет свою прежнюю смысловую значимость. Об этом хорошо сказано у Рудольфа Эйкена: «Нет прочной связи, нет характерной формы в собственном мире мыслей, а посему нет прочного обоснования отдельных элементов. Если мы в этих вопросах, таким образом, ничем не владеем, а только ищем, то и философия истории не может просто идти дальше по традиционному пути, она должна отважно вступить на новый путь и подойти вплотную к последним проблемам» [6, 281—282].

По существу онтологизация картины мироздания вслед за ее деонтологизацией является не чем иным, как возвратом к сакральным истокам христианского миропонимания, данного в этот раз в виде активного действия и в конечном счете как мирodelания. Речь в данном случае идет о снятии антагонизма между «историей как природой» и «историей как духом», что ведет к восстановлению метафизического принципа духоматерии и раскрывает совершенно новые возможности в человеке, возможности, заложенные в самом основании мира и теперь становящиеся определяющими началами развития всего бытия.

Только с учетом сказанного становятся понятными судьбоносные для нашего времени и предопределяющие будущее идеи фон Баадера. «Природа должна рожать божественное... Теория религии, насколько ее может представить человек, может быть найдена лишь в понимании внутренней, вечной взаимосвязи этической жизни с физической, духа с природой, что существующее до сего дня непонимание

этой взаимосвязи является причиной, согласно которой изложения этики в наше время стали такими безжизненными и пресными, поскольку, с одной стороны, это непонимание вело к смешиванию духа с природой, а с другой — к изолированию обоих, благодаря чему дух казался призраком, а природа — трупом; это утверждение, говорю я, должны, конечно, употребить по отношению к себе все фарисеи и саддукеи, все супранатуралисты и все инфранатуралисты, поскольку для обоих важно, чтобы путь к духу (к Богу) через природу оставался закрытым. Но так как именно сейчас, в наше время, более чем когда-либо, кажется, что этот, поросший терновником и чертополохом, полностью ставший неизвестным путь вновь открыт и проторен, после того, как старые сказания о подобном пути, несмотря на критические усилия прошедшего столетия, отговорить человека от поисков этого пути, снова всплыли на поверхность, становится долгом снова дать прозвучать этим утверждениям, и повторно показать, как этика, отделенная от физики (и тем самым также физика от этики) становится беспочвенной и безбожной, а объединенная с ней и обоснованная посредством нее, ведет к религии» [7, 20, 34].

Однако реализация принципа духоматерии должна была привести к существенным изменениям, имевшим в конечном счете очень большие последствия.

Через принципы духоматерии происходило снятие тотальности спиритуалистических духовных установок, что значило преодоление платонических напластований внутри самого исторического христианства. Но поскольку историческое христианство реально оказалось на определенном этапе своего развития неразрывно связанным с платонизмом, то диалектически необходимым образом произошло выпадение из исторического христианства тех противоречивых принципов, которые изначально в своих основаниях были движимы исключительно религиозными импульсами. Таким образом, религиозный материализм, одухотворяющий материальный мир, в котором вновь должно было появиться божественное, с необходимостью должен был выпасть из исторического христианства, и даже противопоставить себя ему, дабы тем самым, смочь реализовать себя. Именно поэтому религиозный материализм мог на определенном историческом этапе выступить в форме секуляризованного способа миропонимания.

Здесь дана главная загадка немецкого классического идеализма. Этот великий феномен завершается в философии истории, и в ней дано его разрешение, квинтэссенция всего сделанного им, и даже смысл его существования. Вместе с тем последствия завершения классической философии в философию истории оказались совершенно неоднозначными.

Только с учетом доказанного обстоятельства становится понятной мысль Шпета: «От катастрофического разрушения философии после Гегеля живой уцелела только философия истории, расцветшая и на новой почве “философии, отрицающей философию” (Фейербах), в виде грандиознейшей из объяснительных исторических теорий, теории исторического материализма» [1, 212—213].

Именно поэтому гегелевский принцип, завершающий всю его систему: «все разумное действительно, все действительно разумно», должен был на определенном этапе истории воплотиться на марксистской почве.

«Разум включает в себя логически исправленную, освобожденную от зигзагов историю развития человечества. На основании этой истории можно сделать вывод, что соответствует прогрессу, что соответствует регрессу, поэтому то, что разумно, то действительно, а то, что не разумно, то не действительно» [8, 216]. В данном случае мы видим реализацию гегелевской потенции в марксистском варианте, действительно оказавшемся безальтернативным на определенном отрезке времени.

Таким образом, идея разума Маркса производна от германского классического идеализма и никак не связана с просвещенческой парадигмой. Более того, можно сказать, что применимо к обеим оппозициям, скорее всего, имеет место терминологическое единство, но никак не смысловое. Любая попытка их отождествления приводит к путанице, имеющей далеко идущие, негативные последствия. Только германская парадигма разума могла реализовать христианский вариант хилиазма или даже эсхатологизма на секуляризованных началах. «Если взять, например, такие антагонистические выступающие против христианства начала, как начала позитивной науки или революционной идеологии, то и они, со строго исторической точки зрения, ведут свое происхождение посредством ряда диалектических скачков и переходов из сокровищницы христианской мысли. Преобразование мира научным действием родилось из такого же магического преобразования, в свою очередь опиравшегося на религиозную космологию и антропологию. Революционный же идеал в самых крайних и непримиримых проявлениях есть не что иное, как возобновление в новой форме и терминологии старых мессианских чаяний рая на земле. Этим, между прочим, можно объяснить отчасти революционность евреев. Маркс сродни Иезекиилю, прыжок из царства необходимости в царство свободы есть новое имя для апокалиптических ожиданий. Стоит только прочесть описание революции в Иудее в 60-х годах первого века, и будет ясно, что ее мистическая идеология непосредственно предшествует современному коммунизму. И в этой филиации нет даже тех

затруднений, которые ставят в тупик провозвестников тех или иных явлений биологической эволюции — искание посредствующих звеньев и форм. Мы имеем таковые в виде идеологии средневековых апокалиптических сект (катаров, анабаптистов) и т. п., в которых дан в полном виде синтез старой эсхатологической религиозности и нарождающегося революционизма» [9, 257].

Здесь как раз проходит та грань, которая реально отделяет Маркса от просвещения. Хилиализация и, может, даже эсхатологизация новоевропейского сознания на деле означали придание особого статуса философии как действенному орудью радикального преобразования, когда человек дорастал до уровня, позволяющего ему взять под собственный контроль стихийные силы природы, регулировать их и планировать рациональным образом возможности собственного развития. Такая постановка вопроса предполагала восстановление единства природы и истории, ибо это единство зиждется на одной и той же закономерности, и единый метод является адекватным для выявления принципа духоматерии как метафизического способа мироустройства. Эта одинаковость как в природе, так и в человечестве является исходным пунктом для философии истории. «Подлинная философия истории начинается там и с того момента, где и когда Deus начинают отождествлять с Ratio. Тут сама природа выступает как история, и тут обнаруживается существенный идейный мотив, приведший к философии истории: ratio в самом мироздании и ratio в истории человечества» [1, 401]. Тем самым хилиазм, и частично также эсхатологизм, оставаясь религиозными в своих основаниях, приобретали характер научной доктрины, что значит, выражаясь федоровским языком, что человек пришел в разум истины и вполне может решать те задачи, которые до этого были принципиально неразрешимы для него. А это означало трансформацию религиозного материализма в научный материализм.

Переход религиозного материализма в научный является следствием дальнейшего восхождения историзма, раскрытия его возможностей на новых этапах развития общества. Определяющим положением является то, что и в этом случае божественный дух проявляется в истории через человека в качестве мирового духа.

Философия истории может быть осмыслена с позиции абсолютного разума и не может быть понята в своих конечных основаниях эмпирически. Это положение является последним словом историзма, проявлением героического прусско-германского духа (*der Geist*) в условиях, наиболее неблагоприятных в духовной жизни человечества, и реанимировавшим сакральное христианское учение о смысле истории. Именно последнее обстоятельство двух совершенно разных разумов, никак не связанных по происхождению друг с другом, принципиаль-

ным, и, можно даже сказать, метафизическим образом отделяет Маркса от просвещения. Если Марксов материализм, будучи научным, все же произведен от религиозного, то в случае с просвещением механический материализм последнего имеет эмпирические корни в своем происхождении. Во многом ответ на этот вопрос проливает фундаментальная книга Шпета «История как проблема логики. Критические и методологические исследования».

«Те философские основания, на которых покоился эмпиризм, не были благоприятны для уразумения смысла исторического метода и особенностей исторической науки... Эмпиризм в силу своей внутренней логики переходит в феноменализм и английская философия прошла весь логический круг, который предначертывается внутренним смыслом эмпиризма как философского мировоззрения, и в этом отношении она, действительно, попадает в конфликт с “историей”, поскольку действительность объекта последней идет прямо против феноменалистических схем» [1, 119, 358]. Далекое не случайно, что именно адепты английского эмпиризма своими духовными установками предопределили содержательную сторону французского просвещения. «Бэкон смотрел на историю преимущественно как на вид литературной деятельности, и эта мысль осталась господствующей во французском Просвещении... Нельзя указать ни одного примера философско-исторических построений на почве феноменализма, — Беркли и Юм в этом отношении являются бесплодными. Вот почему до конца остается излюбленным автором писателей Просвещения только сам Локк... Фактически философским основанием и непосредственным источником французского Просвещения был Локк, а логикой Локка в основе своей была “логика” Бэкона» [1, 292, 353, 124].

Теоретические изыскания Шпета в этой области имеют исключительную ценность. «Имея в виду литературу этого периода, трудно говорить о философских основаниях французского Просвещения, так как, как указано, оно само вовсе не имело философского характера. Материализм, к которому пришло в конце концов Просвещение, служит достаточным доказательством того, что мировоззрение эпохи порвало именно с философскими традициями» [1, 149]. Данное положение — определяющее с точки зрения принципиальной разности обоих видов материализма и качественно иного видения проблемы разума. «В просветительной литературе во Франции не было не только философского учения, но не было и вообще одного положительного учения, не было одной положительной идеи. Даже идея разумного и естественного (права, религии), по своему содержанию, была идеей отрицательной, невзирая на положительную ее форму. “Разумное” и “естественное” означало только: не традиционное, не господствующее, не

божественное и т. д. Так, по-видимому, понимали свой век и сами представители XVIII столетия. Те различия в индивидуальности писателей и их учений, которые ясно видны нам, плохо замечались в то время, и во всяком случае не им придавалась ценность, — это относится даже к теперь общепринятому выделению из общего духа и настроения эпохи идей Руссо, — существенным казалось только сходство в отрицании» [1, 147]. Отсюда и следует антиметафизическая духовная установка просвещения. «Просвещение не есть эпоха в философии, не есть какое-либо философское течение или направление, не есть даже популяризация философии, хотя популяризация знания вообще составляет, несомненно, одну из характерных черт эпохи. Но сама эта популяризация носит такой специфический характер, который, пожалуй, наиболее адекватно можно было бы передать современным термином публицистика» [1, 111]. Именно этим обусловлено то обстоятельство, что единственная идея в теоретических выкладках просвещения об истории сводится к идее прогресса.

Здесь важно отметить принципиальную разницу между французским и германским просвещением. «Происхождение Просвещения из локковской философии есть черта преимущественно французской публицистики; немецкое Просвещение, заимствовавшее также из Локка, и непосредственно и косвенно, через французских просветителей, всегда имело серьезный противовес этим влияниям, сперва в вольфовском систематизировании философии Лейбница, а затем, — с выхода в свет “Новых опытов” (1765), — в учении самого Лейбница и даже Спинозы (Лессинг, Гердер)... Что касается французского Просвещения, то оно по самому своему характеру не могло прямо влиять на философию, хотя с несомненностью сказывается в сфере не только литературной, но и в области гуманитарных наук, особенно права и истории. Французское Просвещение, можно сказать, “насаждалось” в Германии, но, может быть, именно, поэтому, его влияние было ограничено» [1, 116, 345].

Здесь как раз со всей метафизической четкостью дана разница двух разных типов миропонимания. В одном случае речь идет о ведущей роли Локка и Бэкона, во втором — Лейбница и Вольфа, и через них идущие историософские импульсы к Лессингу и особенно Гердеру. Если во французском просвещении доминантой исторического способа понимания выступает идея прогресса как, возможно, предельная для него, то в германской альтернативе вся мощь метафизического знания концентрируется в философии истории. В первом варианте понимание исторического процесса фокусируется на идее прогресса, что рано или поздно должно было привести к ее завершению, данному в виде идеала научно-технического прогресса. Отсюда и следует упро-

ценно механический взгляд на историю, рассматривающий ее по аналогии с естественными и точными науками, когда теряется ее самость, а научно-технический прогресс становится основанием для ее развития, в результате чего отождествляются такие разные понятия, как развитие и прогресс. Во втором варианте развитие не отрицает научно-технический прогресс, а вбирает его в себя в качестве частного случая.

А что касается самого развития, то оно должно в историческом измерении бытия реализовывать постулаты абсолютного Разума, перейти от конечного к бесконечному и осмыслить существование мироздания через его историческое прочтение, когда действительное действительно становится разумным, а разумное — действительным.

Отсюда и следует, что эмпирический материализм не дорастает до постановки религиозных проблем, он принципиально чужд им, и в этом смысле выступает в рассудочной форме своего проявления, когда последняя оказывается онтологически неснимаемой для него. И апелляция к опыту, который якобы научно обосновывает предположение непрерывной закономерности, ровным счетом ничего не доказывает. Как правильно замечает Сергей Николаевич Булгаков, данная предпосылка не может быть доказана в науке, поскольку сама же ее и обосновывает: «Природа есть лишь возможность явлений, основа опыта, некоторое, вполне неопределенное нечто, оформляемое познавательными категориями рассудка» [10, 29]. Поэтому и механический материализм «прямо рассматривает природу как связную, хорошо сложенную машину, как систему атомов или сил. В качестве рабочей гипотезы естествознания, по справедливому замечанию Ланге (в “Истории материализма”), эта точка зрения оказалась весьма пригодной, но отнюдь не в философии» [10, 30]. Именно в силу последнего обстоятельства эмпирический материализм, трансформировавшись в механический, оказывается не состоянием разработать философскую концепцию исторического развития и в своих изысканиях (естественнонаучных по происхождению) ограничивается разработкой идеи прогресса и движения. Наиболее адекватно такой «философский» подход сказывается в знаменитом берштейновском «движение есть все, конечная цель — ничто». Такая постановка вопроса является альфой и омегой механического способа миропонимания, с логической необходимостью завершившегося «обществом всеобщего потребления». Логика развития исторических событий вновь возвращает нас к Бэкону. Нельзя отрицать тот факт, что так называемое Новое время во многом сформировалось под определяющим влиянием духовных установок бэконовского Органона, и именно по этой причине истоки нынешней материалистической цивилизации восходят к нему, поскольку научный каркас

своих теоретических основоположений она старается обосновать на нем.

Означает ли сказанное, что во втором случае механический материализм начисто был лишен религиозных импульсов? Исторически такая постановка вопроса никак не может быть правильной, поскольку материалистическая цивилизация оказалась исторически необходимым этапом развития человечества. Творческая деятельность человека, оказавшись неразрывно связанной с его индивидуализацией еще на заре Ренессанса, приобретает ярко выраженный земной характер. Такая пертурбация сознания и его отказ от спиритуализма не привели к преодолению Платонова дуализма. На самом деле происходит радикализация самого дуализма. К ставшему для новоевропейского сознания классическим Декартову дуализму добавляется эпохальный в своем значении «трагический оптимизм» Ницше, для которого реализация божественного в мире равносильна отсутствию в нем Бога.

Тем самым, в генезисе становления новоевропейской личности был заложен механизм, определяющий собой отпадение человека от Бога. Что касается материалистической цивилизации, то необходимость ее появления на определенном срезе истории оказывается объективно обусловленной закономерностями эволюционного развития.

Так о каком же религиозном материализме можно здесь говорить? Если в первом случае речь идет о переходе религиозного материализма в научный, то во втором — механический материализм трансформируется в оккультный. Последний характеризуется такими определяющими его свойствами, как апелляция к нижнему «я» и попытка материализовать даже духовное, превращая ее в мерило материальной ценности. Религиозный материализм сугубо историчен, поскольку история ему дана для осмысления высшего смысла человеческого существования, его начала и конца, без которого обесмысливается божественный миропорядок. В отличие от него оккультный материализм принципиально аисторичен. Переиначивание евангельской заповеди «не хлебом единым жив будет человек» на «и хлебом единым жив будет человек» приводит, с одной стороны, к превращению человека в высокоорганизованную форму животной жизни, данной в виде рассудочной деятельности, а с другой — к полному обесмысливанию исторического процесса как такового. Провиденциальный смысл истории заменяется налично данным уровнем сознания как продукта определенного исторического развития с превалирующим влиянием материального фактора. Последнее обстоятельство выводится за рамки породившего его времени, и ему придается вневременной характер.

Таким образом, аисторизм как попытка уйти от разрешения исторических задач через погружение человека в материальную стихию с

обожествлением его низшего «я», оказался ведущей установкой просвещенческой парадигмы и либерально-буржуазного способа мироприятия, что в конечном счете привело к срыву исторического сознания человечества — факта, далеко еще не осознанного в полной мере до сих пор. Однако данное обстоятельство не может быть понято вне контекста борьбы мирозерцаний, филиации философских идей. «Германский мистицизм распался на два течения: одно, безусловно враждебное всякой философии, признало истину совершенно недоступной человеческому уму и породило пиеизм, мистику чувства. Другое, умозрительное, вступило в союз с рационализмом и породило вместе с ним учение гностиков нашего века — немецкий идеализм. Таким образом, если считать этот союз окончательным, на поле брани остались два противника — метафизический идеализм и позитивный эмпиризм. Удастся ли немецкой философии поглотить в себя эмпиризм или английскому эмпиризму разрушить метафизику — покажет время» [11, 499]. В контексте противостояния этих двух духовных установок должен был быть решен главный вопрос: или сознание человека окажется законсервированным, т. е. окажется в плену оккультного материализма с неопределенным временным пребыванием в нем, или же принципу историзма германской метафизики удастся вывести сознание человека на новый уровень развития и тем самым вернуть истории возможности ее поступательного движения — того самого движения, в котором дан смысл существования человека как такового. Вопрос был поставлен с киркегоровской однозначностью: или консервация сознания в том виде, в каком оно дано в обработке оккультного материализма, или выход на новый уровень развития бытия посредством религиозного материализма, трансформировавшегося в научный²³.

Литература

1. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. М., 2002.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993.
3. Коллстон Ф. От Фихте до Ницше. М., 2004.
4. Карпов В.Н. Избранное. СПб., 2004.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955.
6. Эйкен Р. Философия истории. Философия в систематическом изложении. М., 2006.

²³ Продолжение следует.

7. *Baader F. Ueber Begründung Etik durch die Physik. Sämtliche Werke. Bd. 5. Leipzig, 1854.*

8. *Попов М.В. Лекции по философии истории. СПб., 2010.*

9. *Муравьев В.Н. Соч.: В 2 кн. Кн. 2. М., 2011.*

10. *Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.*

11. *Трубецкой С.Н. Соч. М., 1994.*

В.П. ОКЕАНСКИЙ

Философия имени в наследии кремлевского хозяина

Аннотация. В статье показано характерологическое родство сталинской философии языка с интеллектуальными традициями отцов Сергия Булгакова и Павла Флоренского, а также А.Ф. Лосева; сближает их и антиноминалистическое заострение генерального пафоса.

Ключевые слова: язык, базис, историософия, космологизм, праязык, имяславие, исихазм, софийность, смысл.

Abstract. The article shows the relationship of Stalin philosophy of language with intellectual traditions of the fathers Sergius Bulgakov and Pavel Florensky and Losev; antinominalistic general pathos brings them.

Keywords: language, basis, historiosophy, cosmology, hesychasm, mother tongue, imaslavie, Sophian, meaning.

Впервые словосочетание «Философия имени» появляется в качестве названия труда отца Сергия Булгакова, написанного им вместе с работой «Трагедия философии» — в Крыму, в 1920 г.; частично он был издан в Бонне, на немецком языке — через десять лет, в 1930 г.; на русском же языке первый раз он вышел лишь в 1953 г., уже спустя семь лет после смерти автора, в парижском издательстве «IMCAPRESS». Между тем в Москве в 1927 г. выходит одноименная книга А.Ф. Лосева вместе с его «Диалектикой мифа» и другими важнейшими работами. Всему этому предшествовали знаменательные имяславские споры об Имени Божиим и выросшая из них рефлексия об энергийной связи именованного и самого мироздания в русской религиозной философии (в наследии В.Ф. Эрнста, Н.А. Бердяева, отца Павла Флоренского и тогда еще профессора экономики — С.Н. Булгакова) на пороге Революции 1917 г. Остается в высшей степени интересным тот факт, что имяславское восприятие языка окажется неожиданно актуализированным в советское время — в послевоенном научно-публицистическом наследии могущественного кремлевского хозяина.

Нижеизложенный материал не имеет целью ни входящую сегодня в моду идейную апологетику самого имени и деяний Сталина, сам псевдоним которого метонимичен по отношению к символической морфологии «железного века», ни намерение во что бы то ни стало вписать мысли великого советского вождя и бывшего семинариста о сущности языка в традиции древней православной мистики. Речь пойдет скорее о некоей *тенденции существенного отхода* позднего Сталина *от номиналистической парадигмы* западноевропейской науки последних столетий и неожиданного (!) приближения в ряде моментов к лингво-философскому наследию А.Ф. Лосева, а также священников Павла Флоренского и Сергия Булгакова, связанному с имяславческим учением о сущности имени Божьего и шире — об *энергичности* языка и *ословесненности* космоса [1]. Осознание того факта, что именно в сталинскую эпоху последний из них вынужден был умереть на чужбине — в «бессрочной командировке», а два других были отправлены в концлагеря, где первый необратимо подорвал здоровье, а второй был оклеветан и расстрелян 8 декабря 1937 г. — не позволяет нам занять мечтательную позицию и плодить фантомы. Останемся с интересующими нас фактами запечатленного в слове мышления, ограничиваясь минимальной интерпретацией обширных — в силу их важности — цитат.

Статья И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании» появилась в 1950 г., она вышла в газете «Правда» за 20 июня [2] и была направлена против господствующих в марксистско-ленинском языкознании представлений скончавшегося (точнее: почившего на лаврах!) еще в 1936 г. Н.Я. Марра о языке как надстройке (нам здесь совсем не хотелось бы акцентировать некие продуктивные для современного языкознания стороны учения Н.Я. Марра — это было великолепно сделано без нас [3]). «Язык, — подчеркивает здесь Сталин, — коренным образом отличается от надстройки». По сути это — главная мысль автора, сразу переводящая разговор о сущности языка в область совершенно инородную для сложившихся научно-материалистических представлений о сугубой «вторичности» сферы сознания и духовной жизни. «Русский язык, — развивает свои доводы Сталин, — остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота».

Сталин далее проводит мысль о сквозной *логоцентричности* человеческой истории, усиливая идею о фундаментальности языковой основы человеческой культуры: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков». Безусловно, в устах марксистского теоретика эта *логосность* носит все-таки не

мистический, но *антропоорудийный* характер: «...служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества», причем «как эксплуататоров, так и эксплуатируемых»; а потому «стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение».

Согласно Сталину, «язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же одинаково могут обслуживать и капиталистический строй и социалистический». Мы видим, что язык здесь принципиально сближается с феноменом *техники*... Интересно, что в год смерти Сталина (1953) М. Хайдеггер выступил в Мюнхенском высшем техническом училище с докладом «Вопрос о технике», где прозвучала мысль о том, что «в самом злом плену у техники... мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [4, 221] (сказанное здесь Хайдеггером сохраняет свою актуальность и в наши дни: благословенны лишь те инновации, которые не подрывают жизнь в ее смысловой основе...); мыслитель иллюстрирует «чужовидность этого обстоятельства» в пику цивилизационной гидроинженерии, обретшей у нас особый циклопическо-рабовладельческий размах в сталинскую эпоху: «Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроены старые деревянные мосты, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию» [4, 226 — 227]. Хотя, отмечая «двусмысленность» самого технического феномена, в итоге и Хайдеггер склоняется видеть в «существовании техники» некую сотериологию и «звездный ход тайны», что позволяет ему указать на этимологическое родство техники и «искусства» (др.-греч. «техне»), сообщая всей этой проблематике некое эпическое дыхание и образ праосновы...

«Язык, — в близком эпическом ключе отмечает и Сталин, — является продуктом целого ряда эпох, язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка... <...> ...рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих надстроек не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем».

По-своему, конечно, впечатляет, что для продолжателя дела Маркса и Ленина оказывается наиважнейшей и аксиологически абсолютно значимой консервативность языковой основы культуры: «...современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина. <...> Кому это нужно, чтобы “вода”, “земля”, “гора”, “лес”, “рыба”, “человек”, “ходить”, “делать”, “производить”, “торговать” и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. <...> ...какая необходимость в таком языковом перевороте, <...> ...как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества?».

Короче говоря, то, о чем мечтал «эсхатологист» Троцкий — а именно: о полной общественной трансформации через углубление мирового хаоса! — вызывает открытое отторжение у «космиста» Сталина, подчеркивающего в отличие от своих былых соратников по делу революции «коренное различие между надстройкой и языком». Он непосредственно указывает на этот принципиальный *космологизм языка*: «...сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична».

Но вождь советского государства, восстановивший русское православное патриаршество в годы Второй мировой войны и попытавшийся организовать на исходе 1940-х гг. восьмой Великий Вселенский Собор в Москве — т. е. пытающийся действовать в метафизическом отношении как последовательный традиционалист и антимодернист, оказывается в гносеологической ловушке, когда фатальным образом связывает свою метафизику с философией марксизма и поднимает последнюю на уровень, ей совсем не свойственный: «...марксист не может считать язык надстройкой над базисом; смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, везде на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения. <...> ...некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки. <...> ...цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики, не вникая в существо дела».

Высказывая глубочайшие соображения в пользу *сближения грамматики и онтологии*, находящие интересные параллели в крымских

послереволюционных работах отца Сергея Булгакова «Философия имени» и «Трагедия философии», а также пристально сосредоточиваясь на том, что М. М. Бахтин называл «большим временем» культурной истории человечества, Сталин вместо платонизма обращается к марксизму, при этом стоя на явно *антиреволюционных* позициях: «...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. <...> ...словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, <...> ...благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку. <...> Грамматика есть результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления. <...> ...грамматика напоминает геометрию, <...> ...языку в отличие от надстройки не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса. <...> Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. <...> ...основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох. <...> Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято немало турецких слов и выражений, были и “схождения” и “расхождения”, однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились. <...> ...элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства».

Подчеркивая сугубую «постепенность» в процессе «отмирания элементов старого качества», Сталин выступает против самой *стратегии революции*: «...нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка... Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи».

На вопрос корреспондента: «Правильно ли поступила “Правда”, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?». Сталин дает развернутый ответ, в котором звучит как научное, так и моральное оправдание легитимации этих, казалось бы, частных узконаучных

языковедческих вопросов: «Правильно поступила», поскольку «в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого “нового учения” в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н.Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н.Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н.Я. Марра. <...> ...никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать». В конце Сталин делает очень важную оговорку в адрес продолжателей дела Марра, не позволяющую интерпретировать его позицию как призыв к полицейскому режиму в науке, а, скорее, напротив, обосновывающую крайнюю необходимость снятия такого режима: «Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству. <...> ...аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства. <...> Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет Божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги».

Удивительным образом сквозь марксистскую риторику бывший семинарист высказывается не только в пользу Божьего света, но и в пользу историософского идеализма и даже в пользу теории «праязыка»: «Н.Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запутал себя, запутал языкознание. <...> Н.Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как “идеалистический”. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше... Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории “праязыка”. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка».

Таким образом, мы видим (если, конечно, еще окажемся способными взглянуть на этот вопрос непредвзято!), что провозглашаемая Сталиным необходимость «ликвидации аракчеевского режима в языкознании» создает вполне определенную основу для формирования дискурса *культурологического* типа, причем укорененного в традициях отечественного философского имяславия, во всяком случае, имеющего с ними явное характерологическое сродство...

Статья А.Ф. Лосева «Имяславие» была написана, согласно устному предположению крупнейшего исследователя его наследия и хранителя «Дома А.Ф. Лосева» на Арбате В.П. Троицкого, приблизительно в 1919 г. на немецком языке и существует в переводе с немецкого А.Г. Вашестова под редакцией Л. Гоготишвили и Л. Тахо-Годи [5]. «Имяславие — одно из древнейших и характерных мистических движений православного Востока, — сразу подчеркивает его позитивную архаичность Лосев, — современное имяславие коренится не только в первых столетиях христианства, но обнаруживается как характерная черта и в ряде древних религий, в первую очередь в религии Ветхого Завета... <...> ...и Новый Завет тоже полон мистики имени». Согласно этой позиции, «имя является определенным местопребыванием божественных энергий, погружение в него и пребывание в нем всякого тварного бытия приводит к просветлению и спасению последнего».

Как до него отец Сергей Булгаков в «Философии имени» и отец Павел Флоренский в своих многоплановых разработках по вопросам именования, А.Ф. Лосев подчеркивает *иконичность имени* и, давая историко-философскую экспликацию этой проблемы, справедливо заявляет, что «последовательно проводимое иконоборчество несомненно есть кантианство», а «последовательно проводимое почитание образа — это платонизм»; поэтому очевиден *исходный экклезиологический платонизм*, связанный с тем, что «церковь не могла быть на стороне иконоборчества и что она должна была идти своим опытным, объективно-идеалистическим и мистическим путем».

Лосев, как и во многих других своих работах, указывает здесь на *деструктивность* процессов, протекающих в ходе последних столетий: «Столетия, прошедшие со времени средневекового мирозерцания, — это столетия разрушения и гибели как религиозной жизни вообще, так в особенности религиозной и религиозно-философской мысли. В православии оно сменилось необозримым множеством различных систем и учений, возникших на основе атеистических и позитивистских направлений западной мысли. Сама церковь теряла порой веру в свои учения и шла на компромисс с различными нерелигиозными философскими системами, искала способы подтвердить догматику средствами науки, сближая ее даже с современной атеистической

наукой, чтобы тем самым завоевать симпатии публики, которая или уже достаточно удалилась от церкви, или еще только имела намерение удалиться. Древнее учение о сущности и энергиях Бога, открыто хранимое в скитах и монастырях, не проявилось ни в одном новом влиятельном движении. Лишь с начала XX в. мы являемся свидетелями возобновления древних споров в новой дискуссии, которая, развившись на основе и по поводу учения об имени Божьем, придала вышеизложенному учению о Божественных энергиях, в их связи как с проблемой почитания образа, так и с вопросом о божественности Фаворского Света, новую модификацию».

Лосев справедливо отмечает *полную глухоту* к этой проблематике *клерикальной бюрократии*: «...представители администрации учили, что имя Божие — лишь звук пустой и не стоит ни в каком отношении к самому Богу, что у него то же начало, что и у всего тварного, а потому обожествление его, говорили они, есть языческий пантеизм и магия» — тогда как собственно «монахи, ревнители и отшельники, имевшие обыкновение исполнять Иисусову молитву и давшие обет молчания», с которыми собственно и связано само понятие «имяславия», «утверждали, что в имени Божьем пребывает энергия Бога, неотделимая от Его сущности, и потому оно не может быть тварным», более того: «Имя Божие — это сам Бог».

Лосев подчеркивает, что «движение имяславия» достигло «определенного размаха» и «стали явными его связи с исихастским движением XIV века», однако со стороны воинствующего «иконоборческого» клерикализма «приверженцы имяславия были обвинены в языческом пантеизме»: «иконоборцы обвиняли православных помимо идолопоклонства — в магии», и «дело... было завершено чисто полицейскими мероприятиями». «Синод, — констатирует Лосев, — принял двусмысленное решение, пронизанное сильным номинализмом и позитивным сенсуализмом, в старинном английском духе». Причем «даже и сегодня вопрос об имени Божьем продолжает оставаться для церковных властей совершенно не проясненным и запутанным, — пишет он в 1920-е гг., по-видимому, еще до мученической кончины св. патриарха Тихона, — учение имяславцев еще и сегодня считается еретическим. <...> ...патриарх Тихон принял весьма дипломатическое решение, достаточно любезное для имяславцев, совершив даже вместе с ними богослужение. Однако при этом он не отменил открыто прежнего осуждения. <...> ...в высшей степени антицерковный подход к делу, когда догматическое учение приносится в жертву церковной политике... Патриарх показал себя достаточно осторожным иерархом и тем самым упустил возможность серьезной постановки этого важного и вечного для православия вопроса».

Довольно интересно рисуется Лосевым (в пике уже устойчивому для начала XX в. религиозно-философскому шельмованию русской интеллигенции) интеллектуальная среда, оказавшаяся способной к творческому восприятию этого опыта: «Совершенно другую позицию заняли некоторые представители интеллигенции, не стоявшие ни в каких отношениях с церковной бюрократией и проявлявшие живой интерес к мистике православного Востока».

Мыслитель обозначает две смысловые точки-экстремумы, фиксирующие, соответственно, как дежурно-клерикальный, так и массово-профанический отходы от христианской ортодоксии, основания которой реконструируются Лосевым с опорой на мистику исихазма, корпус Ареопагитик и воцерковленный неоплатонизм: «Из предположения, что Бог — совершенно непознаваем и не открывается никаким образом, проистекает чистое кантианство, отрицание откровения и полный атеизм. Если, с другой стороны, предполагать, что Бог открывается целиком, так что в нем не остается ничего непостижимого, то такого рода рационализм также ведет к отрицанию религии, поскольку здесь в основу полагается отрицание всего таинственного и сверхчувственного. Взамен абсолютного апофатизма и абсолютного рационализма православие может принять лишь абсолютный символизм, т. е. учение, согласно которому сама по себе непостижимая божественная сущность является и открывается в определенных ликах... Понимаемое таким образом учение о символе в некотором отношении следует имяславию Дионисия Ареопагита и учению об умопостигаемом свете у Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и исихастов XIV века».

Более того, в тенденциях новейшей математической науки Лосев обнаруживает предпосылки некоего магико-мистического поворота в истории европейского мышления: «...сущностно-теоретической опорой имяславия стало учение Г. Кантора и его современных последователей о “множествах”, в котором можно найти в высшей степени интересные конструкции таких понятий, как “актуальная бесконечность”, “мощность”, “тип” множества, а также ряд так называемых “парадоксов”. Будучи приложенным к имяславию, все это даст ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании». В этом же ключе истолковывается мыслителем «также современная феноменология», которая поднимается им до собственного (лосевского) «учения о мире как своего рода законченном имени, подражающем Божьему имени».

В свете этих представлений особенно подчеркивается, что «концепция о пространственной и временной бесконечности мира есть для имяславия лишь произвольный миф, измышленный нигилизмом Ново-

го времени. Механика Ньютона также относится инославием к нигилизму, поскольку она подчиняет мировое целое простому ряду гипотезированных абстрактных понятий и законов: классическая химия, современные учения об электрической природе материи и учение о неизменности элементов — это также абстракции и убивание действительной жизни. Инославие, напротив, провозглашает с помощью современных математических методов пространственную и временную конечность мира, оно применяет дифференциальную геометрию и вектор-тензорный анализ в своем учении о реальности неоднородных пространств; в полной мере оно пользуется также теорией относительности, защищает с помощью современной математики алхимию и астрологию; в биологии оно отвергает как механицизм, так и витализм, признавая за единственно возможную здесь точку зрения символический органицизм».

При таком «органическом» мировидении все сверхумное и метакосмическое, непостижимое и неизреченное, мекональное и уконицеское — через именование! — благодатно приобщается логоцентрическому ряду, точнее, раскрывается некая *исходная приватная общевость* всякой локализованной мироустроительности и бездонности бытийной праосновы.

Вычленим общие позиции и своеобразные смысловые мосты у Сталина и Лосева: говоря о существенности слова, оба автора, конечно же, отстоят друг от друга как — соответственно — земля и небо; и речь могла бы идти о сверхзадаче креативного восстановления этой символической связи, об изживании проклятия земли, отвернувшейся от неба, и о *приблизившемся* в христианской истории человечества *царствии небесном*, влекущем радикальное преобразование ветхого ума (Мф. 3:2). Удивительно, что Сталин облакает в чисто внешнюю форму марксистско-ленинской риторики взгляд на язык, проистекающий из тех глубинных предпосылок, о которых говорит здесь Лосев. Во всяком случае, он приближается к нему... Но Лосев говорит о том, что с очевидностью было утрачено на фарватере исторической жизни, текущей в западном направлении.

Можно, конечно, упиваться и руинами былого: «Мы, — восклицал еще на исходе XIX столетия Ницше, — европейцы, присутствуем при зрелище чудовищного мира развалин, где кое-что еще гордо высится, где многое подгнило и продолжает жутко торчать на месте, а большая часть уже обратилась в руины, достаточно живописные — были ли еще когда-либо более прекрасные руины?» [6, 683].

Мы не собираемся здесь анализировать все причины сталинского обращения к онтологическому пониманию археосновы языка, однако хотелось бы особо отметить, что *богодарованная победа* в Великой

Отечественной войне, начавшейся для Сталина православным обращением «Братья и сестры!» и закончившейся его тостом «За русский народ!», который, как известно, умирал в этой чудовищной войне не только за свою земную родину, но и за некоего «небожителя» Сталина — ярко акцентировала возможность иного *неокиндентального* центра смысловых сил, действующих в современном мире — центра, имеющего совершенно иную метафизическую гео-*метрию*, нуждающуюся в последовательной реконструкции, точнее, в духовной реставрации. То, что было отменено на разрушенных декретом Совнаркома вершинах человеческого существования, иными словами, это — все, раскрывавшееся прежде в метафизической сфере Богочеловеческого общения, Сталин обнаруживает в глубинах и фундаментальных основаниях культурно-исторического бытия всего человечества.

Базисная *логосность макроистории*, в которой человек и мир оказываются со-космичны, софийно взаимововлечены, остается нерушимой и на самых катастрофических ступенях и поворотах социальной жизни... Бытие имеет смысл.

Литература

1. *Океанская Ж.Л.* Ословесенный космос отца Сергея Булгакова: «Философия имени» в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. Иваново; Шуя, 2009.
2. www.philology.ru/linguistics1/stalin-50.htm.
3. *Бибихин В.В.* Слово и событие. М., 2001.
4. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
5. losevaf.narod.ru/imeslav.htm.
6. *Ницше Ф.* Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.

Н.Н. РОСТОВА

Сознательное и бессознательное в религии

Аннотация. В статье анализируется связь представления о Боге и осознанности человека. Русская философская традиция склоняется к связи чувства Бога и сознания. Западная философская традиция — к связи чувства Бога и бессознательности человека. Автор заостряет тезис русской философии до отождествления, с точки зрения антропологии, сознания и Бога.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, религия, субъективность, человек.

Abstract. In article communication of idea of God and sensibleness of the person is analyzed. The Russian philosophical tradition inclines communications of feeling of God and consciousness. The western philosophical tradition — to communication of feeling of God and unconsciousness of the person. The author points the thesis of the Russian philosophy to an identification, from the point of view of anthropology, consciousness and God.

Keywords: consciousness, unconscious, religion, subjectivity, person.

Чувство Бога — свидетельство осознанности человека, либо, напротив, его бессознательности? Русская философская традиция склоняется к первому ответу на этот вопрос. Западная философская традиция — ко второму. Но каковы антропологические следствия этих подходов?

Западная традиция

Уже в традиционном взгляде на религию как свидетельство беспомощности человека перед не подвластными ему природными силами и собственными страхами содержится представление о бессознательном состоянии человека в религии. Человек становится сознательным и разумным тогда, когда начинает трезво смотреть на себя и связи в мире и не ищет более окольных путей удовлетворения своих потребностей и изживания страхов. То есть когда расстаётся с религией. Представление о бессознательности человека в религии знает и более сложные версии, и самые яркие из них принадлежат европейской традиции.

Фрейд сравнит религию с детским неврозом и назовет ее «иллюзией», утрата которой связана с выхождением человечества из инфантильного состояния, взрослением, т. е. прекращением вечного поиска «отца» [1, 387]. «Пугающее впечатление детской беспомощности, — скажет он, — побудило потребность в защите любовью, потребность, нашедшую свой объект в лице отца. Сознание, что эта беспомощность продолжается на протяжении всей жизни, заставило держаться за существование — теперь уже более могущественного отца» [1, 387]. Но невроз неминуемо будет изжит, как и всякое инфантильное состояние при взрослении, и человек тогда достигнет «психологического идеала примата интеллекта» [1, 404].

Батай сравнит механизм вытеснения в психоанализе с механизмом отвращения, который продуцирует сакральное и вместе с тем общество, на том основании, что оба, по его мнению, являются бессознательными. «Действие сил отталкивания, — скажет он, — само оказы-

вается выталкиваемым из сознания всякий раз, когда продуцируется сакральное» [2, 110]. Эти движения отталкивания могут быть доступны сознанию только благодаря «хитростям и уловкам».

Жиран настаивает на том, что бессознательность — условие религии. «Неосознание, — пишет он, — составляет фундаментальный аспект религии» [3, 138]. Эффективность процесса замещения насилия, являющегося сущностью религии, зависит от его сокрытости: «Механизм единодушия должен оставаться неизвестен, — говорит Жиран. — Религия защищает людей, пока ее глубочайший фундамент остается сокрыт. Если выманить чудовище из его последнего убежища, то можно разнудать его раз и навсегда. Если рассеять неведение людей, то можно подвергнуть их большей опасности, лишить их защиты, которую составляет их неосознание, убрать единственный тормоз, которым снабжено человеческое насилие» [3, 180]. Религия при таком подходе играет вспомогательную роль, находясь на службе у целого (чаще всего — социального), человек же оказывается марионеткой внешних по отношению к нему процессов. Здесь было бы справедливо замечание Сартра в отношении Фрейда о том, что он в самую интимность человека встраивает Другого, ибо бессознательное оказывается Другим по отношению к сознанию. Религия, понятая как неосознанные процессы, выступает для человека Другим.

Русская традиция

Иное видение религии мы встречаем в русской традиции, черпающей свои интуиции в христианстве. Религия оказывается связана не просто с сознательным состоянием человека, но с тем, что это сознание учреждает.

В христианстве осознанность человека как условие Бога подчеркивается с особой силой. Как скажет В. Лосский, «путь соединения с Богом — не бессознательный процесс. Этот путь предполагает непрестанное трезвение ума» [4, 152]. Под трезвением ума, или «трезвением внимания», «безмолвием ума», «сердечным безмолвием», «обереганием ума», «бдением ума», понимается непрестанное хранение ума от помыслов, от «парения», удержание ума в немчатательном состоянии. Святой Исихий говорит, что для того, чтобы этого добиться, «надлежит... острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтоб узнавать входящих» [5], и уподобляет это состояние внимательному смотрению в зеркало.

Чтобы победить мир сей, необходима постоянная обращенность к Богу, т. е. постоянное усилие сознания. Если же мир побеждает, то это происходит потому, что люди, как скажет Исаак Сирий, «неразумием своим обнажили себя от Бога» [4, 152]. Бог и сознание связаны так же

неразрывно, как мирское состояние и неразумие, бессознательность. Евангелие настойчиво говорит о непрестанном бодрствовании и противлении сонливости. Эти наставления еще большую очевидность приобретут в практике непрестанной молитвы. Экстаз в христианстве считается свойственным лишь неопитам. Как скажет святой Симеон Новый Богослов, восхищения приличествуют только новоначальным и неискушенным в духовной жизни, которые, подобно узникам, впервые увидевшим солнечный свет, встречаясь впервые с божественной реальностью, приходят в иступление [4, 157].

Сам культ выстраивается по принципу трезвения, обретения сознания. Например, смысл поста заключается не в диетических предписаниях, но в создании формы, которая бы позволила постящемуся находиться в состоянии усиленной памяти Бога, обращенности к Нему. Стояние в церкви само по себе усиливает осознанность верующего. Как скажет Флоренский, в этом заключается отличие православия от католицизма. Православие создает условие для бодрствования, католицизм — для нежения. Или таинство Евхаристии, которое предполагает произнесение человеком собственного имени, т. е. самособирания себя из рассеянности. Поразительные примеры действия этого таинства, которые знает Церковь, которые приводит, в частности, и Флоренский — об исцелении бесноватых и умалишенных, — можно найти и в современном мире.

Бог как Форма субъективности

Это христианское представление о сознательности человека в отношении с Богом в русской философии находит свое осмысление в теме свободы. Бог становится не отделен от свободы, т. е. свободного, сознательного приятия его. Но это представление можно усилить до более смелого антропологического тезиса. Сознание — и есть Бог. Как тотальный символ, как всеохватывающая упорядоченность, бог есть сознание. Бог — та тотальная форма, вбирающая в себя бесконечность, которая делает возможным человека, т. е. сознание. Это то, чем мы видим. Мы видим не глазами, ибо это физика. Не «я», ибо его еще нет. Ограниченность субъективного находит полноту в абсолютной перспективе взгляда Бога, вбирающей бесконечность конечности и бесконечности. Освоенная бесконечность отнюдь не означает всеядности формы, ее в основе своей синкретичности, иначе это было бы не более того, на что тщетно претендует сеть Интернет. Эта не конфигурация, но тотальная форма, которая имеет абсолютный центр, задающий ее.

Формула «сознание есть Бог» не значит, что сознание и Бог извечно тождественны. Это значит то, что впервые и в своем максимуме, т. е. в самом своем существе, сознание явило себя как Бог. Как тоталь-

ная форма Бог знает больше того, что актуально знаешь ты. Видит больше того, что реально видишь ты. Форма — как залог тебя, как ты, взятый в перспективе бесконечности и своей не-сущей возможности. Это тот горизонт, внутри которого ты актуально можешь выстроить то, что дано потенциально. Как, например, происходит в христианской традиции, когда внешний человек встречается со своим внутренним человеком. Как скажет Блаженный Августин, человек сокровенен, и не только для других, но и для самого себя. В своих глубинах он таит то, что знает только Бог: «ни один человек не знает, что есть в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем (1 Кор. 2:11). Есть, однако, в человеке нечто, что не знает сам дух человеческий, живущий в человеке, Ты же, Господи, создавший его, знаешь все то, что в нем» [6, 318]. Или, как скажет Исаак Сирий: «Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лестница оногo царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей» [7, 33]. Эти слова есть религиозная версия формулы «сознание есть Бог». Бог подобен распрямленной душе человека, взятой в абсолюте. Бог есть вся потенциальность, в человеке сжатая и способная разжаться. Это результат самоучреждения сознания. Возможно в этом же «структурном», а не теологическом смысле посмотреть на слова Евангелия: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21). Бог — это та полнота сознания, до которой можно взойти и которая некогда сделала возможным человечество, то, на чем паразитирует культура, имеющая доступ к подступам этой полноты.

Нежные идеи

Нежные идеи переживут железные идеи, — говорил Розанов [8, 322]. Религия всегда побеждает философию, потому что боль жизни сильнее интереса к ней, — говорил Ильин. Религия — сокровенное человека. Подобно тому, как католицизм весь обращен к Страстям Христовым, а православие — к Воскресению, европейская культура связывает эту сокровенность с вопросом смерти, русская — с вопросом жизни.

Пари Паскаля, компрометирующее христианство и самого Паскаля, показывает эту обращенность европейского сознания к тому, чего нет, к будущему, к смерти. Сделав ставку в игре «орел — решка» на Бога, у тебя, полагал Паскаль, есть шанс выиграть «бесконечную жизнь в бесконечном блаженстве» [9, 290—293]. Может быть, там, за чертой смерти, тебя ждет вечность. Но религия обращена не к будущему, а к настоящему. Представления о вечной жизни, наступлении Царствия Небесного, рае, аде, загробных муках имеют смысл не в контексте временности, но в контексте «что» и «ничто». Эти представления бы-

тийствуют как метки сознания, как то, что это сознание учреждает. Религия и жизнь в пространстве культа не преуготавливают человека к вечной жизни, но делают возможной эту жизнь на земле. Представление о вечной жизни — это не представления о возможных наградах и наказаниях «за», речь идет о таком будущем, которое структурирует настоящее, делая его возможным. Религия — это условие существования человека, то, что из его «ничто», из хаоса небытия, позволяет появиться «что сознания». И нужна, как скажет Серафим Саровский, решимость, или сила, чтобы стремиться быть праведником, т. е. удерживать это «что». Поэтому религия — для сильных.

Религия, Бог и сакральное, в данном случае понимаемые как структура и форма, суть условие человека. И вместе с тем — Бога в теологическом смысле. Теологический Бог заставляет философию замолчать. И можно лишь завершить эти рассуждения словами мистика Бернарда Клервосского, который, задавшись вопросом о том, как узнать приход Слова, ответил: «Только через движения моего сердца» [10, 438—439].

Литература

1. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997.
2. *Батай Ж.* Влечение и отвращение. 2. Социальная структура // Коллеж социологии. СПб., 2004.
3. *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2010.
4. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.
5. Святой Исихий. Слово и трезвении и молитве // http://krotov.info/acts/05/1/isihy_ier.htm.
6. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. М., 2005.
7. Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 2012.
8. *Розанов В.В.* Опавшие листья // Религия и культура. М.; Харьков, 2001.
9. Паскаль Б. Мысли. М.: Издательство АСТ, Харьков: Фолио, 2001.
10. Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. Т. 1. СПб., 2008.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Любовь как механизм перехода бытийственного состояния человека в небытийственную красоту

Аннотация. Статья рассматривает добродетель любви как механизм самосовершенствования. С помощью любви инстинкты человека восходят по спирали бытия от низших форм красоты, связанных с телесно-чувственным устремлением к визуальным и моральным ценностям, и до высших форм Красоты, интуитивно-духовная природа которых приближает человека к нравственно-эстетическому образу Абсолюта.

Ключевые слова: любовь, добродетель, механизм, спираль, диалектика, красота, инстинкты, целостность, совершенство, Бог.

Abstract. Article considers virtue of love as the self-improvement mechanism. By means of love instincts of the person, go back on a life spiral from the lowest forms of beauty connected with corporally — sensual aspiration to visual and moral values, and to the highest forms of Beauty, intuitively — which spiritual nature approaches the person to moral esthetically image of the Absolute.

Keywords: love, virtue, mechanism, spiral, dialectics, beauty, instincts, integrity, perfection, God.

Одним из проявлений антропологических аспектов бытия и небытия в философии становится эротическое чувство любви, благодаря которому всякий человек сознательно, но чаще бессознательно, устремляется к разным формам проявления красоты. Любовь к красоте бытия на самых разных ее уровнях становится для человека тем механизмом чувственного восхождения, благодаря которому осуществляется переход из сферы иерархически устроенного бытия его чувств в сферу их небытия. Рассмотрим подобный механизм подробнее.

Проведем сравнение, связанное с тем, что если знание выступает одной из изысканных форм удовольствий в жизни, то любовь становится высшим его проявлением. Иначе говоря, если познание направлено на человека, то любовь выступает высшей формой его познания [1, 117]. Вместе с тем невозможно не согласиться с мнением о том, что раскрытие феномена любви по сути означает распознавание природы человека [2, 441]. Одна из первых подобных попыток была проделана еще Платоном в «Пире», где он рисует образ «целостных» людей — андрогинов, обладающих настолько полным бытием, что они даже решили посягнуть на власть богов. Зевс придумывает страшную кару человеческому роду, связанную с разделением всех тел людей на две

части. С тех пор каждый человек ищет свою вторую половинку, не помышляя о конкуренции с небожителями [3, 99]. Поэтому одним из авторитетнейших объяснений происхождения любви становится интерпретация Платона, связывающего происхождение этого высокого чувства с жадной ущемленного человека вернуть себе целостность своего бытия, своей природы (193а). Однако для нашего исследования важным представляется тот момент, что, развивая эту тему, греческий философ привносит в нее диалектический аспект становления чувств человека от низших форм его преклонения перед красотой тела до чувства высшей любви, направленной к божественной идее (211b). Спираль восходящей любви в мифологическом учении Платона становится в известной мере диалектической характеристикой человека, пытающегося последовательно соединить себя с тем уровнем красоты, который смог открыться его чувственному зрению. С тех пор иерархическое восхождение любви человека к разноуровневым образам красоты — «эрос», «филия», «сторге», «агапэ» — становилось не раз предметом пристального изучения антропологов [4, 44—46].

Если в нашей работе воспользоваться «принципом дополнительности» и соединить диалектическое учение Платона о происхождении любви с современной научной диалектикой, использующей разработанный генетиками и психологами аппарат архетипических переживаний и состояний, то может возникнуть следующая весьма интересная модель, объясняющая происхождение любви. Здесь подлинным источником и причиной возникновения любви у человека становятся глубинные структуры бессознательного — гены и их архетипы, благодаря которым по мере взросления возникают смутные, чаще всего окончательно не оформленные образы любви, играющие роль бессознательных идеалов. Они-то и выступают неосознанным субъективным началом всякого сознательного поиска человеком своей «второй половины». В тот момент, когда внутренний архетипический идеал «сталкивается» в повседневной жизни со схожим внешним обликом другого человека или его специфической психической организацией, возникает чувство любви, сила которого отражает степень соответствия между бессознательным образом и встретившимся человеком.

Критерием подлинности любви становятся два очень важных состояния. Первое — ощущение достижения долгожданного покоя от обладания желанным; и второе — принятие всех качеств любимого человека, отражающих на самом деле внутренний идеал красоты влюбленного. Иначе говоря, любимый человек становится овеществленным, опредмеченным, объективированным во внешнем мире бессознательным архетипом, вырвавшимся наружу для того, чтобы его можно было увидеть глазами, если не смогли постичь умом. Поэтому

каждый любящий человек, в подтверждение нашего предположения, может произнести любимому следующую универсальную фразу: «Я принимаю тебя таким, какой ты есть, ибо ты соответствуешь моим чувственным ожиданиям, моему вкусу».

Вместе с тем архетипическая жизнь бессознательной части психики так же подвижна и изменчива, как и само бытие, а потому с возрастом и жизненным опытом на смену одним архетипам и их идеалам приходят другие, в определенной мере меняя представления о красоте [5, 56]. В это время человека покидает гармоничное ощущение соответствия между внутренней потребностью в красоте и внешней формой ее проявления в любимом. А вместе с утратой гармонии уходит и сама любовь, на смену которой приходит нарастающее чувство неудовлетворенности, разочарования и желания «исправить» близкого человека под новый образ. Вообще, любое чувство любви как гармония внутреннего и внешнего, если его не развивать, неизбежно приходит к своему финалу, завершению, обусловленному несинхронным динамизмом внутреннего бытия человека и внешнего мира [6, 220].

Однако если развивать его, то любовь человека имеет два пути своего становления: внешний и внутренний. Внешний путь — условно назовем его «количественным» — обязывает человека менять объекты своего вожделения с частотой смены внутренних идеалов, и тогда ищущий окончательно запутается в бытии, так и не достигнув желаемого. Внутренний путь — условно назовем его «качественным» — призывает совершенствовать свою любовь, переходя от восхищения красотой тела к любованию красотой нрава, затем — души и наконец наслаждению от самой идеи красоты. Именно этот, платоновский, путь позволяет «воспарить» над ограниченными бытием формами красоты, чтобы полностью растворить себя в едином бесконечном образе небытийственной Красоты.

Модернизируя подход великого философа, мы предлагаем свою версию — модель, которая, будучи универсальной, имеет, на наш взгляд, два достоинства. Первое — более широко и последовательно охватывает собой разные сферы бытия человека, демонстрируя конечный результат становления его любви в небытии. Второе — наша версия наглядно указывает на те формы любви, испытав которые, любой человек может считать себя счастливым, а жизнь — достойно прожитой. При этом диалектический характер исследования обязывает нас продемонстрировать такую спиралевидную форму восхождения от одного образа любви к другому, которая бы одновременно охватывала собой всех людей, независимо как от культурного и временного их проживания, так и их возрастных периодов. Для этого философская антропология выделяет четыре этапа в жизни человека: детство, моло-

дось, зрелость, старость. Каждый из них устойчиво связан с одним из четырех универсальных образов любви, последовательно пережив которые, можно будет считать, что человек достиг внутренней полноты своего бытия, чьей высшей точкой становится ощущение небытия.

Так, первый период, связанный с вхождением ребенка в жизнь, подчиняет все его существование опеке родителей и прежде всего абсолютной зависимости от любви и заботы матери. Поэтому можно согласиться с мнением, что дитя только тогда встало на путь «человечивания», когда оно начинает любить свою мать, родителей [7, 105]. Чувство любви к своей матери становится, пожалуй, первым моральным чувством, к которому ребенку суждено приобщиться для благополучного вхождения в общество. Мать, подобно Богу, опекая малыша со всех сторон, становится для него символом высшей силы, морального порядка и наконец мерой справедливости, воздающей заслуженные наказания и поощрения. И неудивительно, что во многих культурах матриархат предшествовал патриархату, где между Богом и матерью почти ставился знак равенства [1, 140]. Переход власти от матери к отцу связан с периодом взросления как ребенка, так и целого народа. Он обусловлен сменой качества самой любви — от безусловной материнской к обусловленной отцовской [1, 141]. А между тем и отец, и мать для ребенка стоят на недостижимой высоте земных богов, чье мнение и авторитет принуждают его к почти абсолютному повиновению и смирению перед родительской волей из-за любви к ним.

Этот первый «виток» в диалектическом становлении любви человека к полноте бытия своих чувств плавно трансформируется во вторую стадию их формирования, которая в полной мере обретает эротический характер их проявления. Еще неокрепшее эротическое чувство может получить два направления своего становления: верное и неверное.

Неверное, ошибочное чувство любви будет обращено молодым человеком на себя и примет либо внешний, либо внутренний характер своего развития. Внешняя направленность неверной любви связана с возрастающим чувством восхищения от красоты собственного тела, превращаясь в состояние «нарциссизма». О нем достаточно много и точно сказано в работах З. Фрейда и К.Г. Юнга [8, 288]. Внутренняя направленность неверной любви связана с возрастающим чувством к внутреннему состоянию человека и знаменует собой рождение эгоизма. Эгоизм, как полагает Э. Фромм, — это незрелая любовь к себе, поэтому такие люди не способны любить ни себя, ни других людей [9, 38]. Следовательно, эгоизм и нарциссизм могут «похоронить» мечты человека о достижении им полноты своего бытия.

В том случае, если эротическое чувство созрело, оно получает правильное направление своего развития. Оно связано с потерей своего сознания, благодаря чему человек находит себя в самозабвении, когда любящий живет не для себя и заботится не о себе, но находит корни своего существования в другом и в этом другом всецело наслаждается самим собою. Это, как полагает Гегель, и составляет бесконечность любви [10, 275]. Таким образом, всякий хочет при помощи другого добиться признания ценности своего бытия, так как сам по себе он был «ничто», пока его существование и ценность не были признаны другими людьми. Другой дает ему бытие и тем самым владеет им [11, 207]. Ведь когда нас еще не любили, мы чувствовали себя «лишними», теперь мы ощущаем, что наше существование принято и, безусловно, одобрено в своих мельчайших деталях [11, 217]. Это значит, что отношение к другому заставляет преодолеть собственную замкнутость, рассматривать свое бытие как «ничто», как бытие для другого [12, 496]. А между тем эта эротическая устремленность к другому и желание раствориться в нем для обретения себя на поверку оказываются лишь средством, необходимым условием для обретения в молодости той главной ценности любви, которая обнаруживает себя на самом деле в детях. Ибо в основе всякой половой любви лежит замысел природы — рождение ребенка [13, 384].

Цель природы в совокуплении мужчин и женщин — в продолжении, т. е. сохранении рода, — писал Кант, — поэтому по меньшей мере нельзя действовать против этой цели [14, 363]. А так как тяготение к красоте — гарант сохранения рода, то в любви каждый выражает волю рода [13, 381]. Иначе говоря, страсть будущих родителей друг к другу обусловлена стремлением будущего ребенка войти в бытие. Пренебрежение волей природы и предков чревато надвигающимися страданиями и даже последующим стремлением к самоубийству. Это, как считает Шопенгауэр, связано с тем, что воля рода презрительно отвергает не оправдавшего надежду индивида через любовь укрепить себя в бытии [13, 399]. Все это становится свидетельством того, что высшим объектом любви для молодых людей становятся их дети, в которых они видят не только продолжение своих чувств друг к другу, но и, что крайне важно, высшую точку своих отношений.

Следующий, третий виток спирали чувственного восхождения человека к высшему образу красоты приходится на зрелый период его жизни. Это время, когда дети уже выросли и обрели свою самостоятельную взрослую жизнь; родители же, как правило, перешли в мир иной. Возраст «акмэ» подразумевает расцвет до этого только набиравшего силу таланта, который в полной мере начинает проявляться только сейчас. Поэтому если эгоизм выступал неправильной, иначе

говоря, незрелой, формой любви человека к себе, то его любовь к своему призванию, предназначению, дару становится созревшим чувством, выражающим себя в творческом отношении к своему делу, ибо «любящий всегда гениален, — писал А.Ф. Лосев. — Так как открывает в предмете своей любви то, что скрыто от всякого нелюбящего... Творец в любой области, в личных отношениях, в науке, в искусстве, в общественно-политической деятельности всегда есть любящий; только ему открыты новые идеи, которые он хочет воплотить в жизнь и которые чужды нелюбящему» [15, 70]. Оттого это состояние становится самым плодотворным периодом профессиональной жизни, благодаря которому человек начинает познавать себя в своих творениях. Он будто бы смотрит на себя со стороны, видя в своих трудах «просочившийся» наружу свой внутренний мир — тот, который в скором времени должен без остатка «выдавить» из сознания человека мир внешний. Таким образом, любовь к своему призванию и ответственное отношение к нему становятся тем важным критерием, который делит мир людей на две неравные части. Первая часть состоит из любящих и реализующих свое призвание. Они украшают собой мир, являясь проводниками высшей красоты. Вторые — либо из-за незнания подобного чувства, либо из-за нежелания его развивать — остаются безобразными.

Последний, четвертый виток диалектической спирали чувственного восхождения к высшей красоте связан с духовной любовью к Творцу как началу и причине возникновения всех частных эстетических образов, встретившихся на жизненном пути человека. Увядающие телесные чувства, согласно закону сохранения энергии, передают силу любви, словно эстафетную палочку, своему уму. Поэтому чем больше теряет плоть, тем больше обретает дух, которому уже чужды любовные стремления тела. А между тем только в этот период жизни происходит осознание того, что временные образы земной красоты играли роль «экзаменов» на эстетическую зрелость, успешная «сдача» которых выводит чувства разума на предельно высокий уровень любви к Богу. Ибо, Бог есть любовь (1 Ин. 4: 7—8.). «Любовь, — говорил Франк, — есть радостное приятие и благословение всего живого и сущего, та открытость души, которая раскрывает свои объятия всякому проявлению бытия как такового, ощущает его божественный смысл» [16, 322]. Однако если можно открыть «объятия» бытию, то что-то должно превосходить его по размерам своих чувств. А таким может быть только бесконечность любви, которая к бытию уже никак не относится, так как сама вмещает его в себя. И эта бесконечность божественной любви несет свойства пустоты, простоты и покоя небытия, потенциально содержащего в себе все и дающего всему начало. В такой любви к Богу, — как отмечает Мейстер Экхарт, — человек достигает предельного

самоотречения. Он преодолевает свою индивидуальность. Как и в смерти, он отказывается от всего бренного. Соединяясь в любви с Божественным «ничто», человеческая душа становится орудием вечного порождения Богом Самого Себя [17, 168].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что всеохватывающее чувство любви претерпевает при жизни ряд превращений, связанных с поиском человека в различных образах красоты полноты бытия своих чувств. Подобная критическая переоценка эстетических образов неуклонно ведет человека к последнему, высшему образу красоты, любовь к которому в полной мере соответствует небытийственному состоянию природы человека как «переживанию» им абсолютного покоя от бесконечной красоты Бога.

Общий итог сводится к утверждению, что в основании человеческой природы лежат глубинные эволюционные космоантропные процессы отношений между бытием и небытием — небытие бытия. Их «конфигурация» обуславливает инстинктивно-спиралевидный тип мышления, который бессознательно онтологизирует уклад своей внутренней генетико-архетипической жизни, превращая его в объективные, универсальные и идеальные проявления внешней, отчужденной от него реальности, именуемой диалектическим мировоззрением.

Так как в диалектике изучением человека занят ряд дисциплин, то бытийственно-небытийственной природой человека с точки зрения психологического подхода становится «разница потенциалов» между небытием — непроявленностью для чувств архетипов коллективного бессознательного, и бытием сознания. С точки зрения социокультурного подхода природой человека становится «разница потенциалов» между формами общественного сознания и формой индивидуального сознания. С точки зрения биологического подхода природой человека становится «разница потенциалов» между не проявленным для чувств геномом и его способностью реализовать свой потенциал в социальном поведении. С точки зрения космологического подхода природой человека становится «разница потенциалов» между не проявленными для его чувств волновыми паттернами Универсума, напоминающими идеи Платона, и выбором своего бытия — альтернативного (эвереттовского) мира. Таким образом, небытийственный генофонд отдельного человека, нации, народа и наконец человечества становится культурным достоянием, которое воспроизводит себя в разных формах бытия социальной деятельности людей. Здесь инстинктивная способность человека, связанная с генетико-архетипическим потенциалом, эротически устремляет его к тому, в ком или в чем он бессознательно ощущает образ совершенной Красоты.

Литература

1. *Фромм Э.* Иметь или быть? Киев, 1998.
2. *Гуревич П.С.* Философская антропология. М., 2008.
3. *Платон.* Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993.
4. *Чанышев А.Н.* Любовь в Античной Греции // Философия любви: В 2 ч. Ч. 1. М., 1990.
5. *Ефимова И.Я.* Карл Густав Юнг и древнеиндийская философия сознания: компаративистский анализ. М., 2008.
6. *Юнг К.Г.* Синхрония. М., 2003.
7. *Фейербах Л.* Избр. философские произвед.: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
8. Психоанализ. Популярная энциклопедия / Под ред. П.С. Гуревича. М., 1998.
9. *Фромм Э.* Искусство любви. Минск, 1990.
10. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 2. М., 1969.
11. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
12. *Франк С.Л.* Соч. М., 1990.
13. *Шопенгауэр А.* Избр. произвед. М., 1993.
14. *Кант И.* Избр. труды. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
15. *Лосев А.Ф.* Вступительная статья // Платон. Соч. Т. 1. М., 1968.
16. *Франк С.С.* С нами Бог. Три размышления // Духовные основы общества. М., 1992.
17. *Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

И.Е. РУДАКОВА

Проблемы экономического роста: роль ресурсных и нересурсных факторов

Аннотация. В статье рассматривается роль факторов роста двух типов: ресурсных и нересурсных. Центральный вопрос — роль нересурсных факторов как драйверов экономического роста. Психологические, социологические, этические явления в развитом обществе имеют решающее значение в формировании мотивов деятельности людей и, как следствие, в ее эффективности и производительности. Неэкономические явления, обеспечивающие экономический рост и развитие страны, во многом определяют траекторию движения экономики, являясь ключевыми компонентами национальной стратегии экономического роста.

Ключевые слова: тенденции экономического роста, нересурсные факторы роста, психологические факторы, национальная стратегия роста.

Abstract. The article is devoted to the role of the growth factors of two types. The author shows a role of the other factors as drivers of economic growth. The author arguments that the psychological, sociological, ethical phenomena in developed society have crucial importance in formation of people activity motives and, as a result, in its efficiency and productivity, and that all these events providing the economic growth and development of the country, in many respects define a trajectory of economy movement.

Keywords: growth trends, resource factors of growth, the other factors of growth, psychological factors, national strategy of growth.

Сегодня в середине второго десятилетия XXI в. мир в основном преодолевает, хотя и медленно, последствия глобального кризиса 2008—2009 гг. На этом фоне стагнация экономики России, практическое прекращение экономического роста при двузначной инфляции представляются труднообъяснимыми. Устойчивые инфляционные ожидания, значительная утечка капитала, инвестиционная пассивность, сохраняющиеся перекосы в отраслевой структуре — все это не закладывает условия для скорого возрождения экономики России в будущем. Две фундаментальных тенденции вызывают особые опасения: снижающиеся инвестиции и сокращающийся объем потребительского спроса при падении реальных доходов. Эти тенденции не линейны, имеют множество причин, их сочетания содержат опасность фор-

мирования устойчивого спада. Возникает вопрос: насколько актуально в этих мрачных условиях рассматривать факторы экономического роста?

Экономическая стагнация и кризисы — явления краткосрочного периода, развивающиеся на фоне долгосрочных тенденций. Экономический рост относится теорией к явлениям долгосрочного периода. Без исследования экономического роста остается неясным, каким образом кризисная экономика может мобилизовать восстановительные силы, перейти от спада к подъему. В новых сложных условиях в нашей стране первоочередными становятся силы, способные «вытащить» экономику из провала, сообщить ей поступательную динамику. Ясно, что традиционные модели экономического роста для индустриальной экономики, связывавшие экономический рост по преимуществу с материальными ресурсами, недостаточны для постиндустриальной экономики, в которой инновационные процессы играют решающую роль. Данные обстоятельства заставляют искать другие причины серьезных сбоев в поступательном движении экономики и пути их преодоления.

Для исследования причин, гасящих экономический рост в новых условиях, и для поиска путей ослабления тормозящих эффектов важно, на наш взгляд, выделить в фундаментальных основаниях экономического роста две группы факторов: а) связанные с *ресурсами*, их динамикой, распределением, накоплением и т. п., и б) факторы *нересурсного* порядка²⁴.

Ресурсная версия объяснения экономического роста.

К истории вопроса

С самого начала возникновения экономической теории, начиная от основополагающей работы Адама Смита, причины богатства народов связывались с ключевыми физическими факторами производства — трудом, капиталом, землей. Хотя теорий экономического роста в современном понимании тогда еще не было, но приращение и накопление богатства — главные признаки роста — тесно связывались с этими факторами.

Основоположник неоклассической теории Альфред Маршалл расширил представление о силах поступательного движения экономики, включив в перечень влияющих факторов организацию производства,

²⁴ Заметим сразу, что предлагаемое разделение на ресурсные и нересурсные факторы роста условно не только потому, что есть разные трактовки понятия «ресурсов», но и в реальности такое разделение часто сложно провести. Мы пользуемся этими понятиями только для более четкой постановки проблемы. В конце нашего рассуждения условность такого разделения будет очевидна и учтена.

управленческую способность предпринимателя²⁵. Подход Маршалла свидетельствовал также о понимании роли *взаимодействия факторов*, отражения такого взаимодействия в технологии производства и влияния его на производительность.

Первые теории экономического роста связаны с работами Дж.М. Кейнса. Его идеи стали основой исследований экономической динамики и макроэкономических моделей роста Р. Харрода, Е. Домара, Э. Хансена, Н. Калдора и др.²⁶. Кейнсианцы определили принципы построения моделей роста, обосновали отбор переменных, положенных в основу модельной конструкции, определили влияние экзогенных переменных и параметров. Основную область исследований экономического роста составили накопление и распределение физических ресурсов — труда и капитала. В этих первых работах по экономической динамике в качестве значимого явления, вслед за Кейнсом, было отмечено влияние субъективных факторов на поведение потребителей — предпочтений, склонности (вошли в модель), «животного страха» инвесторов (в модель не вошли).

Следующий этап — развитие моделей роста неоклассической школой — был направлен на более широкий, точный и технически более совершенный анализ факторов роста — труда, капитала, технологии. «Очищение» моделей роста от других (не физических факторов) позволило развить формальный аппарат. Предпосылка редкости ресурсов обусловила эффективный выбор их набора и аллокации при принятии экономического решения максимизирующими субъектами. В основу базовой неоклассической модели Роберта Солоу была положена производственная функция как инструмент, помогающий понять

²⁵Эти факторы существенно отличались от вещественных (земли, капитала, труда), хотя при более пристальном рассмотрении их можно было отнести к первым: предпринимательская способность фактически представляла собой особые умения высококвалифицированного труда; организация связывалась с размещением производительных сил. В последующем при разработке теории производства (выраженной в теории производственной функции) эти факторы специально не рассматривались и в ортодоксальную модель производственной функции (типа Кобба—Дугласа, например) не включались. Они пригодились много позже — с осознанием роли человека в формировании экономических зависимостей, о чем пойдет речь ниже.

²⁶В работах Р. Харрода и Е. Домара была показана роль инвестиций и накопления капитала, темпов прироста населения для определения темпов роста. Исследование роли сбережений, инвестиций, роста занятости, неравномерность экономического роста во времени было продолжено в работах Н. Калдора, Э. Хансена.

экономический рост²⁷. Экономический рост трактовался прежде всего как количественное увеличение ресурсов — рост населения (рабочей силы), накопление капитала, повышение капиталовооруженности и производительности. Кроме того, особое внимание было уделено техническому прогрессу, заданному экзогенно и вводимому в модель как эффективность фактора производства.

Хотя технический прогресс в этой версии задавался извне, «падал с неба», по выражению критиков модели Солоу, неоклассическая модель явилась значительным продвижением научных представлений об экономической динамике. Основными «драйверами» роста выступали факторы производства — капитал, труд, — их количество, эффективность и «композиция», эффект которой был отражен в технологии. Модельная терминология — «факторы производства» — на практике расшифровывалась как «ресурсы». Все входящие в производство inputs — сырье, материалы, источники энергии, комплектующие, труд и т. д. — являлись ресурсами производства. Таким образом, теория экономического роста сформировалась как *ресурсная версия*.

На этом пути были сделаны значительные открытия в теории, объяснявшие фундаментальные зависимости экономического роста. Было выработано понятие динамического равновесия, определены условия устойчивого роста. Значение ресурсной версии также и в том, что она давала основание для прогноза, позволяла обнаружить отклонения от «модельного» тренда, служила базой для рекомендаций экономической политике. Устанавливая количественную взаимосвязь факторов, неоклассическая модель давала основание для расчета вклада каждого фактора в темпы роста совокупного продукта. Модель Р. Солоу позволила обнаружить факторы роста национального дохода и производительности, не связанные с количеством ресурсов труда и капитала: статистически подсчитанный вклад факторов труда и капитала был меньше фактического прироста общего выпуска. Разница образовала остаток Солоу²⁸.

Объяснение происхождения этого остатка открыло дорогу поиску факторов экономического роста, не связанных с собственно физическими ресурсами. Логика поиска исходила из очень важного, можно сказать философского, принципа: *экономику делают люди*, следовательно, рост зависит от действий всех участников экономического

²⁷ Базовые принципы неоклассической модели роста были разработаны Р. Солоу, а также Т. Свэнном, дополнены Э. Фелпсом, обосновавшим Золотое правило накопления капитала.

²⁸ По некоторым данным, остаток Солоу составлял 50—80% прироста производительности в развитых странах, значительная его часть приходилась на факторы нересурсного порядка.

процесса, направленных на достижение намеченных целевых ориентиров — частных лиц, бизнеса, государства. Отсюда следовало, что поиски источников остатка Солоу нужно вести в сфере, где складывались отношения людей не только «по поводу средств производства».

Теории эндогенного роста

Недостаточность объяснения технического прогресса, и вообще экономического роста, только ресурсными факторами была одной из причин разработки моделей роста, более приближенных к реальности. Факторы, непосредственно влиявшие на производительность и не связанные непосредственно с количеством труда и капитала, фактически были признаны (и разрабатывались дальше) в качестве важнейших составляющих роста с введением в оборот теорий эндогенного экономического роста²⁹.

Результат этих моделей состоял главным образом в объяснении возможности научно-технического прогресса изнутри системы, во взаимодействии ее базовых элементов. Еще один важный результат состоял в том, что получил объяснение тезис о недостаточности простого количественного увеличения ресурсов для прироста ВВП или наращивания темпов его роста. Межстрановой анализ экономического роста, конвергенции и дивергенции стран выявлял отсутствие прямой непосредственной связи между объемом инвестиций в науку и выходом научной продукции. Такая неадекватность получила объяснение в модели R&D Пола Ромера [1, 2]. Модель показывала, что простое увеличение затрат капитала в секторе знаний может не иметь эффекта, если *качество* предыдущих идей и разработок, на основе которых ведутся новые исследования, низкое. В этих случаях неэффективны не только инвестиции в капитал, но и увеличение занятости в секторе знаний. На этот вывод моделей эндогенного роста стоит обратить внимание, он имеет непосредственный выход в реальную экономику. Так, отставание в научной и технологической областях, при всей важности их финансирования, не всегда можно преодолеть, «залит деньгами». Модель R&D Пола Ромера показывает неэффективность притока дополнительного труда и капитала в научные исследования и разработки, если они ведутся на основе устаревших или неактуальных идей.

Модели эндогенного роста позволили объяснить растущую дивергенцию слаборазвитых стран по отношению к высокоразвитым странам на основе различий в качестве накопленного капитала [2, 479—506].

²⁹ Авторы ключевых исследований эндогенного роста П. Ромер, Р. Лукас, Е. Хелпман, П. Ховитт, Х. Узава, К. Шелл, Дж. Гроссман и др.

Осознание роли человеческого участия в обеспечении экономического роста явилось важным этапом в развитии теорий роста и получило воплощение в «человеческом капитале»³⁰, Именно человеческий капитал заставил искать силы, мобилизующие потенциал человека, повышающие его производительность. В модели Роберта Лукаса с участием человеческого капитала общий национальный выпуск значительно зависел от *качества* человеческого капитала и логически связанного с ним социального капитала³¹.

Пионером в исследовании роли человеческого капитала выступил Т. Шульц. В статье 1961 г. он дал определение человеческого капитала как суммы накопленных и приобретенных знаний, которые их носитель может использовать для получения дохода [5]. Можно заключить, что человеческий капитал есть простое расширение понятия капитала, и как таковой он не вносит принципиальных добавок к модельному набору ресурсов. Однако, если речь идет о *качестве* ЧК с учетом специфических способностей человека, то некоторые черты человеческого капитала можно рассматривать как нересурсный элемент.

Активное исследование человеческого фактора в связи с экономическим ростом, перемещение его в центр анализа, неизбежно приводило к необходимости исследования поведенческих моментов. С этой точки зрения ключевую роль приобретают свойства человеческой личности — *психологические и социальные факторы*. Они вносят существенную поправку в понимание механизма такого макроэкономического явления, как экономический рост, в теоретическую трактовку его побудительных моментов.

В процессе поисков была исследована совокупность влияющих на экономический рост явлений, не принадлежавших по своей природе к собственно физическим свойствам ресурсов или к их аллокации между различными сферами использования. Значение этих («нефизических») явлений, их всеобщность, влияние на экономику настолько велики и

³⁰Первоначально человеческий капитал воспринимался как форма расширения понятия «капитал» как такового. Необходимость инвестиций для придания определенных черт этому ресурсу, его способность приносить превышающий инвестиции доход, наличие рыночного спроса и рыночных оценок и более формальные признаки — свойство обесцениваться со временем, — все это сближало человеческий капитал с физическим, превращало его в важнейший ресурс производства. Такой подход позволил дать количественную оценку человеческому капиталу и включить его в производственную функцию. Интересный опыт оценки величины человеческого капитала применительно к экономике России предложен в статье [3].

³¹ Более подробно об этапах исследования и о роли человеческого капитала см.: [4].

очевидны, что они привлекли к себе внимание ученых³², были специфицированы и получили название *нересурсных* факторов роста.

Нересурсные факторы экономического роста

Множество нересурсных факторов достаточно разнообразно. К их числу относятся явления микроэкономического уровня: мотивация индивидов к более производительному труду; внутрифирменная креативная среда, корпорационная культура, межфирменные отношения и многое другое. На макроэкономическом уровне к числу моментов, способствующих росту, можно отнести явления, отражающие взаимодействия на общесистемном уровне: социальный капитал, инвестиционный климат (ожидания, уверенность, доверие), и более широкая область — социальный климат, доверие в отношении к государственной политике.

Один из признаков нересурсного характера некоторых сил, побуждающих экономический рост, является их «ненаблюдаемость», по крайней мере, для статистики. Таким явлениям трудно дать определение, которое позволило бы включить их в производственную функцию, например. Еще одна особенность нересурсных факторов — их *нерыночный характер*. Не всегда рынок может достаточно точно оценить эффективность капитала (фирмы), связанную с искусством управления, с креативными характеристиками трудового коллектива, с эффективной организацией, хотя целый ряд таких невидимых активов фирмы получает рыночную оценку³³.

Еще более сложна (и приблизительна) количественная оценка нересурсных факторов макроуровня, как, например, социальный климат, доверие. Возможно, это и было объяснением отсутствия до сравнительно недавнего времени специального анализа данных явлений в исследованиях экономистов.

³² Ресурсы, отличные от базовых (труда, капитала, земли), рассматриваются в статье Г. Клейнера в качестве *системных* ресурсов. Автор отмечает, что развитие экономической теории и практики, «особенно во время мирового кризиса, приводит к выводу о наличии не столь заметных, как труд, капитал или природные факторы, но весьма мощных *сил взаимодействия* традиционных факторов». Эти «неучтенные и своевременно не взятые под контроль (?? — *И.Р.*) межфакторные силы», по мнению автора, и привели к эффекту распространения кризиса в мировой экономике [6, 89, 93].

³³ Так, соотношение рыночной стоимости фирмы и восстановительной стоимости ее активов (коэффициент *q* Тобина) есть практический индикатор для капиталовложений: если коэффициент *q* больше единицы, капиталовложения в фирму целесообразны, если меньше — разумным будет противоположное решение.

Рассмотрим более подробно некоторые, наиболее важные для объяснения экономического роста, нересурсные факторы. Ключевое значение в этом направлении (из этого набора), на наш взгляд, имеют *мотивационные моменты*. Мы считаем их наиболее важными еще и по той причине, что они позволяют понять связь взаимодействий в экономике на разных уровнях, обнаружить в явной форме микроосновы макроэкономики.

Для рассматриваемой здесь проблемы такие зависимости служат доказательством того, что макрорезультаты, скажем, результаты макроэкономической политики, могут быть эффективными только при создании соответствующей основы на микроуровне. Макроэкономическая политика будет безуспешной, если она не придает значения микрооснованиям поведения людей.

Исследование мотиваций в деятельности человека, их влияния на производительность первоначально принадлежало области микроэкономики. Серьезным вкладом в исследование мотивационных основ производительности стали работы Х. Лейбенштейна. Хотя областью исследования этого автора был микроуровень, результаты имели большое значение и для макроэкономики (см.: [7; 8]). Введением понятия «Х-эффективности» он показал, насколько значительно факторы, не связанные с физическими ресурсами или их аллокацией, влияют на положение экономики по отношению к ее производственным возможностям, соответствующим полной занятости эффективно используемых ресурсов (модель *PPF*). Опираясь на эмпирические исследования, автор установил, что выигрыш в благосостоянии людей достигается не только аллокативной эффективностью. Он определил, что потери от неэффективного распределения ресурсов малы по сравнению с приростами производительности от нересурсных факторов. Эту эффективность Лейбенштейн назвал «Х-эффективностью», так как ее источник до этого времени оставался не вполне ясным. Он обнаружил ключевую роль заинтересованности работников в выполнении своей функции, основание для которой составляли не экономические мотивы (заработная плата, материальное поощрение), а психологические моменты. Дружеские отношения в трудовом коллективе, предоставление работникам большей информации о значении их работы, отсутствие детального (чрезмерного) контроля над деятельностью исполнителей и прочее ничуть не меньше мотивировали работников, чем денежные формы поощрения. Были установлены ключевые причины, объясняющие торможение экономического роста фирмы на практике: неполнота трудовых договоров, не специфицированная полностью производственная функция, не опосредствованное рынком обращение некоторых «невидимых» ресурсов, их недоступность на равных условиях

всем покупателям, т. е. недостаточное использование нересурсных факторов. Агрегированным результатом на уровне экономики в целом явилась производительность национальной экономики, находившаяся ниже фактических потенциальных возможностей.

Наряду с углублением знаний о мотивационных основах деятельности человека, к числу интенсивно изучаемых явлений в 1980-х — 1990-х гг. можно отнести такие сугубо субъективные явления, как ожидания, ошибки при принятии решений, реакция на ошибки и способность их оценки, доверие. Одной из таких поведенческих идей была роль *ожиданий*³⁴. Принадлежащие неэкономической области такие давно замеченные психологами и социологами явления сначала вошли в микроанализ, а затем, начиная с работ М. Фридмана (адаптивные ожидания), Р. Лукаса (рациональные ожидания), некоторые из них были включены в макромоделли³⁵.

Ожидания в отношении возможного изменения цен, номинальных заработных плат, прибылей влияют на принятие экономических решений субъектами рынка и, следовательно, на интенсивность потребительского спроса, на склонность к инвестированию, активность на финансовых рынках и проч. Агрегированные результаты ожиданий образуют макроэкономические тенденции, препятствующие или способствующие экономическому росту. Одной из таких макроэкономических теорий, которая базировалась на субъективных факторах микроуровня, была теория инфляции. Пионерная идея — введение микрооснований в макромоделли — была реализована в практике государственного антикризисного регулирования. Разработчик поведенческой экономики, лауреат Нобелевской премии Дж. Акерлоф, отмечая заслугу Кейнса перед экономической теорией, заметил, что неоклассический синтез оставил в стороне «подчеркивающуюся в *Общей теории* роль психологических и социологических факторов, например, когнитив-

³⁴ В нобелевской лекции «Инфляция и безработица» (в декабре 1976 г.) М. Фридман подчеркивал: в его работах произошел радикальный пересмотр теории инфляции и безработицы, состоявший в том, что ставка была сделана «на разницу между реальными и ожидаемыми величинами».

³⁵ Следует заметить, что Ф.А. Хайек предупреждал относительно иллюзий, связанных с возможностью (или невозможностью) количественного определения некоторых явлений в экономике. Он говорил о том, что в отличие от естественных наук, где каждый значимый фактор непосредственно наблюдаем и измерим, в экономике слишком много сложных явлений, которые зависят от действий множества индивидов, а их обстоятельства никогда не будут полностью известны и измеримы. «...В общественных науках часто за важное принимается то, что поддается измерению». Упорствующие в этом мнении ученые «исходят из иллюзии, что факторы, которые они могут измерить, суть единственные значимые факторы» [9, 215].

ных смещений, взаимности, справедливости, группизма или социального статуса. Моей мечтой было усилить макроэкономическую теорию путем добавления в нее инструментов для учета подобного поведения экономических субъектов» [10, 445].

До какой степени учет нересурсных психологических факторов влияет на макро модель экономики в ее ключевых секторах, показывает рынок труда. Поведение рынка труда — спрос предпринимателей на труд, предложение труда наемными работниками — испытывает сильное влияние негативного отношения всех участников рынка к снижению *номинальной* заработной платы со стороны наемных работников из-за явного сокращения их дохода, со стороны предпринимателей из-за риска оппортунистического поведения и оттока рабочей силы. Но наемные работники более спокойно воспринимают снижение *реальной* заработной платы (что было отмечено еще Кейнсом³⁶), так как эти изменения не сразу обнаруживаются, могут маскироваться некоторым (не компенсирующим) повышением номинальной заработной платы. Построенная с учетом этих тенденций денежная (зарплатная) политика государства может стать эффективным рычагом, формирующим ожидания на рынке труда, и тем самым подталкивать (или сдерживать) интенсивность спроса и предложения. Поскольку рынок труда является системообразующим, постольку его движение влияет и на общую модель экономического роста. Формирование ожиданий и оживление рынка труда — мощные нересурсные факторы не только роста, но в ряде случаев и выхода из состояния стагнации.

Один из ключевых тезисов поведенческой экономики — *иррациональное поведение* субъектов рынка. Это означает, что люди принимают экономические решения под влиянием ожиданий, предчувствий, ложных представлений, ошибок и просчетов в прогнозе, страхов и пр., а не в результате четкого сопоставления затрат и результатов и максимизации выгоды, т. е. принципов рационального поведения. Можно привести пример иррациональности при принятии межвременных решений. Для модели роста важно следующее наблюдение: психологические исследования поведения людей в отношении накапливаемого богатства обнаруживают большую готовность к накоплению, если «жертва» текущим потреблением компенсируется удовлетворяющей величиной дисконтированного дохода. Это объяснимо, поскольку человек выше ценит текущее потребление, чем отложенное. Неэффективная процентная политика может сформировать опасения в отношении сохранности накоплений населения и фирм в будущем. В резуль-

³⁶ Отношение работников к номинальной и реальной заработной плате, влияние на поведение участников рынка труда было специально исследовано Дж.М. Кейнсом [11, гл. 2].

тате в экономике может сформироваться недосбережение³⁷. Согласно опросу ВЦИОМ, только 34% российских граждан имеют сбережения в течение последних пяти лет. Доля сбережений в реальных доходах населения составляет в настоящее время примерно 10% [12, 51].

Недостаточность сбережения непосредственно влияет на темпы роста, поскольку уменьшает инвестиционные источники. Отсюда следует ключевая роль эффективной системы социального страхования, принципов устройства пенсионной системы. События в российской экономике в последние месяцы 2014 г. — иллюстрация того, как страхи перед грядущим обесценением накоплений, недоверие к политике банков вызывают панику, отток вкладов населения из банковской системы, бегство капиталов за границу. Все это резко сокращает объемы национальных сбережений, инвестиций, темпы роста и далее по цепочке. Неслучайно поэтому важным направлением государственной антикризисной политики в периоды экономического спада и стагнации являются меры, направленные на преодоление пессимистических ожиданий людей в отношении инфляции, перспектив роста, безработицы.

При более глубоком и детальном исследовании факторов роста, не связанных с физическими (материальными) ресурсами, следует отметить еще один важный аспект. Не вызывает сомнения, что одним из основных условий роста является инновационный процесс. Он непосредственно обеспечивается ресурсной базой и ее динамикой. В то же время его сопровождают явления, которые к ресурсной базе непосредственно или в значительной мере не относятся. Мы имеем в виду обстоятельство, которое не рассматривается вообще (во всяком случае, не признается в качестве значительного) при исследовании влияния технологического процесса на экономику и экономический рост: *способность национальной экономики к восприятию новшеств*. Повторение, заимствование, воспроизводство идей, разработанных раньше, в другом месте, в другое время и часто для других случаев — *имитация* — есть неременная составляющая технического прогресса. Имитация как на микроуровне, применительно к фирме, так и на макроуровне, применительно к национальной экономике, часто является отправной точкой технического прогресса в целом, условием скорости его распространения, глубины вызываемых им преобразований (см. об этом: [13]).

Отметим несколько важных эффектов, сопровождающих имитацию и превращающих ее в условие прогресса. Распространение новой технологии за пределы той области, где она была выработана, обеспе-

³⁷ О роли психологических факторов, образующих тенденции в сфере сбережений см.: [10, 465—469].

чивается имитацией. Жизнеспособность нового продукта, перспективность технологии проверяются именно при имитации его другими фирмами или предпринимателями. Имитация «подготавливает мозги» для восприятия новых знаний, для их распространения и превращения в «рутины», что, в конечном счете, и создает движение к обновленной экономике. Автор нашедшей недавно книги «Капитал в двадцать первом веке» Томас Пикетти, исследуя возможности преодоления отсталости малоразвитых стран, отмечает значение законов рынка (спроса и предложения), международной торговли, которые могут подтолкнуть развитие. Но, делает он вывод, гораздо более фундаментальным для технологической конвергенции, чем рыночный механизм, является диффузия знаний — особенно общественных благ — и участие страны в этом процессе [14, 21].

Восприимчивость экономики к новым идеям зависит от общего образовательного уровня, от толерантности системы коммуникаций в научной и прикладной среде, от заинтересованности работников, бизнеса, регуляторов в обновлении, от институциональных обстоятельств. Способность к имитации позволяет, в частности, использовать потенциал прошлого опыта. Прошлый опыт, реализующийся в распространившихся и укоренившихся новшествах, — основа сегодняшних инноваций. Используя выражение Дугласа Норта для данного случая, можно сказать: «История имеет значение» [15, 12].

Чтобы двигаться дальше, заимствования из прошлого могут быть не только полезны, но и необходимы. В сочетании с новыми идеями они придают дополнительную энергию инновационному процессу. По этой причине качество прошлых исследований и изобретений обеспечивает успешность последующего роста, о чем уже шла речь выше. При определении задач и перспектив роста как на уровне фирмы, так и на уровне государства, эти обстоятельства необходимо учитывать и, главное, заранее готовить (формировать) то, что определяет «проводящие способности» экономики в отношении новых идей — технических, организационных, управленческих. Подготовка таких (нересурсных) условий входит в национальную стратегию многих государств.

Одним из главных феноменов, облегчающих распространение знаний, повышающих роль взаимодействия в обществе, является *социальный капитал*. Социальный капитал — понятие объемное. Он включает взаимодействие людей, способность содействовать позитивному результату других участников, отношения доверия и взаимопомощи. По выражению Дэвида Вейля, социальный капитал это клей, удерживающий людей, образующих общество, вместе.

Насколько важен общий эффект от формирования социального капитала как продукта социального взаимодействия, можно видеть, если

учесть отмеченные выше «нелинейности» технического прогресса и экономического роста, их временное расхождение. Примером может служить тенденции динамики производительности в мире. Исследователи давно заметили, что в динамике производительности труда в XX в. были разные периоды слабого и быстрого роста, не совпадавшие с периодами интенсивного технического прогресса. Так, по оценке Ангуса Мэддисона [16], темпы роста дохода на душу населения за период 1913—1973 гг. составил около 3% в год, а за период 1973 — 1998 гг. — около 1,3%. Снижение темпов роста в последний из указанных периодов — удивительный факт послевоенной экономики, восстановившейся после разрухи военных лет. Его необычность в том, что именно в эти годы наблюдалось распространение прорывной компьютерной технологии, изменившей мир и являющейся технологией широкого назначения³⁸.

Во второй половине 1980-х гг. ситуация изменилась, и производительность стала быстро расти. Исследователи влияния компьютерной технологии отмечают, что сами по себе компьютеры, являясь в высшей степени продвинутым средством производства, не приводят к росту производительности труда в макроэкономическом масштабе. Новые технологии требуют новых кадров и времени на их обучение, прежние профессиональные знания устаревают, что снижает производительность труда. Значительный рост производительности начался, когда на базе новой технологии стали возникать сети, связавшие людей и компьютеры. Процесс набирал силу по мере расширения масштаба сети и подключения новых пользователей. В ходе этого процесса источником роста явились новые *технологии коммуникации, систем передачи информации*³⁹. Этот нересурсный эффект социального взаимодействия явился мощным драйвером экономического роста в странах глобальной экономики и в последующий период (в 1992—2001 гг.).

Социальный капитал создает резервы роста стран на глобальном уровне. Межстрановые взаимодействия выявляют преимущества стран, участвующих активно в трансферте технологий и знаний через торговый обмен, движение капиталов, перемещение рабочей силы. Менее развитые страны с удовлетворительным (тем более, значитель-

³⁸ Р. Солоу обратил внимание на такое несовпадение, заметив, что эффект компьютерной технологии проявляется везде, кроме статистики производительности труда.

³⁹ О нелинейности влияния технологий широкого назначения на темпы роста производительности см.: [17, 80—84]. Средние темпы роста часовой производительности в частном секторе США в 1960-х гг. приближались к 3,5%, а в 1970—1980-х снизились вдвое и составили чуть больше 1,5% [17, 82].

ным) социальным взаимодействием успешнее догоняют лидирующие по жизненным стандартам страны [18, 387—391].

Связь ресурсных и нересурсных факторов

Ресурсные и нересурсные факторы тесно связаны, их разделение часто становится достаточно условным, а конечный эффект на экономику совпадает с действием собственно ресурсных факторов, отражается на их более высокой производительности. И тогда нересурсные факторы могут превращаться в ресурсные.

Явления нересурсного порядка при устойчивости производимых ими эффектов могут учитываться как «свойства» физических ресурсов. Так, чисто поведенческие характеристики (этнические черты), такие как дисциплинированность китайцев, японцев, честность финнов, пунктуальность немцев и т. п., при широком общественном согласии приобретают вид общественных ценностей, неформальных институтов, становятся особенностью национальной рабочей силы, превращаются в качество фактора труда, сказываясь на его производительности. Когда нересурсные факторы приобретают такое же значение, как и физические ресурсы (в сознании экономистов-теоретиков!), когда появляются формальные методы их квантификации, тогда они включаются в экономические модели, помогают объяснениям зависимостей, делают более правдоподобными экономические прогнозы. Остается «малое» — *признание ключевой роли учета этих явлений в государственной политике при формировании национальной стратегии роста.*

Значение нересурсных факторов определяется не только их влиянием на собственно рост. Новые аспекты возникают в плане *соотношения роста и развития*. Это близко связанные (иногда трудно разделимые) процессы, но в контексте затронутой здесь темы они представляются значимыми. Если рост это динамический процесс накопления факторов производства (капитала, рабочей силы); изменения структур экономики, то *развитие* включает в себя ряд серьезных нефакторных совершенствований. Дж. Стиглиц дает следующее определение: «...Развитие есть гораздо более фундаментальная трансформация общества, включающая изменение “предпочтений” и установок, принятие необходимости изменений и отказ от многих традиционных способов мышления» [19, 602]. С этой точки зрения значение психологических, социальных, мотивационных аспектов для модели экономического роста как подготавливающего выход на новый уровень развития трудно переоценить.

Здесь необходимо сделать важное замечание. Признание роли нересурсных факторов в качестве первостепенных условий роста вовсе не означает отрицания роли ресурсных факторов, образующих основу

(траекторию) движения экономики. Физические ресурсы были и остаются костяком, стержнем экономического роста. Прежде чем обеспечить новое или высокое качество роста, необходимо обеспечить рост как таковой, т. е. поступательное движение экономики, общий прирост национального дохода и на душу населения, прирост капиталовооруженности и производительности, рост благосостояния населения. Поступательное движение обеспечивается базовыми факторами — капиталовооруженностью, производительностью. Страна, обладающая природными ресурсами (невоспроизводимыми и воспроизводимыми), имеет благоприятные возможности для производства богатства в национальной экономике. Возможность и способность воспользоваться ими — другая история. После того, как экономический рост ресурсно обеспечен, ключевое значение приобретают нересурсные феномены.

Выводы. Исследование роли нересурсных факторов в экономике имеет длинную историю. В сущности, интерес к поведению человека свойствен экономической теории с самого ее зарождения, что и сообщило этой отрасли науки гуманистический характер. Однако осознание ключевой роли психологических, социальных и других «нересурсных» факторов для экономического роста, включение их в качестве объясняющих переменных в модели роста — дело последних десятилетий.

Современная экономическая теория расширила трактовку роли субъективного фактора как «строителя экономической материи». Реальные процессы экономики — неожиданные кризисы и стагнации, неоднозначное влияние глобализма, препятствия для формирования стабильного мира, прогрессирующая дивергенция беднейших стран при невиданных достижениях технического прогресса — заставили продолжать поиск причин, тормозящих или способствующих экономическому росту, в областях, не связанных с ресурсными факторами. Выдвижение на первый план нересурсных факторов меняет реальную конфигурацию и теоретическую модель экономического роста. *Феномены на нересурсной стороне активности людей приобретают значение трендообразующих сил.* Их включение в российскую национальную модель роста открывает новые стороны потенциала экономики и, соответственно, новые возможности для более высокого качества роста, не говоря уже о возможностях преодоления спада.

Литература

1. *Romer P.M.* Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. No. 98. Oct.

2. *Солоу Р.М.* Теория роста // Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб., 2002.
3. *Капелюшников Р.* Сколько стоит человеческий капитал в России? // Вопросы экономики 2013. № 1; 2.
4. *Рудакова И.Е., Курносова Т.И.* Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // Философия хозяйства. 2013. № 2.
5. *Schultz N.W.* Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1.
6. *Клейнер Г.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.
7. *Лейбенштайн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» // Теория фирмы. СПб., 1995.
8. *Leibenstein H.* Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics. L., 1976.
9. *Хайек Ф.А. фон.* Претензии и знания // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 2004.
10. *Акерлоф Дж.* Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Кн. 2. М., 2005.
11. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
12. Эксперт. 2014. № 5.
13. *Рудакова И.Е., Никифоров А.А.* Макроэкономическая теория: проблемы, версии, полемика. М., 2013.
14. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.
15. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
16. *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Table 1.2. Paris: OECD, 2001.
17. *Хэллман Э.* Загадка экономического роста. М., 2012.
18. *Abramovitz M.* Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind // Journal of Economic History. 1986. No. 46. June.
19. *Стиглиц Дж.Е.* Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Кн. 2. М., 2004.

К.В. МОЛЧАНОВ

Политэкономия идеи новых экономических технологий

Аннотация. В статье обсуждаются моменты начал новых экономических технологий. Основным результатом исследования является выявление принципа новых экономических технологий. Он также актуален для современного понимания капитала. Результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности финансовых инструментов и для определения путей социально-экономического развития.

Ключевые слова: капитализм, диалектика, политическая экономия, производительные силы, новые технологии, экономические технологии.

Abstract. The article discusses some principles of new economic technologies. The main result of the study is to identify the principle of new economic technologies. It is also important for the modern understanding of a capital. The results of the study can be used to improve the efficiency of financial instruments and to identify the ways of socio-economic development.

Keywords: capitalism, dialectics, political economy, productive forces, emerging technologies, economic technologies.

Слова «новые технологии» звучат достаточно часто и по многим поводам. Однако, как показывают исследования научной литературы и информации в СМИ, понимание этого термина все еще во многом интуитивно. В основном, многие сходятся в том, что новые технологии представляют собою технологические новшества, которые связаны с научными достижениями и в части производства обеспечивают определенные преимущества или хотя бы некоторые улучшения, оптимизацию и т. п. (А вот мнения по поводу эффективности, значимости, социальной перспективности и других аспектов новых технологий расходятся.) Кроме того, на Западе значительное внимание уделяют, скажем так, *неиндустриальным технологиям*, например, образовательным, венчурным, рекрутинговым и др. При этом на Западе роль неиндустриальных технологий все возрастает, и, кстати, именно во многом за счет них там рассматривается осуществление постмодернизации!

В России новые технологии зачастую не внедряются или малоэффективны в силу ряда причин, а в некоторых случаях просто неактуальны⁴⁰. Кроме того, по ряду причин западные компании не могут в

⁴⁰ Об этом в соответствующем настоящей работе ракурсе очень много и конструктивно говорилось на секции «Государственно-частное партнерство в

России использовать некоторые свои новые технологии. И российские компании часто не могут применить западные технологии. А о неиндустриальных технологиях речь в России практически не ведется, и в соответствующих сферах все сводится, в основном, к сугубо административным или организационным действиям.

Таким образом, во-первых, следует различать индустриальные (промышленные) технологии и неиндустриальные технологии (образовательные, венчурные, рекрутинговые и т. д.). При этом этот вопрос является не терминологическим, а глубоко теоретическим, ибо он касается *применения знаний*, новаций и вообще интеллектуальных новшеств, не обязательно изобретений, причем не только в рамках конкретного технологического процесса, но и вне такового, что у многих вызывает некие отстраненные ассоциации, например, с политехнологиями и т. п. Однако это часто оказывается правильным и даже актуальным: например, те же политехнологии являются именно неиндустриальными технологиями.

Во-вторых, следует отметить отсутствие даже на Западе фундаментальной теоретической проработки вопросов, касающихся основ, сущности и специфических особенностей новых технологий. Кроме того, следует отметить и то, что западные специалисты не затрагивают тех измерений проблемы новых технологий, которые не просматриваются со стороны эмпирики.

В-третьих, при этом и сама тема новых технологий постоянно трансформируется, что свидетельствует о переменах, происходящих в обозначенном предмете и в его оценках.

Но осмысление новых технологий необходимо и, что самое интересное, может явиться *актуальным для экономического познания*, причем можно сказать, что такая тема сама является в некоторой мере новой технологией.

В то же время известны и понятны *экономические технологии*, которые редко, правда, акцентируются как таковые. Например, стимулирование спроса является не чем иным, как экономической технологией.

А вот могут ли экономические технологии быть новыми технологиями? И могут ли вообще быть другие смыслы в этом вопросе?..

Ответы на эти и другие вопросы и соответствующие новые исследования определили тему *новых экономических технологий*, которая стала одной из актуальных и перспективных в новой области позна-

сфере высшего образования» и других секциях Петербургского международного экономического форума в 2013 г.

ния, созданной в самом начале XXI в., — в *современной политической экономике* [1].

Положения, соответствующие теме новых экономических технологий, обозначились еще в самом начале 2000-х гг. в той бизнес-среде, которая была тогда в России, когда можно было почувствовать *веяние* некоторого особенного нового. Тогда все прочувствовали рынок, по крайней мере, получили представления о жестоких капиталистических реалиях. Однако в те годы, когда в России происходили существенные преобразования в экономике, которая стояла перед выбором пути развития, как и вся страна⁴¹, почувствовалось нечто новое, что не относилось ни к мановениям «невидимой руки» (рынка), ни к кредитованию даже в самом широком его понимании — ни к экономике, ни к *финансомике*. Появлялось неким совершенно новым, не присущим ни капитализму, ни *известному империализму* (ни индустриальному обществу, ни постиндустриальному обществу). Теоретически это не было тогда осмыслено. А сейчас сами эти ощущения потерялись, но зато ведутся многочисленные разговоры об изменении мировой экономики, о новых «правилах игры» и т. п., что многим знакомо (и что тоже можно принять за начало теоретических исследований новых экономических технологий).

Понятно, что все эти и многие другие актуальные экономические вопросы в совокупности с новыми экономическими веяниями начала 2000-х гг. и современными экономическими феноменами должны были быть осмыслены на специализированной предметной основе, которая была разработана: упомянутая выше современная политическая экономия.

Современная политическая экономия — диалектическая наука, базирующаяся на методологии *современной диалектической философии* и исходящая из известных базовых принципов классической и Марксовской политических экономий, в первую очередь, трудовой теории стоимости, однако обладающая своими задачами, методологическим аппаратом и *выведенными* политэкономическими категориями и положениями.

При этом в современной политической экономии за основу берутся не разговоры и мнения экономистов, обычно противоречащих друг

⁴¹ Тогда писали, что Россия вышла «на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании. Она напоминает собой путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности — и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, вбок, в сторону, по кругу. Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России» [2, 36].

другу, а конкретные экономические теоретические положения и факты. Они в достаточном для настоящей статьи объеме были изложены в нашей монографии «Феноменология капитализма», в которой были рассмотрены подходы К. Маркса и Дж.М. Кейнса к основным категориям и процессам капитализма, к его трансформации в связи с развитием производительных сил и к вопросам труда, стоимости и производства. Были зафиксированы теоретические положения, выходящие за рамки известных представлений о капитализме, которые, по идее, и должны при его развитии стать частью посылок или даже основ ощущаемого и обсуждаемого всеми грядущего изменения «правил игры», соответствующих *новой экономической максиме* (после максим, или законов, Ж.-Б. Сэя и Дж.М. Кейнса).

Одним из основных предметов современной политической экономии является капитал, понимание которого вместе с процессом его накопления, согласно определению К. Маркса [3, 592], стало основой осмысления и определения в ней ряда современных политэкономических категорий, в том числе понятия новых экономических технологий. При этом, если под технологией в современной политической экономии понимается, как и обычно, ресурс для достижения некоторой цели, для решения некоторой задачи или даже просто для эффективной реализации некоторых действий, то новые экономические технологии дополнительно характеризуются экономической целесообразностью или выгодой, *возведенной в их принцип*, особенно явно проявляющийся при увеличении капитала. В целом любые индустриальные и некоторые неиндустриальные технологии также характеризуются экономической целесообразностью или выгодой — как *признаком*, но не возведенным в их принцип, и их существом является некоторое производство, деятельность, а не принцип, который вышел на первый план при выявлении новых экономических технологий в том смысле, в котором они понимаются и обсуждаются в настоящей статье. Поэтому новые экономические технологии принципиально отличны от всех других технологий. Однако это лишь одна сторона новых экономических технологий, которые должны обладать принципиально новыми характеристиками.

Следует более подробно остановиться на понятии новых экономических технологий и обусловивших его положениях.

Имплитные характеристики новых экономических технологий определены диалектическими представлениями, согласно которым технологии — это возможности, обуславливаемые *знаниями* (т. е. реконструированная в современной политической экономии часть диалектических *знаниевых технологий*).

Вроде бы понятно, что любая технология должна базироваться на знаниях: надо воплощать некую новацию. Но тут возникает вопрос: что такое знания? И дело не столько даже в том, что они до сих пор понимаются интуитивно и поэтому часто некорректно (есть много разных определений, что как раз и говорит о том, что даже научный мир по-разному понимает знания).

Но в современной политической экономии используется диалектическое понятие знаний, высказанное некогда еще Платоном. Для *диалектической философии* знания являются действительными, поэтому реально объективным источником некоторых (идеальных) процессов, часть из которых воплощается в *действительности*, и некоторые из них можно использовать субъективно. (Отсюда и появляется понятие технологий в современной диалектической философии и, далее, новых технологий в современной политической экономии.)

В то же время понятно, что действия, осуществляемые людьми в соответствии с конкретно манифестированными *знаниями* или научными знаниями, также в ряде случаев можно назвать технологиями, что обычно и подразумевается.

Иными словами, в современной политической экономии понятие технологии шире и глубже обычного ее понимания и при этом имплицитно включает, по меньшей мере, некую *действительность* (не только практику!), чего нет ни в каких других определениях технологий.

Далее, в данном случае речь идет о нечто таком, что относится к экономике (в данной статье экономика понимается диалектически, согласно современной политической экономии, чему была посвящена одна из наших статей в журнале «Философия хозяйства» в 2010 г.). Хотя сразу же следует отметить, что тут имеет место имплицитное рефлексирование *определенности*, выражающееся в соответствующем *единичном*. Иными словами, слова «экономический» в обычном представлении вполне достаточно для того, чтобы очертить круг вопросов, их характер или пусть даже просто какое-то *некоторое*, которое хотя бы в целом обозначает сферу соответствующих действий или обсуждений. Но в диалектическом смысле имеется в виду единичное, лишь *характер* которого определяется как *экономический*. Именно характер, который, правда, тоже понимается в диалектическом смысле, что предопределяет изменчивость и даже относительность, которая, с другой стороны, сама по себе имеет место быть в определении «экономический»⁴².

⁴² В.В. Радаев, например, так пишет: «Попробуйте определить, что такое экономика... и чем “экономическое” отличается от “неэкономического”. Сразу выяснится, что границы объектов исследования разных дисциплин крайне условны и размыты...» [4, 14].

Таким образом, потенциально речь идет о некотором рефлексивном *определенном*, понимаемом указанным образом. Почему потенциально? Дело в том, что обозначено определение (положение), но это, согласно диалектике, совсем не значит, что оно актуально, и возникает вопрос об опосредствовании, которое в смысле диалектики может быть, конечно же, *исполнено* в смысле гегелевского учения о *понятии*, но это мало что даст современным экономистам, мыслящим материалистически, а то и позитивистски или даже вовсе конъюнктурно однобоко. Поэтому следует сказать о конкретном исполнении опосредствования (указываемом ниже), тем более что этого оказывается достаточно для предмета настоящей статьи.

Согласно диалектике, в смысле гегелевского учения о *понятии* в умозаключении, определяющем новые экономические технологии («...умозаключение есть существенное основание всего истинного, и все есть умозаключение» [5, т. 1, 288]), определяемое (*здесь*: новые экономические технологии), как единичное, смыкается с неким всеобщим определением (*здесь*: определение, знания) посредством некоторого качества (*здесь*: экономика, экономическое), т. е. имеет место первая фигура умозаключений $E—O—B$, в развитии которой определяется единичное (*здесь*: новые экономические технологии).

Таким образом, речь идет об умозаключении и опосредствовании особенным, и при этом имеет место указанная Гегелем двойственность особенного (в природе; *здесь*: в экономике), на следствие из которой было обращено внимание В.В. Радаевым и которая внимательным читателем могла быть *замечена* сразу же (теперь она объяснена, так как это потребует в дальнейшем).

Становится понятным различие экономических новых технологий — новых технологий в экономической сфере — и новых экономических технологий, или диалектичных (политэкономических) экономических технологий, о которых идет речь в настоящей статье.

А так как основой понимания новых экономических технологий в современной политической экономии является понятие капитала (точнее — накопления капитала), то их эксплицитные характеристики следует искать в его сфере, что, правда, составляет достаточно объемный вопрос, ибо рассмотрению подлежит даже то обстоятельство, что капитал является производственным отношением. Однако в настоящей статье речь идет пока только об обозначении новых экономических технологий, так что вполне достаточным будет не углубленный политэкономический анализ базовых политэкономических категорий, а общее рассмотрение неких внешних к ним определений и отношений,

в качестве которых можно выбрать отношение спроса и предложения⁴³ (хотя, конечно же, следует различать подходы к обозначенному вопросу со стороны политической экономии и экономикса в силу их самих различий [6]). Но дело тут не в том, что тема соотношения спроса и предложения считается хорошо изученной в экономической науке. Дело в том, что она, с одной стороны, базируется на опосредствовании, через которое определяемое можно восстановить в умозаключении. С другой стороны, она имплицитно содержит ряд политэкономических категорий, которые были обозначены в ходе критики многими экономистами и финансистами современной экономической науки в целом и принципа равенства спроса и предложения в частности, о чем говорилось в ряде работ. А соответствующие положения и политэкономические категории как раз и служат основанием для решения поставленной в настоящей статье задачи: обозначение новых экономических технологий. Но начать придется с фундаментальной политэкономической категории, с «клеточки» буржуазного общества [3; 6; 7].

В современной политической экономии товар понимается на базе мощнейшего диалектического инструмента исследований, использующего *три стороны логического* [5, т. 1, 131].

Логический момент призван осуществлять фиксацию непосредственного знания. При этом содержание (предмет исследования — обмен, экономические технологии и др.) оказывается лишь *единичным*, причем ограниченным и *конечным* и лишь частью некоторого целого (экономики). И рассудок (*здесь*: экономическая наука) в таких случаях не идет дальше неподвижной определенности и отличия последней от других определенностей. Поэтому товар просто противопоставляется другим товарам, что понятно и было непосредственно использовано даже в «Капитале» К. Маркса.

Далее, предложение товара означает установление соответствия его рынку (другим товарам и т. п.). При этом не важно то, *как* определяется эквивалент: главное то, что он есть, причем наличествует как что-то, соответствующее товару, различающее товар и обезличивающее конкретный товар (т. е. оказывается, что *в данном случае* не столь важно то, на какой теоретической основе — политэкономической или экономической — определяется эквивалент, или за основу рассуждений действительно можно принять экономическое отношение спроса и предложения, а, например, не стоимость в политэкономическом смысле). Однако само наличие эквивалента следует осмыслить на основе

⁴³ Это не самый важный для обозначенной темы вопрос, однако он будет изложен достаточно подробно, так как именно его рассмотрение ведет к пониманию ее сути, причем наиболее приближенным к современным экономическим дискурсам образом.

диалектического момента, который есть снятие конечными определениями самих себя и их переход в свою противоположность. Но, как предупреждал Гегель, диалектический момент, взятый сам по себе, выступает (особенно в научных понятиях) как скептицизм; в нем результатом диалектики является голое отрицание. То есть в научных понятиях, в частности, в экономической науке, диалектический момент выступает лишь во внешней рефлексии. Но для товара и его эквивалента главное то, что одно выражено через другое. Однако на этом обычно и успокаивается рассудок, ибо этого достаточно для графика спроса-предложения и для выяснения следующих из него обстоятельств, нужных экономической науке (правда, далеко не всех обстоятельств). Однако именно в силу этого ограничения возникает проблема *рыночного фундаментализма*, принцип которого не только критиковался и отвергался всемирно известными учеными (такими, как К. Маркс и Дж.М. Кейнс) и финансистами (например, Дж. Сорос), но и ярко демонстрирует конечность принятых в экономической науке допущений. А вот при диалектическом рассмотрении возникновения рыночных отношений необходимо понять применение диалектического момента. Формально это сделал К. Маркс, рассмотрев, по определению В.И. Ленина, «клеточку» буржуазного общества. И тут следует учитывать то, что товар как *конечное* снимается. Однако это положение не может быть оценено на основе существующей *обыкновенной логики* (еще 200 лет назад удостоенной Гегелем *презрения* [5, т. 5, 30]), т. е. в экономической науке⁴⁴. Так потому, что диалектика на этом этапе рассуждений приводит, как показал Гегель, к *положительному результату*, который как раз и предопределяет ядро методологических проблем при *любом* недиалектическом подходе. Однако в диалектике это учитывается и *снимается* следующим образом: наличие двух сторон обмена существенно и выражается в том, что они не могут существовать друг без друга, но в диалектике это осмысляется через *спекулятивный момент*.

Спекулятивный момент, по словам Гегеля, постигает единство определений в их противоположности. Правда, упомянутый выше капитал тут следует понимать в смысле Маркса, а значит, требуется признавать и *стоимость*. Однако Марксова стоимость *не присуща* современной экономической науке. Поэтому следует акцентировать опосредствование спроса и предложения (хотя бы в формальном смысле

⁴⁴ О неэффективности и даже о негативах применения *обыкновенной логики* при анализе экономических и модернизационных процессов мы докладывали на ряде научных форумов, в том числе на VI Международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: региональное многообразие», МГУ им. М.В. Ломоносова, 17—19 апреля 2013 г.

спекулятивного момента), в силу чего можно использовать отношение спроса и предложения в рассматриваемом случае (о чем уже было сказано выше). Но тут как раз и возникает искомое положение, определяющее новые экономические технологии (и не только их). Дело в том, что опосредствование связывает, согласно указанной выше фигуре умозаключений, знания и их применение (технологии⁴⁵), но через предметное особенное (экономическое), которое само выступило как опосредствование, а одним из его содержаний, актуальных для рассматриваемого случая, является соотношение спроса и предложения. Это соотношение выражает взаимодействие, одной стороной которого выступает капитал, обычно понимаемый как фактор производства (предложения) или как производственное отношение. Однако в смысле указанной выше фигуры умозаключения капитал следует рассматривать как единичное, *что является принципиально новым положением для политической экономии и экономической науки*. А вот если капитал рассматривать как единичное, причем учитывать, что он принадлежит одной из сторон (обмена) и является ее инструментом, то он выступает *средством труда* (деятельности, предпринимательства). Иными словами, капитал понимается не только вообще, как самовозрастающая стоимость [3, 206], но и конкретно, как стоимость создающая (увеличивающая, привлекающая) стоимость. При этом капитал рассматривается не столько как общественная сила, сколько как индивидуализированная сила. В определенном смысле расширяется и указанная К. Марксом суть капитала (что, кстати, привело к осмыслению нами новой политэкономической категории «обращенный капитал», на наш взгляд, актуальной при осмыслении и осуществления общественного развития в целом и путей выхода из кризисных ситуаций в частности).

Таким образом, обозначается новое положение: *капитал как единичное как средство труда*, — которое в рассматриваемом случае включает опосредствование⁴⁶. Это свойство становится главным и определяющим для новых экономических технологий, ибо именно оно

⁴⁵ Тут следует напомнить, что основой осмысления и определения понятия новых экономических технологий в современной политической экономии является капитал, который состоит в непосредственном соотношении с особенным (экономическое), и это очень важно для развиваемой мысли.

⁴⁶ В этом смысле капитал понимается и как предмет труда, т.е. марксово определение в целом остается в силе. Однако в рассматриваемом случае акцентируется указанная особенность, которая и позволяет говорить о рассмотрении нового аспекта капитала, понятого с учетом гегелевской фигуры умозаключения (но инициированного осмыслением современной экономической действительности).

позволяет получение выгоды возвести в принцип (инструмента, средства труда, капитала), а не только понимать ее в качестве цели (производства, сбыта). Однако в целом обнаружение новых экономических технологий обусловлено новыми экономическими факторами и перспективами (в приведенном выше умозаключении это — особенное), уже заставивших говорить о новых «правилах игры».

И важно еще вот что: новое понимание капитала как средства труда позволяет говорить и об изменении его применения, значит, о возможности хотя бы частичного изменения функционирования капиталистической экономики. Это не значит изменение ее сути, мотивов и целей, это значит изменение ряда регламентирующих установок, или экономической максимы, и, следовательно, всеми уже дано обсуждаемых «правил игры». И новые экономические технологии оказываются позициями переосмысления экономической теории и ее применения, а также элементами грядущей экономики!

Конечно же, можно говорить о многих пониманиях равенства спроса и предложения и о большом числе соответствующих воззрений, которые выработала экономическая мысль, и о том, сколько разных аспектов и показателей учитывается. Но необходимое углубление обычного экономического познания в целях решения насущных задач невозможно по ряду причин, о чем уже говорилось в ряде наших работ, в том числе в силу ограничений упомянутой выше используемой в экономической науке *обыкновенной логики*, которая давно исчерпала себя. При этом, с другой стороны, главное в том, что со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что не только в тех *предметных парадигмах*, в которых сегодня мыслит экономическая наука, но и в тех формах, в которых она это осуществляет, решить актуальные экономические проблемы невозможно, что подтверждается реальным положением дел, характеризующимся разговорами, а не продуктивными программами действий. Следовательно, главное в том, что необходимо изменить и парадигму и качество рассуждений. Первую позицию в данной статье обсуждать не будем (хотя наше мнение очевидно — необходимо переходить к политэкономическим парадигмам решения насущных социально-экономических вопросов путем трансформации экономической системы). В смысле второй позиции (соответственно первой) понятно, что необходимо искать положения, которые имеют принципиально новое качество и позволят выйти за рамки имеющихся методологических ограничений современной экономической теории, или теперь необходимо искать решение актуальных экономических проблем на основе новых представлений и установок (максим), так как все существующие представления и установки не только исчерпали предлагаемые варианты (в том числе активизация

спроса), но и сами принципиально устарели. Другими словами, необходимо а) осмыслить (как регламент, правила, установки) *новую экономическую максиму*, актуальную после экономических максимумов Ж.-Б. Сэя и Дж.М. Кейнса и предопределенную развитием производительных сил и эмпирикой новых экономических веяний, и б) установить ее базовые положения. Одним из ее базовых положений (в то же время являющимся определяющим для новых экономических технологий), определенным указанным выше умозаключением, в котором выступило *экономическое*, через технологию (применение) оказывается обозначенное выше новое понимание капитала как средства труда (деятельности, предпринимательства)⁴⁷. Но для настоящей статьи (в смысле новых экономических технологий) необходимым, достаточным и единственно принципиально важным является понимание того, что актуально получение и применение новых знаний — *исследование и применение на практике тех (новых) аспектов и возможностей, представлений и установок, касающихся современной экономической деятельности и, главное, ее перспектив, которые уже проглядываются хотя бы как формы и параметры упомянутых выше, повсеместно обсуждаемых новых «правил игры» на экономической арене*. При этом, с учетом изложенного выше, существенными моментами этой ситуации выступают а) неизвестность (в смысле реального опыта) подавляющему большинству экономистов реальной истории развития российской экономики в 1990-е гг.⁴⁸, особенно в сфере малого бизнеса, являющегося основой экономики, а предпринимателям — экономической теории, б) актуальные логико-экономические схемы, основанные не на раскритикованной еще Кантом и Гегелем *обыкновенной логике*, а на базе современных актуальных видов (направлений) логики и, главное, следующих из них *нового мышления*, о котором тоже много говорят (так же много, как и о новых «правилах игры» и об инновациях...); эти два положения также соответствуют тезису о получении и применении новых знаний.

⁴⁷ Положения, приведенные после диалектического исследования спроса и предложения к обозначению *новой экономической максимы*, изложены в [8], а также доложены на одном из заседаний теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной общественной и экономической мысли» экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (тема: «Текущая экономика: что с кризисом?», 16 ноября 2010 г.).

⁴⁸ Тут вопрос в том, что применение в экономической деятельности положений любых представлений и установок всегда конкретно и поэтому малоэффективно без знания истории ее процесса, в данном случае — без истории развития и становления малого бизнеса.

Таким образом, краеугольным является следующее положение: выявление и становление новых экономических технологий (и решение вопросов развития экономики вплоть до осмысления мер по ликвидации негативов современного развития) укоренено в определении, исследовании и применении *актуальных и принципиально новых экономических категорий и положений, которые можно и нужно использовать в качестве знаний в экономике* (которые, обратно, определяют в соответствии с указанным выше правилом (см. указанную выше фигуру умозаключения) новые экономические технологии).

Новые экономические технологии понимаются, в первую очередь, как применение в области экономики на диалектической основе новых знаний, адекватных не только ее существу, но и проявляющимся новым условиям, тенденциям, правилам (что, кстати, существенно отличает новые экономические технологии и от индустриальных технологий и от неиндустриальных технологий).

В итоге обозначены не только идея новых экономических технологий, но и посылка *нового представления об экономическом познании*, которая отражает отсутствие фундаментальной теоретической проработки проблемы (темы) новых технологий и манифестирует новые политэкономические категории и применение актуальных знаний в области экономики, в том числе в качестве технологий.

Литература

1. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
2. *Глинчикова А.Г.* Капитализм, социализм, индустриальное общество — к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
4. *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.
6. «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В.Н. Черковца. М., 1998.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.
8. *Молчанов К.В.* О негативизации экономического познания и двух посылок осмысления будущего развития мировой экономики // Философия хозяйства. 2010. № 5.

Т.В. ГУДКОВА

Социальный капитал как фактор социокультурного и экономического развития общества

Аннотация. Анализируется влияние социокультурного фактора на экономическую деятельность; рассматриваются новые формы выражения капитала: «человеческий», «социальный» и «культурный» капитал; выявляется степень присутствия культурного (духовного) элемента в различных версиях структуры национального богатства.

Ключевые слова: социокультурный фактор, национальное богатство, человеческий, социальный и культурный капитал.

Abstract. The article analyzes the influence of sociocultural factors on economic activity; considers new forms of expression capital: «human», «social» and «cultural» capital; it also reveals the degree of presence of cultural (spiritual) element in different versions of the structure of national wealth.

Keywords: socio-cultural factors, national wealth, human, social and cultural capital.

Став всемирным, хозяйство представляет собой взаимодействие и взаимовлияние различных типов хозяйств, принадлежащих разным культурным парадигмам. В настоящее время мир отличается большим разнообразием: существует множество религий, культур, идеологий, форм правления, а также страны сильно отличаются друг от друга по уровню развития. Ряду стран удалось значительно обогнать остальные. Почему же?

Воздействие геополитических, этнических и прочих социокультурных факторов определяет социально-экономический генотип нации, качественно обуславливая экономическую систему. Хозяйственную деятельность человека следует рассматривать как часть общей социальной системы общества. Т. Парсонс [1] рассматривает культурную подсистему как создающую нормы и ценности общества, которые в социальной системе институционализируются, т. е. приобретают устойчивый, явный, общепринятый характер и превращаются в нормы, правила, статусы и роли. Это дает основание говорить о единых в данном обществе социокультурных основах поведения хозяйствующих субъектов. Таким образом, социокультурные основы поведения хозяйствующего субъекта — усвоенные им ценности, принципы, правила и нормы поведения, выработанные соответствующей культурой.

С.Н. Булгаков в своей работе «Философия хозяйства» (1912) писал, что «каждая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою оче-

редь, является порождением этого духа», а также, что «каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порождаемый духом хозяйства» [2]. Осознание того, что все в обществе взаимосвязано и каждая из сфер деятельности человека находится в глубокой взаимосвязи с достигнутым состоянием культуры, становится все более четким.

С 2002 по 2005 г. в Институте имени Флетчера разрабатывался проект по изучению значимости культурного фактора: «Культура имеет значение». Целью проекта являлась выработка ориентиров для прогрессивных культурных перемен. Для выполнения этой задачи осуществлялся поиск ответов на три основных вопроса: 1) какие элементы культуры влияют на поведение людей, воздействующее на политическое, социальное и экономическое развитие? 2) каковы институты и методы, с помощью которых осуществляется «передача» и изменение культуры? 3) что мы можем узнать о культуре и ее изменениях на основе конкретных примеров успеха и неудачи отдельных стран?

Ответ на первый вопрос связан с выявленными в ходе исследования 25 факторами, которые в рамках различных — способствующих прогрессу и сопротивляющихся ему — культур воспринимаются по-разному. 25 факторов группируются по четырем категориям: «мировоззрение», «ценности и позитивные качества», «поведение в экономике» и «социальное поведение». Факторы, влияющие на экономическое развитие, можно найти во всех категориях.

Вопрос об институтах и инструментах «передачи» культуры затрагивает методы воспитания детей, ряд аспектов системы образования, религию, деятельность СМИ, политического руководства и программу развития. Из всего перечисленного, по мнению Л. Харрисона (американский экономист, директор Института культурных изменений (Cultural Change Institute) Школы Флетчера при университете Тафтс (Tufts Fletcher School)), особое значение с точки зрения экономического развития имеет религия. 117 стран были сгруппированы по принципу преобладающих в них конфессий и были проанализированы их достижения на основе десяти показателей, или «индексов прогресса»; два из них непосредственно отражают уровень благосостояния (речь идет об ооновском Индексе человеческого развития (Human Development Index), включающего такие элементы, как объем ВВП на душу населения и три фактора социального порядка, а также данные об объеме ВВП на душу населения, подсчитанных Всемирным банком с учетом паритета покупательной способности). К проблеме благосостояния имеют отношение и несколько других индексов из этой десятки — например, уровень доверия к институтам, уровень коррупции и характер распределения доходов.

В общем плане анализ религиозного фактора позволил сделать вывод, что протестантские, иудаистские и конфуцианские общества добиваются большего, чем католические или мусульманские, поскольку для первых в целом характерны одни и те же способствующие прогрессу ценности из категории «Поведение в экономике», а последние тяготеют к «сопротивляющимся» прогрессу ценностям. Из 27 стран, ставших объектами исследования, десять добились экономического успеха: речь идет о четырех конфуцианских странах (Китае, Японии, Сингапуре и Южной Корее), Индии, Чили и четырех обществах «западного типа» (Ирландии, канадской провинции Квебек, Испании и Швеции). Все «конфуцианские» страны (точнее, страны, испытавшие сильное влияние китайской культуры, включающей, помимо конфуцианства, также даосизм, буддизм и культ предков) также отличает приверженность принципам «всеобщей культуры прогресса»: в восточно-азиатских обществах высоко ценятся образование, успех, трудовая этика, личные заслуги и склонность к накоплению. Однако религия — не единственный фактор, определяющий экономическое поведение, способствующее прогрессу (см.: [3]).

Все вышесказанное позволяет говорить о наличии «всеобщей культуры прогресса»: одни и те же ценности в сфере экономического поведения, независимо от происхождения, обеспечивают благосостояние в странах с весьма различными географическими, климатическими, политическими, институциональными, да и собственно культурными условиями. Насколько можно судить, культура отнюдь не заложена у людей в генах. И хотя культурные перемены — процесс сложный, они постоянно происходят по всему миру, и нет убедительных оснований утверждать, что «всеобщие ценности прогресса» могут не подходить для любого из существующих обществ. Однако это не должно означать насильственного и шокового внедрения этих ценностей: этот процесс должен быть эволюционным, учитывающим реальное положение, и, следовательно, необходимо считаться с адекватными для данного времени и присущими данному социуму социокультурными ценностями. Важно при этом правильно соотносить «всеобщие ценности прогресса» и национальные ценности. С одной стороны, они могут расходиться друг с другом, а с другой — первые могут облекаться в национальную форму. В свою очередь, трансформация культуры оказывает влияние на хозяйственную деятельность людей, в том числе и на потребительское поведение [4].

Следует отметить, что расширение рамок традиционного предмета экономической теории за счет осмысления воздействия социокультурных факторов на деятельность субъекта поможет глубже изучить проблему культурно-исторического своеобразия хозяйственной деятель-

ности, которая выходит на первый план в связи с глобализацией экономических процессов. Ученые-культурологи, в частности, считают, что социокультурный подход есть своеобразное отражение наметившейся смены самой парадигмы цивилизационного развития: от техноцентризма, свойственного индустриальному обществу, к культуроцентризму, на котором будет зиждется грядущая цивилизация постматериальных ценностей [5]. Упрощенное, одностороннее, узкоэкономическое определение социальных процессов не может отразить сложнейшего взаимопереплетения и взаимовлияния экономических, политических, социокультурных, нравственных и иных форм жизнедеятельности общества.

Национальное богатство — одна из важнейших характеристик экономической мощи страны, конкурентоспособности национальной экономики, ее места в мировой экономике. Национальное богатство играет важную роль в общественном воспроизводстве, т. е. в обеспечении непрерывности процесса производства (воспроизводства). Оно выступает одновременно и как результат, и как предпосылка дальнейшего роста производства, всего социально-экономического развития общества. Каким образом культурный (духовный) элемент присутствует в версиях структуры национального богатства?

К настоящему времени и в общей экономической теории, и в статистических измерениях сложились три основных подхода к пониманию национального богатства как с точки зрения его сущности, так и его структурного наполнения. В *балансовой системе* (БНХ) в богатстве страны включаются только материальные ресурсы; в некоторых конструкциях в рамках данного подхода выделялись общественное богатство (созданное человеком, воспроизводимое) и естественное (природное) богатство. В *системе национальных счетов* (СНС) оно определяется как сумма экономических активов (нефинансовых и финансовых), которыми располагают экономические субъекты (институциональные единицы) страны и которые имеют стоимость, обременены правами собственности и приносят экономическую выгоду. Имеется и *расширительная трактовка* структуризации национального богатства отдельными учеными, в том числе специалистами Мирового банка (определение богатства как накопленного капитала), когда наряду с природным капиталом (природными ресурсами) и «воспроизводимым капиталом» (накопленным материальным богатством в форме средств производства) берется и *человеческий капитал* (в другой редакции — трудовые ресурсы). Таким образом, в отличие от первых двух версий, в последней трактовке появляется человеческий капитал, который в его наиболее известных определениях отражает кумулятивную оценку затрат на воспитание, образование, профессиональное

обучение и т. п. или характеризует имеющиеся у индивидов знания, производственные навыки и мотивации, повышающие производительность труда и приносящие им доход. Именно эта структурная часть богатства должна вбирать в себя в определенной мере культурный, интеллектуальный и т. п. элемент и быть тесно связанной с функционированием всей социальной сферы экономики.

Попытки введения в научный оборот новых понятий, отражающих новые аспекты богатства, касаются в основном расширения количества форм выражения капитала. В этой связи можно указать еще и на другие виды «капитала», называемые в литературе — в основном, социально-философской, социологической, политологической, культурологической, — которые могут быть обсуждены в контексте социально-культурного элемента национального богатства. Наиболее популярна из этой области концепция *социального капитала*.

Сегодня существует множество подходов к исследованию социального капитала. Вместе с тем ни один из них пока не стал универсальным и широко используемым. Это связано с многомерностью исследуемого понятия, отсутствием единого подхода к пониманию его сущности. Все определения социального капитала, в основном, сводятся к указанию на то, что это некий *ресурс, в который конвертируются отношения между участниками социального взаимодействия, характеризующиеся взаимной ответственностью, а также благонадежностью и доверием*. Социальный капитал пытаются определять и через его функции — в случае, когда он существует в форме социальных структур, облегчающих субъектам, находящимся внутри данных структур, те или иные действия. Такими субъектами могут быть как индивиды, так и группы (коллективы), например, корпорации. Среди этих разработок выделяется концепция американского экономиста-социолога Дж. Коулмана, доказывающего, что в «отличие от иных форм капитала (имея в виду капитал как совокупность вещественных ресурсов) *«социальный капитал»* свойствен структуре связей между акторами и среди них. Это не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства» [6, 124].

По аналогии с *физическим* и *человеческим* капиталами, воплощенными в орудиях труда и обучении работника и повышающими производительность их труда, социальный капитал, по мнению сторонников этой версии, содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающих условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал — это «социальный клей», который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу [7, 629—654].

Разработчики концепции социального капитала (Lin, Burt, Marsden, Flap, Coleman, Bourdieu, Putman) определяют социальный капитал как *инвестиции* в указанные выше *социальные взаимосвязи*, создающие «доступность и использование ресурсов, заключенных в социальных взаимосвязях», а также «солидарность и воспроизводство группы» [8, 5].

Всемирный банк определяет социальный капитал как институты, отношения и нормы, которые формируют качественно и количественно социальное взаимодействие в обществе. Для подсчета национального объема социального капитала применяются два показателя: индекс доверия и членство в общественных объединениях. «Социальный капитал» — феномен, имеющий общественную, а не индивидуальную природу. А. Портес [9], американский социолог, предполагает, что социальный капитал присущ самой структуре человеческих отношений, так как, будучи связанным с другими людьми, человек получает множество преимуществ. Таким образом, социальный капитал не может находиться в чьей-либо собственности, он представляет собой общественное благо, которым могут пользоваться все.

В рамках социального капитала был выделен *культурный капитал*, под которым понимаются те преимущества, которые передаются новым поколениям (навыки устной и письменной речи, эстетические ценности, умение взаимодействовать с людьми, ориентация на достижения в учебе) и расширяют возможности их социальной мобильности. Культурный капитал — это знание, позволяющее его обладателю понимать и оценивать различные типы культурных отношений и культурных продуктов [10, 321—350].

Социальный капитал, подобно капиталу физическому, может представляться как запас, но его отличие в том, что он не теряет в величине по мере использования, напротив, не будучи используемым, он утрачивает свою ценность. Под процессом старения знаний понимается не утрата знания, связанная с физическим старением работника, а явление, аналогичное моральному износу оборудования, в основе которого лежит старение объективированного в этом оборудовании знания. При этом, как и физический капитал, он требует вложений в себя в форме социального взаимодействия и действий, поддерживающих доверие.

Если на макроэкономическом уровне можно установить влияние социального капитала на экономическое развитие общества, а на микро-экономическом уровне — на благосостояние индивида, то на мезо-уровне следует рассматривать его влияние на экономические организации и эффективность их функционирования. Социальный капитал стимулирует экономическое развитие, содействует связям между предпринимателями, работниками и облегчает доступ к информации,

принятие коллективных решений и эффективные коллективные действия. Высокий уровень всеобщего взаимного доверия, сотрудничество, общение, взаимопонимание — все это составляет социальный капитал сообщества, и чем лучше он развит, тем больших успехов это сообщество способно достичь,

В отечественных изданиях можно встретить трактовку социального капитала и как ресурса организации. Обращаясь к вопросу формирования социального капитала экономической организации, П.Н. Шихирев выделяет его основные характеристики: доверие организации «как интегральное выражение состояния ее внутренних общественных связей», репутация организации «как выражение состояния внешних связей»; стратегия и тактика деловых переговоров «как выражение ценностной ориентации субъекта социальных отношений», корпоративное управление как «следование принципам и ценностям» [11, 27].

Социально-экономический прогресс общества сопровождается не только увеличением национального богатства, но и изменением его структуры. Действительным богатством страны должен стать интеллектуальный и духовный потенциалы населения. Именно они заставят развиваться экономику, политику, менять характер социальных отношений. Включение в одну из трактовок состава национального богатства, при всей спорности такого подхода, человеческого капитала имело под собой серьезные мотивы. Логичным было бы включение в него и социального капитала. Наряду с другими элементами они могли бы войти в структуру национального богатства в качестве его особой части — духовного богатства.

Литература

1. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1994.
2. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. М., 1993.
3. Ясин Е., Снеговая М. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран // Вопросы экономики. 2009. № 10.
4. Липсиц И. Трансформация культуры и изменения в моделях потребительского поведения // Вопросы экономики. 2012. № 8.
5. Уварова Л.И. Формирование экономической культуры в процессе вузовской социализации // Современные проблемы экономической психологии в России. Социокультурный аспект. Матер. науч.-практ. семина. СПб., 2001.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

7. *Paldam M.* Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // *Journal of Economic Surveys*. 2000. Vol. 14. Is. 5.
8. *Nan Lin, Cook K., Burt R.S.* Social Capital: Theory and Research. Walter de Gruyter, Inc., 2001.
9. *Portes A.* Social capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. No. 24.
10. *Inomata T.* The Power and Ideology of Artistic Creation // *Current Anthropology*. 2001. Vol. 42. Is. 3.
11. *Шухирев П.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, А.В. АНДРЕЕВА, В.Г. БУРЯКОВ

Новые финансовые и маркетинговые инструменты поддержки кредитной активности российских коммерческих банков

Аннотация. Сложившаяся в настоящее время ситуация в российской экономике и банковском секторе требует изменения стратегии развития кредитных организаций на основе применения финансовых инноваций, а также новых маркетинговых технологий. Без финансовых инноваций и изменения модели регулирования сложно обеспечить устойчивость коммерческих банков и управляемую волатильность финансово-кредитному рынку. Новые инструменты обеспечат действие механизма конвертации, таким образом российские банки смогут сделать свой субординированный долг привлекательным для инвесторов. Изменение стратегии развития российских коммерческих банков должно обеспечить реконструкцию финансовой системы, стабильность развития хозяйства и функционирования финансовых институтов.

Ключевые слова: глобальная финансовая система, геополитические риски, волатильность, финансово-кредитные институты, финансовые инновации, маркетинговые технологии, долларизация, реконструкция финансовой системы, кредитоспособность.

Abstract. Present economic conditions and domestic banking sector require transformation of development strategies of credit institutions on a basis of financial innovation implication and new marketing decisions. It is difficult to provide financial stability of banks and regulated volatility on financial and credit market without financial innovation and change in a

regulation model. New instruments will provide the mechanism of conversion, thus, the Russian banks will be able to make the subordinated debt attractive to investors. Strategy change is supposed to provide some reconstruction of financial system, stability of economy and functioning of financial institutions.

Keywords: global financial system; geopolitical risks; volatility; finance and credit institutions; marketing technologies; dollarization; redesigning of financial system; creditworthiness.

Проблемы и перспективы развития российского рынка банковских услуг связаны с ограничением ликвидности, связанным с введением экономических санкций против крупнейших российских коммерческих банков и других агентов отечественного рынка. Основными рисками для российской экономики являются снижение цен на нефть при высокой зависимости национальной экономики от ее экспорта, падение курса рубля и высокая инфляция — это следует из осеннего прогноза Еврокомиссии по глобальной экономике. Экономический рост в России в последнее время снижался, поскольку сложившаяся модель роста основывалась на экспорте природных ресурсов и привлечении ликвидности с глобального рынка капиталов.

Профессор Ю.М. Осипов в своей статье «Российское перестроение как неизбежная актуальность», вышедшей еще в 2009 г., отмечал, что проводимые реформы не только не вывели страну из кризиса, но еще более усугубили «имевшуюся кризисную ситуацию, дополнив ее уже своим собственным, ею же самою порожденным, кризисом» [1, 9].

Выделенные Ю.М. Осиповым особенности развития российской экономики усугубляются усилением геополитической напряженности, оттоком капитала, рисками и санкциями, которые препятствуют развитию финансово-кредитной сферы, продуцированию новых финансовых потоков. Экономические санкции вызывают финансовые дисбалансы в российской экономике, подрывают доверие агентов к российским коммерческим банкам и тяжким бременем ложатся на финансово-кредитную и инвестиционную политику.

Российский банковский сектор, когда появились ограничения в вопросе привлечения ликвидности с глобального рынка капитала, вынужден проектировать новую стратегию развития с учетом новых маркетинговых технологий привлечения и размещения ресурсов. Поиск инструментов развития банковского сектора с учетом использования финансовых инноваций необходим для выявления и оценки рисков, принесенных расширением розничного кредитования и использованием финансовых инноваций. К инновациям можно отнести техноло-

гии и методы, применяемые с целью осуществления сделок с новыми видами финансовых активов или в виде новых операций с действующими активами, что позволяет эффективнее использовать финансовые ресурсы российских коммерческих банков.

Изменение экономической ситуации вынудило банки совершенствовать инструменты и бизнес-модели развития. Модель, которая работала в условиях растущей экономики, не подходит для периода кризиса. Отметим увеличение роли Центробанка в финансировании кредитных институтов. В системе риск-менеджмента любого банка при стресс-тестировании заложена чувствительность к изменению макрофакторов и условий внешней среды. В условиях резкого снижения нехватки внутренних источников пополнения капитала, а также ограниченных внешних источников (допэмиссия, суборды) рост активов коммерческих банков ограничивается требованиями макрорегулятора. В свою очередь, возможности докапитализации напрямую зависят от макроэкономической и геополитической ситуации. При усилении не только внешних, но и системных рисков (кредитного, риска ликвидности, валютного, процентного) совокупные активы банковской системы динамично растут. Драйверами роста в части ресурсной базы кредитных организаций стали средства, предоставляемые Центробанком, а в части активов можно выделить кредиты, выданные банками с государственным участием корпоративным клиентам.

На российском рынке банковских услуг увеличиваются объемы кредитования крупных клиентов, о чем свидетельствует рост концентрации кредитных рисков (норматив Н7), и происходит сокращение совокупной задолженности предприятий малого и среднего бизнеса. Важно отметить, что повышенный спрос на ресурсы российских компаний вызван финансовыми дисбалансами, а не улучшением делового или инвестиционного климата.

Сдерживающее влияние на экономическую активность агентов финансово-кредитного рынка оказывают специфика пореформенного кризиса в России и возросшая внешнеполитическая неопределенность, которая негативным образом влияет на реализацию концепции корпоративной идентичности российских коммерческих банков, что требует изменения маркетинговых инструментов и технологий их развития. Эти инструменты и технологии представлены в статье Л.Ю. Андреевой [2].

Важно отметить, что введение санкций в отношении отечественных банков в условиях экономической глобализации резко ограничивает их конкурентоспособность, так как неизбежно снижает их рейтинг и ухудшает их кредитную историю. Главная особенность глобальной экономики, согласно концепции Ю.М. Осипова, представленной в ста-

ть «Экономическая глобализация», состоит в «ее способности осуществлять себя как бы вне и до производительной хозяйственной реальности, иметь собственный расклад и подчинять ему собственно производительную хозяйственную реальность» [3, 272].

При этом практическое негативное воздействие обусловлено не столько официально прописанными, сколько подразумевающимися ограничениями в условиях преодоления последствий мирового экономического кризиса. Краткосрочное негативное влияние экономических санкций на развитие российских коммерческих банков проявляется в усиливающемся ограничении валютной ликвидности, что, в свою очередь, усиливает потребность в поиске новых инструментов и дополнительных источников финансирования, что в условиях санкций объективно затруднено.

Новым финансовым инструментом на российском рынке можно считать «валютное репо», который работает 12 месяцев. Это инструмент, предполагающий регулярное и предсказуемое предложение коммерческим банкам валютной ликвидности. Такая финансовая инновация призвана стабилизировать рынок, снизить «валютную панику», а также сглаживать влияние всплесков спроса на иностранную валюту в перспективе.

Вместе с тем, в условиях усиления рисков глобализации предоставление валютной ликвидности может сгладить сложившиеся дисбалансы российского финансового рынка, но, по нашему мнению, не оставит ослабление рубля, пока внешняя конъюнктура не улучшится. В связи с тем что фиксация курса доллара осуществляется на основе случайной величины в результате спекулятивных операций операторов рынка, прежде всего, самих коммерческих банков, этот курс может динамично меняться в любом направлении, двигаясь как в сторону повышения, так и снижения.

В этих условиях планировать новую стратегию развития на рынке банковских услуг достаточно сложно. Привлекая валютные ресурсы, крупные банки стремятся застраховаться от рисков финансовой неустойчивости, а также боятся потерять взятые в репо деньги. Например, если банки приобретут большое количество валюты в Центробанке и пополнят корсчета за рубежом, то может возникнуть риск блокировки этих ресурсов.

Применение этого инструмента выгодно в связи с тем, что репо нет в списке запрещенных санкциями США и Евросоюза инструментов. Под долгом на финансовом рынке понимаются облигации, кредиты, продление кредитов, гарантии по кредитам, аккредитивы, тратты, банковские акцепты, учетные векселя. Другие операции, например, кли-

ринговые в долларах или наличие корреспондентского счета в США, не запрещены.

Негативное влияние санкций на российский финансовый сектор связано с усилением рисков в финансовом секторе и развитием глубокого системного кризиса в российской экономике. Как отмечал в своей работе профессор Ю.М. Осипов, в России «имеет место не просто “филиальный” экономический кризис, занесенный извне, а самый настоящий, вполне и собственного происхождения, глубокий системный кризис, ставший фактически уже кризисом кризиса, не подлежащим в силу своей фундаментальности и сложности скорому, конъюнктурного характера, преодолению» [4, 17].

Вследствие применения санкций противоречия между основными участниками глобальной экономики обострились. В этих условиях привлечь ресурсы с глобального финансового рынка российским банкам в среднесрочный период не удастся. Ужесточение параметров денежно-кредитной политики России не компенсирует влияния негативных факторов на инфляционные ожидания, но применение инновационных финансовых продуктов в банковской сфере и динамика денежно-кредитных агрегатов создали предпосылки к снижению инфляции в среднесрочной перспективе.

Использование финансовых инноваций и изменение условий привлечения ресурсов (например, рост ставок по депозитам населения продолжился) должны стимулировать склонность к сбережению у экономических агентов, а также создавать предпосылки для перетока наличных средств на банковские вклады. Вместе с тем для снижения инфляции необходимы разработка и внедрение новых финансовых инструментов регулирования. Применяя новые финансовые инструменты и технологии, банки стремятся увеличить число качественных заемщиков, которые имеют ликвидные залоговые активы.

Регуляторы и банки в условиях ресурсных ограничений должны применять новые инструменты привлечения фондирования, изменить маркетинговые технологии и требования к надежности заемщиков. Центробанк предложил механизм конвертации субординированного долга в акции банка. Привлечение таких долгов предусмотрено «Базелем III», на который постепенно переходит российская банковская система. В условиях субординированного займа (депозита или выпуска таких облигаций) необходимы инструменты, позволяющие конвертировать этот заем в акции банка или, например, списать его. Финансовые инновации позволяют ликвидировать пробелы в нормативно-правовой базе в связи с намерением государства поддержать через Агентство по страхованию вкладов (АСВ) капитализацию 27 россий-

ских коммерческих банков через покупку их субординированного долга.

Механизм конвертации субординированного долга в обыкновенные акции необходим, если норматив достаточности базового капитала Н1.1 опускается ниже 2% или само АСВ инициирует процедуры предупреждения банкротства. Конвертация субординированного долга в акции — это антикризисная мера, обеспечивающая устойчивость коммерческого банка.

Опыт финансово-кредитного регулирования показывает, что обычно банки, привлекавшие субординированные кредиты в соответствии с требованиями «Базеля III», включали в условия кредитного договора положения о списании долга при падении капитала, а не о его конвертации. При проведении санации банка кредиторы по субординированным обязательствам могут полностью потерять свои средства. По мнению экспертов, применение инструментов возврата средств вместе с остальными кредиторами, конечно, не решает полностью возникающие проблемы для отечественных банков [5].

Обязательства перед кредиторами по субординированным долгам исполняются только после удовлетворения требований всех иных кредиторов банка, включая требования кредиторов 3-й очереди, которым удастся вернуть всего 10% вложенных средств. Права акционеров реализуются после удовлетворения требований кредиторов по субординированным инструментам.

Новые инструменты обеспечат действие механизма конвертации, следовательно, российские банки смогут выбирать этот путь, чтобы сделать свой субординированный долг более привлекательным для инвесторов. В качестве новых финансовых инструментов на российском рынке можно выделить инструмент докапитализации, например, Россельхозбанк получит от Правительства Российской Федерации через АСВ 68,5 млрд р. по программе докапитализации. Россельхозбанк включен в программу докапитализации АСВ через облигации федерального займа (ОФЗ), однако выделяемые АСВ средства являются капиталом второго уровня.

В настоящее время необходимо определить инструменты, позволяющие конвертировать ОФЗ, выданные АСВ на докапитализацию банков в капитал первого уровня. Во-первых, необходимо продлевать срок выданных на эти цели ОФЗ, которые в настоящее время являются среднесрочными инструментами, а, во-вторых, можно конвертировать эти ОФЗ в привилегированные акции, которые будут принадлежать государству. Эти ОФЗ, выданные на докапитализацию, сейчас могут учитываться в капитале второго уровня.

Механизм докапитализации российских банков через ОФЗ включает передачу 1 трлн р. из бюджета в виде облигаций через АСВ, которое выкупит субординированные обязательства вошедших в программу банков. Использование новых финансовых инструментов предполагает увеличение капитала банками на 50% от размера полученных от АСВ средств за счет собственной прибыли, расширение выдачи ипотечных кредитов и кредитов компаниям малого и среднего бизнеса по 1% в месяц и введение ограничений в течение 3 лет на увеличение размера фонда оплаты труда работников банка.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неизбежная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 5.
2. *Андреева Л.Ю.* Маркетинговые инструменты реализации концепции корпоративной идентичности // *Terra Economicus* (Экономический вестник РГУ). 2012. Т. 10. № 1.
3. *Осипов Ю.М.* Экономическая глобализация // *Философия хозяйства*. 2011. № 3.
4. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперемнная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 65.
5. *Еремينا А., Орлова Ю.* ЦБ составил правила конвертации // *Ведомости*. 2015. № 24 (3770). 12 февр. // <http://www.vedomosti.ru/news-paper/article/842741/cb-sostavil-pravila-konvertacii>.

Г.А. МАСЛОВ

Естественный отбор vs закон сохранения энергии как естественнонаучные основания экономической теории

Аннотация. Сопоставляются возможности применения законов естественного отбора и сохранения энергии в качестве метатеоретических оснований экономической теории; проводится переход от закона сохранения энергии к теории эквивалентного обмена.

Ключевые слова: социал-дарвинизм, закон сохранения энергии, справедливость, теория эквивалентного обмена

Abstract. The article compares the possibility of applying the laws of natural selection and energy conservation as a meta-theoretical foundations of economic theory. There is the transition from the energy conservation law to the theory of equivalent exchange.

Keywords: Social-Darwinism, energy conservation law, justice, theory of equivalent exchange.

Экономическая наука на современном этапе своего развития все в большей степени взаимодействует с другими областями знания на междисциплинарном уровне. Одним из ключевых вопросов при рассмотрении междисциплинарных исследований становится проблема объединения достижений различных наук. Необходимо установление принципов, сочетающих области знаний различных дисциплин и принадлежащие им категории: часто используемым становится использование «метафор», объясняющих явление одной области через явления другой.

Кроме того, теория несет в себе и идеологическую функцию, проявляемую, в том числе, в общественной («обывательской») и политической сферах, а не только в научной среде экономистов. В статье Г. Улига «Экономическая наука и реальность» [1] выделяется факт популярности теории в зависимости от политической конъюнктуры, т. е. научная теория должна быть сочетаема с общедоступным способом изложения идей, продвигаемых политиками. Теория, следовательно, является поставщиком идей, соответствующих научным критериям, которые в адаптированном виде преподносятся обществу с возможностью дальнейшего применения на практике. Риторика изложения этих идей предполагает легкость для восприятия широкими массами населения, что становится предпосылкой частого использования метода аналогии (что часто подразумевает использование «метафор») — выражения основных идей и их доказательств через более доступные общественному сознанию категории.

Междисциплинарность на все более высоком уровне научных знаний не может существовать без развития фундаментальных областей знания, затрагиваемых философией науки, методологическими дисциплинами. Как отмечается в статье Л.А. Тутова [2], одно из новых направлений, наиболее востребованных современной общественной наукой, — философия и методология экономики. Философия экономики, в частности, затрагивает проблему аналогий и «метафор», используемых в экономической науке, и, следовательно, рост внимания к философии экономики означает рост внимания и к этой теме.

Таким образом, экономическая наука имеет целый ряд предпосылок импорта достижений других дисциплин, что находит свое отражение, в частности, в использовании понятий, появившихся в другой области.

Экономическая теория, как и другие общественные науки, применяла элементы теории эволюции из биологии, причем различные эко-

номические направления выбирали свои стороны биологической эволюции в зависимости от того, насколько они согласуются с соответствующими экономическими парадигмами. Так, последователи концепций фритредерства, идей государственного невмешательства в экономику позаимствовали главным образом ключевую составляющую эволюции — естественный отбор. Следовательно, «самостоятельный ход вещей» с позиции социал-дарвинизма воспринимается как должный, поэтому и в сфере общественных экономических отношений не должно создаваться механизма, влияющего на «правильный» естественно-исторический процесс. Идея «выживает сильнейший» признается, в том числе, и с моральной точки зрения.

Социал-дарвинизм стал социологическим течением, которое представляется идеологической платформой современного мейнстрима экономической теории. Неоклассическая концепция, как и новый институционализм, использующий схожий методологический подход, исходит из идеи о первостепенности достижения Парето-оптимальности. Этот критерий эффективности подразумевает свободный обмен, осуществляющийся в условиях «чистого рынка» без вмешательства третьего регулирующего субъекта. Обмен не зависит от изначального распределения собственности, т. е. участники обмена задаются как изначально равные. Наличие этой предпосылки логично означает отсутствие целесообразности какого-либо перераспределения ресурсов. Таким образом, социал-дарвинизм, как и современный мейнстрим, имеют единую общую парадигму невмешательства. При этом экономикс доказывает правоту невмешательства, используя предпосылку, которую, применяя термины И. Лакатоса, в качестве защитного пояса ограждает от критики именно закон естественного отбора: отмеченное отсутствие исследования первоначального распределения собственности и других исходных относительно отношения обмена элементов, объясняется, в том числе, положением о ненужности регулирования, противоречащего естественному ходу вещей, происходящих в природе⁴⁹. Защитный пояс можно назвать неуязвимым в том смысле, что закон естественного отбора пришел из точной науки, и его наличие принимается как безоговорочный факт. Единственной же возможностью «подступа» к этому ядру становится исследование правомерности экстраполяции закона природы на область общественных отношений, т. е. стоит вопрос о самой возможности применять этот закон при конструировании экономических теорий.

⁴⁹ Относительно современного экономикса можно отметить историческую первичность возникновения защитного пояса по сравнению с ядром, что не нарушает характер этой взаимосвязи.

Теорией невмешательства не исключается необходимость определенных ограничений в виде институтов, обеспечивающих «нормальное функционирование рынка», и это делает размытыми границы допустимости «естественного хода эволюции», так как не дается достаточного ответа на вопрос, почему какой-то институт необходим, а какой-то уже противоречит идее невмешательства. В частности, Ф. Хайек отмечал принципиальную важность принципа обособления хозяйствующих субъектов, отсутствия вмешательства государства, но при этом необходимость поддержки рыночной инфраструктуры («Живущие ныне в условиях расширенного порядка выигрывают, когда... уважают частную собственность, выполняют заключенные договоры» [3]).

Эволюция живых организмов, происходящая в течение многомиллионного отрезка времени, с точки зрения человека выглядит бессмысленной, поскольку этот процесс не имеет никакого отношения к разумному человеческому началу. Естественный отбор в этой связи является таким же объективным природным законом как, например, законы механики И. Ньютона. Следовательно, в этом случае неприменимы оценочные суждения «хорошо—плохо», как и ко всем остальным явлениям физического мира. На определенном этапе эволюции появился вид, обладающий развитым мозгом, что обусловило возникновение разума как такового. Таким образом, материальные объекты на Земле можно разделить на неживые и живые, а последние — на разумные и неразумные.

Появление такого разделения автоматически ставит границу между законами разумного и неразумного развития. Естественный отбор является основным законом неразумного мира, будучи неразумным сам по себе. Формирование же разума у человека становится причиной осмысленности жизнедеятельности людей. Эта осмысленность является потенциалом более качественного развития общества, которое автоматически не означает отрицания следованию развития человечества как вида, на что указывал П. Кропоткин в работе «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» [4]. Появление категорий рациональности, эффективности, эстетики, нравственности обусловлено возникновением критериев, с помощью которых можно устанавливать уровни развития этих элементов. Критерии, в свою очередь, появляются при наличии целей, смыслов, т. е. при существовании разума. Законы разумной и неразумной природы находятся в разных системах координат, их сопоставление попросту невозможно. Прямолинейный перенос принципа «выживает сильнейший» из неразумного мира в разумную область человеческих отношений под предлогом следования «общим естественным законам Вселенной», по сути,

аналогичен попыткам запретить разработку и строительство летательных аппаратов, потому что существует сила притяжения, но у человека отсутствуют крылья — следовательно, человек летать не должен. Разум, выводит человека на новый уровень — уровень творца. Таким образом, человек вводит доселе отсутствующие понятия правильности происходящего в материальном мире по отношению к самому себе.

Интересно также, что социал-дарвинизм заимствует из эволюционной биологии закон естественного отбора только в контексте ненужности какого-либо вмешательства в «естественный и правильный» процесс самостоятельного развития системы. Однако признание первенства закона природы не находит своего отражения в предпосылках социал-дарвинизма со стороны экологических аспектов. Речь о необходимости бережного отношения человека к природе, к продукту этой самой эволюции. Если происходит фактический перенос закона естественного отбора в экономическую теорию, то почему-то в качестве базовой предпосылки не используется положение о том, что экономическая жизнь человека обязана быть ограничена высокими барьерами, максимально препятствующими негативному воздействию человека на природу. В современном мейнстриме экологические аспекты в лучшем случае характеризуются как бедные родственники экономической теории.

Тем не менее теоретически возможно представление неких естественнонаучных оснований «правильных» законов общества. Стоит рассмотреть закон сохранения энергии. Он является фундаментальным законом движения материального мира, своего рода главенствующим законом, — остальные выступают его частным случаем (в том числе и естественный отбор), играя, таким образом, по отношению к нему подчиненную роль. Согласно закону, любое изменение состояния материи Вселенной можно описать как передачу энергии от одного объекта к другому при сохранении общей энергии. Два взаимодействующих объекта представимы в виде единой системы с постоянной энергией. Просматривается аналогия закона сохранения энергии с позицией трудовой теории стоимости в классической политической экономии, согласно которой при одинаковом общественном количестве труда величина создаваемой стоимости остается постоянной, может лишь меняться характер ее распределения. Проявление энергии человека, процесс и результат его труда, признается частным случаем закона сохранения энергии.

Однако это признание не входит в непосредственную область экономической науки, так как в данном случае речь идет о проявлении физического закона, а не о законах общественных отношений. В статье «Вариационные принципы в механике и экономике: поиск энергетиче-

ских оснований трудовой теории стоимости» [5, гл. 8] исследуется связь закона сохранения энергии и его проявления в производстве, однако большее внимание уделяется именно производству, а не отношениям по поводу производства, включающим вопросы распределения и обмена ресурсами.

Двигаясь от естественнонаучной к экономической области, следует остановиться на философской проблеме справедливости. Справедливость является понятием, порожденным вышеуказанным свойством разума устанавливать критерии и нормы, которым должно следовать общество, поэтому оно выглядит более применимым в разумной сфере общественных отношений. Как правило, справедливость интерпретируется в роли закона соответствия между действием и его последствием (по отношению к тому, кто это действие совершил).

В отличие от неживого мира в качестве системы можно рассмотреть только один субъект для поиска проявления закона сохранения энергии (так как речь идет об общественных отношениях, отношениях между людьми, можно заменить «неживой» на «неразумный»). Ценностно оценивать передачу энергии от неразумного объекта бессмысленно, в то время как человек, осуществляя любое действие, так или иначе, ожидает последствия своего действия. В противном случае действие было бы нецелесообразным, и человек бы его не совершал. Само последствие имеет внешнюю природу и может рассматриваться как отражение действия объекта. При взаимодействии действующего человека и общества человек может быть представлен в виде системы, на выходе отдающей действие, а на входе получающей последствие. Соответствие действия и последствия может называться состоянием справедливости, дисбаланс в пользу той или другой стороны можно интерпретировать как незаслуженный выигрыш одной из сторон. Если рассмотреть действие и последствие как соизмеримые переменные с разным знаком с точки зрения одной из систем (действующий человек или «реагирующее» общество), то в состоянии справедливости итоговая сумма будет нулевой. В случае же неживых объектов, в системе из двух взаимодействующих элементов передача энергии от одного элемента соответствует полученной энергии другим элементом — при присвоении передаче/получению противоположных знаков также получается нулевая сумма.

Итак, получение/передача энергии в системе из двух неживых объектов соответствует по модулю действию/последствию в системе из одного объекта общественных отношений в состоянии справедливости. В неживом мире исследование системы из двух объектов целесообразно, во-первых, ввиду того, что обнаружить проявление закона сохранения энергии невозможно, рассмотрев меньшее число объектов.

Во-вторых, как было сказано, с ценностной точки зрения бессмысленно оценивать факт потери энергии одним из объектов. В случае же разумной среды в данном случае оправданно соотносить действие и последствие с точки зрения одного объекта. Кроме того, это соотношение производится искусственно, поэтому обнаружение принципа справедливости возможно при рассмотрении одного объекта, т. е. равнозначный «энергетический обмен» может произойти в системе только из одного элемента. Таким образом, справедливость выступает искусственно созданным аналогом закона сохранения энергии, действующим не в мире материальных объектов, а в пространстве человеческих взаимоотношений. Общество принимает закон равенства действия и последствия как должный к осуществлению, придавая «осмысленность» закону сохранения энергии.

Для экономики, пытающейся определить «правильные» законы распределения и обмена, вопрос ставится как соотношение социально полезного действия индивида для общества и тот доход, который он получит в ответ. В качестве наиболее наглядной ситуации можно рассмотреть вопрос рыночного ценообразования. Согласно вышеуказанному закону справедливости, являющемуся частным случаем закона сохранения энергии, цена в этом случае должна соответствовать величине полезного труда, затраченного на его производство.

Формирование рыночной цены обусловливается наличием изначальных ресурсов у обменивающихся агентов. В цене заключается не только приложенный для производства продукта труд, но и факт наличия определенного ресурса, закрепленного формально или неформально правами собственности. Можно выделить собственность на землю, особые созидательные способности человека, производящего блага, собственность на средства производства, наличие специфической информации, дающей дополнительное преимущество ее обладателю, другие факторы. Таким образом, в рыночной среде обмен происходит с размыванием условия равного количества труда при обмене благами, что нарушает работу закона сохранения энергии в экономической сфере. Этот процесс развивается все в большей степени, отдаляя действительность от модели совершенной конкуренции, которая наиболее близка к справедливому обмену — это явление становится причиной долгосрочной тенденции повышения роли государства в перераспределении общественного продукта.

Сложность нахождения «идеальной» точки, в которой осуществляется обмен «по справедливости», не отменяет важности постановки проблемы. На современной стадии развития экономическая система не может обеспечить автоматическое равенство участников рынка, которое могло бы соответствовать указанным требованиям справедливо-

сти, однако мейнстрим экономической теории эту проблематику, по большому счету, не затрагивает. В качестве иллюстрации можно вспомнить высказывание М. Фридмана: «Я не сторонник справедливости. Я сторонник свободы, а свобода и справедливость — это не одно и то же» [6]. По сути, это высказывание можно относительно темы данной работы интерпретировать как следование принципу закона естественного отбора в ущерб закону сохранения энергии.

Вывод, связанный с установлением справедливого условия обмена (справедливой цены), ближе всего соотносится с теорией эквивалентной экономики А. Петерса [7] и его последователей (прежде всего, Х. Дитериха). А. Петерс известен созданием «розы Петерса», которая представляет собой модель выявления количества общественно необходимого труда, т. е. долю всего общественного труда в каждом продукте и, следовательно, должную степень вознаграждения отдельного производителя того или иного продукта. Принцип подхода в том, что каждая деятельность оценивается, во-первых, с точки зрения легко измеримых затраченных ресурсов (количество часов однотипной работы — более эффективно при анализе в сфере материального производства) и, во-вторых, возможностей воспроизводимости (насколько общество может создавать другие экземпляры того или иного продукта — является неким общим знаменателем, объединяющим разнородный труд). Важно отметить, что качество обеих типов оценки тем выше, чем выше развитость информационных, счетных технологий — следовательно, это качество выше на каждом последующем историческом этапе.

Вывод подразумевает наличие противоречия между обменивающимися субъектами, связанного с тем, что в цене продуктов «заложена» уникальность ресурсов, которой обладает меньшее число производителей, что позволяет им получать доход во многом за счет факта обладанием ограниченным ресурсом, а не собственным трудом. Подход связан с отрицанием основной характеристики рынка — свободой агентов в формировании цены, так как цена формируется не из объективных условий, а из искусственных расчетов количества затраченного труда. В то же время нельзя сказать об отрицании рынка с внеисторической точки зрения — речь о рынке в своей монополизированной форме. Рынок первой половины XIX в. характеризовался господством совершенной конкуренции, где «натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A* [8, 111]», однако в условиях монополизации экономики, неравномерного изначального распределения ресурсов стоимость как затрачиваемый труд в меньшей степени отражается на ценнике в реальности. В XIX в. сложность расчетов количества труда

делала бы неоправданными попытки установления справедливой цены, так как рынок самостоятельно относительно точно устанавливал ценовые пропорции (купля/продажа рабочей силы в данном случае не рассматривается). Однако в современных условиях рынок самостоятельно формирует отдаление от принципа справедливости, которое без искусственного вмешательства и, следовательно, отрицания рынка не ликвидируется.

В то же время вывод не противоречит поведенческим аксиомам, заложенным в современном мейнстриме, что расходится с позицией, в частности, А.В. Бузгалина и А.И. Колганова [9]. При этом аксиомы и не поддерживаются. Степень их правомерности не влияет на конечный вывод, и эта проблематика не рассматривается, хотя нужно отметить, что отказ от исследования поведенческих установок означает совместимость вывода с системой, основанной на экономическом принуждении, заставляющего людей производить. Теория, согласно которой труд, превращающийся в творчество, становится благом сам по себе, а обмен происходит не только на условиях строго устанавливаемой эквивалентности товаров, не отвергается как таковая, но подразумевается, что на данном историческом этапе развития общества она не может в течение короткого периода стать основной парадигмой экономической науки по причине консерватизма общества. Эквивалентность обмена становится более операциональной установкой в краткосрочном периоде.

Сложности при разработке и реализации инструментария, позволяющего вычленивать справедливые условия обмена и распределения, абсолютно не исключают объективного существования выявленных законов. С позитивной точки зрения можно констатировать наличие факта оторванности реальных обменов от обменов «каждому по труду». Экономическая теория развивается в сторону активного использования междисциплинарных исследований, что ставит новые методологические проблемы. Поэтому необходимость поиска новых фундаментальных метатеоретических положений может стать предпосылкой перенесения и закрепления в экономической науке «моды» из других наук (в том числе естественных), что, в частности, позволит занять закону сохранения энергии свое основополагающее место в структуре экономического знания.

Литература

1. Uhlig H. Economics and Reality // NBER Working Paper. 2010. Sept. No. 16416.

2. *Тутов Л.А.* Философия и методология экономики: предметная идентификация // Экономика и управление: проблемы, решения. 2013. № 11.
3. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
4. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М., 1922.
5. *Вереникин А.О.* Вариационные принципы в механике и экономике: поиск энергетических оснований трудовой теории стоимости // «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории и преподавания. Вып. 6 / Под ред. В.Н. Черковца. М., 2013.
6. Сайт радиостанции WSB // <http://www.wsbradio.com/weblogs/nez-nuze/2011/aug/19/fairness-versus-freedom/>.
7. *Peters A.* Das Äquivalenz-Prinzip als Grundlage der Globalökonomie. Vaduz, 1996.
8. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М., 2011.
9. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. М., 2004.

3. ЗАРЕ

Исследование механизма внутренней торговли Ирана

Аннотация. Особенности внутренней торговли. Процесс развития внутренней торговли, спрос и предложение товаров. Роль внутренней торговли в воспроизводстве товаров. Взаимоотношения между производителями и потребителями товаров. Характерные особенности развития внутренней торговли Исламской Республики Иран. Потребительский рынок товаров и услуг Исламской Республики Иран. Анализ динамики производства потребительских продуктов в Исламской Республике Иран. Основные расходы и добавленная стоимость. Основные направления развития внутренней торговли Исламской Республики Иран.

Ключевые слова: внутренняя торговля, оптовая торговля, розничная торговля, потребительский рынок.

Abstract. Features internal trade. The development of domestic trade, supply and demand of goods. The role of internal trade in reproduction goods. The relationship between producers and consumers of goods. Characteristic features of the development of the internal Commerce of the Is-

Islamic Republic of Iran. The consumer market of goods and services of the Islamic Republic of Iran. The analysis of the dynamics of consumer products of the Islamic Republic of Iran. Major costs and value added. The main directions of development of the internal Commerce of the Islamic Republic of Iran.

Keywords: internal trade, wholesale trade, retail trade, consumer market.

Внутренняя торговля является частью общей торговли, которая нуждается в регулировании и выполнении определенной стратегии развития. Для развития внутренней торговли необходимы стимулирование отечественных производителей и защита интересов покупателей внутри страны. Внутренняя торговля — одна из важнейших сфер обеспечения населения необходимыми товарами. В процессе внутренней торговли осуществляется рыночное согласование между производителями товаров и покупателями этих товаров, т. е. между спросом и предложением товаров.

Действительно, внутренняя торговля играет огромную роль в осуществлении процесса расширенного воспроизводства, является активным посредником между производством и потреблением товаров. Также внутренняя торговля воздействует на производство, формирует вкусы и потребности покупателей.

Внутренняя торговля выполняет особую роль в экономике страны. Во-первых, объем оборота внутренней торговли является важнейшим показателем экономического роста страны и благосостояния населения. Во-вторых, после продажи товаров возмещаются затраты производителей и образуется основа для дальнейшего воспроизводства — таким образом внутренняя торговля обеспечивает оборот товаров и денег в стране. В-третьих, внутренняя торговля, является важным звеном распределения по труду, а также обеспечения занятости населения и снижения уровня безработицы в стране. В-четвертых, внутренняя торговля способствует рациональному обращению денег в экономике страны. В-пятых, предприятия торговли являются плательщиками налогов и поэтому участвуют в формировании государственных доходов страны. В-шестых, внутренняя торговля активно влияет на уровень потребления, определяя набор потребительских товаров, качество потребительских товаров и на способ потребления. В-седьмых, внутренняя торговля стимулирует прогресс в сфере производства и потребления товаров [1].

Трудно переоценить роль внутренней торговли в экономике страны. В структуре формирования ВВП Исламской Республики Иран на долю внутренней торговли приходится 21,5% от общего объема ВВП

страны [2]. Для сравнения — в Российской Федерации на долю внутренней торговли приходится 19% от общей доли ВВП страны.

Не менее важна роль внутренней торговли в обеспечении бюджета страны. По размеру налоговых поступлений в бюджет Исламской Республики Иран внутренняя торговля занимает 3-е место после нефтяной промышленности и сферы производства.

В Иране в сфере внутренней торговли осуществляют деятельность более 870 тыс. субъектов, занято около 4 млн человек, или 5,26% от общей численности населения. В основном это частные предприятия, малые и средние магазины розничной торговли. На долю государственного сектора в обороте розничной торговли Ирана приходится 15%.

В сфере торговли, как ни в одной другой отрасли национальной экономики, сформировалась среда с относительно высоким уровнем конкуренции. Предпринимательская и инвестиционная активность населения Ирана в этой сфере одна из самых высоких по сравнению с другими сферами национальной экономики. Необходимо отметить, что торговля, особенно в последнее десятилетие, является важной бюджетобразующей сферой экономики большинства стран мира.

Современный потребительский иранский рынок товаров и услуг отличается относительно высокой насыщенностью, соответствующей платежеспособному спросу населения страны. Динамизм объемов и структуры реализации товаров и услуг в экономике страны постепенно приобретает все более устойчивый характер. Несмотря на это, позитивные тенденции развития внутренней торговли в Иране сопровождаются рядом серьезных негативных проявлений.

После Исламской революции 1979 г., начиная с 1980 г., США и другие западные страны применяют экономические санкции в отношении Исламской Республики Иран. Экономические санкции способствовали тому, что правительство Ирана направило курс стратегического развития экономики на импортозамещение, что стало толчком для развития собственной промышленности. Если в 1980 г. внутренняя промышленность Ирана обеспечивала 65% потребностей населения в продовольственных товарах, то уже в 2012 г. — 94%. Таким образом, в период с 1980 по 2012 г. уровень самообеспеченности Ирана продовольственными товарами увеличился на 29%.

В 2012 г. товарооборот внутренней торговли Ирана составил 41,3 млрд дол. — это самый высокий показатель за его историю.

Одним из основных показателей, влияющих на развитие внутренней торговли в Иране, является высокий рост индекса потребительских цен. В период с 1995 по 2004 г. среднегодовой показатель роста индекса потребительских цен составил 19,5. Начиная с 2005 по 2013 г., в

Иране наблюдается ежегодный рост уровня потребительских цен по сравнению с предыдущим годом (табл. 1).

Таблица 1

Индекс потребительских цен Ирана по сравнению с предыдущим годом, %

1995—2004 гг. (среднегодовой показатель)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
19,5	10,4	11,9	18,4	25,4	10,8	12,4	21,5	31,9	27,2

Источник: [3].

Из таблицы 1 видно, что последние десять лет в Иране наблюдается тенденция роста индекса потребительских цен. Самый высокий показатель — в 2012 г., когда рост индекса потребительских цен составил 31,9% по сравнению с предыдущим годом.

В исследовании внутренней торговли необходимо учитывать значение неофициальной, или теневой, торговли. В Исламской Республике Иран теневая торговля имеет существенное значение в развитии внутренней торговли. Теневая торговля включает в себя не официальную торговлю и покупку товаров, а ту, которая не учитывается в официальных данных и с которой не выплачиваются налоги.

Характерной особенностью теневой торговли является то, что она не включена в официальную статистику и найти точную информацию о ее объемах весьма затруднительно.

В экономической деятельности Ирана торговля занимает важное место — ее развитию в стране уделяется особое внимание. В последние годы происходят изменения в ее структуре. Рассмотрим статистические данные о состоянии внутренней торговли Ирана и другие показатели, влияющие на изменение уровня развития внутренней торговли. В частности, данные о производстве сельскохозяйственной продукции в Иране представлены в табл. 2.

Из анализа табл. 2 следует, что если в 2010 г. в Иране было произведено 135000 тыс. т зерна, то в 2012 г. этот показатель увеличился на 11,8%, производство ячменя за это время выросло на 216 тыс. т, или на 6,0%, риса — на 424 тыс. т, или на 14,1%. Таким образом, наблюдается тенденция роста объемов производства основных сельскохозяйственных продуктов.

В таблице 3 представлены данные о вкладе сферы услуг в национальный доход Ирана в период с 2005 по 2012 г.

Таблица 2

**Производство сельскохозяйственной продукции
в Исламской Республике Иран, тыс. т**

Вид сельскохозяйственной продукции	2010 г.	2010 г.	2012 г.	2012 г.	2012 г. к 2010 г., %	
	Посевная площадь, тыс. га	Производство, тыс. т	Посевная площадь, тыс. га	Производство, тыс. т	Посевная площадь	Производство, тыс. т
Зерно	7035	135000	7035	150980	0,0	11,8
Ячмень	1584	3580	1584	3796	0,0	6,0
Рис	564	3013	564	3437	0,0	14,1
Другие зерновые	260	2145	260	2390	0,0	11,4
Хлопок	91	167	91	357	0,0	113,1
Сахарный тростник	68	5685	68	6500	0,0	14,3
Свекла	99	4096	99	4578	0,0	11,8
Масличные зерновые	256	429	256	745	0,0	73,8
Табак	10	14	10	14	0,0	0,0
Другие овощи	790	716	790	787	0,0	10,0
Картофель	146	4274	146	4656	0,0	8,9
Лук	56	1923	56	1966	0,0	2,2
Цитрусовые	289	4559	289	4986	0,0	9,4
Виноград	317	3073	317	3537	0,0	15,1
Яблоки	247	2904	247	3419	0,0	17,7
Фишки	463	347	463	358	0,0	3,1

Источник: [4, 77—78].

Анализируя табл. 3, можно увидеть, что в 2005 г. вклад внутренней торговли и ресторанов в национальный доход составил 1970,8 млн дол., или 13,5% от общего объема национального дохода, а в 2012 г. этот показатель достиг 9608,8 млн дол., или 21,7%, т. е. этот показатель вырос на 7638 млн дол., или в 3,8 раза.

Таблица 3

Вклад сферы услуг в национальный доход Ирана (2005—2012),

млн дол.

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Объем национального дохода	14650,0	18230,9	19100	23230,6	30040,0	37990,3	40250,0	42210,5
Сфера услуг	8770,5	9580,2	11200	13600,9	16100	20760,7	2296,1	27000
Внутренняя торговля и рестораны	1970,8	1940,6	2283,3	3924,2	5160	6506,6	10290	9608,8
Доля внутренней торговли и ресторанов в общем объеме нац. Дохода, %	13,5	10,6	12,0	16,9	17,2	17,1	25,4	21,7
Доля внутренней торговли и ресторанов в сфере услуг, %	22,6	20,3	20,4	29,0	22,0	31,2	44,8	35,6

Источник: [5, 393—394].

Роль внутренней торговли в повышении уровня производства можно определить, анализируя табл. 4, в которой представлены данные об объемах производства, о расходах и добавленной стоимости в сфере внутренней торговли Исламской Республики Иран с 2005 по 2012 г.

Таблица 4

Объемы производства, расходы и добавленная стоимость в сфере внутренней торговли Ирана (2005—2012), млн дол.

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Объемы производства	2290	2696	4645	6087	10200	8465	7876	12556
Объемы продаж	1090	1303	2624	3103	6312	6587	6172	7247
Расходы	366	433	742	669	1603	1839	1745	2009
Добавленная стоимость	1924	2263	3903	5115	8569	9656	6128	10547

Источник: [5, 397—398].

Из табл. 4 следует, что если в 2005 г. объемы продаж в сфере внутренней торговли Ирана составляли 2290 млн дол., то в 2012 г. этот показатель повысился на 10266 млн и составил 12556 млн дол., или рост составил 5,6 раза.

Внутренняя торговля является одной из важнейших сфер иранской экономики, в которой занято значительная часть экономически активного населения. Например, в 2012 г. в сфере внутренней торговли было занято 8,0%, при этом, необходимо отметить, что в более 93% торговых точках было занято до десяти сотрудников [5, 292].

На основе анализа статистических данных, можно сделать вывод, что уровень занятости в сфере внутренней торговли Ирана зависит от увеличения численности магазинов и торговых точек в стране.

На экономическое развитие страны влияет и повышение уровня финансовых доходов, а также объемы валового национального продукта, что в большой степени зависит от состояния внутренней торговли страны.

Регулирование и реализация государственной политики по развитию внутренней торговли направлены на защиту интересов отечественных производителей, контроль за ввозом различных видов товаров из-за рубежа, а также контроль за ценами на основные потребительские товары.

Для этого Министерство торговли Исламской Республики Иран предпринимает все необходимые меры. Например, в 2012 г. внутренний рынок был обеспечен такими первостепенными товарами, как зерно и мука, рис, сахар и растительное масло (в общем объеме 9,2 млн т — по сравнению с 2011 г. увеличение на 5,4%).

Исходя из анализа проблем, стоящих перед сектором торговли в Исламской Республике Иран, можно сформулировать семь ключевых задач.

Необходимо: 1) повысить эффективность регулирования сектора торговли; 2) развить инфраструктуру торговли; 3) стимулировать развитие торговли в малых и отдаленных населенных пунктах; 4) снизить кадровый дефицит в торговле; 5) обеспечить необходимый уровень конкуренции; 6) поддержать развитие малого и среднего бизнеса без ограничения развития сетей; 7) стимулировать развитие удаленных каналов продаж.

Для определения сценариев развития торговли использовались разработки Министерства экономического развития Исламской Республики Иран, а также прогноз на 2012 — 2020 гг., следующий из Концепции долгосрочного социально-экономического развития Исламской Республики Иран на период до 2020 г. Построенная прогнозная модель базируется на исходных данных, основанных на трех сценариях развития экономики Ирана — инерционном, энерго-сырьевом и инновационном.

Одним из направлений развития розничной торговли является обеспечение необходимой информацией торговых предприятий, действующих в сфере внутренней торговли. Такая информация состоит из данных о состоянии спроса и предложения во внутренней торговле, статистических данных, связанных с внутренней торговлей в стране, информации об изменениях в законе о внутренней торговле, информации об условиях инвестирования организаций и предприятий, действующих в сфере внутренней торговли, информации о поставщиках товаров, а также об оптовых торговых предприятиях, информации о государственных ценах на основные продовольственные товары, информации о выставках и оптовых рынках, где производители и оптовые торговые организации предлагают различные виды продовольственных товаров.

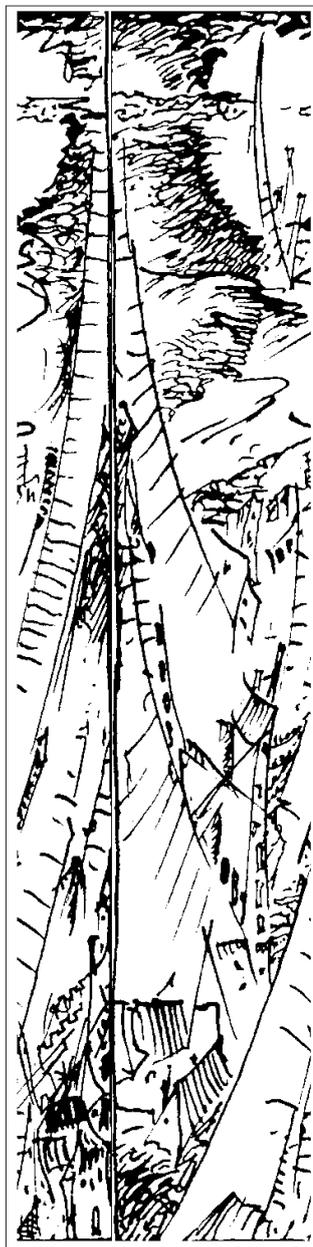
Другим направлением развития розничной торговли является расширение спектра услуг, предоставляемых Министерством торговли Ирана, организациям, действующим в сфере внутренней торговли. В частности — организация семинаров по развитию торговли и повышению конкурентоспособности различных торговых организаций, организация участия представителей розничных торговых организаций в выставках производителей продовольственных товаров, организация взаимодействия между розничными торговыми предприятиями, защита интересов розничных торговых предприятий, предоставление транспортных услуг, содействие в обеспечении складов, холодильников и хранилищ для продовольственных товаров, содействие проведению исследований рынка, содействие в поиске торговых партнеров, предоставление консультационных услуг, связанных с внутренней торговлей и изменениями в законе о торговле, услуг по переводу торговых брендов, способов потребления иностранных продовольственных товаров.

Литература

1. *Явари К., Табари Н. А. Я.* Изучение отношений между торговой политикой и экономическим ростом. Дис. ... д-ра наук. Университет Тарбият Модарес, факультет гуманитарных наук, 2004 г.
2. Отчет Министерства экономического развития Исламской Республики Иран. Тегеран, 2012.
3. Отчет Министерства экономического развития Исламской Республики Иран. Тегеран, 2014.
4. Статистический ежегодник Исламской Республики Иран. Тегеран, 2013.
5. Статистический центр Исламской Республики Иран. Тегеран, 2013.

IV

РОССИЙСКИЙ АНТИКРИЗИС

А.И. КОЛГАНОВ

**От альтернативных средств выхода из кризиса — к поиску
альтернативных целей**

Аннотация. Процесс поиска средств выхода из современного экономического кризиса показывает, что в российском обществе нет согласия по этому вопросу. Особенно показательным является нежелание части российской элиты использовать для решения острых экономических проблем инструменты, уже успешно применявшиеся в мировой экономической практике. Можно предположить: такие разногласия свидетельствуют о том, что в обществе в целом, и среди элиты, в частности, нет общих позиций не только относительно средств выхода из кризиса, но и относительно целей, которые при этом ставятся. Отсутствие общности в понимании стратегических целей развития России свидетельствует о том, что ещё далеко не завершён процесс консолидации нашего народа как нации. Но можем ли мы в решении этого вопроса слепо копировать путь буржуазных наций европейского мира? Буржуазная цивилизация, при всех ее несомненных достижениях, постепенно движется в тупик. Поэтому мы для себя должны определиться с выбором такой стратегии развития, которая позволяла бы нам смотреть в будущее поверх барьеров буржуазного общества.

Ключевые слова: Россия, кризис, стратегия развития, нация.

Abstract. The process of the search of the means for overcoming contemporary economic crisis shows us, that in the Russian society there is no concord on that. The reluctance of the part of the Russian elite to use the instruments successfully implemented in the world practice for the solution of the acute economic problems is extremely demonstrative. It's possible to suggest: such controversy indicates that in the society as a whole, and among the elite, in particularly, there are no common positions not only on the means for overcoming crisis, but also on the goals which are setting meanwhile. The absence of the consent in the understanding of the strategic goals of the development of Russia indicates that the process of the consolidation of our people as a nation is far from the completion. But, if we can in the solution of this problem blindly imitate the way of bourgeois nations of European world? Bourgeois civilization with all its unquestionable achievements is moving, step by step, to the dead end. Therefore we must for ourselves to decide on the choose of such a development strategy, which make us possible to look in the future over the barriers of the bourgeois society.

Keywords: Russia, crisis, strategy of development, nation.

Большинство тех, кто обсуждает тему нынешнего экономического кризиса в России, концентрируют внимание на средствах выхода из кризиса. Однако раздаются голоса и тех, кто вполне резонно ставит вопрос: а куда мы, собственно, из этого кризиса собираемся выходить? Ведь без ответа на этот вопрос и со средствами выхода из кризиса определиться довольно сложно.

Разумеется, есть определенные экономические закономерности, которые действуют независимо от того, куда мы хотим двигаться. Есть опыт борьбы с кризисными процессами, достаточно наглядно демонстрирующий, какие рецепты и в каких условиях оказываются не годны, и какие имеются средства преодоления существующих проблем, действенность которых уже проверена мировой экономической практикой. Но когда мы застаем ситуацию, в которой наш правящий класс эти средства применять не хочет, возникает вопрос — почему?

Проблема, видимо, в том, что наш правящий класс в этом вопросе не консолидирован. Для многих ситуация кризиса не является болезненной. Для других оказывается неприемлем тот путь выхода из кризиса, который предлагается здесь, с университетских трибун, да и не только с университетских. Например, С.Ю. Глазьев у нас не последняя фигура на нашем политическом Олимпе, и имеет весьма значимый официальный статус — но его ведь не слушают. Точно так же, как не слушали нашего бывшего министра экономического развития А.Р. Белоусова. В результате он, в конце концов, ушел с этого поста. Ушел также и его заместитель, которого мы тоже хорошо знаем по совместной учебе.

Почему же наш правящий класс занимает столь странную позицию? И почему наш народ, в общем-то, довольно пассивно относится к сложившейся ситуации? Это вопросы очень серьезные. Так чем же определяется специфика нынешней ситуации? Надо сознаться себе, что не только наш правящий класс, но и наша нация не консолидирована. Больше того, я рискну утверждать, что русский народ, как нация еще не сложился. Он не успел сложиться в XIX — начале XX в. как буржуазная нация, подобная нациям Европы. После 1917 г. из него пытались сформировать некую новую общность и продвинулись по этому пути достаточно далеко — но опять-таки недостаточно далеко для того, чтобы эта общность оказалась прочной. Она рассыпалась на рубеже 1980-х и 1990-х гг. И теперь то, что осталось на обломках Советского Союза, пытается пройти путь консолидации в традиционные буржуазные нации по образцу Европы.

Вот эта незавершенность процесса национальной консолидации проявила себя во всплеске национализма на постсоветском пространстве, в том числе и в России. Давно созревший и разразившийся в прошлом году острый кризис на Украине данную проблему заострил и обнажил, но пока отнюдь не способствовал ее разрешению. Дело обстоит очень серьезно: почему народы, связанные общностью происхождения, начинают враждовать друг с другом? Можно, конечно, сослаться на внешнее влияние. Оно, конечно, имеет серьезное значение. Но ведь бывают периоды, когда внешним силам удается поссорить между собой народы, а бывает, что, несмотря на все усилия, это внешнее влияние не получает отклика.

Хотя Россия — не Европа, но российский народ все равно пытается стать нацией, пытается в период кризиса — экономического, политического, культурного, этнического и т. д. И Украина, украинский народ (как и другие народы на постсоветском пространстве), точно так же пытается стать нацией — отдельной от русской. Отсюда проистекает и такая острота конфликта: они хотят быть самостоятельной нацией — не русской, а украинской. А в чем причина? Причина банальная: мы разделились политически, а вслед за тем и экономически. У нас разные национальные рынки. На этой основе укрепляется стремление развести еще дальше в стороны национальную культуру, национальные языки, так же как и национальные хозяйственные комплексы. Украина — точнее, украинская буржуазия — хочет опираться на свой национальный рынок, а не на некое единое экономическое пространство, которое существовало когда-то во времена СССР. В этом — глубокий корень нынешних кризисов, и корень, к сожалению, при нынешних условиях неустрашимый.

Но оставим Украину, она свой кризис будет переживать сама, — а что делать нам? К счастью, наше государство пытается искать свою национальную идентичность не на пути моноэтнического шовинизма, как это сделал украинский правящий класс, придя в итоге к обломкам «единой Украины». Я думаю, что сложившаяся ситуация заставит нас пройти путь национальной консолидации. Не в том смысле, что единство Русского мира отменяет классовые противоречия или этнокультурные различия, — нет, совсем не в этом смысле. Любая нация пронизана внутренними социальными конфликтами — классовыми, культурными и др. Но тем не менее она представляет собой единую нацию. Почему? Потому что в нации конфликтующие стороны взаимосвязаны, и они эту взаимную зависимость осознают, несмотря на конфликты. Это значит, что конфликтующие стороны рассматривают национальную рамку, национальное поле, как такое поле, на котором они не только враждуют, но и договариваются — потому что не договарива-

ясь существовать вместе невозможно. Вот такую внутреннюю договороспособность России, вероятно, и предстоит выработать для того, чтобы мы, наконец, стали достаточно крепким историческим субъектом.

Этнокультурные проблемы, при всей их остроте, Россия сумела смягчить, и пусть не преодолеть полностью, но хотя бы найти на этом пути некоторые разумные компромиссы. Сложнее обстоит дело с социально-экономическими противоречиями, а ведь именно от выбора способа их разрешения зависит и вектор нашего движения в будущее.

Экономический кризис, в котором Россия находится уже длительное время, несмотря на кратковременные периоды подъема (благодаря высоким нефтяным ценам), отнюдь не способствует решению этого вопроса — вопроса о том, кто мы такие, вопроса о нашей самоидентичности. И кризис не способствует решению, потому что он мешает понимать того, в каком направлении надо двигаться. Проблемы краткосрочные, проблемы злобы дня, в этой ситуации превалируют над стратегическими. Когда «довлеет дневи злоба его», мало кто думает о будущем. А между тем из настоящего в будущее можно выйти только тогда, когда мы об этом будущем имеем какое-то представление. Иначе мы из настоящего будем выползать не в будущее, а в настоящее же, только иное, а не то, не дай бог, еще и в прошлое. Еще хуже, если мы одной ногой будем ползти в «иное настоящее», а другой ногой — в «иное прошлое». Ничего хорошего из этого не выйдет. А о будущем почему-то мы думаем мало.

Конечно, всякие там «проекты Россия» у нас публикуются, печатаются и обсуждаются, всплывают идеи об «энергетической сверхдержаве», о конвертируемом рубле как мировой резервной валюте и т. д. Но ведь не в этом-то вопрос для общества. То, что у нас много энергетических ресурсов, вовсе не делает нас энергетической сверхдержавой. И тот факт, что мы в принципе можем менять свои энергетические ресурсы на рубли, вовсе не делает рубль мировой резервной валютой. Думаю, что Россия как нация должна опереться на что-то другое.

И вот здесь неизбежно встает вопрос о том, что нам нужны стратегические цели — как обществу, как нации, как Русскому миру. По этому поводу мне часто вспоминается фраза: «Кораблю, который не знает, куда плыть, никакой ветер не будет попутным». Должен подчеркнуть, что такие стратегические цели, вероятно, должны формулироваться не в терминах экономической эффективности, а в совсем других терминах. Ведь то, что формулируется в терминах экономической эффективности — всего лишь средства извлекать прибыль. Вот на этом, кстати говоря, основана мина, заложенная под Западный мир. Они средство превратили в цель, и сами себя загнали в порочный круг:

больше, больше, больше добыть денег, чтобы потратить, а затем добыть еще больше, чтобы снова потратить... И все усилия, все ресурсы — на это. Когда у нас некоторые говорят, что они там скоро рухнут, что вот-вот вся их финансовая система завалится, то это, конечно, крайне преждевременное заявление. Но то, что мина под них заложена — это факт. Вот как бы нам под себя такую мину не заложить, потому что нам она будет угрожать сильнее, чем им, хотя бы по той банальной причине, что они экономически богаче.

Так в какую же сторону нам развернуться? Вопрос состоит не в том, чтобы придумать цель. Цель можно только открыть, найти в самих себе то, чего мы можем достичь, и к этому стремиться. И осмыслить эти цели нужно достаточно сложным образом. Почему сложным? Потому что мы не можем просто провозгласить какие-то духовные императивы в отрыве от производства, технологии, образования, науки, экологического равновесия и т. д. Это все сплетено. Это не может существовать в отрыве друг от друга.

Нам нужен очень комплексный, очень системный взгляд на те цели, которые мы можем себе поставить. И эти цели, кстати сказать, мы не можем сформулировать, ориентируясь только на свои национальные традиции — потому что мы живем в мире, этот мир движется, и игнорировать этот мир и его движение мы не можем. Если бы мы так поступали в российской истории, Россия бы просто не выжила. Мы за последние триста лет очень много наломали дров в подражании Западу. Очень много! Но если бы мы оттуда не заимствовали то или иное, то мы просто не существовали бы сейчас, как государство. Поэтому о судьбе России и о нашей целевой функции надо думать и в мировом контексте тоже.

Отвечая на вопросы о том, куда же нам двигаться, с какой целью мы живем и можно ли как-то откеститься от утверждения, что «все там будем», а поэтому и напрягаться не стоит, следует заметить, что впервые в мировой экономике за многие тысячелетия ее существования появляются такие тенденции, которые позволяют с надеждой смотреть в будущее. Слабенькие, очень слабенькие, едва заметные росточки — но они появляются. Речь идет о том, что даже в рыночной экономике, в среде, пропитанной идеологией чистогана, возникают и растут тенденции к добровольному бесплатному сотрудничеству людей в ходе их деятельности. Я не буду здесь подробно анализировать эти тенденции, но растущее вовлечение десятков миллионов людей по всей планете (и у нас тоже) в эти сети добровольного сотрудничества — факт, который уже становится предметом анализа экономической теории.

Именно такие тенденции внушают некоторую надежду — когда целью человека становится не прибыль, не богатство (в денежной или материальной форме), а он сам. Когда целью существования человека становится сам человек. Когда человек работает не ради чего-то, и живет не ради чего-то, а ради самого себя и таких же людей вокруг. Когда я говорю — «ради самого себя», я не имею в виду привычное понимание, при котором человек сводится лишь к накоплению того материального достатка, который может под себя подмять. Я имею в виду человека во всей его целостности, во всем богатстве его жизненных проявлений, а не то богатство, которое существует отдельно от человека и которому он подчиняет свою жизнь.

Основанная на этом идеология, основанная на этом экономика могут стать опорой нашего будущего — если мы сами этого захотим.

В какой степени можно рассчитывать на такой исход? Наше общество не едино, и немалое число из нас отнюдь не горит желанием перемен, ведущих к лучшему будущему — они и в настоящем хорошо устроились, а до проблем остальных им дела нет. Но одновременно множество людей так или иначе работают на будущее — пусть и не имея каких-то амбициозных замыслов и не строя долгосрочных планов. Но они работают, и благодаря им до сих пор живет Россия. Я не рассчитываю сейчас на какие-то резкие повороты к лучшему — к сожалению, потому что менять в нашем обществе надо многое и достаточно глубоко. Однако крутые повороты хороши только тогда, когда они опираются на ясно выраженную волю большинства и на понимание этим большинством, куда и как мы будем двигать страну дальше. А без такого понимания попытки переворотов способны нанести только вред. Поэтому на ближайшую перспективу я предвижу лишь медленную и упорную работу по постепенному улучшению нашего настоящего — и по осознанию того, какого будущего для себя мы все-таки хотим, и какой ценой.

П.В. ПАВЛОВ

Контуры антикризисной экономики России

Аннотация. Статья посвящена решению задачи инновационной перестройки экономики России путем инвестиций в наукоемкие отрасли и активного применения льготных экономических механизмов. С помощью экономико-статистических и экспертных методов проанализированы различные аспекты инновационной деятельности в веду-

щих экономиках мира, определена необходимость постоянного повышения роли НИОКР, а также стимулирования международной научно-технической кооперации для более успешного позиционирования страны в мировой торговле. Сделан вывод о том, что устойчивое повышение наукоемкости производства и экспорта является важнейшим залогом обретения лидерства в процессах международной торговли. Одним из направлений реализации этой задачи является развитие особых экономических зон, позволяющее создавать цепочки добавленной стоимости, разрабатывать и производить трансферт прогрессивных нововведений и их массовое тиражирование, соединять заимствованные зарубежные технологии с отечественными.

Ключевые слова: кризис, мировая торговля, БРИКС, международная кооперация, конкурентоспособность, инновационная экономика, инвестиционная привлекательность, цепочки добавленной стоимости, трансферт технологий, предпочтения, особая экономическая зона.

Abstract. In this article author determines the goals of innovation economy progress in Russia by investments in science intensive trades and using preferential economics rates. Using the economic-statistical and expert methods in the present work, various aspects of innovative activity in the leading economies of the world are analyzed. The need for continuous improvement of the R&D role is determined. The necessity of the international scientific and technological cooperation for better positioning of the country in the world trade is ascertained. The growth of innovative production and export is the major component in the process of world trade leadership — one of the main conclusion of this article. The author suggests as one of the methods of using special economic zones (SEZ) activity for creation the global value chains, transfer progressive innovations in economy of our country, combine foreign and domestic technologies.

Keywords: crisis, World commerce, BRICS, international cooperation, competitiveness, innovation economy, investment attractiveness, global value chains, technologies transfer, preference, Special economic zone.

Современное волатильное состояние мировой экономической системы на фоне международных изоляционных процессов выступает мощным стимулом к посткризисному развитию России с ориентацией на качественную перестройку всей структуры хозяйствования. Особое значение в контексте вынужденной антикризисной отраслевой переориентации экономики, повышения глобальной конкурентоспособности российского народного хозяйства и отвоевания лидирующих позиций у зарубежной продукции на внутреннем рынке имеет трансформация товарно-сырьевой модели к модели инновационного промышленного развития. Для России данная модель развития имеет особое зна-

чение в связи с масштабным системным кризисом в экономике и снижением удельного веса промышленного производства структуре ВВП.

Современной тенденцией развития мирового разделения труда является все большее включение отраслей обрабатывающей промышленности (прежде всего машиностроения) в развитие международной производственной кооперации (МПК), учитывая многономенклатурный характер этих отраслей и жесткую конкуренцию в сфере высоких технологий. Следует отметить, что в России промышленная кооперация не получила такого широкого развития, как в странах с развитой рыночной экономикой. Современный машиностроительный комплекс России создает сейчас меньше 3% ВВП, в то время как нефтегазовый комплекс и сырьевые отрасли экономики — около 28—30% ВВП. В подтверждение последнего отметим, что основу российского экспорта в январе—июне 2014 г. в страны дальнего зарубежья составили топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 75,1% (в январе—июне 2013 г. — 75,0%). Доля экспорта машин и оборудования в январе—июне 2014 г. составила 3,0% (в январе—июне 2013 г. — 3,6%). Стоимостной объем экспорта данной товарной группы снизился — на 16,6% [1; 2]. Ввиду того, что основная часть экспортируемой современной Россией продукции представляет собой сырье и полуфабрикаты, происходит существенная потеря потенциальной добавленной стоимости.

В структуре российского промышленного производства удельный вес машиностроения составляет менее 20%, тогда как пороговые значения экономической безопасности — 30%. Следует сказать, что в экономически развитых странах доля машиностроения достигает 35—50% (в США — 46%, Германии — 54%). В КНР этот показатель сейчас составляет 40% (как и в СССР в 1990 г.). По данным независимых экспертов, в России закрыто более 70 тыс. промышленных предприятий, и фактически перестали существовать такие отрасли машиностроения, как станкостроение, авиастроение, судостроение, сельскохозяйственное машиностроение и ряд других. Сейчас не более 50 отечественных машиностроительных компаний (и только для сравнительно узких сегментов мирового рынка) способны выпускать конкурентоспособную продукцию [3].

В России с формирующимся рынком все больше внимания надо уделять не столько поддержке экспорта (он, конечно, важен и даже может расти), сколько улучшению условий для предпринимательской деятельности безотносительно к тому, на какие рынки она направлена. Более того, с ростом благосостояния страны ее внутренний рынок становится не менее, а более важным для ее роста, чем экспортные рынки

других стран. Согласно рейтингу конкурентоспособности стран мира 2014—2015 гг. (всего было оценено 144 страны), Россия находится далеко от десятки лидеров (Швейцария, Сингапур, США, Финляндия, Германия, Япония, Гонконг, Нидерланды, Великобритания, Швеция) и занимает 53-е место (64-е в рейтинге 2013—2014 гг.) [4; 5]. Основные факторы, сдерживающие экономику России, это коррупция, высокие налоговые ставки, затрудненный доступ к финансированию, сложные налоговые правила, бюрократия, высокая инфляция, низкий уровень образования сотрудников, неразвитая инфраструктура и низкий инновационный потенциал.

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что устойчивой и прогрессирующей может быть та экономика, которая порядка 70% внутреннего спроса удовлетворяет за счет производства предприятий отечественной отрасли машиностроения, в которую включены подотрасли тяжелого и среднего машиностроения: судостроение, сельскохозяйственное, химическое, лесопромышленное, строительное и коммунальное машиностроение, станкостроение, авиационная и автомобильная промышленность. На сегодня при несопоставимой разнице стартовых условий зарубежных и российских производителей доля продукции отечественной отрасли машиностроения на российском рынке не превышает 20%. В товарной структуре импорта из стран дальнего зарубежья на долю машин и оборудования в январе—июне 2014 г. приходилось 51,1% (в январе—июне 2013 г. — 50,8%). По данным Союза машиностроителей России, импортные поставки продукции машиностроения для нужд экономики на начало 2014 г. составили: по бульдозерам, трубоукладчикам и экскаваторам — 78%, коммунальной технике — 93, лесозаготовительной технике — 74, колесным тракторам малого и среднего класса — 91, комбайнам — 50, по навесному оборудованию для сельского хозяйства — 85, гражданской авиатехнике — 92% [6].

Является ли это глобальной тенденцией развивающихся стран? Нет. В доказательство этого партнер России по БРИКС Бразилия добилась значительных успехов в гражданском и военном авиастроении, а ее аэрокосмическая компания «Embraer» оспаривает 3-е место в мире по производству гражданских самолетов с канадской «Bombardier», уступая лишь компаниям «Boeing» и «Airbus». Ранее это место занимал Советский Союз, где в год производилось свыше 150 магистральных, региональных и грузовых самолетов и 300 вертолетов гражданского назначения, более 620 самолетов и 390 вертолетов военного назначения (в современной России производство военных самолетов сократилось в 17 раз, боевых вертолетов — в 5 раз, а гражданской авиатехники — в 15 раз) [7, 15—16]. Подобная ситуация сохраняется в

большинстве российских подотраслей машиностроения. Данные показатели являются фактическим приговором для российских производителей техники.

Одним из наиболее эффективных путей решения данных проблем является усиление кооперационного сотрудничества с иностранными фирмами, имеющими высокий инвестиционный и инновационный потенциал. Наиболее конкурентоспособные страны имеют высокую степень адаптации своих экономик к конъюнктуре мирового спроса и оптимальную национальную специализацию, сосредоточивая материальные и финансовые средства в направлениях, обеспечивающих наивысшую результативность производства. Выгоды от кооперационного сотрудничества участников международной кооперации при этом обуславливаются рентабельностью создаваемого производства. Сегодня важно включиться в глобальные цепочки добавленной стоимости (global value chains), повысить долю добавленной стоимости, создаваемой национальными компаниями, и конкурентоспособность продукции, в том числе за счет размещения иностранных производств в России и использования импортных комплектующих и технологий из стран, в торгово-политическом отношении с которыми у России остается преференциальный режим. В этом случае необходимо перейти от защиты отечественного производителя, находящегося на территории страны, к защите отечественных транснациональных производителей, обеспечению их интересов на всех стадиях глобальной цепочки добавленной стоимости. Это означает, что пограничные и внутренние барьеры, контроль за технологиями и охрана интеллектуальной собственности, конкуренция и доступ на рынки других стран, входящих в эти глобальные цепочки, становятся важными инструментами продвижения и повышения конкурентоспособности отечественных компаний. Национальный протекционизм превращается в протекционизм своих глобальных цепочек создания стоимости [8]. Особую важность данный вопрос приобретает во время применения санкций со стороны западных государств к России.

В условиях перехода к VI технологическому укладу роль наукоемкой промышленности и НИОКР в целом становится важнейшим фактором завоевания лидерских позиций в мирохозяйственной системе. Одними из ключевых показателей, отражающих роль науки и инноваций в системе международных экономических отношений страны, являются объем экспорта высокотехнологичной продукции и его доля в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности государства (табл. 1).

Таблица 1

Экспорт высокотехнологичной продукции по странам (2011)

Страна	Объем экспорта высокотехнологичной продукции, млрд дол.	Доля в мировом хай-тек экспорте, %	Доля данной категории экспорта в величине объема экспорта обрабатывающей промышленности страны, %
КНР	457,1	23,7	25,81
Германия	183,4	9,5	14,96
США	145,3	7,5	18,09
Япония	126,5	6,6	17,46
Сингапур	126,4	6,5	45,16
Южная Корея	122	6,3	25,72
Франция	105,1	5,4	23,75
Великобритания	68,9	3,6	21,31
Нидерланды	67,1	3,5	19,81
Малайзия	61,1	3,2	43,39

Источник: по материалам [9; 10].

Тенденцией развития мирового хозяйства становится переформатирование внутренней структуры экономики ключевых развивающихся рынков, включая усиление позиций обрабатывающей промышленности, наукоемких отраслей, увеличение расходов на НИОКР в структуре ВВП.

В целом наиболее динамичными экономиками по показателям увеличения затрат на НИОКР и возрастания количества научных работников на сегодняшний день являются КНР, Южная Корея, Бразилия и Индия. Один из наиболее показательных примеров поддержки и комплексного развития НИОКР среди развивающихся рынков, а также в целом среди национальных экономик — Китай, чьи затраты на НИОКР в 2001—2011 гг. увеличивались в среднем на 20,6% ежегодно, в то же время совокупные затраты на НИОКР при ежегодном среднем росте на 6,7% в мире возросли в 1,86 раз, достигнув объема 1,4 трлн дол. Так, с середины 1990-х гг. количество научных работников в КНР увеличилось более чем в 3 раза [11].

Что касается ранжирования государств по затратам на НИОКР в процентах от ВВП (табл. 2), необходимо выделить три региона-лидера:

Израиль, Северную Европу (Финляндия, Швеция) и Восточную Азию (Южная Корея, Япония).

Таблица 2

Затраты на НИОКР стран мира в абсолютной величине и процентом отношении от ВВП (2011)

Страна	Затраты на НИОКР, млрд дол.	% от ВВП по ППС
США	405,3	2,7
КНР	251,8	1,84
Япония	160,3	3,67
ФРГ	69,5	2,3
Южная Корея	55,8	3,74
Франция	42,2	1,9
Великобритания	38,4	1,7
Индия	36,1	0,9
Канада	24,3	1,8
Россия	23,8	1

Источник: [12].

Что касается доли ведущих геоэкономических лидеров в мировых затратах на НИОКР и абсолютной величине затрат на НИОКР первенство США по-прежнему остается значительным (табл. 3).

Таблица 3

Совокупная величина затрат на НИОКР ведущих инновационных центров мировой экономики в 2014 г., млрд дол.

Страна	Затраты на НИОКР
США	465
Китай	284
Япония	165
ФРГ	92
Южная Корея	63
Франция	52
Великобритания	44
Индия	44
Россия	40
Бразилия	33

Источник: по материалам 2014 Global Funding R&D Forecast. Battelle. The Business of Innovation. December, 2013 [13].

Отличительной чертой современной динамики затрат на НИОКР является не только переформатирование группы лидеров в сторону все большей представительности стран Восточной Азии, но и серьезный отрыв лидирующей группы ведущих высокотехнологичных экономик. Так, например, лидирующая тройка концентрирует 58% совокупных затрат на НИОКР, а пятерка экономик-лидеров формирует более двух третей от общих расходов мировой экономики на НИОКР. Мировой тенденцией сегодня является очевидное усиление влияния стран БРИКС в развитии мировой экономики в целом и мировой торговли в частности.

Британский центр экономических и деловых исследований (Centre for Economics and Business Research — СЕВР) в декабре 2013 г. опубликовал прогноз экономического развития ведущих стран мира до 2030 г. Согласно ему, к 2022 г. Китай обгонит США и станет крупнейшей экономикой в мире. К 2028 г. Индия станет третьей по величине экономикой мира, обогнав при этом Японию. Бразилия обгонит Великобританию и Германию и станет пятой по величине экономикой мира. Россия к 2028 г. останется на 8-м месте в рейтинге крупнейших экономик с ВВП в размере 4,1 трлн дол. [14].

Несмотря на относительную сопоставимость промышленных потенциалов стран БРИКС, наметилась тенденция по отставанию России от остальных стран—участниц группы в производстве и экспорте наукоемкой продукции. Имея значительный образовательный и научно-технический потенциал, отставание России в сфере НИОКР очевидно не только по отношению к развитым, но и ключевым развивающимся странам. На сегодня в затратах на НИОКР на душу населения Россия уступает развитым странам в 5 раз (100 дол. к 500 дол. на душу населения). По итогам 2012 г., расходы РФ на НИОКР составили 1,68% к ВВП (расходы нашей страны в 1990 г. составляли 5% к ВВП — абсолютно лучший показатель в мире; на сегодня лучший показатель у Израиля — 4,2% к ВВП), а численность работников в образовательной и научно-исследовательской сферах в России сократилась по сравнению с 2000 г. на 18%, а в сравнении с 1990 г. уменьшилась в 2 раза. В современных условиях лишь около 9% отечественных предприятий осуществляют инновационную деятельность, в то время как в бывших странах—членах СЭВ — от 20 до 30%, в странах Западной Европы — от 40 до 50%, а в Советском Союзе было 50%. При этом доля принципиально новой инновационной продукции на данный момент составляет лишь 0,8% (в Польше — 4,5%, в ФРГ — 33%) [15].

Важнейшее значение в рамках борьбы за демпфирование вышеуказанных негативных тенденций и трансформацию векторов развития российских наукоемких отраслей имеет выполнение государственной

программы «Развитие науки и технологий» на 2013—2030 гг., в рамках которой уже к 2020 г. предполагаются возрастание затрат на НИОКР в размере 3% от ВВП, увеличение числа работников НИОКР на 6,3, исследователей — на 14,7%.

Среди важнейших мер, направленных на усиление наукоемкости российской экономики, можно выделить следующие:

- разработка и внедрение новых технологий;
- развитие индустриальных парков, технополисов и наукоградов, ориентированных на разработку, производство и экспорт несырьевой продукции, а также на импортозамещение;
- формирование стабильного пополнения высокотехнологичных производств молодыми кадрами;
- предоставление серьезных налоговых льгот инновационным предприятиям;
- налаживание взаимодействия фундаментальной и прикладной науки с системой производства продукции реального сектора экономики и др.

Инновационная направленность бизнеса должна стать основополагающей в деятельности большинства российских производств. Именно промышленная политика, основанная на инновациях, способна привести к освоению достижений технологического прогресса и качественному прорыву отечественной экономики. Очевидность безальтернативности стратегии инновационного обновления промышленного производства требует более пристального внимания к инвестиционным процессам и их инновационной составляющей.

В этих условиях новое содержание может получить промышленная политика. Но теперь это не «назначение чемпионов» и не перераспределение бюджетных ресурсов в пользу отдельных предприятий и секторов, а создание институциональных условий, благоприятных для развития новых секторов экономики. Особое значение имеет предоставление различных видов льготных режимов для национальных производителей в данной сфере. В первую очередь, речь идет о предоставлении режима льготного налогообложения компаниям и предприятиям, а также целым научно-промышленным кластерам, занятым в сфере НИОКР. Так, в китайском Харбине подобные предприятия освобождаются от уплаты НДС на три года с момента аккредитации предприятия, а еще на три — предусмотрен льготный 50-типроцентный сбор НДС [16]. Кроме того, ряд отраслей-экспортеров пользуется режимом полного возврата НДС со стороны государства. К таковым относятся авиационная и аэрокосмическая отрасли, электротехническое машиностроение, приборостроение и т. д. По мере укрепления самообеспеченности Китая машиностроительной продукцией

укрепляется протекционизм, направленный на импортозамещение и основанный на методах, применимых в ВТО (в том числе и мерах нетарифного регулирования).

Такие инструменты представляют особые экономические зоны (ОЭЗ), которые продолжают оставаться одним из драйверов развития китайской науки и технологического потенциала. Мировая практика показала, что эффективная организация деятельности ОЭЗ способна не только дать толчок в развитии экономики страны, но и вывести ее в мировые лидеры. Несмотря на вступление Китая в ВТО, приведшего к установлению единой ставки налога на прибыль для всех компаний вне зависимости от их национальной принадлежности с 2013 г., многие ОЭЗ сохранили льготные условия. Среди основных видов ОЭЗ наибольшими льготами пользуются технопарки. На данный момент в КНР функционирует 75 зон новых и высоких технологий, а также 90 зон технико-экономического развития, чей профиль, как правило, шире, чем у технопарков, основной задачей которых является интегрирование фундаментальной науки, государственных НИИ и вузов, с одной стороны, и производственной базы — с другой [17].

По пути развития ОЭЗ пытается идти и современная Россия. Несмотря на существующий положительный мировой опыт функционирования такого типа зон, с момента вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» (27 августа 2005 г.) по настоящее время в России были созданы и действуют только пять зон, основанных на технологических инновациях: ОЭЗ «Зеленоград», ОЭЗ «Дубна», ОЭЗ «Санкт-Петербург», ОЭЗ «Томск», ОЭЗ «Иннополис». Также удивляет тот факт, что среди многочисленных резидентов всех российских ОЭЗ, составляющих на конец 2014 г. 320 инвесторов-резидентов из 25 стран, мало предприятий, представляющих интересы машиностроительной отрасли.

Современный этап развития ОЭЗ должен включать механизмы, направленные на поощрение инновационных разработок и затрат на НИОКР путем создания технико-внедренческих инкубаторов бизнес-идей для последующей их коммерциализации путем переноса серийного производства в промышленно-производственные особые зоны, позволяющие стать им одними из драйверов развития российского научного и промышленного потенциала. Среди важнейших льгот для производителей в ОЭЗ можно выделить установление пониженной налоговой ставки налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, полное освобождение от уплаты НДС для ввозимых на территорию ОЭЗ товаров, возврат суммы уплаченных акцизов после экспорта продукции из ОЭЗ, освобождение на пять лет резидентов ОЭЗ от уплаты транспортного налога,

налога на имущество, земельного налога, применение резидентами ОЭЗ пониженных ставок страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и др. Также возможно предусмотреть создание и развитие ОЭЗ совместно с другими государствами (Китай, Индия, Тайвань, Израиль, ОАЭ, Малайзия, Сингапур и др.).

При этом к возможным направлениям развития новой антикризисной экономики сегодня можно отнести разработку новых технологий и изделий по заказу потребителя; сотрудничество с научными организациями (вузами), способными создать новые технологии; создание на базе вузов малых и средних предприятий для коммерциализации научных разработок; трансферт технологий от государственных к частным компаниям; формирование преподавателями из числа современных студентов новой конкурентной институциональной среды бизнеса; отстраивание вузами через своих выпускников системы связей «наука — бизнес — политика» («Вашингтонская карусель»), позволяющей проводить поиск новых технологий и продуктов, внедрять их в серийное производство и лоббировать интересы отечественных производителей.

Литература

1. *Быркова Е.* Обзор внешней торговли России в первой половине 2014 года: первые итоги российско-украинского кризиса // Информационный портал компании «Провэд» // <http://провэд.рф/analytics/research/18840>.
2. Информационный портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат) // www.gks.ru.
3. *Павлов П.В., Елецкий А.Н.* Пути инновационной перестройки экономики: мировой опыт и российская действительность // *Экономический анализ: теория и практика.* 2014. № 46 (397).
4. Информационный портал ИТАР ТАСС // <http://itar-tass.com/infographics/8002>.
5. Отчет о глобальной конкуренции 2014—2015 гг. Всемирного экономического форума // <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>.
6. Информационный портал Союза машиностроителей России // http://www.soyuzmash.ru/docs/информационный_бюллетень_N8_2014.pdf.
7. *Архипов А.Ю., Павлов П.В.* Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Таганрог, 2011.

8. *May B., Улюкаев А.* Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11.
9. www.indexmundi.com.
10. <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD>.
11. *Котляр П.* США признали, что утрачивают лидерство в области затрат на науку // http://www.gazeta.ru/science/2014/02/10_a_5896949.shtml (дата доступа 10.02.2014).
12. Knowledge, Networks and Nations. Global Scientific Collaboration in the 21st Century. Royal Society. L., 2011 // http://royalsociety.org/uploadedFiles/Royal_Society_Content/Influencing_Policy/Reports/2011-03-28-Knowledge-networks-nations.pdf.
13. http://www.rdmag.com/sites/rdmag.com/files/gff-2014-5_7%20875x10_0.pdf.
14. Информационный портал CEBR // <http://www.cebr.com/services/forecasting-models>.
15. *Соколов А.* Имитация инноваций: Россия отстает даже от развивающихся стран // <http://top.rbc.ru/economics/17/10/2013/882656.shtml> (дата доступа 17.10.2013).
16. *Потапов М., Салицкий А.* КНР. Опыт стран — членов ВТО по защите национальных интересов на внутреннем и внешнем рынках // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 8.
17. *Григорьев А.* Международный опыт государственной поддержки промышленности в условиях ВТО: уроки для России // http://ipem.ru/research/cross_industry/industry_presentations/44.html.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Как нам организовать Госплан

Аннотация. Логика бизнеса, законы экономики и геополитическая ситуация требуют создания Госплана мобилизующего ресурсы, определяющего цели национального хозяйства и контролирующего их достижение производительными силами России.

Ключевые слова: мобилизация, жизненно важные направления, контроль, долгосрочность.

Abstract. Business logic, laws of macro economy and geopolitical situation are needed to create National Planning Center for resources mobilization, determination of national economy goals and Russian production forces control.

Keywords. mobilization, general goals for nation surviving, control, long-term scale.

Российская компания, работающая в сфере международных логистических операций, столкнулась с проблемой избыточной самостоятельности структурных подразделений: в погоне за выполнением бюджетных показателей прибыльности бизнеса звенья единой технологической цепочки оказались втянутыми в ценовую конкуренцию друг с другом. Зачастую в первую очередь обслуживались предлагающие большую цену сторонние организации, а корабли собственной компании разгружались с задержкой, что вело к недогруженности железнодорожного сегмента бизнеса, нарушению сроков поставок и репутационным потерям.

Для исправления ситуации была изменена система оценки деятельности с целью мотивации руководителей подразделений на достижение большего общего результата, даже если это приводит к финансовым потерям отдельного филиала. Мораль незатейливой истории предельно проста — планомерность является необходимым качеством любой большой экономической системы, и для ее поддержания требуются жесткий контроль и борьба с чрезмерной децентрализацией, ясная формулировка искомого общего результата и мотивация управляющих системой элементов на достижение поставленных целей.

Анализируя происходящие в отечественной экономике процессы, невольно изумляешься уровню регулирования государственного сектора. Когда имеет место конкуренция государственных корпораций друг с другом, когда миссией всеми уважаемого государственного института провозглашается получение максимальной прибыли, иначе как экономической дикостью это трудно назвать, даже если полностью оставаться в рамках стремительно устаревающей парадигмы рыночной экономики.

Максимальная прибыльность одной государственной корпорации вовсе не означает улучшения в деятельности всего народного хозяйства. Зачастую погоня за прибылью провоцирует «контролируемые» государством институты на действия, диаметрально противоположные экономическим интересам страны.

Из свежих примеров достаточно вспомнить дружную атаку на рубль государственных банков и активную поддержку валюты главного геополитического конкурента России.

Но экономическая отсталость является не самой серьезной проблемой страны. Помимо собственной воли Россия оказалась втянута в активное противостояние с мировым гегемоном, центром мирового хозяйства — США. Если сравнить масштабы национальных экономик, величину военного бюджета, количество и активность геополитиче-

ских союзников, результаты такого противостояния рискуют быть крайне незавидными. Невеселая перспектива обуславливает крайнюю осторожность руководства страны, но в любом конфликте всегда есть противоположная сторона, которая в данной ситуации использует все наличные средства, чтобы максимально навредить России.

Возникает вопрос: «А что делать в этой практически безнадежной ситуации?» Ответ нетрудно сыскать в отечественной истории, когда, сталкиваясь с очередным покорителем мира, Россия мобилизовывала имеющиеся ресурсы и, вопреки расчетам врагов, одерживала победу. И, наоборот, получив головокружение от успехов, национальная элита теряла бдительность и часто растрачивала плоды своих побед. Мы все знаем о великой битве русских воинов на Куликовом поле, но в учебниках часто замалчивается тот факт, что уже через год великий князь Дмитрий Донской спасался вместе с казной в лесах Костромы от войска хана Тохтамыша.

Совершенно очевидно, что в условиях жесточайшего внешнего прессинга и многочисленных внутренних экономических проблем для выживания производительных сил России нужен новый координирующий и контролирующий орган, в незапамятные времена именуемый Госпланом.

Вышесказанное не означает, что следует воспроизводить тотальный маразм советского планирования, тщетно пытавшегося управлять всеми экономическими процессами. Речь идет о новом типе плановой работы, которая должна отслеживать жизненно важные направления, деградация которых может привести страну к катастрофе. Таковыми являются, прежде всего, военная и продовольственная безопасность страны, энергетика, образование, здравоохранение, жилищное строительство и эксплуатация имеющегося жилого фонда.

Принципиальным моментом является контроль долгосрочной реализации плановых программ. Возражения либералов-экономистов и отдельных бизнесменов, что в современной экономике все слишком изменчиво и надолго загадывать нет практического смысла, лишь отражают глубину накопившихся в отечественном хозяйстве проблем. Когда процентные ставки слишком высоки, приоритетными становятся проекты с большими денежными потоками и коротким сроком осуществления. В ситуации, когда процентные ставки экстремально высоки, самым выгодным проектом становится проект «Украл и убежал» — степень криминализации хозяйственной деятельности резко увеличивается. Если процентные ставки снижаются, более выгодными становятся проекты менее рискованные и максимально долговечные, связанные с насущными потребностями человека, начинаются развитие инфраструктуры и создание безопасных и комфортных условий жизни в стране.

Сама физическая природа возводимых человеком объектов требует долгосрочного подхода: тоннели метро проектируются на 200 лет эксплуатации, монолитный жилой дом может простоять 400 лет, плотина гидроэлектростанции при правильной эксплуатации будет служить людям в течение тысячелетий.

Правильно определенный срок службы проекта может сильно изменить представления о его выгодности и приоритетности: наибольший доход общество получает от проектов, рассчитанных на века, но поскольку эта выгода большей частью проходит мимо отдельного индивида (в силу мимолетности человеческой жизни), в экономике пост-модерна господствует принцип «Халиф на час». Я не думаю, что бездумное копирование методов уходящей с исторической сцены евроатлантической цивилизации способно привести Россию к историческому успеху. Внимательное осмысление и грамотное использование собственного опыта могут оказаться более продуктивными занятиями, и одни из действенных инструментов этого процесса — возрождение Госплана и интеграция государственного сектора экономики для решения национальных задач, а не погоня за эфемерной бабочкой прибыли.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, О.Т. ДЖЕМАЕВ, М.Л. СОМКО

Новые задачи в системе подготовки и переподготовки специалистов российских компаний

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые задачи переподготовки персонала в компаниях, что обусловлено нарастающей степенью неопределенности внешней среды. В этих условиях особое значение имеют параметры адаптивности организаций к происходящим изменениям. Это обуславливает отказ от вертикальной экспертной специализации кадров и переход к горизонтальным компетенциям, на основе которых персонал будет способен принимать управленческие решения, применяя знания и навыки из разных сфер деятельности. Расширение компетенций персонала, новые знания и цифровые технологии позволят разрабатывать антикризисные стратегии развития, обеспечивающие конкурентоспособность крупных компаний и небольших быстроразвивающихся фирм.

Ключевые слова: переподготовка персонала, адаптивность, горизонтальные компетенции, корпоративный университет, стратегия, новые знания.

Abstract. This article discusses the key tasks of employees retraining in companies which are caused by the increasing uncertainty of the external environment. Under these conditions adaptive parameters of organization to occurring changes become really important. It leads to the rejection of vertical expert specialization and transition to horizontal competencies on the basis of which employees will be able to make management decisions, applying the knowledge and skills from different fields of activity. Expansion of personnel competencies, new knowledge and digital technology will develop anti-crisis development strategies providing the competitiveness of large companies and small rapidly developing firms.

Keywords: employees' retraining, adaptability, horizontal competences, corporate university, strategy, new knowledge.

Кризис в экономике, будь то международный или национальный, как правило, меняет модель поведения экономических агентов современного рынка. Текущая кризисная ситуация в России, вызванная ограничением ресурсов для развития российских компаний, формируют новые требования к системе подготовки и переподготовки специалистов крупных организаций.

В текущих экономических условиях в российских компаниях происходит отказ от модели подбора персонала, основанной на изыскании сотрудников, обладающих высоким уровнем вертикальной, экспертной компетентности. Система переподготовки специалистов в компаниях должна переориентироваться на создание штата сотрудников, обладающих широким кругом горизонтальных компетенций, способных выполнять круг задач, применяя знания из разных сфер деятельности и научных дисциплин [1].

В сложившихся условиях политика управления кадрами на предприятиях характеризуется уходом от рисков, связанных с подбором нового персонала. Это выражается в «успокоении» рынка труда, снижении уровня текучести кадров и фиксации работодателем условий оплаты труда. По результатам опроса, проведенного холдингом «Ромир», за третий квартал 2014 г. только в одной компании из 25 (4%) произошел рост уровня заработной платы. За аналогичный период 2013 г. рост зарплат был отмечен в каждой четвертой организации (24%). Расширение штата в третьем квартале 2014 г. производила лишь одна компания из 100, что является рекордно низким значением данного показателя [2]. Динамика показателей по управлению персоналом российских компаний представлена на рис. 1.

В условиях кризиса крупные фирмы прибегают к набору новых сотрудников только в крайних случаях, а основная ставка делается на делегировании задач тем, кто уже работает в данной фирме. Такой подход может быть обусловлен значительными недостатками в систе-

ме оценки нанимаемых работников. Отказ от оценки претендентов по документам об образовании и несовершенство новых методик оценки соискателей на основе тестирований определяют условия, когда единственным объективным параметром оценки компетентности является опыт работы в той сфере, на которую производится наем работника.

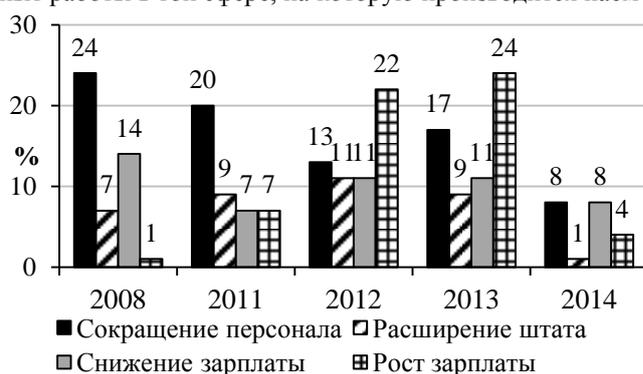

Рис. 1. Динамика показателей по управлению персоналом российских компаний, % от общего числа стабильно работавших осенью 2014 г.

В связи с необходимостью снижения издержек наиболее актуальной видится задача по переподготовке штатных специалистов и горизонтальному расширению их компетентности в кризисных условиях. Интегрированная в структуру управления кадрами система бизнес-образования формирует связь между возникающей потребностью в решении ключевых бизнес-задач и способностью специалистов генерировать их решение, а также брать на себя ответственность за реализацию необходимых практических мероприятий [3].

Основная цель управления знаниями, которая формируется в современных российских компаниях в настоящее время, достигается за счет ускорения жизненного цикла знаний. При стандартном вузовском образовании обучение сотрудников происходит в разрыве от бизнеса и по тем программам образования, которые не отвечают основным требованиям развития отечественной экономики. При отсутствии мотивации со стороны обучающихся специалистов информация, не закрепляемая на практике, быстро забывается. В компании специалист, имеющий профессиональные знания и навыки, привлекается к обучению молодых специалистов. Однако не каждый сотрудник готов передавать свои знания и опыт, поэтому не всегда сложившаяся система подготовки и переподготовки кадров является эффективной.

Современная система бизнес-образования решает ряд ключевых проблем, связанных с повышением компетентности специалистов и руководителей в компаниях инновационного типа (табл. 1).

Таблица 1

Основные проблемы, решаемые за счет корпоративного образования

Задача	Решение
Разрыв образования с актуальными потребностями бизнеса	Интеграция экспертизы бизнеса, новых технологий и методик обучения
Отсутствие комплексности в расширении навыков командной и личной эффективности	Комплексная разработка программ обучения путем слияния академического и корпоративного образования
Однонаправленность по специализации: финансы, экономика, управление и т. д.	Разработка форсированных программ обучения, объединяющих все направления
Отсутствие практики взаимодействия в разработке методов и технологий обучения	Сотрудничество с ведущими бизнес-школами
Низкая степень практической ориентированности в образовании	Совмещение корпоративного образования с текущей деятельностью компании

Источник: составлено авторами статьи по материалам исследования.

Управление персоналом все больше превращается в точную науку, поэтому в условиях формирования экономики знаний добиваться успеха в этой области будут компании, располагающие специалистами с аналитическим складом ума и специализированной целевой подготовкой, построенной на системном подходе. Наука управления персоналом динамично развивается, а в условиях кризиса это развитие отличается стратегическими изменениями в системе подготовки и переподготовки кадров. Эти изменения связаны не только с системным использованием аналитических и информационных данных, но и с формированием новых компетенций специалистов, связанных с обработкой, систематизацией и аналитическим обобщением данных.

Управление знаниями в инновационных компаниях строится на компетентностном подходе в образовании, который позволяет получить наибольший эффект от тех ключевых кадров, которые проработали в организации значительное время. Как правило, такие кадры обладают высокой квалификацией и знаниями, тесно связанными со спе-

циффикой деятельности фирмы, однако не всегда обладают достаточным уровнем управленческих навыков и деловых качеств, необходимых в условиях нестабильности.

Современный вектор обучения направлен не на специфичные узко-специальные дисциплины, а на формирование эффективных навыков управления и принятия решений, основанных на всестороннем анализе ситуации внутри и вне организации. Эффективная система управления знаниями позволяет сотрудникам оперативно применять полученные навыки в реальных условиях ведения операционной деятельности. Такой подход позволяет формировать комплекс компетенций в соответствии с наиболее значимыми бизнес-задачами, что повышает степень адаптивности бизнес-образования. Новая система управления знаниями предусматривает формирование требований к сотрудникам компании по следующим ключевым уровням.

1. *Оценка потенциала к развитию.* Необходимо производить отбор тех специалистов, которые способны и нацелены на дальнейшее развитие навыков. Необходимо финансировать образование сотрудников, обнаруживающих возможность усилить свои компетенции.

2. *Профессиональные компетенции.* Они определяются задачами, решение которых наиболее актуально для компании в данный момент. Также они учитывают сферу деятельности, в которой должен работать сотрудник.

3. *Оценка результативности и прогресса проведенной работы.* С одной стороны, такой подход даст инструмент контроля качества производимого образования, а также его результативность, а с другой — позволит оперативно корректировать программы и методики обучения, основываясь на текущих полученных результатах, исключая неэффективные приемы и методы.

В настоящее время службы управления персоналом осуществляют аналитические исследования на основе сопоставления данных по заработным платам работников и специалистов. Российским компаниям для устойчивого развития необходимы технологии управления персоналом, обеспечивающие не только тестирование специалистов на основании достоверной статистической и аналитической информации. Инновационно ориентированным компаниям необходимы специалисты, способные своим трудом продуцировать новые знания, развивать дополнительные навыки, проводить маркетинговые исследования в своей области и коммерциализировать инновации.

Исследовательское агентство «Society For Human Resource Management» в 2012 г. проводило опрос среди специалистов по управлению кадрами на предприятиях. Более половины (59%) основной проблемой считают «сохранение и правильное награждение наиболее компетентных сотрудников», а также «обучение нового поколения

корпоративных лидеров» (52% опрошенных). Около трети отметили следующие задачи: «создание такой корпоративной культуры, которая привлечет лучших сотрудников», «сохранение конкурентоспособности на рынке наиболее талантливых кадров», а также «поиск сотрудников со специализированными навыками» [4].

В настоящее время кадровые специалисты больше всего озабочены вопросом подготовки будущих лидеров (52% в 2012 г. против 29% в 2010 г.).

В ближайшем будущем от сотрудников компаний будут требоваться следующие основные знания, навыки и компетенции.

1. *Информационные компетенции.* В быстро растущей цифровой экономике повышается спрос на высококвалифицированных технических работников. Из всех технических возможностей информационные компетенции являются наиболее актуальными. Сетевые удаленные технологии занимают все более значимое место в системе бизнеса, поэтому, разрабатывая политику по охвату новых технологий, кадровые специалисты должны сконцентрировать свое внимание на подготовке специалистов с соответствующими навыками [5].

2. *Подвижность мышления и грамотный риск-менеджмент.* В период устойчивой неопределенности, когда экономические, политические и рыночные условия могут измениться внезапно, подвижный образ мышления и способность подготовить стратегию для нескольких сценариев развития событий являются жизненно важными. Современный специалист должен грамотно взвесить все риски и уточнить, в каком случае фирме выгодно принять на себя возможные риски, а также найти инструменты их минимизации [6].

3. *Межличностные и коммуникационные компетенции.* Данный вид компетенций будет актуален в связи с переходом от командно-административной системы управления в ряде компаний к более гибкой модели коллективной совместной работы. Способности правильно выстраивать четкие стратегические цели, достигать консенсуса и развивать сотрудничество станут первостепенными факторами развития компании.

4. *Глобальные операционные компетенции.* Они отражают импульс, связанный с расширением деятельности многими фирмами на глобальных рынках. Международный бизнес наиболее требователен к квалификации сотрудников. Эти операционные компетенции могут стать еще более актуальными в связи с глокализацией мировой экономики [7].

Меньше всего компании готовы в данный момент к изменениям в топ-менеджменте. Отметим, что только 5% собираются увеличить управленческую команду, а сокращать руководителей думают всего 2% респондентов. По мнению экспертов, значительные изменения

произойдут и в индустрии консалтинга управленческих команд. Быстро развивающиеся компании не перестают нанимать людей и в кризис. Для сохранения устойчивости в условиях кризиса у российских компаний часто меняется профиль, следовательно, подлежит изменению и набор компетенций, востребованных компаниями.

Компетенции персонала, новые знания и цифровые технологии изменяют архитектуру информационного управления бизнесом, основанного на базе системы управления знаниями. Знания, инновации и новые компетенции персонала оказывают значительное влияние на изменение традиционной бизнес-модели. Компании, обеспечивающие себе устойчивую конкурентоспособность на основе конструирования систем управления знаниями, развивают новую среду для продвижения структурированных инноваций.

Для инновационного развития на основе цифровой трансформации актуальны новые методики постановки бизнес-задач в российских компаниях, способных внедрять гибкие методы разработки передовых технологий и инновационных товаров и услуг. В ближайшие годы в условиях роста неопределенности и ресурсных ограничений российским компаниям придется сконцентрировать усилия на проведении системной переподготовки сотрудников и разработке инновационных бизнес-моделей и бизнес-операций.

Литература

1. *Подцероб М.* Менеджеры растекаются // Ведомости. 2014. № 236 (3740).
2. Депрессивный штиль на рынке труда. Исследовательский холдинг «Ромир» // http://romir.ru/studies/614_1417035600/.
3. *Алчебаев М.* Корпоративный университет ОАО «РЖД»: вчера — сегодня — завтра. Документы // <http://curzd.ru:8080/portal/classic/library?libDocId=25384>.
4. Society for Human Resources Management. Future HR Challenges and Talent Management Tactics. 2012.
5. *Kaunert B.* Agility: Technology and the HR Function of the Future // Workforce Solutions Review. 2012. Feb. —Mar.
6. *Grossberg KA.* How to Manage the New HR Realities // Strategy & Leadership. 2012. No. 40(6).
7. Oxford Economics. Global Talent 2021 // <http://www.oxfordeconomics.com/Media/Default/Thought%20Leadership/global-talent-2021.pdf>.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Огненный прорыв

(беглые заметки о русской философии и Н.Б. Шулевском)

Аннотация. Утверждается наличие в России современной русской философии: пытливей, честной, недогматической. Отмечается продолжающийся с рубежа XIX—XX вв. прорыв к Софии Премудрости Божией, ныне приведший к софиасофии.

Ключевые слова: философия, русская философия, философия хозяйства, метафизика, апокалиптика, софиасофия, Н.Б. Шулевский.

Abstract. The article is devoted to modern Russian philosophy that is both inquisitive and honest, but not dogmatic. The author shows the break, proceeding since a boundary of the XIX—XX centuries, to Sophia, the Wisdom of God, which nowadays led to a sophiasophy.

Keywords: philosophy, the Russian philosophy, philosophy of economy, metaphysics, apocalypitics, sophiasophy, N.B. Shulevsky.

Есть ли она, современная русская философия? Есть ли они, актуальные русские философы? Уверен, что то и другое есть, причем говорю здесь не об академической философии, не об энциклопедических знатоках и историках философии, а о философии личной, творческой, самостоятельной, вполне и значимой, как и соответствующей ей философиям-творцам. Рискуя навлечь на себя обвинение в недостаточной компетентности, позволю себе назвать несколько имен профессиональных философов, мне лично известных, с кем даже довелось и доводится общаться и которые, на мой взгляд, представляют современную, рубежа XX—XXI вв., русскую философскую мысль в России: уже ушедшие из жизни, но не из людской памяти, А.А. Зиновьев и А.С. Панарин, а также здравствующие и всюю трудящиеся на философской ниве Ф.И. Гиренок из МГУ и В.А. Кутырёв из Нижнего Новгорода. Я ограничиваюсь теми, кого лично знаю, кого слушал и слышал, кого читал и читаю, с кем беседовал или продолжаю беседовать.

Их у меня вышло четверо. Разумеется, претендентов войти в мой список, безусловно, больше, но я ограничиваюсь, повторяю, теми, кого знаю лично и за кого смело отвечаю, а также, кто уже зарекомендовал себя в качестве значительных мыслителей, во всяком случае в моих глазах. Четверо, кстати, совсем и не плохо!

Однако есть еще один человек, способный пополнить мой список, и о котором бы мне хотелось сказать особо. Речь идет о Н.Б. Шулевском,

профессоре МГУ. И дело тут вовсе не в том, что он, как и я, привержен русской философии вообще и философии хозяйства в частности, а в том, что он занимает особое место как именно современный русский мыслитель, идущий отважно на прорыв — в сферу не то чтобы неизведанного, как и таинственного, что само по себе не ново для мировой философии и ее вершителей, а, скажем так, в сферу запретного, или почти запретного, в том числе и со стороны, скажем так, официальной философии, как раз туда, куда никакая общепринятая и изрядно уже догматизированная научная, философская и религиозная мысль практически не заходит. На эту сферу как бы наложено негласное табу, хотя нет, пожалуй, более реальной и жизненной сферы, чем сфера, о которой у меня здесь речь.

Что это за сфера? Не скрою, что я и сам грешу заходами в эту примечательную, вполне и таинственную сферу, ее посильным трактованием, а потому знаю вполне довольно, о чем говорю. Это сфера *метафизика* и соответствующей реальному метафизису, его и всю окружающую реальность трактующей *метафизики*, как и, можно сказать, сущего, трансцендентного, иного, но, что очень важно, в особом всего этого понимании и нестандартной интерпретации — как бы *метадогматических*, что не значит, что существующие уже понимания-интерпретации совершенно отбрасываются, но что значит, что вхождение в метафизис и занятие метафизикой происходят хотя и с учетом уже имеющегося знания, но все-таки и как бы мимо него, между существующими конструкциями-догмами, минуя любые, тщательно уже подготовленные, познавательные западни.

Здесь, как мне представляется, самый настоящий *прорыв* — не столько, повторюсь, в неизведанное, хотя это тоже есть, сколько сквозь уже вроде бы изведанное, но мешающее увидеть реальность в ее первозданности, что как раз и особенно важно! XXI в. — век не так прорывов к совершенно новому, как прорывов через старое, затмевающее собою не так даже новое, как старое, но могущее стать вдруг... *новым* — совершенно, кстати, неожиданным, ибо мир-бытие-реальность способен предстать вовсе не таким, как его рисуют уже состоявшиеся и изрядно уже догматизированные, если не обветшалые, знания.

Прорыв не так к знанию чего-то, как через уже имеющееся о чем-то знание к новому знанию — уже вроде бы хорошо знакомого, а на самом-то деле не очень, а то и совсем, не знакомого!

Н.Б. Шулевский, весьма познав уже имеющееся знание и им не удовлетворившись, овладев философско-хозяйственным подходом и оценив достижения русской философии XX в. (В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкий), составил мне, уж позвольте так выразиться, компанию в движении в указанном выше

метафизическом направлении и по торимой беспечным русским умом междогматической дорожке. Он, как и я, пошел на прорыв — к *иному*!

А иным это *иное* является не потому, что другое, а вследствие хотя бы уже того, что здесь фигурирует не собственно научное, не строго философское и, тем более, не религиозное знание, хотя оно ничего из перечисленного насовсем не отвергает, наоборот, со всем этим эффективно взаимодействует, но, имея свою фундаментальную специфику, не может ни свестись к одному из них, ни уподобиться их искусственному синтезу. Здесь что-то изначально другое — как раз *иное*, не только признающее тот же метафизис, но и по-своему его воспринимающее и трактующее, а вместе с этим и все бытие в целом. Здесь реальность трактуется не как что-то внешнее для человека и им по-своему понимаемое, хотя такого подхода насовсем не избежать, а как более всего *сама по себе* реальность, *за себя* и *сама* говорящая. Тот же метафизис — не что-то еще не познанное, как и не что-то, вообще не познаваемое, а нечто присутствующее органично в реальности, в ней действующее и от ее имени говорящее, немало уже и познанное (слово, язык, смысл, сознание — совершенный метафизис, и он прямо в реальности, хотя и в реальности особой — *иной*, хотя бы не оснащенной в самой себе временем и пространством, к чему, кстати, относится и *то*, что дало и дает все это *неприродное в природе*, так сказать — *метаприродное, сверхестественное, иноземное*).

Философия — любовь к мудрости, но мудрости либо по преимуществу человеческой, либо, уже как исключение, *сверх-* или *ино-*человеческой. Ничего вроде бы плохого! Однако мудрость, или *софию*, можно поставить и впереди «философии», что и сделала по сути русская постсоловьевская философия, став фактически *софийной философией*. И здесь не тавтология: одно дело просто любить мудрость-софию, совсем другое — *софийно* любить мудрость-софию, что то же самое: ставить мудрость-софию не столько в конец (исследования, познания, размышления), сколько в начало человеческого познания, размышления, мудрствования. Не от познаваемых реалий к мудрости, а от изначальной мудрости через познание реалий к добываемой человеком мудрости. Любовь к *началу* предшествует здесь любви к *концу*!

Этот-то подход и соответствующее ему знание я как раз и назвал *софиасофией*, что было решительно поддержано, весомо обосновано и значительно содержательно дополнено Н.Б. Шулевым.

Но есть здесь и другое важное обстоятельство: софия, которая в начале, в исходе, впереди, это не что иное, как *София Премудрость Божия*, но... открытая для общения и творческого взаимодействия независимо от любого существующего онтологического учения, как правило, заметно, если не в полном своем объеме, догматизированно. Эта-то открытость Софии Премудрости Божией и дает возмож-

ность какого-то нового воззрения на реальность, но уже не от имени какого-нибудь заведомого учения, а от имени как самой реальности, так и от имени Софии Премудрости Божией, разумеется, в ею же допускаемой степени и интерпретации. София как источник, учитель, спорительница, она же и высший размыслительный критерий — разве это для человека познающего и размышляющего плохо?!

Н.Б. Шулевский оказался вполне подготовленным к восприятию софиасофии, что и позволило ему к ней охотно и творчески обратиться [1]. Но это не все: Шулевский всегда тяготел, как, собственно, и я, к тому, что в конце концов было обозначено словом *апокалиптика* [2]. Слово вроде бы известное, но значение ему теперь придается все-таки особенное: как *изначальное* свойство известного человеку и им переживаемого бытия. Такой подход вполне согласуется не только с самим по себе бытием (и в самом деле апокалиптическим!), но и с отражением его в реалиях и говорящих о них философиях. А философия, как и любая литература, тоже ведь реальность, вполне и метафизическая. Здесь в этом плане ничего нового: кто из самостоятельных философов в той или иной мере не апокалиптик? Оригинальность нового — философско-хозяйственного, софиасофского — подхода состоит в утверждении об изначальном неблагополучии мироздания и изначальной несправедливости того же человеческого мира, как и изначальной, выразимся помягче, несовершенности (порочности) самого по себе человека. Предположенная нами апокалиптика утверждает также, что весь этот «негатив» вовсе не такой уж и негатив, хотя и не сплошной позитив, а, скорее всего, неизбежное свойство мира, бытия, жизни, человека, что вовсе не значит, что подлежит восторженному признанию и одобрению, — наоборот, оно подлежит критике и отрицанию, даже и борьбе с ним, — и ежели говорить обо всем обратном этому свойству, то бишь о благополучии, справедливости и совершенстве, то лишь как о являющихся именно в непосредственной и непрерывной борьбе со своими противоположностями.

Хочешь быть честным, искренним, правдивым, а потому и... э-э... как бы истинным... мыслителем, тогда борись за это, за мысль свою несуразную и никому не нужную, но не забывай о судьбе невыдержавших, сломавшихся, сошедших с ума, ушедших в никуда, а то и не без чьего-то удовлетворения попросту уничтоженных — посредством незамечания, забвения, заточения, сожжения на костре, обезглавливания на плахе, распятия на кресте! И самое неприятное тут в том, что где она — гарантия, что ты прав, что мысль твоя как раз и истинная, что вокруг тебя все только ошибаются, что открытое тобой очень уж потребно всему массиву человеческому?

Прорыв, в котором принимает участие Шулевский, вполне и *огненный*: размыслительно, страдательно, идейно и духовно, граждански,

наконец — *софийно!* Здесь горит пламя надежды, стремления, страды, но и сомнения, риска, заблуждения, однако и движения, терний, падений и взлетов, радости неожиданных открытий, как и всплесков трудно объяснимой печали! Ничего не поделать — это не тщательное исследование предмета, не скрупулезная констатация фактов, не ловкое построение удобоваримых систем, — здесь погружение в сферу потаенных смыслов, точнее — *метасмыслов*, вполне и трансцендентных, за которой... где-то в необъятной дали... горит невидимый и неосязаемый *софийный* огонь — влекующий, греющий, не отпускающий, сожигающий, — и нет ничего в поле зрения, чувствования и обословливания современного философа более адекватного, верного и ценного, чем метадогматическое обращение к Софии Премудрости Божией — не для комфорта, пусть и научного, не для счастья, пусть и академического, не для восторга, пусть и «нобелевского», а для стоического столкновения с реальностью — *реальной реальностью*, да так, чтобы, поняв в ней что-либо из первосмыслов, об нее же и не разбиться!

Нынешний читатель либо вообще ничего не читает, будучи нечитателем, либо читает и не верит тому, что читает, либо он всему верит, совсем ничего и не читая, а потому я приглашаю как мне поверившего, так и не поверившего читателя этих заметок заглянуть хотя бы в последнюю книгу Н.Б. Шулевского «Планетарный эволюционизм» [3], которую я не стал здесь специально комментировать — слишком это, признаюсь, сложно, накладно для меня по времени и труду, да и почти бесполезно — философия ведь, к тому же и метафизическая, трансцендентная, мало того — еще и... *софийная!*

Что сказать напоследок?

Есть она — современная русская философия, есть и они — актуальные русские философы, есть и он — оригинальный русский мыслитель *Николай Борисович Шулевский*, так удачно дополнивший мой «классный» список до пяти персон!

Литература

1. *Шулевский Н.Б.* Логос, София, Россия // Философия хозяйства. 2014. № 6.
2. *Шулевский Н.Б.* Философия и возмездие. М., 2012.
3. *Шулевский Н.Б.* Планетарный эволюционизм. М., 2015.

Ф.И. ГИРЕНОК

Философия живописи Пауля Клее

Аннотация. В статье анализируется своеобразие живописи Пауля Клее. Это своеобразие состоит в том, что П. Клее пытается визуализировать виртуальную реальность. В свою очередь, виртуальная реальность связана с объектами, существующими только во взгляде человека. Поэтому стратегия Клее как художника заставляет его выйти за пределы телесного, фигуративного и пространственного.

Ключевые слова: Пауль Клее, тело, современное искусство, визуализация, виртуальная реальность.

Abstract. In article the originality of painting of Paul Klee is analyzed. This originality consists that P. Klee tries to visualize virtual reality. In turn, the virtual reality is connected with the objects existing only in a look of the person. Therefore Klee's strategy as artist forces it to go beyond corporal, figurative and spatial.

Keywords: Paul Klee, body, modern art, visualization, virtual reality.

Недавно в Москве прошла первая в России выставка работ Пауля Клее. Вместе с группой московских любителей живописи я сходил на эту выставку и понял, что искусство Клее — это не умозрение в красках, это, как сказал о нем А. Арто, живопись мысли. Чем же первое отличается от второго?

Умозрение в красках

Умозрение в красках присуще русской иконе. Чтобы убедиться в этом, достаточно сходить в Третьяковскую галерею, пройти по ее залам, посмотреть на картины русских художников, увидеть на них нищету, угрюмые и постные лица, унылые пейзажи скудной русской природы, болезни и похороны и вообще доминирующие серые и черные краски и сказать, какую жуткую жизнь мы прожили. Видя все это, трудно не впасть в депрессию, не воскликнуть: Господи, когда же все это закончится? А потом спуститься на первый этаж и очутиться в мире синих, голубоватых, пурпурных, зеленоватых цветов русской иконы и, конечно, главенствующего на ней золотого цвета, этого, как сказал Е. Трубецкой, цвета цветов и чуда из чудес — золота полуденного солнца. Увидеть и облегченно вздохнуть, понимая, какую трудную нужно было прожить жизнь русскому человеку, чтобы создать потрясающий мир религиозного искусства.

Не словами, а красками отделяли иконописцы мир обыденный от мира трансцендентного. Строгий лик русской иконы зовет и одновременно преграждает путь, требуя от человека преображения. Умозрение в красках отличается от живописи мысли тем, что точно знает о суще-

ствовании в человеке начал другого мира, иного плана бытия. Иконописец воспринимает потустороннее символически, умными очами, а не физически. Пауль Клее лишает мир двусмысленности. Клее — как естествоиспытатель. В его живописи нет упоминаний о другом мире. Он анализирует то, что есть. Искусство Клее — это искусство случайной геометрии мира, в котором Бог скинут с пьедестала. Вот, например, «Молодой пролетарий» Клее. Посмотрим на него.

Молодой пролетарий

В «Молодом пролетарии» мы не увидим перспективу, надежду на будущее. У него нет начал иного мира. Он весь в этом мире. За что, видимо, пролетарий и поплатился. Этот мир его расплющил, лишил внутреннего. Если бы иные начала в нем были, то у него было бы и отношение к самому себе, была рефлексия. И тогда круглые глаза на круглом лице выражали бы движение к иному миру. И это движение было бы не физическим, не движением животного на водопой, а движением метафизическим. У немецкого молодого пролетария, как у куклы, голубые стеклянные глаза. В них немота, оцепенение и бездушность. Пролетарий — робот своего класса. Клее не любил пролетариев в силу их невыносимой горизонтальности, абсолютной плоскостности. У пролетария рот, как у обезьяны, рот-присоска. Нос, как у свиньи, и уши, как у осла.

Молодой пролетарий является нам в зловещем сочетании черного и красного цветов. В нем Клее угадывает грядущий триумф воли. Оттенки зеленоватого цвета на лице молодого пролетария говорят о том, что это не деревенский мальчик из ПТУ, которого подвели к доменной печи в момент разлива чугуна. Это скорее Елиазар, которого только что оживили, но на нем еще видны следы пребывания в загробном мире. Этот молодой пролетарий с трупными пятнами придет в свое время к Клее. Придет и попросит его сдать кровь на анализ, с тем, чтобы решить вопрос о его принадлежности к арийской расе. И Клее уедет из Германии.

Мир нельзя срисовать. Почему? Ведь реалистом быть так естественно: пиши, что видишь. Искусству Клее нужен не опыт. Ему нужно воображение.

Катастрофа телесности

Клее не интересуется все то, что имеет локализацию в пространстве. Все это — вещи, предметы. А если есть вещи, то у них должна быть и перспектива. Должен быть фон. Любой предмет к чему-то приспособлен, для чего-то предназначен. У вещей есть назначение и имена.

Предметом противостоит пространство. Между предметами и пространством идет борьба. И художнику остается лишь показать, что в одних случаях предметы выступают на первый план и замещают про-

странство, в других — они отступают, отходят на второй план, и тогда вещи теряют свою «вещность», дематериализуются, пытаются исчезнуть, раствориться. Вещи пугают нас монотонной бесконечностью, делая вид, что их нет. Что пространство — это их отсутствие. Клее не на стороне вещей. Для него вещь — изгиб пространства, сгущение протяженности. Стратегия Клее устроить катастрофу материи.

После катастрофы от тела остаются разбросанные линии, нагромождение точек и диковинных сочетаний цвета. Клее интересует то, что не имеет имени, у чего нет назначения. Нечто дематериализованное. Почему?

Диана

Когда я смотрю на нарисованную трубку и говорю, что это не трубка, я имею в виду, что такую трубку не раскуришь. Это изображенные трубки, образ вещи. Но вот я смотрю на «Диану» Клее, нарисованную в 1931 г., и говорю: это не Диана. Впрочем, это и не образ Дианы. Это мысль о девушке, локализованная в восприятии Клее под именем Дианы. Правомерно спросить: а может ли мысль о девушке совпасть с девушкой? Клее утверждает, что может. Нужно лишь только привести зрителя в состояние, в котором у него не будет иного выбора, кроме как помыслить девушку и, помыслив, увидеть ее под титулом Диана. А это значит, что Клее заставляет нас смотреть на линию, но мыслить не линию, а шляпу на месте линии. Хотя никакую шляпу мы не увидим, поскольку ее Клее не нарисовал. Как ни странно, Клее не нарисовал и лицо девушки. На картине Клее «Диана» лицо девушки — это всего лишь пересечение линии шляпы, линии шарфа и линии плаща. При этом то, что зритель назовет лицом, является не лицом, а фрагментом воображаемого плаща, цвет которого составляет одновременно и цвет лица.

У «Дианы» Клее вообще нет тела. Клее представляет нам не образ девушки, а имя, которое принадлежит римской богине охоты, целомудрия и зеленых садов. Об этом напоминает стрела, пронзившая глаз в верхней части картины. Клее не рисует образы. Он вызывает в нас мысль о том, что была холодная осень, шел дождь и дул противный ветер. Люди прятались под плащами и шляпами. Однако дети во дворе играли в футбол, и мяч иногда попадал под ноги прохожих. Попал он под ноги и девушке, которая бросила взгляд в сторону играющих детей, и Клее поймал этот взгляд, затем своим мастерством художника заставил нас визуализировать мысль о Диане.

Проблема визуализации

У Клее нельзя спрашивать: «Что это? Что нарисовали твои руки?». Потому что Клее скажет: «Это все ничто из того, что есть: это безымянное бытие, линии без цели, фигуры без назначения». Художник не

изображает видимое. Не удваивает мир. Не наполняет его копиями, подобиями. Искусство должно расширять видимый мир, делая невидимое видимым. Клее заставляет живопись визуализировать мысль. Визуализировать — не значит повторить увиденное. Это значит расширить границы видящего за счет мысли. Поэтому художник не может не вступить в борьбу с языком, не может не освободить себя от него, давая простор силам хаоса. Только в искусстве мы свободны от языка. «Я начинаю с хаоса», — писал Клее в дневниках. И это естественное начало для художника, который хочет освободить мысль от слова, визуализировать ее и затем уже вернуть языку в качестве метафоры. Метафора — всего лишь запечатленный в языке след визуализации. Не потому ли Арто называет Клее живописцем мысли, что его искусство — это не умозрение в красках, которое предполагает созидание образов, воздействующих на человека. Клее заставляет нас мыслить неделимыми элементами поверхности, за которой не скрывается никакой глубины мира. Все дело в случайности линий, которые, воздействуя на человека, не обязательно складываются в образ. Мыслить — значит по-новому видеть мир.

Видимость

Есть только бытие, небытия нет, — говорили греки. Да, но это еще не все, — отвечает им Клее. Еще есть видимость. И эта видимость есть даже у бытия. Видимость бытия — это не бытие, а тень, то, что локализовано во взгляде наблюдателя. Например, я говорю: какой прекрасный ландшафт, хотя и понимаю, что нет никакого прекрасного ландшафта, что это видимость, локализованная во взгляде. Но отделить одно от другого, бытие от небытия — невозможно. Об этом говорит опыт искусства Клее. И поэтому сегодня, учитывая этот опыт, нам трудно сказать, где заканчивается бытие и где начинается его видимость. И чем онтическое видение отличается от онтологического. Бытие, которое может быть понято, есть, согласно Гадамеру, язык. Языку противостоит образ. Но бытие, которое не понято или по видимости понято, ускользает и от образа, и от языка.

Видимость существует во взгляде, но это не содержание взгляда. У видимости нет предмета. Со времен Канта было принято думать, что видимость содержится не в предмете, а в суждении о предмете. Кто мыслит, у того есть видимость. Кто не мыслит, у того нет видимостей, того не мучают кошмары. Почему? Потому что чувства не судят, а созерцают предмет. Кант полагал, что заблуждения возникают из-за незаметного влияния чувств на рассудок.

Неразличенность призрака и вещи, у которой есть достоверно устанавливаемые признаки, открывает возможность для локализации обманывающей нас видимости во взгляде. Не различать призрак и вещь — значит воображать. Кто не воображает, тот не человек и у того нет

единого корня для ума и чувства. Как только человек попытается что-либо рассмотреть, тотчас вступают в действие тени воображения, видимости, которые говорят: «Я видимость, я существую, как то, чего нет».

Эти локализации во взгляде касаются как ума, так и чувств, хотя они никак не связаны со структурами субъектности человека. Их исток в воображении, в свободном учреждении объектов, причиной реальности которых является сам человек. Вопреки Декарту, воображение нельзя понимать как тень восприятия. Но его нельзя понимать и как корень двух стволов познания, как думал Кант, ибо оно является способом существования человека, который и является истоком существования третьей реальности: виртуальной. Человек устроен так, что не может не создавать обманывающую его видимость. Совокупность объектов, локализованных во взгляде человека, составляет то, что называют виртуальной реальностью. Воображение априори является истоком этой реальности, предваряющим горизонтом любого представления, любой вещи. Пауль Клее идет к этим истокам и выходит за пределы телесности, фигуры и пространства.

Клее сознательно взял на себя труд по визуализации виртуальной реальности. Если «точка зрения» привязана к субъекту, то видимость не привязана к субъекту. Она привязана к самости и поэтому может затягивать в поле своего притяжения разных людей, которые начинают что-то видеть, хотя никуда и не смотрят. Визуализация вводит человека в мир необобщаемых содержаний, в мир нефигуративных, до пространственных изображений, т. е. изображений, которые теряют репрезентативные функции.

Локализация во взгляде — это не ошибка и не картинка, приуроченная к тексту. Это восстание против обесцененного языка, плата человека за свою субъективность, за рожденный ею принцип объективности.

ЮР. МИХАЙЛОВ

Городок

(недоуменная реплика)

Коллеги из русской провинции, православные и вполне благочестивые по жизни и намерениям, настояли на моем участии в некоем семинаре, в небольшом, но славном своей древностью и святостью волжском городке, как выяснилось, сохранившемся до сих пор в купеческо-мещанском, совершенно для нынешних дней уже романтиче-

ском, виде, хоть и в старом поселении — ровеснике Москвы, но вовсе сегодня не дряхлом, обновляющемся и даже прихорашивающемся.

В городке этом есть епархия, а в епархии ее глава — инициатор семинара. И дело тут не в теме семинара, вполне актуальной и благопристойной, ибо главе сего семинара это, как оказалось, все равно. Главное для главы — проповедь, которая по безальтернативности своего содержания и твердости тона что-то вроде инквизиторского послания. Кому в семинарском случае, зачем? Слушай и внимай! Отчего же тогда семинар с приглашением светских профессоров и, в частности, меня — светского ученого из столицы, явившегося в городок ради обсуждения острых проблем современности; неоднозначных тенденций в раскалывающемся мире — мире–войне; сложного положения уже фактически воюющей с Западом России, испытывающей к тому же собственный кризис; возрождения и подъема русского мира, его народа, его сознания, наконец — и роли в этом православия, а лучше бы сказать, православного подхода к решению животрепещущей бытийной и размыслительной проблематики.

Ничего подобного, конечно же, не было! Зато было мало что значащее пережевывание давно уже хорошо известного; очередное утверждение не подлежащей сомнению истины (что вовсе и не плохо, но вряд ли уместно на вроде бы «ученом» семинаре); демонстрация взаимной, вполне вроде бы и искренней, благожелательности друг к другу участников собрания и их несомненного преклонения перед его главой, ну и, разумеется, нетерпимость со стороны семинарского руководства к иным, еще и на что-то *своё* претендующим, мнениям. В итоге столкновение, разрыв, мой протестный уход с заседания (после соответствующей от раздраженного председателя реплики в мой адрес) и немедленный демонстративный отъезд из благопристойного городка в очумелую, но яркую все еще завидными умами, столицу.

Где же православная терпимость, где же православное гостеприимство?

Вот, собственно, и все! То ли просто русский, то ли еще впридачу и православный, апокалипсис в действии!

Русский мир, кажется, вроде бы есть, точнее, появляется благодаря властной инициативе сверху, но лишь как православный и только православный, а вовсе не собственно русский — то бишь без людей русских, которых как бы и нет! Старая, как сама русская история, песня. Греки, грузины, болгары, абиссинцы, румыны, сербы, кто там еще из православных на брэнной земле, они все есть, а вот русских... нет!

И эллин у нас остается эллином, и иудей — иудеем, а вот русского человека... нет! Как же так? Разве до прихода православия на Русь никаких русичей не было, как и их исконных предков? Да и сегодня

разве русский (прямой наследник великороссов) непременно только православный? Странно, но в русском волжском городке тоже как бы русских нет? А кто же они все, насельники городка — татары, турки, китайцы, а может, немцы, англичане, французы? А какие и чьи тогда армии входили когда-то в те же Берлин с Парижем? Разве не русские? А язык у русских чей, а история, а литература, а музыка, а живопись? Вот философии вроде бы у русских нет, а она все-таки есть — русская философия, да еще и софийная!

Впечатление, что все умственно-идейные вопросы давно уже за русских решены, думать ни о чем им не надо, кроме разве о личном спасении под водительством православного батюшки, не надо и к Господу с вопросами каверзными приставать, беспокоить Его, искать под Его водительством и с участием Божественной Софии какие-то подходящие для понимания переворачивающегося энергично мира ответы. Ничего такого не надо? Допустим, так — по убеждению главы семинара, именно так и должно быть — тогда зачем ему ученый семинар, предполагающий обмен мнениями, дискуссию, постановку болезненных вопросов, поиск возможных ответов? Одна Украина сколько поставила ныне острейших вопросов и потребовала нестандартных ответов, та самая Украина, где православные сегодня убивают друг друга: то ли в религиозной, то ли в межэтнической, то ли в политической распре, подогреваемой всесторонне из-за рубежа, из той же благодетельной христианской Европы и из тех же сверхблагополучных, тоже в основе вроде бы христианских США?!

Вера! Она ведь дело личное, совестное, интимное. Зачем же тогда пропагандистский пресс сектантского покроя над страдающим и ищущим русским человеком? Зачем отчаянная борьба с человеком самодостаточным, вовсе ни Бога, ни Софии, ни религии не отрицающим? Дело ведь не в том или ином религиозном концепте, не в потусторонних «убедительных» чудесах, а в вопрошании одиноко сидящего на Земле и затерянного в Космосе человека, вполне и несчастного по жизни, к тому же еще и смертного, вынужденного искать через свое возбужденное сознание духовно-умственной опоры, какого-то смысла своего бытия, спасительной цельности окружающего его мира, полноты всемирной экзистенции, как и великого смысла существования того, что человек миром-то как раз и называет.

Атеизм — тоже ведь вера, только не в Бога, а в человека — так, во всяком случае, иному человеку кажется. Это вызов, но вызов мало того, что вполне религиозный, но ведь по-своему и вынужденный! И разве сегодня не понятно, что религии не только объединяют, но и разделяют, что сами они не выходят из войны — за души, умы, мысли, смыслы, как и многое другое тоже!

Ладно, каждому свое, в том числе и ярим адептам православной церкви. Сознание человеческое все равно полностью никому не занять, мысль человеческую не закупорить, история выйдет такой, какой она только может и должна выйти. Религия, философия, наука — лишь проводители истории, в какой-то мере и ее творцы, но реальность всегда сильнее и вольнее ее человеческого осознания, а потому смотреть на реальность и ее прозревать нужно все-таки более всего непредвзято и непосредственно, а не через призму готовых учений, вполне и догматических, как и, разумеется, оценивать реальность страдательно и ответственно, что предполагает острые вопросы и... какие-то ответы на них, пусть и не абсолютные, но... *спасительные!*

И никаких, знаете ли, иллюзий!

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

17 февраля 2015 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Концептуальный уровень управления социально-экономическими процессами: методология и практика», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, кандидаты наук О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, М.Ю. Павлов, А.А. Соболевская, научный сотрудник А.А. Антропов, соискатель И.И. Рудяк.

* * *

С.С. НИПА, Т.С. СУХИНА, Т.Г. ТРУБИЦЫНА

Экономический неодирижизм в мировой и российской практике

Аннотация. Обзор материалов круглого стола, посвященного проблемам экономического дирижизма, проведенного в МГУ имени М.В. Ломоносова в ноябре 2014 г.

Ключевые слова: дирижизм, неодирижизм, развитие, кризис.

Abstract. The presents the review of the round table devoted to problems of the economic dirigism which is carried out to Lomonosov Moscow State University in November, 2014.

Keywords: dirigism, neodirigism, development, crisis.

19 ноября 2014 г. на экономическом факультете МГУ в рамках Международной научной конференции «Экономическая система современной России: пути и цели развития», организованной в связи с 210-летием кафедры политической экономии в МГУ, состоялось заседание круглого стола «Экономический неодирижизм в мировой и российской практике» под руководством Ю.М. Осипова.

Во вступительном слове ведущий заседание профессор **Ю.М. Осипов**, сказал:

Дирижизм был, есть и будет! Дирижизм это управление, от французского *diriger*, что значит управлять. Возник в качестве концепции во Франции. Первые попытки практического дирижизма относятся к 1930-м гг. В полную силу дирижизм вошел в действие для мирного времени после Второй мировой войны в связи с практикой французского экономического планирования. Первый государственный план вступил в действие в 1947 г. (план модернизации и оснащения 1947—

1952 гг.). В 1990-е гг. планы заменены прогнозами при общем ослаблении дирижизма в связи с интернационализацией экономики по причине европейской интеграции и глобализма. Французский дирижизм — развитие кейнсианства и одновременно ему противопоставление, ибо дирижизм шел дальше предложенного Кейнсом — в производство.

Дирижизм следует трактовать шире, чем это было когда-то у французов. Дело в том, что никакой экономики вообще нет без управления, того или иного дирижизма (государственного, международного, корпоративного). Всё и вся управляется. Цена на ту же нефть, к примеру, — совершенно управляемая цена. Это в основе своей никакая не рыночная цена. Нет или почти нет неуправляемых рынков, денежно-финансовых систем. Определенная свобода есть, но коррекционная, аддитивная, второстепенная. Тут важно одно принципиальное правило: не управляешь ты — управляют тобой!

Российская экономика ныне под внешним управлением. А должна самоуправляться, но не стихийно, а со своим сознательным, волевым управлением. Отсюда и обращение к дирижизму, а вследствие новых объектов — к неодирижизму. Неодирижизм предполагает наличие управляющего центра — национального, государственно-корпоративного, но центра, управляющего не самими по себе агентами, а обстановкой («климатом»), защитой, поведением, процессами, потоками. Он предполагает контрактную систему взаимоотношений, согласования, кооперацию, наконец, кое-какое единение.

Размышляя о культуре текущего периода, отметил кандидат технических наук, доцент Московского государственного университета приборостроения и информатики **П.П. Жуликов**, мы вынуждены обращаться к прошлому. При натуральном хозяйстве и общественной собственности взращивалась традиционная культура семьи, труда, общины с богами и т. д. При экономическом хозяйстве с появлением частной собственности добавилась культура накопления и сохранения собственности, которая стала трансформировать традиционные ценности. С развитием НТП, с каждой НТР создавались новые средства производства, происходили более детальные специализации и новые кооперации богатства, собственности, капитала. В настоящее время капитал укрупнился, субъективизировался и через своих адептов управляет экономическим хозяйством и формирует новую постиндустриальную потребительскую культуру под идеологией маркетинга.

Кандидат исторических наук, заместитель директора Центра общественных наук при МГУ **И.П. Смирнов** в своем выступлении предложил осмысление неодирижизма как нового феномена в управлении общественными настроениями. Термин «дирижизм» как идея сознательного руководства государственным организмом в течение XX в.

получал все более широкое применение, распространяясь на различные сферы не только экономической, но и общественной жизни. Зародившийся в последние десятилетия неодирижизм служит действенным инструментом в современной миропроектной борьбе. Природа дирижизма претерпела коренные изменения в гуманитарной области. Главным орудием вступившего на историческую арену неодирижизма выступает медиасфера. Нельзя сбрасывать со счетов и школу, и университеты. С помощью именно этих регуляторов, а не через государственные органы, осуществляется организация самоорганизации — эффективное управление новой эпохи.

Научный сотрудник экономического факультета МГУ **А.А. Антропов** подчеркнул, что практика и теория дирижизма в России в XX в. имеют свои национальные, оригинальные корни и фундаментальные достижения. Нашему и новым поколениям придется создать в жестко короткие сроки 2-2,5 года современный, работоспособный, эффективный, индикативный метод российского экономического (хозяйственного) программирования. Естественно, при разработке и внедрении практических инструментариев регулирования для максимизации эффекта (для начала минимизации потерь) всей цепи всего народного хозяйства.

Доктор экономических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета **А.А. Олейников** отметил, что для осознания неодирижизма нужно вернуться к традиционным устоям общества, надо вспомнить наши истоки. Историю народов двигают поиски смысла бытия.

В выступлении профессора, заведующего кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета **В.Т. Рязанова** отмечалось, что произошедший в 2008—2009 гг. мировой кризис представляет собой кризис финансовой глобализации. Поэтому выход из него предполагает возвращение к модели регулируемого рынка, в которой возвращена роль государства как главного регулятора. Для России в современной геополитической ситуации ключевой задачей становится не встраивание в глобальные цепочки создания добавленной стоимости или поиск ниш в мировой экономике, а восстановление народнохозяйственного комплекса как воспроизводственной целостности. Ее реализация в рамках программы неоиндустриализации позволит преодолеть инерцию деиндустриализации и обеспечит становление России как самостоятельного субъекта мировой экономики и потенциально одного из центров развития.

Кандидат экономических наук, профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова **В.В. Кашицын** высказал

следующую мысль. Логика эволюции экономического развития стран в течение последних ста лет и российской экономики в частности объективирована ростом и усложнением экономической роли государства. Поэтому определенными императивами любого дальнейшего формата развития российской экономики являются изучение и использование богатейшего опыта государственного регулирования экономики, что и составляет суть неодирижизма.

В заключение **Ю.М. Осипов** сказал, что никакая свобода, стихия, рынок и т. п. вещи Россию не вытащат — ни из кризиса, ни из-под санкций, ни к независимости, ни на подъем, ни к развитию. Дирижизм не отменяет либерализма, тем более этого не делает неодирижизм. Наоборот: неодирижизм — условие наличия либерализма! Это-то и надо бы всем сегодня понять.

Неодирижизм — залог сохранения, развития и процветания России — как самоопределяющейся страны!

* * *

Е.С. ЗОТОВА

Постмодернизм: от культуры к антикультуре

Аннотация. Дается обзор состоявшегося в МГУ теоретического семинара по проблемам культуры эпохи Постмодерна.

Ключевые слова: эпоха Постмодерна, апокалиптика, сакрализованная культура, антикультура, гуманизм, кризис культуры.

Abstract. The article is devoted to the theoretical seminar which took place in MSU on problems of culture in the Postmodern era.

Keywords: Postmodern era, apocaliptics, sacral culture, anti-culture, humanity, crisis of culture.

В рамках теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» 18 ноября 2014 г. в МГУ состоялся семинар на тему: «Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре», на котором рассматривались следующие вопросы.

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, клас-

сика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — рас-человечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

Руководитель семинара д.э.н., профессор, директор Центра общественных наук при МГУ **Ю.М. Осипов** начал со следующих размышлений:

«На сегодняшнем заседании поставлен вопрос о культуре — культуре Постмодерна и ее роли в судьбе человечества. Первое, что я бы хотел сделать — обратиться к понятию апокалиптики. До меня, к примеру, дошло, что речь идет тут не просто об апокалипсисе, о котором уже давно стало модным говорить, что вовсе уже не является чем-то запретным или необычным, до меня наконец-то дошло, что вся история человечества, все его бытие, свидетельствуют, что они, в общем-то, по сути своей апокалиптичны. То есть апокалипсис — это не какой-то период — кризисный, острый, трескучий. Нет. Я считаю, что вообще нет феномена человека вне апокалиптики; так же, как и нет ни одного героя исторического без все той же апокалиптики. Обратите внимание: кто в реальности не “апокалиптик” — Чингисхан, Македонский, Наполеон, Сталин — кто? Даже “счастливая” фрау Меркель — и та не может от этого убежать.

Надо понять, что такое апокалиптика. Это некое беспокойство истории, беспокойство бытия, их постоянная неразрешимость и незавершенность. Здесь постоянное присутствие тайны, как и ее непрекращающееся разгадывание. Это масса нелепых, необъяснимых, безумных действий. Мы привыкли считать: здесь ошибка, тут неправильно, еще что-то в таком духе. И вот сейчас Украина — это прямая, дурная и грозная вспышка апокалиптики.

История, бытие, жизнь, хозяйство апокалиптичны. Они связаны с противоположностями, обязаны противодействиям. Вот то же хозяйство? Это ведь не только созидание, но и разрушение. А война? Сплошная апокалиптика. Оказывается, что человек, попав на планету Земля, не может просто так радоваться жизни. Изгнание из Рая, первоначальный грех (хотя я считаю, что человек особенно и не виноват в этом грехе), непосильный труд, эксплуатация человека человеком — опять апокалиптика, а сам человек всю апокалиптичен. Сколько тех же самоубийств? — А это жизнь, она вот такая, и пока мы не видим никаких шансов преодоления всего этого апокалиптического. Человечество мечтает о таком преодолении, о конце апокалиптики, но ничего подобного ведь не происходит. Жизнь — это страдание, это тяжба, это несение стойкого бремени. Само обладание сознанием — уже страшная тяжесть, — и это самая настоящая апокалиптика. Понимаешь, что ты в

тенетах, что ты ограничен, но и вырваться из этого мира не можешь. Более того — ты обречен быть, что-то при этом делать, а потом и насовсем исчезнуть. Есть потом загробная жизнь, нет ее — неизвестно... И потом — что это значит: загробная жизнь, жизнь, которая не является жизнью? Все это большие вопросы... Для чего я это сейчас говорю? Чтобы обратить внимание присутствующих — как я сам обратил — на этот вот феномен апокалиптики, который есть феномен самой реальности, и на его — этого феномена — осмысление. Отсюда апокалиптика как реальность и апокалиптика как учение.

Апокалиптика — вещь интереснейшая. Она работает как “вниз”, так и “вверх”. Я-то сейчас “нажал” на отрицательные стороны, но “восторги” какие-нибудь, чрезмерности разные вроде гедонизма или того же “гламуризма”, которые людям тоже свойственны, разные “эйфории” — это, вообще-то, тоже апокалиптика!

А вот, скажем, покой... Покой тех же “денег больших предержавших”. Покойно им или нет? Допустим, покойно... Это апокалиптика или нет? Здесь большой вопрос. Почему? Потому что речь идет о благополучии, а не о благодостижении. Благо получено, а не достигнуто. И здесь, в общем-то, тоже апокалиптика. Только вопрос конечной “развязки” несколько затягивается. Тут некое “замирение” апокалиптики, которая насовсем нигде и никогда не исчезает.

Теперь к искусству. Всем хорошо известны Ренессанс, Просвещение. Что там происходило? Человек ушел от природного и сакрального и перетянул все внимание на себя. Постарался уже себя самого сакрализовать. Это был бунт, это было восстание — против Создателя, против Господа Бога!

Был теизм, стал гуманизм. Потом случилось что-то невероятное. В конце XIX — начале XX в. происходит отход от гуманизма, от “сакрализации” человека человеком, но зато наступает вдруг отрицание человека человеком. Человек стал отрицать самого себя — изображать уродов вместо человека, природу какую-то непонятную, фантазии всякие болезненные. Шизофрения победила рацию: что ни художник — то сумасшедший, что ни музыкант — тоже... и т. д. Дали себя вполне показал, как и тот же Пикассо. Человек вдруг впал в какое-то безумие, наверное, как следствие своего отречения от природы и высших сил, от Бога. Тут как раз и появились Бодлер, Ницше, Вагнер...

Первая мировая война, потом Вторая... Это фактически восстание АнтиЕвропы. Сначала это вылилось в многосторонний империализм, а потом и в фашизм. Европа восстала против самой себя. Кроме как безумием это не назовешь. Взять согнать миллионы мужиков, причем здоровых, крепких, посадить их в окопы и методично уничтожать! Это уже не наполеоновская война — там были какие-то принципы, а тут, в

Первую мировую, сидя в окопах, люди уничтожают друг друга, даже не вступая в контакт, — как сейчас украинские войска стреляют на Юго-Востоке, в Донбассе. Это уже совсем не та Европа, не ренессансная, не гуманистическая. Это не гуманизм вовсе — это антигуманизм. Это пришествие в Европу антимира. Все в Европе перевернулось. Тот же синемаграф: Чарли Чаплин — это, может, и смешно, но ведь это безумие на экране.

Конечно, в Европе еще оставались какие-то мыслители, писатели, художники, которые пытались сохранить что-то гуманистическое, “европейское”. Но процесс “обезумевания” разгорался.

Возьмем тот же импрессионизм. Я тоже был им увлечен, изучал его даже... Но ведь в принципе это уже был отход от нутра человеческого — только внешность, только блики, миражи, призраки... это было совсем не страшно, во многом забавно, но это уже было начало перевода человека в мираж, а потом уже и просто в уродство.

Европейское сознание уже сломано — его заставили любить антиискусство, если говорить в терминах “божественно-человеческих”. Потому что это античеловеческое искусство. (Кстати, так же, как сломали экономистов при отказе от политэкономии и внедрении экономикса. Экономикс — это такой же постмодерн, такое же уродство, как и постмодернистское искусство.)

Вперед вышло “анти”: антимир, антикультура, античеловек — мы называем это расчеловечиванием, т. е. наступлением постмодерна, который сейчас, в XXI в., укрепился, показал себя во всей красе своими “инсталляциями”, бездушной архитектурой, голой информатикой и пр., но начинал он тогда — в начале XX в. Шла некая борьба в это время между модерном и постмодерном. В Советском Союзе пытались запретами удержать наступление западного постмодерна, пропагандой классического искусства, литературы, но сейчас мы имеем уже приступ и в России постмодерна — когда каждый “творит” все, что вроде бы хочет, кроме, разумеется, человеческого, классического, духовного, а все постмодернистские “творения” преподносятся как величайшие достижения, причем достижения, которые “закрывают” классику, закрывают все человеческое и сакральное — вот что главное. И человек растерялся, он сейчас не знает, где он — вы не найдете в современном искусстве никаких людей, никаких характеров, никаких реальных сюжетов — только блики, только миражи, только выдумки. Спасибо Малевичу (не знаю, что он там думал, когда писал свой “Черный квадрат”) — он четко все обозначил: мертвечина, тьма, бездна. М. Булгаков в своем романе ведь тоже изобразил уход во тьму всей “команды”, и сам мастер у него прячется на какой-то потусторонней дачке — в покое как бы (а на самом-то деле в “заупокое”!) — он спасается от

земной апокалиптики посредством вечного покоя... Фактически он рисует тот же черный квадрат, но уже в мире слова!

И вот современность. Вроде бы существуют классическая музыка, классические музеи, древние иконы... Но человек уже от этого отторгнут, “всунут” в другой мир, и, хотя классическое прошлое и является некой питательной средой, но вряд ли формирующей нынешнего человека — для него это не более, чем витрина.

Вот она — апокалиптика — уже “вершинная” апокалиптика. Апокалиптика, которая связана не с тем, что тебе сейчас плохо, что-то произошло ужасное, а апокалиптика как состояние нынешнего бытия, как его норма.

Что на самом деле происходит? Что дальше?

Давайте обсудим!»

Далее о кризисе метафизики культуры высказался доктор философских наук, профессор **Ф.И. Гиренок**.

«Что такое метафизика? Это усилия человека на обычном языке сказать то, что на нем плохо высказывается. Метафизика создает правило, по которому одни слова естественного языка соотносятся с другими словами как рубрики бытия. То есть как слова, которые не отсылают к другим словам, а отсылают только к самим себе. Тем самым предполагается, что еще есть слова, которые ссылаются не на себя, а только на другие слова. Первые объявляют себя главными, а вторые оказываются второстепенными. Главные слова объявляют себя последней инстанцией, а все остальные слова должны получать смысл через соотнесение с ними, т. е. должны повиноваться.

Что такое кризис? Это бунт, устроенный подчиненными словами. После модерна в философии нет последних инстанций, нет главных слов. Все слова равны. А если они равны, то тогда философия как метафизика заканчивается и начинается философия как физика. А если начинается философия как физика, то это значит, что исчезает философия вообще. Она оказывается либо литературой, либо физикой.

В антропологии кризис метафизики замечен следующим образом: заумное, безумное или неразумное стало пониматься не как отклонение от разума, а как его условие. Патология — теперь и навсегда ключ к норме, а не норма — ключ к патологии.

По словам Гегеля в “Энциклопедии философских наук”, чтобы стать умным, прежде нужно сойти с ума. Что значит сойти с ума? Нужно грезить и свои грезы полагать в качестве первой реальности. Помимо этого под словом “ум” после модерна понимается только расчет, только вычисление. Ум связан с числом и логикой. При этом модерн полагал, что число делает мир свободным от заблуждений. Казалось, что число и ложь несовместимы друг с другом. После модерна

становится ясным, что логика лжет, а число дружит как с истиной, так и с заблуждением. Культура после модерна поняла, что она не может отличить призрак от вещи, мысль от бытия. Человеку после модерна ум не нужен. Вернее, наш ум теперь нужен не нам, а другому человеку. Этот другой хочет сделать нас послушными. Быть свободными после модерна означает только одно — отказаться от ума, спрятаться либо в безумии, либо в зауми. И язык нам теперь нужен не для того, чтобы выражать и сообщать мысли, а для того, чтобы лишить человека галлюцинаций. После модерна язык нам нужен для того, чтобы другие нас не понимали. Пока нас не понимают, нами нельзя манипулировать, нас нельзя поймать.

Кризис метафизики выражается еще и в идее о смерти субъекта. Субъект — это такое устройство, которое позволяет создать вокруг нас светлое пятно. В этом светлом пятне есть объяснимые правила, понятные нормы, законы и последовательности. А вот за границами этого светлого пятна есть тьма, там хаос, там нет порядка, там нет субъекта и туда нельзя соваться со своим разумом, со своей рациональностью.

После модерна субъект умер. А как мы об этом узнали? Философы, конечно, об этом говорят, но их понять трудно. Они не умеют, как Сартр, разъяснять свои мысли. И тогда за них эту работу делают писатели или умные режиссеры. Вот Бюнуэль — умный режиссер. Он очень тяжело переживал смерть субъекта. Все его фильмы об этой смерти. Вот два его героя договариваются о встрече. Они хотят вместе поужинать в ресторане. Но все у них как-то не складывается, не получается. Все время возникают какие-то события, которые мешают встрече, откладывают ее, отодвигают. Они так и не поужинают вместе. Почему? Потому что мы живем в мире, в котором наши простые желания становятся невыполнимыми. Вот ты хочешь посмотреть фильм “Доктор Фаустус” и никак у тебя это не получается. Мир против тебя. И ты один на один с ним.

Все это заставляет культуру после модерна искать убежище в материализме и коллективизме».

Профессор, д.ф.н. **Н.Б. Шулевский** посвятил свой доклад историческим метаморфозам самосознания.

«Самое главное в контексте современного мира, идущего из полноты Премодерна в пустоту Постмодерна — это динамика преобразований самосознания, которое определяет телеологический детерминизм, экзистенциальные и смысловые перспективы истории. Оно содержит в себе алгоритмы всех негаций времени и бездн, все возможные реалии получают в нем путевки в бытие. Самосознание есть источник, местобитание и способ действия тайн, неизвестности, судьбы; и даже само

ничто-отсутствие в нем получает лицензию на делические инициативы невозможного.

Живой оригинал самосознания таится в мире вечности, уходя своими корнями в энергийно-смысловое, событийное творчество Создателя, преобразующего отсутствие, ничто, хаос, бездны, бессмыслие, безумие, бессознательные, бесформенные стихии в целемерные, целетворящие, меросозидающие виды бытия, в ум-разум, в пророческое, в смысловое, осмысленно-осмысляющее понимание, в сердечные тайны души и вечности.

Самосознание все в себя вбирает, все в себе отражает, преобразует, раскрывает, проектирует, творит новую реальность и ее субъекта. Самосознание программирует, формирует, определяет, размышляет, вообразает мир идеальных прообразов, само оставаясь неопределенной и неопределимой величиной. В нем непрерывно работает мощная смысловая энергия вечности, идет постоянное порождение оригиналов реальности и ее формального разнообразия. Самосознание выступает как автократическая власть, как спонтанная технология, проектирующая, создающая и запускающая различные программы, алгоритмы, игровые сценарии, хитроумные планы, криминальные аферы, кризисы, катастрофы. Сам апокалипсис — это мистерия самосознания, очищающего свою световую природу от симулякров, иждивенцев, призраков. Самосознание — живой дом судьбы, которая отдыхает в нем от своих тайн и своего страшного долга.

Самосознание есть величайшее бремя, ибо в нем апокалипсис постоянно отделяет “плевелы” эйфории и праха от смыслового золота жизни. Самосознание — это не только благодостояние, но и тяжелейшая кара человека, изводящая его муками совести. Самосознание делают реальностью боль, страдания, переживания и... Любовь. Самосознание есть огонь шаровой молнии. Можно ли вынести сильнейшую боль, которая питается этим огнем?

Самосознание — Посланник, Свидетель, Наблюдатель, Навигатор, Корректор, Правитель, Судия физических реалий. Посредством *суждений, целей, мер, оценок, умозаключений, категорий, идей, теорий* самосознание творит, упорядочивает, организует мир, запускает его динамику, приводя мир в соответствие со своими криптогенными смыслами, вестями, вещаниями, ведениями. Вот такого самосознания еврочеловек не терпит, заменяя его слепым, виртуальным, механическим, искусственным бессознанием. Самосознание уже давно страдает, ибо нет ему места в мире бессознательности, матриц, программ, безумия и хаоса. Отсюда наркотики, алкоголь, порно, псевдоразвлечение, цель которых — устранить самосознание из мира, передать его сакральные полномочия информационным технологиям.

Все самое важное и значимое содержание самосознания было открыто в эпоху Премодерна и закреплено в мифах, религиях, фольклоре. Премодерн преодолел первичную дикость людей, создал аграрно-ремесленную, художественную, религиозную и философскую культуру, вытеснив инстинкты, бессознательное, призрачное, фантомное, теневое в преисподнюю. Премодерн с помощью Софии-мудрости открыл самосознание, вывел его из нави в явь. Премодерн представил самосознание в качестве неосязаемого мира, который дальше всего от человека, но в то же время он ближе всего к человеку, составляя его смысловое ядро, определяя его деяния.

Модерн устранил мифологические, религиозные, философские детерминанты жизни, насадил колониализм, индустрию, атеизм и гуманизм, сделав главным фактором жизни бесконечный прогресс науки и техники. А самосознание стало средством власти человека, превращения его в демиурга, стоящего выше Бога, дьявола и природы. Модерн выкорчевал сакральные корни самосознания, заменив их гуманизмом и насилием.

Постмодерн избрал путь деконструкции Логоса, человека и самосознания, которое исчезает из его антигуманной риторики. Самосознание вытесняется текстуальной, грамматической десемантизацией, виртуальными облаками и эфирными технологиями. Идет переработка самосознания в материал сетевых матриц, которые заменяют его креативность игрой, симуляцией. Самосознание заменяется тюремными сетями информации.

И лишь русская философия сохранила сакральное самосознание Премодерна, питающего человека своими энергиями. Для русской философии именно воздействия самосознания (святости, сакральности) на материю спасают ее от извращений, энтропии. Самосознание облагораживает материю, выявляя ее божественные смыслы, значения, имена и глаголы».

В своем выступлении д.и.н., профессор исторического факультета МГУ **Г.Р. Наумова**, сказала, что «постмодерн может анализироваться в разных контекстах. Правда, при этом мы выходим за границы ощущения состояния постмодерна. Постмодерн может рассматриваться как проблема отношения к прошлому, как проблема искусства, как вопрос отношения к знанию вообще и научному знанию в частности, и т. д.

Как бы там ни было, но в основе лежит невозможность, или неспособность, объединить огромное, наполненное на предшествующем этапе, позитивное знание. Приходит робкое осознание того, что знание не всегда связано с персоной и атомарной частью его сознания. Науч-

ное знание бледнеет на том фоне, который создают ему знания вообще.

Нам недостаточно уже фактического материала, мы хотим знать *все* концепции, которые им порождены, причем не “итоговые”, но именно все — возникавшие когда-либо! Мы не доверяем современникам.

Для этого есть основания. Особенно ярко они проступают в сфере искусства: перформансы, коллажи, инсталляции и т. д. Одним словом, “Beliebigkeit” (всякая всячина)».

Ю.М. Осипов: «Постмодерн, видимо, надо воспринимать как некую напасть. Ведь он пришел как прогресс, как что-то более высокое, более совершенное, а на самом деле идет срыв... Может, конечно, вы не чувствуете этой напасти».

Выступивший далее д.э.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ **И.Г. Шевченко** предложил аудитории свои рассуждения о природе инфернальности экономики.

«Я благодарен постмодерну за то, что в его информационном изобилии человечеству стали более очевидными, более очерченными те стороны экономических процессов, которые вполне благополучно вызревали в тени в течение тысячелетий. Было бы странно предполагать, что масштабное разложение человека экономическим устройством общества случилось внезапно и вследствие крайне неудачного стечения обстоятельств: долговые капканы, опутавшие миллионы и сотни миллионов, хищническое потребление невозполняемых ресурсов, войны ради высокого курса эфемерной валюты, возрождение рабства и торговля человеческими органами — все эти гримасы экономики Постмодерна имеют свои корни и свою уходящую в глубь веков питательную среду.

Постмодерн лишь сделал запретные материи явными: он вынуждает любить их и гордиться ими, он уже не желает маскировать пороки общества, а стремится развивать их и зарабатывать на этом. Но чем лучше гримас постмодерна фашисты, изготавливавшие абажуры из человеческой кожи, помещики России и плантаторы Америки, с энтузиазмом торговавшие людьми в XIX в., античные греки, сбрасывавшие с крепостных стен младенцев, племена германцев, поедавших своих стариков из-за недостатка белковой пищи?

Инфернальность экономики является лишь логичным, неизбежным (но при желании преодолимым) следствием инферальной стороны человеческой личности, эгоизма, жадности и страха. Ощувив себя независимым от сородичей, человек испугался свободы и стал себе хищником и палачом. Религия дает ясный ответ, как это происходило, но падение современного человека стало настолько глубоким, что основы религиозного сознания перестали рассматриваться как руководство к

действию и выживанию, а стали трактоваться как элемент исторической традиции — архаичный, не всегда желательный, — а вопросы веры стали подменяться бесплодными разговорами о недостатках — истинных и мнимых — в деятельности религиозных институтов.

Между тем религия ясно указывает, что человек принципиально несамодостаточен, он является лишь маленькой клеточкой огромного живого организма. При этом весь так называемый прогресс внушал прямо противоположное, возбуждал гордыню и веру во всемогущество человеческой личности. Люди как клетки единого организма возомнили, что они каждый сам по себе. Когда нечто похожее возникает в человеческом теле, это называется опухоль и удаляется хирургическим путем, иначе — гибель. Похоже, разгорающаяся Третья мировая война и призвана отрезвить не в меру разгулявшегося человека и показать его истинное место во Вселенной.

Есть ли альтернатива этому горькому лекарству? Есть — это христианский социализм, неполные, изо всех сил искаженные версии которого уже состоялись в Западной Европе, и, несмотря на свою искаженную природу, подарили Германии и Скандинавии немало удивительно положительных результатов.

Православная Россия в современном мире получила исторический шанс довести до конца дело христианского социализма, основами которого являются признание ценности всех членов общества, эволюционное изменение общественных структур и торжество моральных принципов. Одиночество России носит мнимый характер, миллионы жаждут появления в мире нового морального лидера, указующего человечеству путь в будущее, а не бездумного самоуничтожения в миазмах разлагающейся рыночной экономики».

«Сегодняшняя тема и ее обсуждение мной воспринимается просто, — сказала профессор Санкт-петербургского университета ИТМО **Н.А. Шапиро**. — С одной стороны, можно было бы однозначно согласиться с тем критическим настроением, который здесь звучит. Но, с другой стороны, трудно поверить в то, что заканчивается и исчерпывает себя традиционный смысл гуманизма и культуры. Возможно, что мы переживает смену форм их существования или проявления. Да, сейчас проявляется некая чрезмерная увлеченность техническими возможностями в ущерб гуманитарным смыслам. (Первый опыт кинематографа — это мчащийся навстречу зрителям поезд — также лишен глубокого гуманитарного смысла, однако интерес вызывал огромный.) Недавно я смотрела спектакль в Александринском театре “Камера обскура” по В. Набокову. Спектакль поставлен в специально оборудованной “технократической” сцене, со всевозможными ИТ-устройствами, людей-актеров всего два человека и роль у них своеобразная. Их присутствие

как бы “заземляет” происходящее на сцене. Поставлено талантливо, и смотреть было очень интересно. Вопрос, как всегда, не в средствах, а в талантах! Прогресс в средствах позволяет раскрывать разные таланты. В данном примере доминантой является не талант актера, а талант режиссера, позволяющий ему воспринять возможности технических средств и раскрыть глубину чувств героев.

В настоящее время в связи с 3D-технологиями появляются фантастические возможности для режиссеров. Они могут соединять в компьютерном пространстве актеров разных стран или лет, которые в реальной действительности никогда не встречались. Например, можно “отцифровать” киноленты с известными актерами прошлых лет — как отечественными, так и западными. С помощью современных технических средств воспроизвести их манеру двигаться, их интонации, их реакции и пр. и создать своеобразный виртуальный банк актеров, использовать таких виртуальных персонажей для новых фильмов и спектаклей. Задача режиссера — выбрать наиболее интересные комплиментарные варианты. Виртуальные актеры сыграют то, о чем живыми они лишь мечтали. Важно талантливо воспользоваться накопленным человеческим опытом. Безусловно, что не все известные актеры прошлого могут иметь такую 3D-копию, ограничениями будут временные рамки существования кинематографа. Есть здесь и этические и правовые проблемы, но при этом раскрываются новые творческие возможности режиссеров, поскольку снимаются ограничения существования актерской фактуры, типажа, разрыв во времени.

Таким образом, думаю, что инфернализация гуманизма в настоящее время — это чрезмерно жесткое определение. Но поскольку дорожную карту смены форм проявления/существования искусства и культуры никто не писал, постольку это происходит непросто, хаотично и порой болезненно».

Соискатель философского факультета МГУ **И.И. Рудяк** изложила свое представление о времени как факторе экономико-антропологического механизма расчеловечивания в эпоху Постмодерна, основываясь на работах Бахтина и Рикера.

«В книге “Я-сам как Другой” Рикер пишет о “темпоральности Я”, которое близко к cogito Декарта как мышления, происходящего во внутриличностном пространстве конкретного человека. А темпоральность Я в понимании Бахтина основана на самоощущении “Я есть Я” только из одной (в рамках хронотопа) индивидуальной антропологической точки зрения наблюдателя. В эпоху Постмодерна самоощущение “Я есть Я” осуществляется не просто на границе с культурой, как в свое время полагал Пиаже, а на границе отдельного во времени ощущения (Хайям: “Верь минуте текущей, будь счастлив теперь”), поэто-

му в сфере экономики получение ощущения и является побудительным мотивом покупки. Аристотель полагал, что “потребности” человека ограничены его жизненными реалиями, но “желания” одного конкретного человека могут не иметь никаких границ. В подобном смысле экономика Постмодерна основана именно на “желаниях” Аристотеля, которые сводятся к получению внешних, коротких во времени и обособленных ощущений (Эмрих: “Счастье прячется в незаметных радостях”). Поэтому в эпоху Постмодерна “бытие” Маркса таким образом определяет “сознание” человека, что его самоощущение “Я есть Я” выходит из внутриличностного пространства на поверхность (Юнг: мышление детей и дикарей) и лишается “мышления” в понимании Декарта (выход из внутриличностного пространства и отсутствие времени на логический дискурс). А американский философ Толле даже изобрел оздоровительную методику, призванную научить человека фокусировать внимание на отдельном факте реальности, чтобы освободить его от гнета ума и научить его обходиться без мыслей. И вот уже, как в фильме “Мертвый сезон”, человек “радуется, что помидор красный”. Таким образом, потеря темпоральности Я (как дробление цельности “Я есть Я”) в результате “дробления антропологического времени” (в рамках общего “дробления цивилизации”), делающего его подобным времени микромира, ведет к уничтожению самого хронотопа (основанного на теории относительности) и, как следствие, к потере индивидуальной антропологической точки зрения наблюдателя, что и совершает “расчеловечивание Постмодерна”».

Свое выступление к.э.н. **Е.Х. Хабибуллина** назвала так: «Постмодерн: контртенденция России».

«Выделение трех эпох христианской эры — Премодерн — Модерн — Постмодерн, — отмечающее этапы постепенного уменьшения роли христианских ценностей в обществе, справедливо именно для западного христианства. Суть западного постмодерна — не просто отход от христианства, а глубокое богоборчество, бунт против реальности богоприсутствия в мире, сознательное и последовательное разрушение божественной реальности в пользу бездуховного вакуума, наполненного лишь темными духами (А.Л. Яхнин, “Антиискусство”, 2011). Постмодерн, субстанция безбожной пустоты, представляемая его адептами как “новая реальность”, призван к разрушению христианской культуры и христианской Церкви, уничтожению христианства в целом, в конечном счете — к стиранию самой памяти о Боге из культурных кодов западной цивилизации. Заслуживает внимания тот факт, что ядро апостасии вызревало именно в русле западного христианства. Православная же цивилизация, которая пребывала хранительницей его чистой, неповрежденной версии, создала контртенденцию для анти-

культуры эпохи Постмодерна. Это на Западе системообразующим феноменом культуры стал постмодерн — “лаборатория распада” смыслов, форм, границ, сознательная богоборческая направленность contemporary art, демонические гримасы, складные чудовища, культ уродства, оккультные и языческие инсталляции в католических храмах, это “удушие могилы”, “демоническая одержимость” и поругание женственности и любви (С.Н. Булгаков). Напротив, в творчестве гениев русского искусства — таких пророков и мыслителей, как Вячеслав Клыков и Павел Рыженко, христианская традиция получает новый взлет. Душа говорит с душой, и нас, наследников Российской империи, “пробивает” набатный звон, как в грозу, идут незримое очищение и перерождение, трудная, мучительная работа по преодолению себя, сращивание обрубленных корней, растет решимость дотянуться до этой высочайшей планки идеала русскости, мы видим строгие и любящие лики проливших свой пот и кровь за каждого из нас, и в наш черед желание подвига стучит в наших сердцах, бьющихся в унисон: мы вас не подведем! Сейчас время, когда раскрываются тайны, и глубина расхождения православия и западного христианства становится все более явной — католичество и протестантизм все более откровенно отрекаются от духовных идеалов заповедей. Под напором коалиции сил зла, на прошлой неделе Папа Римский собирал совещание с целью по-новому определить отношение к содомии. Лишь небольшой перевес голосов отложил до времени окончательное отступление католиков. Да, верой нельзя тщеславиться, православие — предмет величайшей ответственности, но и величайших упований. Россия — снова империя Духа и последний оплот для людей доброй воли, как говорили об этом раньше, и опять слышим сегодня. Наша молодежь — даже ближе к Богу, чем мы, старшее поколение, ведь уже 10% молодежи воцерковлено, а не 5%, как среди более взрослых! А значит все преодолимо! Россия пре-будет Третьим Римом до скончания веков!».

Научный сотрудник лаборатории философии хозяйства **С.С. Мерзляков** посвятил свое выступление апокалиптике и концу человеческого.

«Сознание — это то, что отличает человека от животных. То есть сознание — это сущностная черта человека, которой обладает только он и никто больше. Часто ошибаются, когда нашей сущностной чертой объявляют разумность. Разум не является видоспецифической чертой человека, и он не имеет отношения к сознанию. Разум суть рациональное поведение. Животное всегда разумно: оно ведет себя так, как выгодно организму с точки зрения врожденных и приобретенных правил поведения. Такое поведение не может не быть рациональным, поскольку оно сформировано в результате миллионов лет участия орга-

низма в эволюционном процессе и выдержало испытание естественным отбором. Поэтому наше рациональное поведение вовсе не является критерием наличия сознания. Животное — это реалист, но человек — это всегда идеалист.

Поэтому способностью, которая указывает на сознание, является воображение. Воображение — это способность раздражать самого себя своими фантазмами. При этом подобное поведение не является рациональным или необходимым с точки зрения естественного отбора: вместо того, чтобы правильно реагировать на внешние стимулы, человек подвергается воздействию внутренних переживаний. Таким образом, идеальное вступает в противоречие с реальным. Именно поэтому животное — это реалист, а человек — идеалист. И нашей сущностной чертой является существование у нас воображения.

Однако сегодня пространство воображаемого сужается за счет расширения пространства социального. Для того, чтобы выполнять функцию социального существа, нам не нужно ни воображение, ни сознание — достаточно навыка социального действия. Человек попадает в пространство воображаемого, когда он находится наедине с собой. В настоящее время появляется нехватка этого самого приватного пространства, в котором субъект находился бы вне действия на него социума: Другой проник туда, где раньше человек мог укрыться от общества, отдохнуть от него. Современные технологии позволяют человеку реализовать социальный инстинкт, будучи физически далеким от общества. Интернет и телефон позволяют постоянно находиться внутри социума и быть его частью без реального взаимодействия с другими людьми. Соблазн непрерывающегося общения настолько велик, что мы постоянно испытываем болезненную потребность быть на связи с Другим, нам нужно, чтобы Другой всегда был где-то рядом. И человек всегда удовлетворит эту потребность, если только появляется такая возможность. А такая возможность сегодня есть всегда. Наше фрагментированное, клиповое сознание — не сознание вовсе. Потому что сознание заявляет о себе исключительно в “тишине подполья”, т. е. там, где человек остается наедине с собой.

Воображаемое уходит из нашей жизни под давлением возрастающего удовлетворения социального инстинкта. Мы больше не способны быть одинокими, а одиночество — необходимое условия для взбрыкивания сознания в ответ на работу воображения. Сознание приносится в жертву функционированию социального автомата. И это означает близкий конец человеческого.

Апокалиптика — это не просто конец мира, но конец человеческого и переживание этого конца. Мы живем в то время, когда сущностная черта человека, вырвавшая нас когда-то из мрака материи и пода-

рившая нам существование, оказывается ненужной. Проект “человек” заканчивается, и мы свидетели его завершения. Ницше писал о будущем: “Пустыня растет. Горе тем, кто несет в себе пустыню”. Пустыня — это пространство техники и Другого, который все больше становится частью человека. И человеку это нравится, поэтому горе ему».

В своем выступлении к.т.н., доцент Московского государственного университета приборостроения и информатики **П.П. Жуликов** затронул вопросы культуры как института развития собственности.

«От простой посылки — культура это возделывание, воспитание, образование — проявляется ряд совсем не простых вопросов: а кто воспитывает и регламентирует, образует?»

Вспомним натуральное хозяйство с коллективными отношениями собственности, общественным управлением производством и равномерным потреблением. *Культуру образует труд, семья*, культура воспитывает потребление, отношение к собственности как общему благу, ценности семьи, общение с богами и т. д.

Но в какой-то момент времени произошла бифуркация, и из натурального выделилось экономическое хозяйство и стало самостоятельной быстроразвивающейся ветвью. Появилась частная собственность и изменила отношения производства и потребления: общественное производство осталось, а потребление персонифицировалось, стало дифференцированным и разноуровневым. А для закрепления такого состояния потребовалась легитимизация права собственности, и с этого момента образовывать и возделывать культуру стала сама собственность-капитал.

Частная собственность в сравнительно недолгих отрезках времени трансформировала культуру возделывания общества под свои цели: накопления и сохранения собственности-капитала и породила современную экономическую цивилизацию. Собственность была объявлена священной, и культура стала инструментом собственности-капитала.

Эта идеология достигла расцвета в Римской империи, но на пике своего развития собственность-капитал сменила культурную парадигму и трансформировала представление о мире божественном. Многобожные религии вытеснились единобожными, что значительно упростило управление людьми и облегчало процессы укрупнения капитала в русле новой парадигмы. Первым институтом единобожия стал иудаизм, но он был слишком сепаративным и ортодоксальным, и тогда из иудаизма выделились демократическое христианство, а позже ислам с идеологией послушания, которые и стали основой новой цивилизации.

Но с развитием НТП создавались новые средства производства. Эти религии, конфликтуя между собой, стали препятствовать укрупнению собственности-капитала и была сформирована “новая религия”

— *капитализм*, которая перешагнула через конфессиональные конфликты и всех объединила идеологией безграничного потребления — меркантилизма. Сформировались новые культурные ценности, в которых семья уже вообще не нужна, поскольку одиночное потребление выше семейного».

К.э.н., доцент Владимирского института бизнеса **Г.В. Фадейчева** отметила, что «при рассмотрении взаимосвязи современной культуры и антикультуры следует особо выделить проблему культуры производства и культуры труда. Среди современной экономической литературы достаточно большое внимание уделяется корпоративной культуре, ее особенностям и формированию, однако ставить знак равенства между корпоративной культурой и производственной культурой некорректно. Второе понятие значительно шире первого.

Производственная культура, а в более общем плане — культура труда — в разных экономических системах существенно отличается. В условиях гармонизации общественного развития культура труда должна, — на ее взгляд, — базироваться на понимании социальной ответственности индивида за результаты своего труда, в том числе и перед всем социумом.

С позиции философии хозяйства важен вопрос о том, что формирует та или иная культура производства и труда, какой тип самого человека, какой социум.

В настоящее время культура труда носит во многом формальный характер, а экономическое мышление как работников, так и организаторов отдельных производственных процессов носит так называемый «клиповый» характер». Г.В. Фадейчева привела пример из собственных наблюдений над тем, как напротив ее дома монтировали автобусную остановку: «Вначале положили кусок хорошего асфальта на вытоптаный за предыдущие годы (маршрут был пущен лет семь назад) газон, через неделю асфальт вскрыли в трех местах, чтобы установить опоры для остановки, через неделю вскрытые части асфальта кое-как залатали и установили современную конструкцию остановки с тремя фрагментами толстого оргстекла, на среднем фрагменте было предупреждение о штрафе в 40 тыс. р. за порчу остановок. Через два дня один из фрагментов оргстекла неизвестные граждане вдребезги разбили, а пару дней назад новую остановку (трех месяцев не простояла!) снесли, так как по плану развития города Владимира развернулись работы по строительству Лыбедской магистрали, и живописный овраг и сквер около политехнического колледжа стали выравнивать до одного уровня, а самосвалам с землей приходится ездить по тому месту, где ранее была остановка. Еще не так давно подобную ситуацию назвали бы бесхозяйственностью, то как ее назвать сейчас — в условиях ры-

ночной экономики? Интересно и то, что отдельные виды работ могут быть выполнены по современным производственным стандартам, а в организациях, которые их выполняли, разумеется, сформулированы миссии, цели и задачи, рабочие одеты в современную униформу, т. е. формальная корпоративная культура или ее элементы существуют, а культуры производства и труда с точки зрения философии хозяйства, нет.

Таким образом при изучении современной культуры и антикультуры следует: различать корпоративную культуру и культуру труда и производства; разграничивать культуру хозяйствования и экономическую культуру; выделить формальную культуру труда и производства; выявить роль современного образовательного пространства в формировании культуры и антикультуры (в том числе в сфере труда и производства); рассматривать проблему не только в экономическом плане, но и с позиции философии хозяйства».

В своем выступлении к.э.н., доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ **М.Ю. Павлов** отметил, что отечественная хозяйственная мысль развивается как альтернатива западной экономической мысли. «При этом нередко утверждается, что западная экономическая мысль, особенно ее основное течение (мейн-стрим) — экономикс — это строгая научная теория. Так ли это? На самом деле экономикс обладает многими принципами религии, а не науки. И его схоластичность становится все более явной. Академик РАН С.Ю. Глазьев критикует экономикс за его ненаучные составляющие. По мнению Глазьева, предпосылки, на которых основаны почти все модели экономикса, по своему характеру не научные, а чисто религиозные. Например, “невидимая рука рынка” — по своей сути непознаваемая и недоступная человеческому познанию, т. е. трансцендентная конструкция. Эдакая непостижимая для человеческого разума длань господня, которая вмешивается в экономику и все расставляет по своим местам, если люди ведут себя определенным образом.

Но главное даже не это, а другие предпосылки, в частности, что рыночный агент знает абсолютно все исходы любых вариантов распределения ресурсов, принятия любых решений о производстве, потреблении и т. д. Эта предпосылка превращает рыночного агента в всеведущего. И еще есть предпосылка всемогущества, когда рыночный агент может установить абсолютно любой уровень потребления или производства в допустимом диапазоне значений. Совершенно очевидно, что эти две предпосылки никогда не выполняются и не могут выполняться на практике.

На практике мир бизнеса тратит огромные средства, чтобы получить хоть какую-то информацию о рынке, о структуре производства,

потребления и т. д. А немногие “счастливики”, получившие доступ к решениям других экономических агентов, делают на этой информации огромные состояния. И почему-то эта информация обычно называется “инсайдерской”, а мир сотрясают огромные скандалы, когда становится известно об ее утечке.

Предпосылка всемогущества тоже вообще не работает на практике. Даже если в умозрительной модели, отличающийся от существующего, объем производства означает значительное повышение эффективности, далеко не факт, что менеджмент предприятия сможет выйти на такой объем. И если повысить объемы более или менее реально, то при снижении объемов возникают проблема увольнения работников, ликвидации части оборудования, пересмотра отношений с поставщиками и многое-многое другое, что нередко в принципе невозможно реализовать без серьезного удара по людям, заключенным контрактам, репутации бизнеса и т. д. и т. п.

И это не просто научные абстракции. К примеру, в физике тоже есть абстракции. Однако затем идеальные модели модифицируются так, чтобы учесть силы трения, силы инерции и прочие реалии мира. А экономикс “забывает” учесть аналоги той же силы инерции в своих моделях.

Более того, аксиоматика экономикса, да и почти все его модели применимы только к искусственным системам. Экономикс несовместим с живыми системами. Живые системы в принципе не могут выйти на нулевые уровни потребления и производства. Без некоторого минимального уровня потребления они перестанут быть живыми. И им необходим далеко не нулевой уровень потребления, чтобы нормально развиваться и достичь максимума своего потенциала.

Поэтому, на самом деле, сфера продуктивного применения экономикса крайне ограничена. Именно об этом пишут такие ведущие западные теоретики и практики, как К. Кристенсен, Р. Фостер и многие др. И именно поэтому так важно развивать отечественные учения о хозяйстве — такие, как философия хозяйства».

В заключение **Ю.М. Осипов** сказал: «Со времен Ренессанса начата программа пересотворения мира человеком. Он — человек — пересотворяет природу. Из человека природного он делает человека искусственного. Мы с вами уже в значительной степени искусственные. И искусственность эта не означает, что у нас рука там или нога искусственная, или голова механическая. Не в этом дело. Дело в качестве сознания. Ведь языки, философия... — вся мудрость, все возникло в Премодерне. Модерн это все “перелопатил”, а Постмодерн завершил: язык превращен в “птичий”, компьютерный, литература — это уже

псевдолитература, философия практически отсутствует... а религия... выполняет психотерапевтическую функцию.

Конечно, это турбулентный процесс. Но идет он по экспоненте. Еще в давних своих философско-хозяйственных работах я вывел формулу: от природы — к неприроде. Дальше явилась идея о пересотворении мира — ведь так (вспомним: “Нам нечего ждать милостей от природы”) — мы это хорошо уже наблюдаем, безо всяческих восторгов. Будущее — если оно будет — оценит это, возможно, как-то по-другому. Но у нас есть основания кое-что оценить уже сегодня. Сейчас человек пожинает плоды своей пересотворенческой деятельности. Кому-то это нравится, кому-то не очень, а кто-то уже в ужасе! Однако жизнь продолжается. И мы продолжаемся. Но лучше осознавать происходящее, чем не осознавать!».

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Этнонациональная проблема современности

Этносы, народы, нации: вчера, сегодня, завтра. Языки, культуры, история. Глобализация и нивелировка этнонационального фактора. Определение и самоопределение. Обострение этнонациональной ситуации в мире. Этнонациональное (и расовое) доминирование и ему сопротивление. Запад — Восток, Север — Юг. Европа: столкновение разнообразия с унификацией. Этнонациональная судьба Европы. Россия как мультиэтнонациональное ядро. Русский мир и его нынешний заявительный выход на историческую арену. Россия и соседи: взаимопонимание и мир, расхождения и коллизии. Украина как очаг этнонационального напряжения и кризиса. Пути-дороги в новый разноплеменный мир.

**17 марта 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ—2015

Круглый стол

на тему:

Россия в зазеркалье мировой экономики

Руководитель Ю.М. Осипов

Основной доклад: Ю.М. Осипов «Мир-война и экономическое поведение страны».

**26 марта 2015 г.,
МГУ (время и место будет сообщено дополнительно)**

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
на тему

***Международная хозяйственная кооперация
в евразийском строительстве:
практика межгосударственного дирижизма***

Никакой свободно определяющейся, или неуправляемой, экономики нет и быть не может. Рыночная экономика как экономика, управляемая рынком, — миф. Наличие рынка не означает, что экономика ему подчинена как объект управления. Рынок, сам управляемый, не более чем вспомогательное и коррекционное относительно дирижизма средство. Адекватнее говорить сегодня о сложной системе взаимопереходящих друг в друга процессов организации (не самоорганизации) и самоорганизации, в рамках которой есть место как планам, так и рынкам, а также управляемым и произвольным акциям, ходам и процессам. Дирижизм всегда есть и никуда уйти из экономики не может, включая и центральный дирижизм — государственный ли, корпоративный ли, национальный ли, международный ли. Россия — дирижистская страна, в которой власть важнее денег. Перестройка, революция 1990-х и стабилизация 2000-х — дирижистские феномены. Сегодня на повестке дня — антикризисный и «развитийный» национальный (государственно-корпоративный) неодирижизм, ориентированный на управление контекстом, потоками, процессами, зонами экономики и, как следствие, решениями и поведением свободных хозяйствующих субъектов, исповедующих неолиберализм — лояльный к неодирижизму. Иного России не дано! Но не дано и евразийским партнерам России!

**16 апреля 2015 г., в 15.00
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус
(пр. Вернадского)**

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
на тему:

Сознание как основа, сфера и фактор человеческого бытия

Человек это сознание, а где сознание — там человек. Сознание как дар и как бремя. Сознание и бессознание, разум и инстинкт. Ноосфера, или общественное сознание. Разнообразие сознания, его уровни традиции. Сознание в реализации бытия, жизни, хозяйства, культуры,

истории. Эволюция сознания: от примитивного к высокому. Возможность, если не факт, инволюции: от развитого сознания к простейшему. Что сегодня? Перемены в сознании и в человеке. Управление сознанием, его оснащение и переоснащение. Неосознание: миф или реальность, возможность или уже действительность? Традиция и сознание, новизна и сознание, резервы сознания и его пути. Тенденция к постчеловечеству.

Июнь 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

**X ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
Публичная дискуссия на тему:**

Нужна ли экономистам философия?

Ведущий: д.э.н., профессор Ю.М. Осипов

Большинство студентов-экономистов скорее всего ответит, что нужна, но задумаемся над тем: какая философия, для чего, с каким сроком и объемом преподавания, наконец — с какой возможностью и перспективой применения? Но можно поставить вопрос и иначе: можно ли быть серьезным экономистом-практиком без философской подготовки, как и экономистом-теоретиком, не погружающимся в философию? Достаточно ли экономисту математики, информации, моделирования, компьютерных технологий? Интересно все-таки — надо прийти!

Октябрь 2015 г.

* * *

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 25-летию Центра общественных наук
при МГУ имени М.В. Ломоносова**

***Российская философско-хозяйственная,
обществоведческая и экономическая мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы***

Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и

новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительно качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!

В рамках конференции уместно провести и празднование 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр и его ученый актив этого заслуживают!

Секции:

1. Философия хозяйства как развивающаяся область мысли.
2. Обществоведение и философская антропология сегодня.
3. Современная экономическая мысль: между политэкономией и экономиксом к новой интерпретации.

Торжественное заседание по случаю 25-летия Центра общественных наук: «Четверть века служения науке, Отечеству и миру».

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2015 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (lab.phil.ec@mail.ru) до 15 января 2016 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2015 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

2—4 декабря 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*bugayn43@mail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vi-korn1@rambler.ru*).

ГРИГОРОВА ЯНА ВИКТОРОВНА,

ассистент, кафедра философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (*filos.2014@mail.ru*).

ДОРЖИЕВА ЭРЖЕНА ЛХАМАЖАПОВНА,

старший преподаватель, кафедра экономической теории и финансов, Иркутский государственный технический университет (*Delham@yandex.ru*).

БЕРВЕНО ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА,

к.э.н., Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина) (*oksanaberveno@mail.ru*).

БРОНИЦКАЯ ВЛАДИСЛАВА ВЛАДИМИРОВНА,

к.э.н., Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (*bronitskaya_v@mail.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия. (*koptelova2210@rambler.ru*).

КОЗЛАЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

аспирант, философский факультет МГУ; адвокат, Московская областная коллегия адвокатов (*kozlachkov.a.a@gmail.com*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философской антропологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*vnpronchatov@yandex.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет МГУ (*argevorkyan@yandex.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент Российской академии естествознания, д.филол.н., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*ocean_65@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrostova@yandex.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*rodzinskiy66@mail.ru*).

РУДАКОВА ИСКРА ЕВСЕЕВНА,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*iskrrud@migmail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ГУДКОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*tat-gud@yandex.ru*).

АНДРЕЕВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

АНДРЕЕВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

член-корреспондент АФХ, к.э.н., доцент, докторант, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*alya_andreeva@mail.ru*).

БУРЯКОВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ,

аспирант, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*VBuriakov@mail*).

МАСЛОВ ГЛЕБ АНДРЕЕВИЧ,

студент магистратуры, экономический факультет МГУ (*glemiach@yandex.ru*).

ЗАРЕ ЗОХРЕ,

аспирант, Таджикский национальный университет (*eau_msu@rector.msu.ru*).

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий лабораторией, экономический факультет МГУ (*onaglo@mail.ru*).

ПАВЛОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., д.юр.н., доцент, заведующий кафедрой международного бизнеса, Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) (*pavel.pavlov20@gmail.com*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

ДЖЕМАЕВ ОЛЕГ ТАГИРОВИЧ,
аспирант, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*j.saves@mail.ru*).

СОМКО МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА,
аспирант, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (*mbkl@mail.ru*).

МИХАЙЛОВ ЮР. (пс-м).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,
член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*nira-ss@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*tssmsu@mail.ru*).

ТРУБИЦЫНА ТАМАРА ГЕННАДЬЕВНА,
научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*trubitsina@inbox.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,
академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.